

ВИКТОРЪ ГЮГО

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Томъ XI.

Книга 33

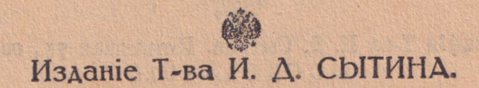
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВИКТОРА ГЮГО

ТОМЪ XI.

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ ПРОФЕССОРА А. И. КИРПИЧНИКОВА.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915

ТОРКВЕМАДА

Драма въ двухъ частяхъ. — Переводъ Н. А. Ѳедорова.

Часть первая.—ОТЪ МОНАХА КЪ ПАПѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Торквемада, монахъ.
Донъ Санчо Салинасъ.
Донна Роза д'Ортецъ.
Маркизъ де-Фуэнтель.
Король Фердинандъ.
Папа Александръ VI.
Францискъ де-Поль.
Епископъ Ургельскій.
Настоятель монастыря.
Гучо, шутъ.
Монахи, солдаты.

Дѣйствіе первое.—СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ.

Кладбище при латеранскомъ монастырѣ ордена отцовъ августиновъ, въ горахъ Каталоніи. Видъ запущеннаго сада. Мѣсяцъ—апрѣль на югѣ. Кресты и могилы въ цвѣтахъ. Въ глубинѣ сцены высокая, полуразрушенная стѣна окружаетъ монастырь; большая брешь раскolола ее донизу. Близь одного угла стѣны, на холмѣ, врытъ желѣзный крестъ, другой же крестъ, съ позолоченнымъ треугольникомъ стоитъ на высокомъ каменномъ постаментѣ, возвышаясь надъ кладбищемъ. Ближе къ авансценѣ, на ровномъ мѣстѣ, квадратное отверстіе склепа со ступенями внизъ, обложенное гладкими каменными плитами. Въ сторонѣ лежитъ отдѣльно каменная плита, которой закрываютъ входъ въ склепъ. При поднятіи занавѣса настоятель монастыря въ одеждѣ монаховъ ордена о.о. августиновъ, лысый, съ вѣнцомъ сѣдыхъ волосъ и съ бѣлой бородой, осматриваетъ стѣну и задумчиво проходитъ между могилъ. Въ глубинѣ сцены молча появляется старый монахъ, въ доминиканскомъ сѣромъ одѣяніи. Онъ идетъ медленно, останавливаясь и падая на колѣни передъ крестами. Молится. Уходитъ. Настоятель остается одинъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Настоятель, *потомъ* неизвѣстный.

Настоятель. Запущена обитель. Всюду хворостъ
Съ терновникомъ, повсюду разрушенье...
Подумаешь—что можетъ сдѣлать время—
Нашъ общій разрушитель! Для него

Не существуетъ ничего святого,

(Разсматриваетъ трещину въ стѣнѣ.)

Однако, тутъ не трещина, а цѣлый
Проломъ; черезъ него монахъ пройдетъ.
Должно-быть, и стѣна стоять устала,
Какъ наши монастырскіе уставы,
Въ которыхъ тоже много трещинъ есть.
Зеленая божественная вѣтвь
Въ рукахъ у насъ ужъ сохнуть начинаетъ
И папы облѣнилися совсѣмъ.
Теперь князья монастырями правятъ,
Они себя здѣсь чувствуютъ, какъ дома,
Не признавая нашего устава,
Ни монастырскихъ правилъ, ни порядковъ;
И мы должны гнуть передъ ними спины,
Чтобъ ихъ нечаянно не прогнѣвить
Никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ,
Что нѣтъ средь насъ предателей, злодѣевъ,
Измѣнниковъ, доносчиковъ, шпіоновъ...
Даютъ воспитывать намъ принцевъ и принцессъ,
А, можетъ-быть, они совсѣмъ не принцы,
А лишь ублюдки королевской крови—
Мы повинуемся и этому. Что дѣлать!

(Останавливается передъ склепомъ.)

Сегодня долженъ совершиться судъ
И осужденному готовится могила.

(Продолжаетъ разсматривать стѣну.)

Все ниже клонится стѣна, а съ ней и мы
Все ниже клонимся, во мракѣ исчезая,
И ощупью свой совершаемъ путь.

(У пролома въ стѣнѣ появляется неизвѣстный, въ плащѣ, съ надвинутой на глаза шляпой. Онъ остановился на грудѣ камней. Настоятель замѣчаетъ его.)

Настоятель. Уйди отсюда. Что тебѣ тутъ нужно?
Неизвѣстный. Нѣтъ, не уйду.
Настоятель. Уйди, я говорю.
Здѣсь кладбище.
Неизвѣстный. Такъ что же?
Настоятель. Отправляйся.
Здѣсь монастырь.
Неизвѣстный. Пусть будетъ монастырь.
Настоятель. Никто не ходитъ здѣсь; одни монахи
Проходятъ—днемъ, да ночью—привидѣнья
Блуждаютъ въ саванахъ. Кто ни войдетъ сюда,
Живымъ отсюда онъ ужъ не выходитъ.
Одинъ король здѣсь можетъ появляться.
Неизвѣстный. Да я король.
Настоятель *(съ усмѣшкой)*. Неужели король?
Неизвѣстный. По крайней мѣрѣ, всѣ такъ называютъ

Настоятель. Кто жъ можетъ доказать мнѣ это?
Неизвѣстный. Эй!
(Дѣлаетъ знакъ. У стѣны показывается вооруженная стража. Король указывая на настоятеля.)
Возьмите инока сего подъ стражу.
(Стража проникаетъ черезъ проломъ и окружаетъ настоятеля. Съ нею входитъ маркизъ де-Фуэнтель и Гучо. Маркизъ съ сѣдой бородой, въ богатой орденской одеждѣ ордена Алькантары. Гучо, карликъ, одѣтъ въ черное, въ колпакѣ съ погремушками; въ обѣихъ рукахъ держитъ куколки.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Король, маркизъ де-Фуэнтель, Гучо и королевская стража.

Настоятель *(падая на колѣни)*. Король, прости!
Король. Прощаю, но съ условьемъ.
Кто ты такой?
Настоятель. Я здѣшній настоятель.
Король. Ты долженъ будешь разсказать мнѣ все
Про вашу жизнь, про всѣ порядки ваши,
Но только помни—если что соврешь,—
Повѣшу; если жъ правду только скажешь,—
Помилую.
(Оставляетъ настоятеля среди солдатъ и подходитъ къ маркизу, ближе къ авансценѣ.)
Ну, а теперь, маркизъ,
Помолимся передъ началомъ дѣла.
(Сбрасываетъ плащъ на руки стоящему сзади слугѣ и остается въ простой алькантерской одеждѣ, съ толстыми четками за поясомъ. Нѣкоторое время молится по четкамъ и затѣмъ возвращается къ маркизу.)
Король. Осталась королева далеко
И я одинъ. Какое наслажденье
Быть одному! А сдѣлаться вдовцомъ
Пріятнѣе, пожалуй, будетъ вдвое.
Я веселъ и смѣюсь.
Гучо *(свернувшись на землѣ у склепа)*. Міръ зато плачетъ.
Король *(маркизу)*. Есть у меня особыя причины,
Чтобъ этотъ монастырь узнать поближе.
Сейчасъ о нихъ скажу тебѣ. Идемъ.
(Дѣлаетъ знакъ слѣдовать за нимъ къ склепу, близъ котораго лежитъ Гучо.)
Хочу спросить я твоего совѣта.
Гучо *(въ сторону)*. Совѣтуйтесь, друзья, о чемъ хотите,
А я свернусь пока и буду спать.
Маркизъ *(королю)*. Не нужно ль будетъ Гучо удалить?
Король. Онъ ничего понять не можетъ. *(Къ Гучо.)* Спи.
(Гучо свертывается совсѣмъ. Король приближается къ маркизу.)
Люблю, маркизъ, признаться, женщинъ я;

Да ты и самъ не малый былъ развратникъ
Въ дни юности горячей, а теперь,
Подъ старость сдѣлался ханжой усерднымъ.
Мнѣ это тоже нравится;—лишь вѣра
Очистить можетъ душу человѣка,
Она одна смываетъ нашу грязь. *(Крестится.)*
Тебя большимъ считали интриганомъ,
Красавицы всѣ бредили тобою,
Ты, говорятъ, красивымъ былъ пажемъ.
Весьма возможно это, хоть и страннымъ
Покажется такое превращенье—
Цвѣтущій юноша и дряхлый старецъ...
Смѣшно сказать, но все же можетъ статься—
Сначала радостное, солнечное утро,
А подъ конецъ дождливый, мерзкій день.
Тутъ цѣлую исторію я слышалъ
Про одного пажа. Скажи, тебя
Горвоной никогда не называли?

Маркизъ. Зачѣмъ же?

Король. Такъ, чтобъ лучше можно было
Любовную скрыть связь съ одной принцессой.

Маркизъ. Нѣтъ, никогда.

Король. Мнѣ цѣлыя легенды
О королѣ какомъ-то говорили,
Который захотѣлъ тебя назначить
Наслѣдникомъ престола своего,
Но только вотъ народъ не согласился.
Все это, можетъ-быть, одна лишь сказка.

Маркизъ Вы графскій титулъ дали мнѣ, король,
И вотъ враги за то вредятъ мнѣ всюду.

Король. По своему они, пожалуй, правы,
Но только я не вѣрю всякимъ сплетнямъ,
Пока не буду самъ увѣренъ въ томъ.
Король я, и мой санъ повелѣваетъ
Быть выше всѣхъ интригъ и всякой лести.
Но низкое твое происхожденье
И вся твоя карьера, начиная
Съ придворнаго шута, или лакея,
Твой умъ, твоя пронырливость и хитрость
Не разъ еще мнѣ могутъ пригодиться
Я думаю, что ты и самъ не знаешь—
Кто былъ твоимъ отцомъ. Дивиться нужно,
Какъ хорошо себя ты воспиталъ.
Тебя я сдѣлалъ грандомъ и маркизомъ,
Далъ графскій титулъ и, повѣрь, все это
Получено тобою по заслугамъ.
Ты дѣйствуешь и хитростью и силой,
Умѣешь быть въ одно и то же время
Надменнымъ, льстивымъ, хитрымъ, простодушнымъ

И, цѣлый вѣкъ привыкнувъ унижаться,
Житейскихъ бурь ты также не боишься.
Подчасъ рискнуть ты можешь головой,
Не прочь и шпагу взять подъ старость въ руку,
На всякое готовъ наставить зло,
Но самъ вреда не дѣлаешь, какъ будто.
На все способенъ доброе и злое—
Способенъ даже полюбить, пожалуй...
Изъ царскаго лакея сталъ бандитомъ,
А изъ бандита царедворцемъ сталъ.
И, часто, наблюдая за тобою,
Я думаю, что предо мной—змѣя,
Которая привыкла извиваться...
Ты всѣ дѣла свои творишь безъ шума
И лишь потомъ становится понятнымъ,
Какъ это ты заранѣе все взвѣсилъ.

Маркизъ. Король, у васъ есть Тахо, Гвадалквивиръ
И Эбро; вамъ осталося къ Кастильѣ
Прибавить лишь Неаполь и тогда
Король французскій вамъ не будетъ страшенъ.
Вся Африка боится васъ, король,
И ваша тѣнь касается Алжира.
Хотя застали церковь нашу вы
Въ періодѣ глубокаго броженья,
Но въ ней расколъ сумѣли вы пресѣчь.
Благодаря лишь строгости, самъ папа
Склонился передъ вами и трепещетъ,
И звонъ его колоколовъ церковныхъ
Давно затихъ передъ набатомъ вашимъ.
Вы, несмотря на молодые годы,
Здѣсь правите, какъ старецъ, умудренный
Житейскимъ опытомъ. О, государь,
Я чувствую—слова мои безсильны
Вамъ высказать мое все восхищенье...
Какимъ ничтожествомъ предъ вами я кажусь!
Я всей душой вамъ преданъ.

Король. Все ты лжешь.
О преданности помолчи немного!
Я слишкомъ знаю хорошо тебя,
Чтобы твоей повѣрить грубой лести.
Такихъ, какъ ты, я презираю слугъ.
Меня ты точно такъ же ненавидишь...
(Маркизъ хочетъ возразить. Король перебиваетъ его.)
Прошу тебя, не трать напрасно словъ—
Бездонная насъ раздѣляетъ пропасть
И никогда не скрыть намъ той вражды,
Которая въ сердцахъ таится нашихъ.
Надъ преданностью я твоей смѣюсь,
Предатель старый. Вся она продлится

До той поры, пока тебѣ возможно
Брать золото изъ моего кармана.
Сближаетъ насъ твоя корысть одна.
Давай же сбросимъ маски—ты свою,
А я—свою. Такъ много лучше будетъ.
По крайней мѣрѣ, хорошо ужъ то,
Что я съ подобными плутами откровененъ,
И если мнѣ никто не смѣетъ правды
Сказать въ глаза, то самъ я говорю
Ее себѣ безъ всякаго стѣсненья.
Да ты и самъ, навѣрно, сознаешь,
Что какъ король, я былъ всегда правдивымъ
И, какъ холопъ, ты былъ всегда лжецомъ.
Теперь приступимъ къ дѣлу.

Маркизъ. Государь!..

Король. О, Боже мой, какія это цѣпи—
Быть королемъ, оставшись человѣкомъ!
Быть молодымъ, веселымъ, пылкимъ, страстнымъ,
Горѣть желаньемъ взять и осквернить
Что попадется—женщину и дѣву,
Не обращать вниманія на сердце
И въ то же время слышать вѣчно голосъ:
«Король быть долженъ призракомъ всегда».
Но развѣ я король? Ничтожество—мнѣ имя.
Лишь для того, чтобы соединить
Въ единое два разныхъ королевства,
Судьба сердца соединила наши,
Связавши ихъ узломъ. Я рабъ своей жены
И каторжникъ ея ночей безсонныхъ.
Отъ одного ея прикосновенья
Вся кровь моя охладѣваетъ въ жилахъ;
Какъ будто предъ собой не человѣка,
А страшное чудовище я вижу.
Что общаго межъ нами? Ничего.
Молчитъ она и я молчу. Ни смѣха,
Ни радости, ни словъ: два изваянья,
Которыя стоятъ надъ Аррагономъ,
Кастиліей, Бургосомъ и Леономъ
На неприступной, горной высотѣ
Народъ боится насъ и обожаетъ,
Но знаю—Богъ давно ужъ проклялъ насъ.
Я не увѣренъ въ томъ—жива ли королева—
Она, какъ трупъ, который ждетъ могилы.
Когда мы держимъ королевскій скипетръ,
Мнѣ кажется, что Богъ соединилъ
Съ рукою муміи скелета руку...
Но, нѣтъ я жить хочу! Не призракъ я! Порой,
Сорвавши мантію, топчу ее ногами,
Бросаю царскій тронъ и, вырвавшись изъ плѣна,

Бѣгу и веселюся какъ драконъ,
Разбуженный взошедшимъ яркимъ солнцемъ.
Нѣтъ больше рабства! Я уже не плѣнникъ!
Какъ дикій звѣрь, тогда я становлюсь,
Бросаюся въ міръ оргій и разврата...
А между тѣмъ, желанія растутъ
И утолить меня ничто не можетъ.
Какъ буря, какъ циклонъ, я проношусь,
Все сокрушая на своемъ пути.
Похожъ на демона тогда бываю,
Что принялъ внѣшній обликъ человѣка,
И мститъ за то, что привидѣньемъ былъ. *(Задумчиво.)*
Нѣтъ, призракомъ я болѣе не буду. *(Маркизу.)*
О, если бъ могъ ты въ душу мнѣ проникнуть,
То понялъ бы, что дѣлается въ ней
Какая радость мной овладѣваетъ,
Когда бушую я, какъ ураганъ,
И въ страхѣ всѣ передо мной трепещутъ.

(Беретъ четки и отходитъ въ сторону.)

А инока я послѣ допрошу.

(Начинаетъ перебирать четки.)

Гучо *(въ сторону)*. Какой притворщикъ страшный—нашъ король!
Жестокій, хитрый, подлый, двоедушный,
Не вѣрующій ни во что святое.
Какой хаосъ въ душѣ его творится!
То все священство наше оскорбляетъ,
То вдругъ его боится и трепещетъ...
Одно названье онъ себѣ заслужитъ:
Король-безбожникъ.

Король *(прячетъ четки за поясъ и дѣлаетъ знакъ настоятелю подойти)*.

Подойди поближе.

(Настоятель приближается съ опущенными глазами, сложивши на груди руки).

Ты должное возмездіе получишь,
Когда не скажешь полной правды намъ.

(Настоятель кланяется. Время отъ времени въ глубинѣ сцены проходитъ старый монахъ въ доминиканскомъ одѣяніи, съ опущенной головой, не обращая ни на кого вниманія, кланяясь передъ могильными крестами и шепча молитвы. Король замѣтилъ монаха и указываетъ на него настоятелю.)

Король *(настоятелю)*. Скажи—что это за монахъ проходитъ
Съ такимъ лицомъ суровымъ и угрюмымъ?
Не такъ одѣтъ, какъ ты и всѣ монахи;
Предъ каждою могилой и крестомъ
Творитъ молитву, павши на колѣни..

Настоятель. Безумный онъ.

Король. Безумный? Какъ онъ блѣденъ.

Настоятель. Постится часто, по ночамъ не спитъ,
Себя молитвой долгой изнуряетъ
И самъ съ собою громко говоритъ.
Здѣсь онъ у насъ живетъ на испытаньи.
Въ нашъ монастырь со всѣхъ сторонъ ссылаютъ
Для вразумленья непокорныхъ разныхъ
Монаховъ, иноковъ, еретиковъ.
Король. На чемъ же помѣшался этотъ инокъ?
Настоятель. Мечтаетъ все при помощи огня
Здѣсь, на землѣ, создать всѣ пытки ада,
Чтобъ души грѣшниковъ сіяли ярче дня;
Тогда, онъ думаетъ,—ихъ жечь въ аду не надо.
Король. Онъ старъ?
Настоятель. Да, кажется, не долго проживетъ.
(Монахъ проходитъ, не замѣчая никого.)
Король. Смотри—опять онъ къ намъ сюда идетъ.
Гучо *(смотритъ на свои куколки)*.
Зло съ добромъ на этомъ свѣтѣ,
Какъ и куколки двѣ эти,
Неразлучны никогда.
И со мной онѣ всегда.
Я люблю ихъ обѣ равно,
Съ ними мнѣ всегда забавно.
Все на свѣтѣ этомъ чушь.
(Смотритъ на сухіе листья на могилѣ.)
Изъ цвѣтовъ бываетъ сушь.
Король *(настоятелю)*.
Я часто думаю—какъ стали падать нравы
Въ монастыряхъ всѣхъ нашихъ.
Настоятель. Государь!..
Король. Частенько женщины здѣсь стали появляться.
Настоятель. Въ сосѣдствѣ съ нами монастырь урсулокъ.
Мы ихъ пасемъ.
Король. Да, да, я понимаю.
Козлы вы, стерегущіе овецъ.
Гучо *(въ сторону)*. Весьма пріятное занятье,
Когда сестеръ спасаютъ братья,
Вполнѣ законный путь избравъ,
И сами, въ прегрѣшенье впавъ,
Ихъ по отечески прощаютъ,
Съ нихъ цѣломудріе снимаютъ,
Потомъ невинность вновь даютъ.
Святыхъ не мало тайнъ есть тутъ.
Настоятель *(королю)*. Какъ Левія сыны и дочери Сіона...
Король. Вы добрую составили семью.
Но я жестоко накажу васъ. Всѣ вы
Отвѣтите, прощенія не ждите.
Римъ будетъ знать объ этомъ.
Настоятель. Государь!..

Гучо *(въ сторону)*. Когда веселый Купидонъ
Въ обитель постучится,
Не будетъ папа возмущенъ
И тотчасъ же смягчится.
Онъ самъ имѣетъ двухъ дѣтей
Отъ дѣвушки—красотки:
Не избѣжалъ любви сѣтей
Нанизывая четки.
Король *(настоятелю)*. Римъ наказать развратниковъ готовъ —
И, кажется, уже настало время.
(Пристально смотритъ въ глаза настоятелю).
Какъ я узналъ, епископъ здѣсь Ургельскій.
Онъ прибылъ къ вамъ произвести дознанье
И полными правами облеченъ.
Настоятель *(кланяясь)*.
Онъ присланъ разъяснить священное писанье
Тѣмъ, кто его иначе понимаетъ;
Лишь потому онъ здѣсь и проживаетъ.
Маркизъ *(тихо королю)*. Однако не ошиблись вы, король.
Король *(маркизу)*. Привыкъ я наблюдать.
(Смотритъ на склепъ и затѣмъ указываетъ настоятелю).
А это что?
Настоятель. Могила, государь.
Король. Могила? Для кого же?
Настоятель. Извѣстно только Богу одному,
Кто въ ней найдетъ свое успокоенье.
Король. Отвѣть мнѣ—для кого могила эта?
(Настоятель молчитъ.)
Дождусь ли я?
Настоятель. Не знаю—для кого. *(Помолчавъ.)*
Быть-можетъ, для меня, а можетъ и для васъ.
Маркизъ *(на ухо королю)*.
Когда въ монастырѣ, среди монаховъ,
Какой-нибудь ослушникъ заведется,
Который, правила нарушивъ и уставъ,
Покаяться въ своихъ грѣхахъ не хочетъ,
Съ нимъ поскорѣй стараются покончить.
Король *(тихо)*. Хорошій способъ убивать.
Маркизъ. Ничуть.
Святая церковь избѣгаетъ крови—
Его живымъ закапываютъ въ землю.
Король. Теперь я понимаю.
Маркизъ. Мѣсто здѣсь
Глухое; хоть кричите—не услышатъ,
Сопротивляйтесь—все равно для васъ.
(Указываетъ на ступени внутрь склепа.)
Толкнутъ его и, падая все ниже,
Съ одной ступеньки узкой на другую,
Онъ скоро дна достигнетъ и тогда

Накладываютъ на могилу камень.
И ночь надъ нимъ спустилась навсегда.
Король. И живъ и мертвъ. Да, это очень просто.
Маркизъ. Пусть умираетъ, если хочетъ; церковь
Святая крови проливать не можетъ.
Король *(громко, всматриваясь въ глубину сада)*.
Хотя монахъ и говоритъ, что женщинъ...
Настоятель. Здѣсь не бываетъ никогда...
Король. Но все же
Одну изъ нихъ я вижу, старый плутъ.
А вмѣстѣ съ ней и юноша какой-то.
Настоятель. Король, принцесса это.
Король. Ну, а онъ?
Настоятель. Онъ принцъ, король.
Король *(тихо маркизу)*. Да, кстати я пришелъ.
Настоятель. Мы всѣ подвластны кардиналу д'Ортецъ
И по его лишь только приказанью
Принцъ и принцесса пребываютъ здѣсь.
Король. Но и мои вы подданные также.
Настоятель. Не разрѣшатъ ли намъ именовать
Высочествами принца и принцессу?
Король. Обоихъ даже, и самца, и самку?
Маркизъ *(тихо королю)*. Д'Ортецъ, владѣтель Дакса и Кагора,
Въ монастырѣ считается аббатомъ.
Король *(смѣясь)*. Во Франціи—герой, въ Испаніи—прелатъ,—
Мнѣ нравится такое совмѣщенье!
Маркизъ *(указывая на гуляющихъ за сценой принца и принцессу)*.
Какъ знать? Быть-можетъ, этотъ принцъ прекрасный
Найдетъ въ принцессѣ вѣрную подругу,
И тьма ночная пылкія сердца
Соединить поможетъ воедино,
Для цѣлей, можетъ-быть, весьма высокихъ...
Король. Высокихъ? Нѣтъ, вѣдь цѣль его ясна—
Онъ женится на ней. *(Къ настоятелю)*. Она давно здѣсь?
Настоятель. Отъ дѣтскихъ лѣтъ находятся здѣсь оба.
Король *(маркизу)*. И оба выросли въ монастырѣ угрюмомъ!
(Къ настоятелю.)
Какъ ихъ зовутъ?
Настоятель. Инфанту—Роза д'Ортецъ,
Инфанта жъ—Санчо де-Салинасъ.
(Маркизъ смотритъ въ ту сторону, гдѣ король замѣтилъ принца и принцессу.)
Король *(задумчиво)*. Они наслѣдовать по праву могутъ
Она—Ортецъ, а онъ—Бургосъ.
Настоятель. Возможно—
Всѣ области къ нимъ отойдутъ до Тахо.
Маркизъ *(въ сторону)*.
Санчо Салинасъ! Бургосъ! Какъ же такъ?

Король. Да, это все подстроено недурно.
Санчо Салинасъ родственникъ мой близкій,
А мнѣ казалось, что ужъ родъ пресѣкся.
Но, продолжай.
Настоятель. Здѣсь принца тайно держатъ.
При немъ племянница находится виконта
Для воспитанія его.
Маркизъ *(въ сторону)*. Однако,
Я думалъ, что на свѣтѣ ихъ ужъ нѣтъ.
Король *(маркизу)*. Да, монастырь глухой не даромъ избранъ.
Настоятель. Инфантъ съ инфантою помолвлены давно
И скоро будутъ мужемъ и женою.
Отъ корня одного они свой родъ ведутъ.
Одинъ ихъ предокъ былъ святой; мы часто
Его въ своихъ молитвахъ призываемъ.
А сынъ того святого Лу-Сентулъ
Былъ герцогомъ гасконскимъ, а Сентулу
Лука наслѣдовалъ—король бигорскій,
Потомъ Хуанъ, король барегскій, послѣ
За этими двумя Гастонъ былъ Пятый.
Король. Довольно. Сократи перечисленье.
Настоятель. Нашъ кардиналъ-виконтъ д'Ортецъ желаетъ,
Чтобъ ихъ никто не зналъ въ монастырѣ.
Король *(указывая маркизу на принца)*
Да онъ красавецъ. Посмотри.
(Маркизъ испуганно смотритъ въ сторону, куда указываетъ король.)
Настоятель *(смотритъ туда же)*. Донъ Санчо
Имѣетъ стражу въ пятьдесятъ гидальговъ,
Которая назначена аббату.
Почетное онъ занимаетъ мѣсто,
Когда приходитъ въ церковь, но всегда
Мнѣ кажется, что съ тайной роковою
Родился онъ. Никто въ монастырѣ
Не знаетъ о его происхожденьи,
Что онъ инфантъ, наслѣдникъ; только мнѣ
Извѣстно это. Также донья Роза
Не знаетъ, что принцессой родилась.
Король. Придетъ ли мнѣ на умъ, какъ королю,
На нихъ сердиться за такую шутку?
(Обращаясь къ настоятелю, хотя попрежнему смотритъ въ сторону.)
Они, какъ вы, въ монашеской одеждѣ?
Настоятель. Мы посвятили съ дѣтства ихъ, иначе
Нельзя бъ имъ было жить въ монастырѣ,
Они обѣтъ свой дали послушанья.
Король. Донъ Санчо—совершенно, какъ монахъ,
Она глядитъ монахинею тоже.

Настоятель. Но скоро ужъ имъ выйдетъ разрѣшенье,
И бракомъ сочетаются они.
Король *(маркизу)*. Какъ волкъ, войду въ овчарню эту я,
И все, что мнѣ мѣшаетъ, уничтожу.
Нѣтъ, кардиналъ д'Ортецъ, повремени
Устраивать меня, повремени!..
Ахъ, старый дьяволъ, и пришла же мысль
Двухъ этихъ ангеловъ растить мнѣ на зло.
Но, нѣтъ, ударъ, который на меня
Направилъ ты, я на тебя направлю.
Любите нѣжно, дѣти, вы другъ друга,
Пусть Санчо женится на доннѣ Розѣ
И этотъ бракъ въ моихъ расчетахъ даже.
За моего двоюроднаго брата
Племянницу свою ты хочешь выдать,
Чтобъ у меня отнять Бургосъ? Ну, что же?
Пусть будетъ такъ, какъ хочешь ты. Права
Имѣемъ одинаковыя мы.
Я жаденъ такъ же, какъ и ты, виконтъ,
И чрезъ Ортецъ возьму твою Наварру.
Пусть совершится только этотъ бракъ.
Сегодня свадьба, завтра нападенье...
(Смотритъ въ сторону.)
Какъ хороша инфанта донья Роза! *(Задумчиво.)*
Чтобъ можно было царствовать спокойно,
Приходится прикидываться спящимъ,
И вотъ, когда съ кинжаломъ вашъ противникъ
Подкрадется, чтобъ нанести ударъ,
Толкнувъ его, ударъ вы отвратите
И вашъ убійца будетъ вамъ слугою.
(Смотритъ въ сторону.)
Что говорятъ они? Хотѣлъ бы знать.
(Направляется въ глубину сцены, исчезая за деревьями.)
Гучо *(въ сторону, вслѣдъ уходящему королю)*.
Шпіонъ...
(Какъ только ушелъ король, маркизъ дѣлаетъ настоятелю знакъ приблизиться къ нему.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, *кромѣ* короля. *Маркизъ и настоятель въ сторонѣ, на аванъ-сценѣ.*

Маркизъ. Отецъ, не все сказалъ ты королю.
Настоятель. *Все* Богъ одинъ лишь отъ меня узнаетъ.
Я—духовникъ.
Маркизъ. Но церковь разрѣшаетъ
Въ дѣлахъ важнѣйшихъ тайны открывать.
Ты должное получишь по заслугамъ,

Коль что-нибудь замыслишь утаить.
Король—моя рука. Скажи мнѣ все.

Настоятель. Клянитесь тайну сохранить.

Маркизъ. Клянусь.
Мы лучше сдѣлаемъ: я для твоей мадонны
Дамъ золотой на голову вѣнецъ
И шесть серебряныхъ подсвѣчниковъ.

Настоятель. Согласенъ.
Вы все узнаете. *(Понижая голосъ.)*
Въ тѣ времена, когда
Мы были молодыми, донья Санча,
Женою ставши короля Бургоса,
Родила сына, прижитаго ею
Отъ пажа королевскаго—Горвоны.
Король въ восторгѣ былъ и, мня себя отцомъ,
Свой тронъ оставилъ прижитому сыну,
Но тотъ, женившись, царствовалъ недолго
И вскорѣ умеръ; послѣ же него
Остался сынъ донъ Санчо; всѣ его
Считали мертвымъ, а на самомъ дѣлѣ
Онъ былъ похищенъ кардиналомъ д'Ортецъ
И тайно жилъ въ предмѣстіи Беарна.
Вотъ вамъ и все.

Маркизъ *(въ сторону, пока настоятель шепчетъ молитвы).*
Мое дитя, мой внукъ!
Не знаю я—что сдѣлалось со мною;
Какъ радостно мое забилось сердце!
Не думалъ я, что есть оно во мнѣ.
Какое счастье быть отцомъ и дѣдомъ!
Дитя, какъ солнце, ты своимъ лучомъ
Холодную мою согрѣло душу.
Я ненавидѣлъ всѣхъ и всѣхъ я презиралъ
И совѣсть рыскала повсюду, какъ волчица.
Казалось, въ жизни потерялъ я все.
Придворный льстецъ, преступникъ закоснѣлый,
Руководитель короля—злодѣя,
Теперь я смѣю голову поднять
И, видя лилію отъ моего навоза,
Могу сказать—вѣдь это ты,—мой внукъ!
Одни съ тобою мы на этомъ свѣтѣ,
Глубокая насъ бездна окружаетъ
И кознямъ въ ней не вижу я конца.
(Задумчиво.)
День — для него, а мнѣ осталась ночь.
Однако, долженъ я всегда быть остороженъ,
Узнается отецъ—погибнетъ и дитя.
(Подходитъ къ настоятелю.)

Настоятель *(тихо)*. Вы обѣщали сохранить все въ тайнѣ.

Маркизъ. Не безпокойся; будь увѣренъ въ томъ,
Когда же Санчо выйдетъ на свободу?
Настоятель. Какъ только женится на доньѣ Розѣ,
Его виконтъ-аббатъ объявитъ графомъ,
Наслѣднымъ принцемъ, королемъ, быть-можетъ.
(Оглядывается назадъ и видитъ короля.)
Король...
Маркизъ *(въ сторону).*
Старикъ, подальше сердце спрячь.
Чувствительности тутъ совсѣмъ не мѣсто.
Настоятель. Прошу защиты вашей, господинъ.
Маркизъ *(въ сторону).* Надѣну снова маску подлеца
И простодушною прикроюся улыбкой.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и король.

Король *(въ сторону).*
Забавно иногда подслушать дѣтскій лепетъ.
Маркизъ. На чемъ, король, рѣшили вы?
Король. На счастьи.
Хочу ихъ сочетать законнымъ бракомъ.
Маркизъ. Глубокая политика, король!
Король. Испанія слабѣетъ съ каждымъ днемъ
И этотъ бракъ мои дѣла устроитъ.
Хочу помочь виконту я д'Ортецъ
Его желаніе скорѣй исполнить.
Маркизъ *(въ сторону).*
О, сердце старое, не разорвись отъ счастья!
Мой Санчо, знаю, будетъ королемъ.
(По знаку короля, стража и свита уходитъ черезъ брешь стѣны. Настоятель приближается со сложеннными на груди руками.)
Король *(настоятелю).* Ты никогда меня не видѣлъ раньше?
Настоятель. Гдѣ можетъ видѣть, государь, васъ бѣдный
Простой монахъ?
Король. Вашъ монастырь отнынѣ
Беру подъ личное свое я наблюденье.
Настоятель *(кланяясь).*
Вы, государь, въ немъ встрѣтите всегда
Одно повиновенье. *(Въ сторону.)* Будь ты проклятъ!
Король. Но помни, что не долженъ знать епископъ
Ургельскій ничего про разговоръ нашъ.
(Донъ Санчо и донья Роза показываются въ глубинѣ сцены, не замѣчая никого. Король указываетъ на нихъ маркизу и направляется къ стѣнѣ.)
Король *(маркизу).* Иди скорѣй. *(Настоятелю.)*
Молчи, коль хочешь жить.
(Король уходитъ черезъ проломъ. Гучо слѣдуетъ за нимъ.)

Маркизъ *(смотритъ на Санчо).*
Какъ онъ прекрасенъ! Милый мальчикъ мой!
(Уходитъ вслѣдъ за королемъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Донъ Санчо, донья Роза, *одѣтые послушниками. Онъ въ бѣломъ клобукѣ, она подъ бѣлымъ покрываломъ. Бѣгаютъ, играя въ саду. Ей 16, ему 17 лѣтъ. Роза старается поймать мотылька. Санчо срываетъ цвѣты для букета, который держитъ въ рукахъ.*

Донья Роза. Смотри, какъ много бабочекъ летаетъ!
Бѣги ко мнѣ!
Донъ Санчо *(срывая розу).* Тебѣ я розы рву.
Донья Роза. Опять летитъ. Садится. Сѣла, сѣла
На тростникѣ высокомъ. Слушай, Санчо,
Давай подѣлимся: ты собирай цвѣты,
А я всѣхъ бабочекъ переловлю. Согласенъ?
(Смотритъ на цвѣты, которые держитъ Санчо и снова бѣгаетъ за мотыльками; они выпархиваютъ, она сердится.)
Какія глупыя! Я бѣгаю за ними,
Они же отъ меня летятъ во всѣ концы.
Донъ Санчо. Не трогай ихъ, а то вся пыль сотрется.
(Смотритъ мечтательно на мотыльковъ.)
Мнѣ кажется, что вижу я вокругъ
Не бабочекъ совсѣмъ, а поцѣлуи,
Которые повсюду ищутъ губокъ.
Донья Роза. И ихъ въ цвѣтахъ находятъ.
Донъ Санчо. Слушай, Роза
Ты тоже вѣдь цвѣтокъ.
(Схватываетъ ее и обнимаетъ. Она отбивается. Онъ цѣлуетъ ее.)
Донья Роза. Отстань. Пусти меня.
Донъ Санчо. Однако, намъ придется жъ цѣловаться,
Когда мы будемъ мужемъ и женой
(Донья Роза слѣдитъ глазами за мотылькомъ и подкрадывается къ нему. Онъ садится на цвѣтокъ).
Донья Роза. Присѣлъ опять, давай его поймаемъ!
Иди скорѣе!
Донъ Санчо. Подходи тихонько.
(Донъ Санчо подходитъ къ цвѣтку съ противоположной стороны. Губы его встрѣчаются съ губами доньи Розы. Мотылекъ улетаетъ.)
Донья Роза. Какой ты глупый! Даже не умѣешь
И мотылька поймать.
Донъ Санчо. Но поцѣлуй поймалъ.
Донья Роза *(смотритъ на мотыльковъ).*
Зачѣмъ они такъ высоко летаютъ?
(Донъ Санчо подходитъ къ ней сзади и цѣлуетъ ее. Она его отстраняетъ.)

Пусти меня и никогда не смѣй,
Пока не женишься, со мною цѣловаться.

Донъ Санчо. Тогда я попрошу тебя вернуть
Обратно мнѣ мои всѣ поцѣлуи.

Донья Роза *(улыбаясь)*. Да, какъ же, дожидайся.

Донъ Санчо. Но...

(Садятся на могилѣ и цѣлуются. Она склоняетъ голову ему на плечо. Оба мечтательно смотрятъ кругомъ.)

Донъ Санчо. Какъ хорошо все создано въ природѣ:
Зимою сумрачный, едва замѣтный день
И длинныя томительныя ночи,
Все замерло, исчезло все куда-то..
Но чуть лишь время близится къ веснѣ,
Какъ вся природа оживаетъ снова
И день растетъ и первые цвѣты
Являются съ травою изъ-подъ снѣга
Земля спѣшитъ свой зимній саванъ снять
И, бабочекъ осыпавъ бѣлымъ снѣгомъ,
Ихъ къ небесамъ далекимъ посылаетъ.
Какъ въ праздникъ, радостью наполненъ цѣлый міръ;
Печали нѣтъ и все восторгомъ дышитъ
И Богъ, открывши юныя сердца,
Ихъ наполняетъ счастьемъ и любовью.

Донья Роза. Поэтому и я люблю тебя

Донъ Санчо *(изумленно)*. Ты любишь?!

(Обнимаетъ ее. Въ это время пролетаетъ мотылекъ. Донья Роза вырывается изъ объятій и бѣжитъ за мотылькомъ.)

Донья Роза. Посмотри, красивая какая
Летаетъ бабочка! Поймай ее, поймай.

(Бабочка садится на кустъ. Роза протягиваетъ руку, чтобы схватить ее.)

Тихонько, не спугни! Ну, вотъ, вспорхнула снова!
Какъ только имъ не надоѣстъ летать!
Садится! Нѣтъ! Однако, это скучно!

Донъ Санчо
Ты съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ со мною неразлучна
Моя жена, мой другъ.

(Мотылекъ садится на шиповникъ. Донья Роза хочетъ схватить его и быстро отдергиваетъ руку.)

Донья Роза. Ай! Укололась. Кровь.

(Монахъ въ доминиканскомъ одѣяніи появляется изъ-за деревьевъ, между могилъ. Онъ не видитъ ихъ, но донья Роза замѣчаетъ его.)

Донья Роза. Смотри, опять идетъ монахъ тотъ страшный..
Уйдемъ скорѣе, я его боюсь.

(Оба уходятъ. Монахъ медленно приближается, не замѣчая никого. День клонится къ вечеру.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Монахъ *(одинъ)*. Здѣсь грѣшный міръ, самъ папа и король,
Епископы, еретики, вандалы
Живутъ во тьмѣ, одно лишь зло творя,
Крестъ осквернивъ святой, Христа не признавая,
А подъ землей насъ ожидаетъ адъ
И пытки вѣчныя съ огнемъ неугасимымъ.
Здѣсь человѣкъ живетъ, родится, ѣстъ и спитъ,
А тамъ на вѣчныя онъ осужденъ мученья:
Какое страшное предназначенье—
Смѣяться часъ и плакать безъ конца!
Ужасенъ адъ. Повсюду вопли, стоны,
Спасенья нѣтъ. Въ огнѣ и сынъ, и мать.
Въ дыму лицо съ глазами исчезаетъ...
Кто только жилъ, грѣшилъ и ошибался,
Онъ тамъ уже, и адъ ему открытъ.
Намъ тайны ада могутъ объяснить
Везувій, Этна, Гекла и Стромболи,
Когда они къ далекимъ небесамъ
Изъ адскихъ нѣдръ выбрасываютъ пламя.
Но что же тамъ творится въ глубинѣ,
Гдѣ пламя страшное бушуетъ и клокочетъ,
Гдѣ грѣшники въ смолѣ расплавленной кипятъ
И гдѣ надъ ними сатана хохочетъ?
Тамъ только два услышать можно слова—
«Прощенья никогда!» О, Боже, Боже!
Кто сжалится надъ бѣднымъ человѣкомъ?
—Я, только я, могу его спасти.
Апостолъ Павелъ указалъ мнѣ это.
Огонь костра потушитъ пламень ада.
Сжигая тѣло, я очищу душу
И станетъ вдругъ безгрѣшною она.
Какой отецъ, какая мать, увидя
Свое дитя между костромъ и адомъ,
Поколебались бы огню его предать
И тѣмъ избавить отъ мученій вѣчныхъ?
Вотъ смыслъ гдѣ словъ апостола таится:
«Гоморра вѣчная, Сіонъ и искупленье».
Нѣтъ осужденныхъ больше на землѣ...
Священный факелъ всѣхъ благословляетъ.
Скорѣй, скорѣй! Пора. Не терпитъ время.
Весь міръ погибнуть долженъ отъ грѣха.
Нѣтъ вѣры болѣе. Расколъ среди евреевъ,
Монахи нарушаютъ свой обѣтъ,
Монахини отращиваютъ косы,
Одинъ срываетъ крестъ святой,—другой же
Причастіе святое оскверняетъ,

И глохнетъ вѣра средь людей святая,
Какъ лилія среди густой крапивы.
Становится самъ папа на колѣни—
Предъ Богомъ? Нѣтъ,—онъ цезаря боится,
И Римъ, котораго страшились короли,
Слугою скоро будетъ Ниневіи.
Остался шагъ—и міръ бы весь погибъ...
Но я пришелъ и приношу блаженство.
Плоть умертвивъ, освобожу я душу,
Вселенную покрою я кострами
И возглашу словами Бытія—
«Да будетъ свѣтъ»! И всѣ тогда увидятъ,
Какъ надъ страной огни я сѣять буду
На цѣлый міръ прославлю я себя.
О, родъ людской, какъ я люблю тебя!

(Устремляетъ глаза къ небу, воздѣвши руки, въ какомъ-то изступленіи. Въ это время, съ задней стороны сцены, выходитъ монахъ со сложенными крестообразно руками, съ надвинутымъ капюшономъ. Съ другой стороны—второй монахъ, потомъ—третій. Эти монахи, въ одѣяніяхъ о.о. августиновъ, становятся молча, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ доминиканскаго монаха, который не видитъ ихъ. Другіе монахи приходятъ въ такомъ же порядкѣ. Всѣ со сложенными на груди руками и съ опущенными капюшонами. Не видно ни одного лица. Черезъ нѣкоторое время, позади доминиканскаго монаха составляется нѣчто въ родѣ полукруга, который расширяется и, наконецъ, показывается епископъ Ургельскій въ церковной мантіи, съ посохомъ и въ митрѣ, въ сопровожденіи двухъ діаконовъ. Онъ подвигается медленно. Настоятель слѣдуетъ за нимъ, съ открытымъ капюшономъ. Епископъ молча становится въ центрѣ полукруга монаховъ, который смыкается позади его. Доминиканскій монахъ не замѣчаетъ ихъ. День клонится къ вечеру.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Епископъ Ургельскій, *доминиканскій монахъ, настоятель, монахи.*

Епископъ. Я—Іоаннъ, епископъ, призываю
Въ свидѣтели васъ всѣхъ. Судить я долженъ
Здѣсь человѣка одного.

(Доминиканскій монахъ оборачивается и презрительно смотритъ на всѣхъ.)

Епископъ — Кто ты?
Монахъ. Братъ-проповѣдникъ.
Епископъ. — Имя?
Монахъ. — Торквемада.
Епископъ. Я слышалъ—дьяволомъ ты съ дѣтства одержимъ
И страшныя тебя преслѣдуютъ видѣнья
Такъ это или нѣтъ?

Монахъ. Я вижу только то,
Что мнѣ мое указываетъ зрѣнье.
Епископъ. Все это вымыселъ.
Монахъ. Передо мною — Богъ.
(Устремляетъ взглядъ на большой крестъ съ позолоченнымъ наверху треугольникомъ.)
Чего Ты хочешь отъ меня, Создатель?
Что бъ я молчалъ о томъ, что самъ Ты мнѣ открылъ?
Епископъ. Ты утверждаешь также, говорятъ,
Что тѣло нужно сжечь, спасая душу.
Монахъ. Я въ этомъ убѣжденъ. Все это правда.
Епископъ. Монахъ, ты гордостью своею ослѣпленъ,
А это зло — источникъ заблужденій.
Монахъ. Всю жизнь душа томится въ нашемъ тѣлѣ,
Но съ тѣломъ не сливалась никогда.
Сожги себя, и ты очистишь душу.
Епископъ. Какое страшное и ложное ученье!
Монахъ. Не ложное, но вѣрное. Я знаю,
Что скоро всѣ повѣрятъ мнѣ.
Епископъ. Ехидна!
Раскайся, отрекись пока не поздно.
Монахъ. Покорнымъ быть хочу, но сдѣлаться лжецомъ
Изъ-за покорности я не могу.
Епископъ. Упорный!
Монахъ. Не я одинъ. Такъ точно утверждаетъ
Соборъ Латранскій, папа Иннокентій.
Епископъ. Ты ничего упорствомъ не добьешься,
Но вредное ученіе твое
Произвести расколъ глубокій можетъ,
И потому я требую, мой сынъ,
Чтобъ ты сказалъ: «да, я не правъ былъ въ этомъ».
Монахъ. Нѣтъ, правъ и правымъ навсегда останусь.
Епископъ. Бруно Анжерскій каялся, когда
Возвыситься онъ пожелалъ.
Монахъ. Ну, что же?
Я не желаю вовсе возвышаться
И навсегда рѣшилъ остаться малымъ.
Епископъ. Гордецъ!
Монахъ. Нѣтъ, не гордецъ, а вѣрующій только.
Епископъ. Но что же ты предполагаешь дѣлать?
Монахъ. Босой отправлюсь въ Римъ, чтобъ видѣть папу.
И объяснить, въ чемъ состоитъ спасенье.
Епископъ. Самъ папа приказалъ тебя судить
И ты къ нему отправишься, собака?!
Монахъ. Какъ лай собачій будитъ пастуха,
Такъ разбужу и я отца святого.
Епископъ *(указывая присутствующимъ на монаха)*.
Вы сами видите, какъ онъ жестокъ.

Монахъ. Да, потому что мягкимъ быть желаетъ.
Святой апостолъ Павелъ говоритъ,
Что вѣра обжигается любовью.
Епископъ. Не такъ ты понялъ смыслъ святого текста;
Нашъ папа Сикстъ Четвертый, всѣми чтимый,
Къ жестокости не хочетъ прибѣгать
И кротость ей всегда предпочитаетъ.
Онъ инквизицію давно уже смягчилъ,
Своей благословляющей десницей
Не хочетъ онъ ударовъ наносить.
Костровъ ужъ нѣтъ.
Монахъ. Вотъ эти послабленья
Меня пугаютъ болѣе всего.
Чѣмъ меньше будетъ на землѣ мученій,
Тѣмъ больше пытокъ предстоитъ въ аду.
Епископъ. Скажи, чего же хочешь ты, безумецъ?
Монахъ. Спасти желаю міръ.
Епископъ. Но какъ?
Монахъ. Огнемъ, конечно.
Епископъ. Опомнися, пока не поздно.
Монахъ. Нѣтъ.
Епископъ *(направляясь къ склепу).*
Сойди туда
Монахъ. Что это означаетъ?
Епископъ. То, что тебя могила ожидаетъ.
Монахъ *(направляясь къ склепу).*
Могила? Хорошо.
Епископъ. Опомнись. Отступись
Отъ ереси своей.
Монахъ. На все Господня воля.
Епископъ. Ты отрекаешься отъ заблужденій?
Монахъ. Нѣтъ
Епископъ. Сойди еще.
(Монахъ сходитъ на вторую ступень.)
Единое мгновенье—
И ночь передъ тобой наступитъ навсегда.
Монахъ. Да будетъ такъ.
Епископъ. Сойди еще. Подумай—
Какъ факелъ, ты безъ воздуха угаснешь.
Монахъ. Какая смерть прекрасная!
Епископъ. Сойди.
(Монахъ исчезаетъ въ склепѣ.)
Монахъ. Ужъ я на днѣ.
Епископъ. Накладывайте камень.
(По знаку епископа два монаха придвигаютъ ко входу плиту, но, передъ тѣмъ, какъ окончательно закрыть склепъ, останавливаются и оставляютъ узкую щель. Епископъ наклоняется надъ этой щелью.)

Епископъ. Во имя нашего Спасителя Христа,
Покайся.
Монахъ. Нѣтъ.
Епископъ. Еще одна минута,
Чтобъ ты отрекся.
Монахъ. Нѣтъ.
Епископъ. Иди же съ миромъ.
(Оба монаха окончательно закрываютъ плитою склепъ.)
Помолимся надъ погребеннымъ, братья.
(Всѣ воздѣваютъ молитвенно руки. Монахи составляютъ шествіе, по два, и медленно уходятъ. Епископъ идетъ послѣднимъ. Всѣ скрываются за деревьями. Слышно какъ поютъ молитву за упокой умершаго. Голоса по мѣрѣ удаленія слабѣютъ.
Голоса монаховъ. De profundis ad te clamavi, Domine.
Голосъ въ могилѣ. Спаси меня, Господь!
Голоса монаховъ. Libera nos.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Монахъ въ склепѣ. Донъ Санчо и донья Роза *выходятъ изъ-за деревьевъ и останавливаются. Смотрятъ другъ на друга. Минута молчанія. Время близится къ ночи.*

Донъ Санчо. Еще дѣтьми любили мы другъ друга,
Сама судьба соединила насъ,
Но часто я задумываюсь, Роза,
Зачѣмъ насъ держатъ здѣсь, въ монастырѣ?
Я счастливъ только тѣмъ, что ты со мною
И что тебя любить мнѣ позволяютъ.
Душа моя съ твоей душой слилась.
Одинъ лишь поцѣлуй...
(Донья Роза отстраняется, потомъ поддается и смотритъ восторженно на небо.)
Донья Роза. Смотри, звѣзда какая.
Голосъ подъ землей.
Спаси меня, Господь, и я спасу весь міръ.
(Слышны въ отдаленіи голоса монаховъ.)
Голоса монаховъ. Ite, pax sepulcris.
Донья Роза. Ты слышишь пѣніе?
Донъ Санчо. Я слышу стонъ.
Голоса монаховъ. Onus grave super caput.
Донья Роза. Поютъ. Какая ночь! Какая тишина!
Все любитъ на землѣ и мы другъ друга любимъ.
Голоса монаховъ. Miserere.
Голосъ подъ землей. Miserere.
Донъ Санчо. Я слышу чей-то стонъ.
Донья Роза. Вечерняя молитва
Доносится.
Донъ Санчо. Нѣтъ, нѣтъ, я слышу стонъ.

Голосъ подъ землей. Спаси меня, Христосъ.
(Донъ Санчо различаетъ камень, закрывающій склепъ.)
Донъ Санчо. Кричитъ подъ камнемъ кто-то.
Донья Роза. Мертвецъ въ могилѣ говоритъ.
Голосъ подъ землей. О Боже!
Донья Роза. Не подходи къ могилѣ близко.
Донъ Санчо. Роза,
Давай поднимемъ камень. Помоги мнѣ.
(Становится на колѣни и пробуетъ сдвинуть камень. Она тоже становится на колѣни возлѣ него и помогаетъ.)
Донъ Санчо *(улыбаясь)*.
Коль осужденный это, пусть онъ будетъ
Помилованъ тобою. *(Наклоняясь къ камню.)*
Кто кричитъ?
Голосъ подъ землей. Проходитъ кто-то... Помогите мнѣ!
Донъ Санчо. Никакъ не сдвинемъ камня... Подождите...
(Оба стараются сдвинуть камень. Санчо оглядывается.)
Чѣмъ приподнять его? Рычагъ бы гдѣ найти.
(Замѣчаетъ небольшой желѣзный крестъ на одной могилѣ.)
Вотъ крестъ. *(Идетъ къ кресту.)*
Донья Роза *(удерживаетъ его)*.
Оставь. Не смѣй креста касаться.
Тотъ крестъ святой.
Донъ Санчо. Еще святѣй онъ будетъ,
Когда спасетъ отъ смерти человѣка.
Меня Христосъ благословитъ за это.
(Вырываетъ желѣзный крестъ, приноситъ его къ склепу и разсматриваетъ.)
Рычагъ хорошъ; найти бы только камень.
(Скатываетъ большой камень съ пригорка, кладетъ на него крестъ, а затѣмъ, подложивъ конецъ креста подъ плиту, оба напираютъ на крестъ.)
Донъ Санчо. Да, смерть глаза легко не открываетъ.
(Оба дѣлаютъ перерывъ.)
Донья Роза. Я вся дрожу.
Донъ Санчо. Плита ужъ подается.
Отходитъ отъ земли. Нажми еще немного.
(Донна Роза надавливаетъ на крестъ. Донъ Санчо толкаетъ плиту и склепъ открывается.)
Донья Роза. Какъ хорошо мы сдѣлали съ тобою!
Донъ Санчо. Весь склепъ пропитанъ сыростью могильной.
(Монахъ медленно выходитъ изъ склепа. Онъ смотритъ на дона Санчо и затѣмъ на донью Розу.)
Донья Роза. Живой!.. Смотри, вѣдь это тотъ монахъ!
Какое счастье, что мы были здѣсь
И слышали его.
Монахъ. Меня спасли вы.
Клянуся, дѣти, отплатить вамъ тѣмъ же.

Дѣйствіе второе.—ТРИ ПОПА.

Внутренность пещеры отшельника въ горахъ Италіи. На землѣ, въ углу, соломенная подстилка, въ противоположномъ—каменное возвышеніе, на которомъ лежитъ черепъ. Въ углубленіи, сдѣланномъ въ стѣнѣ, стоитъ кружка съ водой, черный хлѣбъ и деревянное блюдо съ яблоками и каштанами. Камни для сидѣнія. Большой камень вмѣсто стола. Вокругъ пещеры лѣса, откосы, овраги. Вдали виденъ потокъ. Въ туманѣ виднѣется колокольня монастыря.

ЯВЛЕНІЕ I.

Францискъ де-Поль *молится передъ каменнымъ возвышеніемъ. Прерываетъ молитву. Прислушивается. Слышны звуки трубъ и рожковъ съ собачьимъ лаемъ.*

Францискъ де-Поль. Какой-то звонъ? Не колоколъ ли это?
Нѣтъ, будто бы охотничій рожокъ.
Я слышу голоса, срываемые вѣтромъ...
Охотятся. Такъ передъ смычкой гончихъ
Весь тихій лѣсъ бываетъ потрясенъ
Собачьимъ лаемъ, криками и шумомъ...
Но кто же смѣлъ съ собаками явиться
Въ священный лѣсъ, принадлежащій папѣ,
Гдѣ подъ зелеными тѣнистыми вѣтвями
Живетъ природа въ мірѣ съ человѣкомъ,
И гдѣ свое логовище пустынникъ
Съ волками раздѣляетъ? Самъ король
Не станетъ здѣсь охотиться. Лишь папа
На то имѣетъ право; только онъ.
Но папа крови проливать не можетъ,
Святой отецъ иной охотой занятъ:
Онъ души ловитъ въ мірѣ для небесъ.
Нѣтъ, даже и преступникъ закоснѣлый
Не сталъ бы нарушать здѣсь тишину
И осквернять святое мѣсто кровью.
(Лай собакъ и шумъ слышится то дальше, то ближе. У входа пещеры появляется старый монахъ съ палкою въ рукѣ. Ноги его покрыты пылью. Поверхъ монашеской одежды накинутъ плащъ пилигрима. Это Торквемада. Онъ, какъ и Францискъ де-Поль, съ сѣдой бородой.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Францискъ де-Поль и Торквемада.

Торквемада. Привѣтствую тебя, отецъ и старецъ!
Францискъ де-Поль. Да будетъ твой благословенъ приходъ!
Торквемада. Дозволишь ли мнѣ отдохнуть немного?
Францискъ де-Поль. Войди, мой братъ.
Торквемада. Сподобилъ Богъ меня
Притти къ тебѣ, святому патріарху.

Я утомился. Голова горитъ
И лихорадка не даетъ покоя.
Пусть Богъ тебя благословитъ, отецъ.

Францискъ де-Поль. Благословенъ и ты будь, Божій странникъ.

Торквемада. Служитель я святой Христовой церкви.

Францискъ де-Поль.
Мой братъ, самъ Богъ тебя ко мнѣ привелъ;
О томъ же, кто ты и куда направилъ
Свой путь я спрашивать совсѣмъ не стану—
Одна всѣхъ тайна окружаетъ насъ
И всѣ къ одной мы близимся могилѣ.

Торквемада. Случайно я собрался и босой
Отправился къ святому мѣсту; долго
Пришлось итти песками, черезъ горы,
Покрытыя глубокими снѣгами;
Теперь кончается мой путь. Я въ Римъ иду,
Хочу тамъ видѣть папу Александра.
Его я знаю.

Францискъ де-Поль. Какъ, ты знаешь папу?

Торквемада. Да, онъ испанецъ, также какъ и я.
Мы съ нимъ въ Венеціи встрѣчались раньше.
Скажи, отецъ, кто ты?

Францискъ де-Поль. Францискъ де-Поль.

Торквемада (*отодвигаясь отъ него въ изумленіи*).
Францискъ де-Поль, котораго святымъ
Считаютъ всѣ?

Францискъ де-Поль. Нѣтъ, я простой отшельникъ.

Торквемада. Но ты, я слышалъ, чудеса творишь?

Францискъ де-Поль.
Я только вижу ихъ повсюду предъ собою.
Я утромъ вижу, какъ большое солнце
Для птичекъ маленькихъ является на небѣ,
Всемірный столъ готовитъ на поляхъ
И яркимъ свѣтомъ землю озаряетъ,
Но эти чудеса не я творю, а Богъ.

Торквемада. Отецъ, мы служимъ одному Христу
Скажи, не размышлялъ ли ты порою
О томъ, что папа, избранный соборомъ,
Считается главою церкви ложно,
А тотъ, кому Господь довѣрилъ церковь,
Кто къ ней несетъ свою святую душу,
Стоитъ никѣмъ невѣдомый вдали...
И что бы ты сказалъ, отецъ, узнавши,
Что я и есть глава Христовой церкви?

Францискъ де-Поль.
Намъ папа Богомъ данъ. Двухъ Римовъ нѣтъ на свѣтѣ.

Торквемада. Отъ Бога тотъ лишь папой можетъ-быть,
Кто знаетъ, какъ спасти людей отъ ада.
Я знаю и спасу.

Францискъ де-Поль. Помолимся, мой братъ.
Я словъ твоихъ совсѣмъ не понимаю.
(Становится на колѣни передъ возвышеніемъ.)

Торквемада. Въ тѣ времена, когда я молодъ былъ,
Явилось мнѣ видѣніе однажды.
Передъ собой я видѣлъ шаръ земной
Со всѣми странами, морями, городами,
И я сказалъ—самъ Богъ внушаетъ мнѣ,
Чтобъ овладѣлъ я этимъ грѣшнымъ свѣтомъ,
Отъ ада спасъ его и отдалъ Небу.
Огонь и кровь, мученья, пытки, стоны—
Таковъ мой міръ. Теперь ты понимаешь
Мои слова?

Францискъ де-Поль *(встаетъ и прикасается къ черепу пальцемъ)*.
Смотрю на этотъ черепъ,
Откуда-то случайно занесенный,
И думаю—двѣ дырки вмѣсто глазъ,
Оскаленные зубы и улыбка—
Вотъ маска та, которую мы носимъ
Невидимо подъ маскою наружной.
Подъ ней моя душа таится и живетъ,
Подъ ней рождаются всѣ мысли и молитвы—
Вотъ гдѣ мой міръ, другой—не нуженъ мнѣ.

Торквемада. Какъ императоръ Константинъ Великій,
Который, крестъ увидѣвши на небѣ,
Его на знамени своемъ изобразилъ,
Какъ вѣрный знакъ побѣды надъ врагами,
Такъ этотъ черепъ мнѣ послужитъ знакомъ,
Что смертью я обезоружу адъ.
Когда-то проповѣдникъ Доминикій
Жегъ на кострахъ людей, чтобы карать.
Теперь костры потушены повсюду,
Но я зажгу ихъ снова для спасенья.
Нельзя придумать лучшаго, отецъ.
Мнѣ самъ Христосъ указываетъ это.
Иди, Онъ говоритъ, цѣль велика твоя
И эта цѣль оправдываетъ средство.

(Францискъ де-Поль ставитъ на большой камень деревянное блюдо съ каштанами, кружку съ водой и кладетъ хлѣбъ.)

Францискъ де-Поль.
Вотъ хлѣбъ, вода, каштаны, чтобъ могли вы
Свой голодъ съ жаждой утолить, но знайте—
Какъ только вспыхнетъ первый вашъ костеръ,
Я объ одномъ просить лишь буду Бога,
Чтобъ васъ Онъ молніей внезапно поразилъ.
Отъ этого и людямъ лучше будетъ
И вамъ самимъ.

Торквемада *(въ сторону)*. Какое заблужденье!
Онъ отупѣлъ въ своемъ уединеньи.
Францискъ де-Поль.
Мы всѣ должны любить одинъ другого
И никого не осуждать на смерть.
А если будемъ палачами мы,
Тогда и Богъ для насъ тираномъ будетъ.
Евангеліе крестъ имѣетъ на себѣ,
Коранъ же—мечъ. Смерть предоставимъ Богу.
Все въ мірѣ свято и благословенно:
Дитя и голубь, женщина, цвѣтокъ.
Всѣ люди, сынъ мой, могутъ заблуждаться,
Но мы должны прощать, а не казнить,
Кто согрѣшилъ, тому дать покаянье,
Молиться, вѣрить и любить—вотъ въ чемъ
И состоитъ, по-моему, спасенье.
Торквемада. Да, ты спасешь себя; не спорю. Это такъ.
Но что же будетъ съ ближними твоими?
Они должны попасть въ кромѣшный адъ
И тамъ въ огнѣ горѣть неугасимомъ?
А ты тѣмъ временемъ поешь псалмы
И думаешь, что въ этомъ все спасенье...
Пойми же, что въ твоемъ уединеньи
Не можешь ты и согрѣшить никакъ.
Толпа—вотъ гдѣ обязанности наши.
Оставьте же монастыри свои,
Спѣшите всѣ на помощь. Родъ людской
Погибнуть долженъ. Женщины и дѣти,
Всѣ, кто живетъ на этомъ грѣшномъ свѣтѣ,
Въ адъ ниспадаютъ съ огненнымъ дождемъ.
Бѣгите къ нимъ. Тащите и хватайте.
Кто попадется вамъ, насильно въ рай ввергайте.
Вотъ для чего, старикъ, мы на землѣ живемъ.

(Вскорѣ послѣ появленія Торквемады, у порога пещеры, не входя въ нее, останавливается старикъ съ сѣдой бородой. Въ рукѣ у него охотничье копье, а на шеѣ большой крестъ. Онъ одѣтъ въ охотничій костюмъ изъ золотой парчи, на головѣ высокая золотая шляпа съ жемчугомъ въ три ряда. У пояса охотничій рожокъ. Онъ слышалъ разговоръ Франциска де-Поля съ Торквемадой и разражается смѣхомъ. Францискъ де-Поль и Торквемада оглядываются.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и *охотникъ*.

Охотникъ. Ну, посмѣялся жъ я, отцы, надъ вами,
Всѣ лютники мои съ пѣвцами
Меня не веселили такъ.
Я на охотѣ былъ. Оставилъ тамъ собакъ

Своихъ охотничьихъ двѣ своры
И самъ себѣ сказалъ: пойдемъ на горы
Посмотримъ старика
И отдохнемъ пока.
Вотъ и пришелъ... Ну, ну развеселили...
О чемъ вы только тутъ не говорили...
И говорили бъ цѣлый часъ,
Когда бы не прервалъ я васъ.
Вотъ у кого великія заботы!
Но, все же, вы большие идіоты...
(Приближается и смотритъ на нихъ.)
Богъ, если Онъ и существуетъ только,
О васъ не думаетъ нисколько,
И въ человѣкѣ нашъ Творецъ
Явилъ лишь глупости великой образецъ.
Намъ жизнью пользоваться надо...
Тебя узналъ я, Торквемада
Читалъ посланіе твое...
Мнѣ нравится твоя затѣя
Спасать людей огнемъ... Идея!
Вернись въ Испаніи свою
И дѣлай тамъ — что пожелаешь,
Тѣмъ болѣе ты, можетъ, знаешь—
Хочу евреевъ я изгнать,
А земли ихъ племянникамъ раздать.
Ты спрашивалъ меня въ посланіи своемъ,
Зачѣмъ мы на землѣ живемъ-
Тутъ быть не можетъ разныхъ мнѣній.
(Къ Францицску де-Полю.)
Ты созданъ для молитвъ, а я—для наслажденій
И вѣрю только въ рай земной.

Торквемада *(смотритъ на Франциска де-Поля и охотника.)*
Два эгоиста предо мной.

Охотникъ. Мнѣ ясно говоритъ разсудокъ,
Что всякій грѣхъ лишь предразсудокъ.
На всякое готовъ я преступленье,
Не исключая и кровосмѣшенья.
И если бъ дочь мнѣ нравилась моя,
То я любовникомъ бы сдѣлался ея.
Отвѣдать нужно въ жизни намъ всего,
Что можетъ быть пріятнѣе и краше,
И если въ гробъ мы взять не можемъ ничего,
То пусть хоть время будетъ наше.
Служите мнѣ на праздникѣ моемъ—
И, если нужно отравить иного,
Я отравлю—не сомнѣвайтесь въ томъ.
И что же тутъ преступнаго такого?
Что значитъ смерть чужая для меня,
Когда я самъ—неутолимый голодъ?

Въ могилѣ тьма и вѣчный холодъ,
Но здѣсь намъ свѣтитъ солнце дня.
Когда же наслажусь я жизнью, наконецъ,
Пускай меня тогда сгребетъ и смерти лапа.

Францискъ де-Поль *(Торквемадѣ)*.
Кто можетъ быть разбойникъ сей?

Торквемада. Отецъ,
Передъ тобою римскій папа.

Часть вторая.—ТОРКВЕМАДА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Торквемада.
Донъ Санчо.
Донья Роза.
Маркизъ-де-Фуэнтель.
Король Фердинандъ.
Королева Изабелла.
Гучо—шутъ.
Епископъ Ургельскій.
Королевскій духовникъ.
Моисей-Бенъ-Хабибъ—великій раввинъ.
Герцогъ д'Алава.
Приставъ.
Солдаты, пажи, монахи, евреи, кающіеся въ бѣлыхъ и черныхъ одѣяніяхъ.

Дѣйствіе первое.

Квадратный дворъ монастыря-дворца «Льяны» въ Бургосѣ, окруженный галлереею со сводами, при чемъ передняя часть сцены задѣваетъ галлерею. Во дворѣ двое воротъ въ городъ—однѣ противъ другихъ. Ближе къ зрителямъ, съ лѣвой стороны галлереи—крыльцо съ тремя ступенями и закрытой на двѣ половины дверью во дворецъ. Противъ крыльца, съ правой стороны галлереи паперть церкви, на которой стоитъ высокій желѣзный тронъ съ гербами, библейскимъ крыломъ и со шпагой, воткнутой остреемъ въ верхнюю часть трона. Около паперти, на землѣ—сундукъ, охраняемый двумя патерами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Санчо, маркизъ-де-Фуэнтель, *потомъ* Гучо. *Донъ Санчо въ одеждѣ изъ золотой ткани со шпагой съ боку.*

Донъ Санчо. Мнѣ кажется—все это сонъ лишь.

Маркизъ. Нѣтъ.

Донъ Санчо. Я принцъ?

Маркизъ. Не только принцъ, но и король Бургоса
И, послѣ государя Фердинанда,
Вы первый въ этой области правитель.

Донъ Санчо *(восторженно)*.
И донья Роза будетъ королевой!..
Маркизъ. Ее уже къ вѣнцу приготовляютъ
И черезъ часъ готово будетъ все.
Епископъ Ургельскій вѣнчать васъ будетъ,
А мнѣ король изволилъ приказать
Быть при обрядѣ.
Донъ Санчо. Вы—нашъ добрый геній...
Маркизъ. Передъ вѣнчаніемъ самымъ донья Роза
Васъ будетъ ждать въ монастырѣ, а я,
Открывши дверь, очищу вамъ дорогу.
Чтобъ вы могли ввести во храмъ невѣсту
И, подойдя съ ней вмѣстѣ къ королю,
Благодарить его за всѣ заботы.
Король желаетъ предъ вѣнчаньемъ съ вами
Поговорить. Таковъ его приказъ.
Онъ будетъ ждать васъ въ этой галлереѣ
Донъ Санчо. Хотѣлъ бы въ церковь прямо я пройти.
Маркизъ. Нельзя. Монарху надо подчиняться.
Корона ваша отъ него зависитъ.
Король вамъ только скажетъ: «Я согласенъ».
Къ тому же таковъ обычай древній здѣсь.
Донъ Санчо. Пусть будетъ такъ.
Маркизъ. Вамъ нужно привыкать.
Ко всѣмъ обычаямъ.
Донъ Санчо. Такъ вы мнѣ говорили,
Что мой отецъ покойный...
Маркизъ. Былъ инфантомъ.
Донъ Санчо. А дѣдъ мой...
Маркизъ *(въ сторону)*. Я!
Донъ Санчо. Былъ королемъ Бургоса?
Маркизъ. Прошу васъ принцъ: довѣрьтесь только мнѣ
И царствовать вы будете спокойно.
Донъ Санчо. Я слѣпо вѣрю вамъ. Не знаю почему,
Но думаю—меня вы полюбили.
Я такъ еще недавно васъ узналъ.
Какъ я испуганъ былъ, когда вы въ первый разъ
Къ намъ въ монастырь пришли. Я думалъ, что король
Прислалъ за Розой и за мной; когда же
Насъ привезли сюда, — я все боялся,
Подозрѣвая чью-нибудь измѣну.
Но вотъ сегодня наступилъ конецъ
Всѣмъ испытаніямъ. Сегодня насъ вѣнчаютъ.
Я счастливъ, какъ никто, и знаю я,
Что съ вами намъ ничто не угрожаетъ.
Маркизъ. Я объ одномъ прошу васъ только, принцъ —
Довѣрьтесь мнѣ; я счастья вамъ желаю.
Когда бъ вы находились въ агоніи,
И если бы, какъ графу Рецъ когда-то,

Вамъ нужно было бы напиться крови,
Для васъ открылъ бы жилы я свои
И счастливъ былъ бы, умирая, видѣть,
Какъ жизнь моя вамъ возвращаетъ жизнь.
Мой принцъ, король! *(Въ сторону.)*
Мое дитя родное!
(Входитъ Гучо. Онъ слышитъ послѣднія слова маркиза.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Донъ Санчо, маркизъ *и* Гучо.

Гучо *(въ сторону, смотря на маркиза).*
Какимъ онъ бодрымъ кажется сегодня!
Конечно, этой тайны никому
Я не открою; будто и не знаю
Совсѣмъ о ней. Какъ много могъ бы я
Творить добра, предотвращая зло!
Труда для этого не много нужно,—
Однимъ лишь пальцемъ стоитъ шевельнуть,—
Но имъ помочь ничѣмъ я не могу.
Меня за человѣка не считаютъ,
Я вижу все, но безполезенъ я.
Ужъ такова судьба моя.
(Входятъ солдаты африканской гвардіи короля кастильскаго съ герцогомъ д'Алавой во главѣ.)
Маркизъ *(дону Санчо, указывая мѣсто подъ колоннами).*
Вотъ гдѣ король васъ будетъ ожидать.
(Всходитъ на крыльцо и открываетъ дверь во дворецъ. Дѣлаетъ знакъ дону Санчо слѣдовать за нимъ.)
Входите, принцъ.
(Указывая дону Санчо на гвардію.)
Вашъ караулъ почетный.
(Продолжаетъ говорить съ дономъ Санчо, входящимъ на крыльцо.)
Какъ только донесется звукъ рожка,
Должны вы къ королю приблизиться съ принцессой
И передъ нимъ склониться на колѣни.
(Взглянувши на галлерею.)
Вотъ и король.
(Донъ Санчо и маркизъ уходятъ. Дверь за ними закрывается. Входитъ король со своимъ духовникомъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Король, герцогъ д'Алава, королевскій духовникъ *и* Гучо.

Король *(герцогу д'Алавѣ).* Когда сниму я цѣпь,
Чтобъ на него надѣть, когда скажу я:
«Съ минуты этой ты король Бургоса.
Пусть Богъ тебя хранитъ. Спокойно царствуй»—

Тогда набросьтесь сзади на него
И шпагами прикончите на мѣстѣ.

Герцогъ. Все въ точности исполнимъ, государь.

Духовникъ *(на ухо королю, указывая на сундукъ, охраняемый патерами).*
Въ томъ сундукѣ та грубая одежда,
Которую вы сдѣлать приказали.

Король. Но, пригодится ли она? Ну, все равно.
(Указывая на паперть.)
Вы подождите здѣсь, подъ аркой. *(Къ герцогу.)*
Ты же, герцогъ,
Тамъ будь со стражею. *(Въ сторону.)*
Для скорости развязки.

(Дверь открывается. Входитъ маркизъ. Дверь снова закрывается. Маркизъ сходитъ медленно съ крыльца. Король, замѣтивъ желѣзный тронъ, разсматриваетъ его.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и маркизъ.

Маркизъ *(въ сторону).*
Вотъ черезъ часъ и принцъ женатымъ будетъ.
Съ минутой каждою становится онъ выше
И пробивается изъ тьмы къ дневному свѣту.
Остался шагъ одинъ—и онъ король.
И будетъ онъ великъ, могучъ и славенъ.
Я ослѣпленъ. Моей душѣ презрѣнной
Еще и счастье можетъ улыбнуться.
(Вытираетъ слезы на глазахъ.)
О, Боже мой!

Король *(поворачиваясь).* А, вотъ и ты, маркизъ.

Маркизъ. Великій государь!

Король. Я радъ съ тобою
Поговорить. *(Показывая на желѣзный тронъ.)*
Зачѣмъ здѣсь тронъ стоитъ?
И почему надъ нимъ я вижу шпагу?

Маркизъ. На тронѣ томъ садился донъ Гарсія,
Вашъ предокъ; шпага — символъ царской власти.

Король. Да, это вѣрно. Въ цѣломъ королевствѣ
Казнить и миловать лишь я могу.

Гучо *(королю).* Васъ два: ты и монахъ.

(Въ это время, отъ однихъ воротъ къ другимъ, проходитъ два ряда кающихся. Одинъ рядъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ черными покрывалами на лицахъ, другой же рядъ — въ черныхъ одѣяніяхъ съ бѣлыми покрывалами. Въ покрывалахъ сдѣланы отверстія для глазъ. Одинъ изъ кающихся въ черномъ плащѣ, съ чернымъ покрываломъ, несетъ черное знамя, на которомъ изображена мер-

твая голова надъ сложенными костями. Процессія проходитъ медленно и молча.)

Король. Пожалуй, правда,
Ну, подлый же, однако, тотъ монахъ.

Гучо. Онъ подлъ, но и великъ. Предъ Торквемадой
Трепещутъ всѣ и даже ты, король.

Маркизъ. Смотрю на флагъ и думаю, что онъ
Пропитанъ дымомъ отъ сожженныхъ тѣлъ.

Король. Куда идутъ, маркизъ, всѣ эти люди?

Маркизъ. Они за тѣми, государь, идутъ,
Которыхъ ждетъ костеръ священный. Будь ты
Какимъ угодно знатнымъ гражданиномъ
И какъ вы ни слѣдите за собой,
Они всегда сумѣютъ васъ опутать.
Вамъ только стоитъ проронить лишь слово
Неосторожно какъ-нибудь,— оно
Ужъ передано будетъ Торквемадѣ.
Тогда изъ страшнаго судилища, средь ночи,
Два ряда призраковъ выходятъ съ чернымъ флагомъ
И начинаютъ шествіе свое.
Народъ бѣжитъ отъ нихъ повсюду въ страхѣ,
Кто не успѣлъ, тотъ падаетъ на землю
И на колѣняхъ молитъ о пощадѣ.
И такъ они обходятъ цѣлый городъ
Безъ пѣнія, безъ шума, днемъ и ночью,
Одну лишь цѣль преслѣдуя всегда.

(Тихо королю.)

Король далъ много воли духовенству...
Какъ можно допустить, чтобъ Торквемада
Соборно въ Римѣ совѣщался съ папой,
Чтобъ могъ онъ короля собой затмить,
Чтобъ царское величіе померкло
Передъ простымъ монахомъ закоснѣлымъ?
Онъ лобъ свой ставитъ вровень съ головой,
Которая увѣнчана короной.

(Король разсѣянно слушаетъ, не придавая значенія словамъ маркиза. Маркизъ тихо Гучо.)

Король не слушаетъ.

Гучо. Другимъ онъ занятъ.

Король *(маркизу)*.
Я съ мнѣніемъ твоимъ всегда считаюсь
И слѣдовалъ всегда твоимъ совѣтамъ.
Намъ нужно поспѣшить и дѣло кончить.

(Король, замѣтивъ Гучо, который стоитъ позади желѣзнаго трона, дѣлаетъ ему знакъ удалиться.)

Гучо *(въ сторону, уходя)*.
Что здѣсь должно произойти—не знаю:
Тигръ молодой и рядомъ старый котъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Король и маркизъ *одни на авансценѣ. Всѣ остальные находятся въ глубинѣ на такомъ разстояніи, что можно слышать.*

Король. Во всемъ послѣдую твоимъ совѣтамъ;
Они всегда къ добру лишь приводили.
Маркизъ *(въ сторону).* Слова твои понятны мнѣ, король,
Но иногда ты дѣлаешь и то,
Чего тебѣ совѣтую не дѣлать.
Король. Что новаго въ политикѣ, маркизъ?
Маркизъ. Одинъ лишь вы, король, стоите гордо,
А остальные короли склонились
Предъ Франціей, которая растетъ.
Въ одномъ вы только уязвимы мѣстѣ—
Въ Наваррѣ. Тамъ открытая граница.
Но, хорошо, что вы, замѣтивъ это,
У кардинала д'Ортеца отняли
Инфанта Санчо и теперь сильны.
Донъ Санчо на Бургосъ имѣетъ право,
Онъ точкою опоры служитъ вамъ.
И, какъ орелъ въ когтяхъ своихъ орленка,
Такъ и его вы держите въ рукахъ.
Донъ Санчо, вѣрьте мнѣ, одинъ вамъ нуженъ.
Пока онъ живъ—никто не страшенъ вамъ,
И Франція должна пойти на убыль.
Король. Ты говоришь—мнѣ нуженъ онъ одинъ?
Маркизъ. Да, онъ одинъ, съ инфантой доньей Розой.
Король. Жизнь Санчо для меня необходима?
Маркизъ. Я въ этомъ убѣжденъ.
Король. Но знаешь ли ты то,
Что не успѣетъ Санчо въ дверь войти,
Какъ будетъ тотчасъ же убитъ на мѣстѣ.
(На лицѣ маркиза изумленіе и ужасъ.)
Мнѣ Роза нравится. Ни на одномъ лицѣ
Я не встрѣчалъ еще такой улыбки
Ребячески застѣнчивой... А взглядъ!
Ахъ, этотъ взглядъ! Онъ въ душу проникаетъ,
Въ немъ чистота небесъ видна и кротость.
Когда жъ она въ смущеніи дрожитъ,
Тогда еще становится прекраснѣй.
И если я—король—ее люблю,
То Санчо для меня совсѣмъ ужъ лишній.
Маркизъ. Да, это вѣрно, государь...
Король. Хотятъ,
Чтобы король не поддавался слишкомъ
Своимъ страстямъ; я это понимаю.
Но что же долженъ былъ бы я избрать?
Вѣдь страсть моя не вспыхнула внезапно.

Ты думаешь—съ собой я не боролся?
Боролся долго, думалъ, размышлялъ,
И чѣмъ я больше размышлялъ, тѣмъ ярче
Горѣлъ огонь, и я сказалъ себѣ:
«Она прекрасна, какъ никто на свѣтѣ.
И только мнѣ принадлежать должна».
(Раздумываетъ.)
Остановись, король! Изъ-за юбчонки,
Ты хочешь плодъ сраженій потерять,
Утратить все добытое войною.
Нѣтъ, этого не будетъ никогда!
Итакъ, мы Санчо обвѣнчаемъ съ Розой
И мудрость этимъ явимъ мы свою.
Пусть обвѣнчаются... Но какъ ужасно это,
Въ тотъ мигъ, когда увижу я ее
Предъ алтаремъ съ другимъ... О, нѣтъ! О, нѣтъ!
Долой соперника! И донья Роза будетъ
Моей на вѣкъ. Король я, а не рабъ.
Могу владѣть я скиптромъ, но не сердцемъ.
Конечно, жаль, что Санчо я убью
Въ его гнѣздѣ. Но что же остается?
На свѣтѣ мы живемъ не ради скуки,
А для того, чтобъ наслаждаться жизнью.
Моя ль вина, что Розу я люблю?

Маркизъ. Да, въ томъ вина не ваша.

Король. Изабелла
Наскучила давно мнѣ; я ищу
Другую женщину. Скажи ты мнѣ—
Имѣю право я любить иль нѣтъ?

Маркизъ. Левъ голоденъ всегда бываетъ.

Король. Слушай.
Кого люблю, того и ненавижу.
Мнѣ представляется ихъ дѣтство: монастырь,
Кладбище, поле, паркъ и поцѣлуи,
Которые срываетъ этотъ Санчо...
О, Боже мой! Какъ я его ревную!
При мысли этой все во мнѣ кипитъ.
Свалить врага, топтать его ногами—
Вотъ радость въ чемъ безмѣрная моя. *(Задумывается.)*
За что же мстить? За то, что онъ прекрасенъ,
Что онъ любимъ, а я всегда угрюмъ,
Самъ ненавижу всѣхъ и всѣ меня?
Убійство—другъ мой, Каины всѣ—братья...
Кто вздумалъ бы меня остановить,
Тотъ въ бѣшенство меня привелъ бы этимъ. *(Въ раздумьи.)*
Чтобъ Санчо устранить, два средства есть:
Одно мучительное—монастырь,
Другое—смерть, быстрѣе и вѣрнѣе.
Но, все же, для него смерть лучше будетъ.

А монастырь, тотъ подлый кругъ, въ которомъ
Увидѣлъ бы себя сѣдымъ донъ Санчо,
Состарѣлся бы тамъ въ плѣну церковномъ...
Нѣтъ, лучше пусть умретъ. Что скажешь ты?
Маркизъ. Вы правы.
Король. Гмъ!
Маркизъ. Убейте поскорѣй.
Король *(въ сторону)*. Зачѣмъ, однако, мнѣ тогда сказали,
Что Санчо внукъ его? Не правда это.
Маркизъ. Я такъ же, какъ и вы, смотрю на это.
Король *(въ сторону)*. Какую ложь мнѣ часто говорятъ.
Маркизъ. Рѣшеніе я ваше одобряю.
Король. Такъ значитъ въ томъ и ты со мной согласенъ,
Что лучше умереть ему?
Маркизъ. Безспорно.
Король *(въ сторону)*.
Нѣтъ, это ложь. Онъ утверждалъ недавно,
Что Санчо жизнь нужна для королевства.
И что со смертью Санчо всѣ права
Свои я потеряю на Наварру,
Теперь же говоритъ совсѣмъ другое.
Куда завесть меня предатель хочетъ? *(Громко.)*
Сожрать пріятно сразу дона Санчо,
Но медленно жевать еще пріятнѣй.
Держать его всю жизнь въ монастырѣ
И наблюдать, какъ онъ въ плѣну томится,
Какъ опускается, тупѣетъ въ заточеньи.
Мстить медленно, пожалуй, лучше будетъ.
Что скажешь мнѣ на это?
Маркизъ. Государь!
Зачѣмъ итти окольными путями,
Когда вы прямо можете итти
Къ желанной цѣли? Убивайте сразу.
Король *(въ сторону)*.
Какъ онъ хитритъ со мной. Еще недавно
Стоялъ за Санчо, а теперь другое...
Быть-можетъ, онъ забылъ? Но я-то помню.
(Смотрятъ пристально одинъ на другого.)
Къ чему толкать меня на преступленье
И ненависть народа возбуждать?
Какъ скоро согласился онъ со мною! *(Громко маркизу.)*
Кровь!
Маркизъ. Государь, кровавымъ королямъ
Всегда и служатъ лучше. Убивайте.
Король *(въ сторону)*. Онъ Франціи, должно-быть, продался.
(Громко.)
Ты жъ говорилъ, что всѣ мои надежды
Основаны на Санчо, и пока
Онъ будетъ жить,—миръ будетъ обезпеченъ.

Маркизъ. Тогда я ошибался, государь.
Вы сами, государь, настолько сильны,
Что вамъ никто не страшенъ, даже Богъ.
Король. Я чувствую, что ты правдивъ со мною.
Но разсуди—безсмысленный народъ
Политики совсѣмъ не понимаетъ,
Но къ жалости склоняется всегда.
Онъ вѣчно будетъ помнить объ убитомъ,
Особенно, когда убитый молодъ,
Къ тому же и красивъ собою былъ
Подальше отъ рискованныхъ поступковъ!
Трагедія не нравится народу,
Но всюду много добряковъ найдется,
Которые довольны будутъ мной,
Узнавъ, что Санчо живъ и проживаетъ
Въ монастырѣ, недалеко отъ насъ.
Вѣдь убѣжать оттуда онъ не можетъ?..
Конечно, нѣтъ.
Маркизъ. Могила—лучшій сторожъ.
Король. Но вѣдь убійство! Ты подумай только!
Маркизъ. Къ нему давно привыкли эти стѣны.
Король. Скажи, маркизъ, послѣднее мнѣ слово.
Маркизъ. Убить его. *(Слышны звуки рожковъ.)*
Я слышу звукъ рожковъ.
(Двери открываются на двѣ половины. На крыльцѣ появляется донья Роза подъ руку съ дономъ Санчо. Донья Роза въ серебряномъ кружевномъ платьѣ, съ жемчужной короной на головѣ. Донъ Санчо въ шляпѣ съ большимъ блестящимъ перомъ. По правую сторону, рядомъ съ ними, епископъ Ургельскій. Позади придворные кавалеры, дамы и патеры въ расшитыхъ церковныхъ одеждахъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, донъ Санчо, донья Роза, епископъ ургельскій.

Епископъ. Король Кастильскій, Фердинандъ Великій!
Донъ Санчо въ бракъ вступаетъ съ доньей Розой.
Они—потомки готскихъ королей—
Она—д'Ортецъ, а Санчо—графъ бургосскій.
Угодно вамъ, я обвѣнчаю ихъ?
Предъ вами Санчо принесетъ присягу
На вѣрность трону вашему и послѣ
Представитъ вамъ супругу—донью Розу.
Донъ Санчо. Къ ногамъ я вашимъ, государь великій,
Владѣнія всѣ приношу свои.
Король *(пристально смотритъ на епископа)*.
Что за безуміе, епископъ! Ты монаха
Вѣнчать съ монахинею хочешь?
Епископъ. Государь!..

Король. Не знаешь ты, что ими данъ обѣтъ?
И какъ ты смѣешь совершать кощунство?
Одѣть его монахомъ; на нее же
Набросить покрывало.
Епископъ. Государь!..
(Духовникъ и патеры подходятъ къ сундуку. Одинъ изъ нихъ беретъ черное покрывало, которое набрасываетъ на донью Розу, другой же монашескую одежду изъ грубой ткани надѣваетъ на дона Санчо. Лица ихъ исчезаютъ подъ капюшономъ и покрываломъ. Окружающіе обоихъ солдаты вырываютъ у Санчо шпагу.)
Король. Ведите ихъ въ монастыри.
Донъ Санчо *(выбиваясь изъ-подъ капюшона)*. Король!
Король *(патерамъ)*. Вы за него въ отвѣтѣ всѣ!
Маркизъ *(въ сторону)*. Онъ живъ.
(Св. отцы и стража уводятъ донью Розу въ одну сторону, а дона Санчо—въ другую.)
Король *(тихо маркизу)*. Ее возьму оттуда я обратно.
Чернички часто монастырь бросаютъ.
Маркизъ *(въ сторону)*. Бросаютъ монастырь и чернецы.

Дѣйствіе второе.

Зала древняго мавританскаго дворца въ Севильѣ, гдѣ происходятъ совѣщанія. Въ глубинѣ залы — галлерея съ арабскими колоннами, выходящая наружу, задернутая занавѣсомъ. Съ лѣвой стороны длинный столъ; съ обѣихъ сторонъ его два высокихъ кресла съ королевскими коронами—одно противъ другого. Съ той же стороны потайная низкая дверь. Съ правой стороны, въ стѣнѣ, которая соединена съ галлереей, большая двухстворчатая дверь съ тремя ступенями. Столъ покрытъ ковровой скатертью съ гербами Кастиліи и Аррагоніи. Посреди стола, на большомъ серебряномъ подносѣ—тридцать стопокъ золотыхъ монетъ. На столѣ золоченая чернильница, пергаментъ, сургучъ, печати, золотыя перья, опущенныя въ чернильницу. Возлѣ стола шкапъ-бюро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маркизъ и великій раввинъ Моисей-Бенъ-Хабибъ.
(Оба входятъ черезъ потайную дверь.)

Маркизъ. Все деньги, деньги... Слишкомъ много денегъ.
Раввинъ *(указывая на деньги)*.
Здѣсь тридцать тысячъ скудо золотыхъ.
Маркизъ. Да, средство вѣрное.
Раввинъ. Какъ видно, Изабелла
Скупа.
Маркизъ. Но расточителенъ король,
И правда вотъ заброшена въ колодезь.
Все дѣло въ золотѣ. Богатымъ все
Доступно; можно избѣжать суда
И подкупить кого угодно можно—
Отъ короля и до отца святого.

Всѣ короли, какъ нищіе, стоятъ;
Просить ихъ надо съ полными руками. *(Раввину.)*
Ну, отправляйся; уходи скорѣй

Раввинъ. Великой милости прошу, сеньоръ:
Прошу спасти евреевъ.

Маркизъ. Ну, ступай же.

Раввинъ. Разсчитываю только я на васъ.

Маркизъ. Разсчитывать на деньги только можешь.

Раввинъ. Разрѣшено ли будетъ намъ явиться
Предъ королемъ и королевой нашей?

Маркизъ. Ну, хорошо, являйтесь. Уходи.

Раввинъ. Какой ужасный предстоитъ намъ день!
Сто нашихъ стариковъ-евреевъ будутъ
Публично жечь въ Севильѣ, на кострахъ,
А остальной народъ нашъ будетъ изгнанъ.

Маркизъ *(задумчиво)*. Къ ауто-да-фе уже готово все!

Раввинъ. А правда, что король сегодня ѣдетъ?

Маркизъ. На день одинъ лишь. Завтра онъ вернется.
Согласно хартіи Тульгаса короля,
Король и королева послѣ казни
Проводятъ день въ монастырѣ Тріана,
Гдѣ молятся за упокой умершихъ.

Раввинъ. И почему молиться ѣздить нужно,
Когда совсѣмъ не убивать ихъ можно?

Маркизъ. Потише говори и уходи.

(Раввинъ кланяется до земли и выходитъ черезъ потайную дверь, которая за нимъ захлопывается. Маркизъ смотритъ ему вслѣдъ.)

Маркизъ. Не для народа твоего, еврей,
Не для тебя рѣшаюсь я на это!
Когда я слышу этотъ страшный звонъ,
Меня бросаетъ въ дрожь: въ монастырѣ донъ Санчо
Ослушался приказа и монахомъ
Не пожелалъ онъ сдѣлаться; и я
Съ минуты на минуту ожидаю,
Что будетъ онъ сожженъ. А какъ спасти?

(Большія двери открываются. Входитъ король въ полномъ парадномъ облаченіи ордена Алькантары, съ зеленымъ крестомъ, вышитымъ на мантіи изумрудами. На головѣ зеленая шляпа безъ перьевъ. Гучо слѣдуетъ за нимъ и садится на корточкахъ позади трона.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ, король *и* Гучо.

Король *(глубоко задумался и никого не замѣчаетъ)*.
Не надо горячо за дѣло браться.

Маркизъ *(съ поклономъ)*. Сегодня разразится катастрофа,
Когда король допуститъ это. Тамъ

(король поднимаетъ голову; маркизъ указываетъ ему на площадь дворца)

На площади живыхъ людей сжигаютъ,
И въ то же время вами данъ указъ,
Чтобъ изъ Испаньи выселить евреевъ.
Возможно ль допустить, чтобы монахъ
Народъ у короля Кастильи отнялъ?
Король. Орда, которую изъ королевства гонятъ,
Пылающій костеръ,—но въ чемъ же тутъ
Какую-то ты видишь катастрофу?
(Замѣчаетъ на столѣ подносъ съ золотомъ.)
Что это, деньги? Отъ кого и сколько?
Маркизъ. Тутъ тридцать тысячъ скудо золотыхъ,
Которые приносятъ въ даръ евреи
Отъ тридцати испанскихъ городовъ.
Король. Недурно. Въ чемъ же состоитъ ихъ просьба?
Маркизъ. Они оставить просятъ ихъ въ покоѣ.
Король. Ну, это слишкомъ! Не могу никакъ
Оставить я жидовъ.
Маркизъ. О, государь!
Не допустите, что бы сто евреевъ
Погибли на кострѣ.
Король. Нѣтъ, это жирно!
Маркизъ. Что жирно вы находите? Сто душъ?
Король. Нѣтъ, жирно то, чтобъ сталъ я отмѣнять.
Сожженье ихъ. Такъ хочетъ королева
И папа также этого желаетъ.
Хоть сотню сжечь ихъ нужно,—а не то
Покоя буду я лишенъ... Что слышно?
Что говорятъ?
Маркизъ. Не слышно ничего.
Народъ въ Кордовѣ жгутъ, жгутъ въ Сарагоссѣ,
Въ Туделѣ.
Король. Что еще?
Маркизъ. Графъ Реквезенцъ,
Въ нетрезвомъ видѣ будучи однажды,
Хулилъ святыхъ, священство порицалъ
И былъ сожженъ за это на кострѣ
Публично въ городѣ своемъ Хиронѣ.
Съ нимъ были слуги сожжены его,
Которые не донесли объ этомъ.
Сожгли дворецъ и все что было въ немъ,
Не исключая даже и шута.
Гучо *(вскакивая, какъ будто внезапно пробудившись).*
Трясетъ меня сейчасъ
Отъ страха лихорадка.
На свѣтѣ безъ того
Живется намъ не сладко,
А если будутъ жечь
За королей шутовъ,
Тогда я измѣнить

И королю готовъ.
И чтобъ себя спасти
Отъ казни навсегда,
Я въ члены поступлю
Священнаго суда.

Король *(смотритъ на золото)*.
Продуктъ жидовскаго кровопусканья. Н-да,
Могу сказать—народъ золотоносный.

Гучо. Какъ жгутъ другихъ—мнѣ это ничего.

Маркизъ. Евреи всѣ...

Король. Не говори — евреи,
А называй жидами ихъ.

Маркизъ. Жиды
О милости великой умоляютъ,
Чтобъ вы ихъ приняли у ногъ своихъ
И отмѣнили бы указъ о ссылкѣ.
Они желаютъ умереть въ странѣ,
Гдѣ ихъ отцы и дѣды умирали.
Примите, государь, ихъ

Король. Если будетъ
Согласна королева, то и я
Согласенъ. Пригласите королеву.

(По знаку короля Гучо идетъ и открываетъ дверь. Къ полуоткрытой двери подходитъ офицеръ дворцовой стражи. Гучо тихо передаетъ ему слова короля. Офицеръ наклоняетъ голову и уходитъ. Дверь закрывается. Гучо снова садится на корточки возлѣ трона.)

Маркизъ.
Король, всѣ предки ваши находили,
Что нѣтъ смирнѣй народа, чѣмъ жиды.
Изгнать жидовъ не долго, но тогда
У васъ однимъ народомъ будетъ меньше.

Король *(рѣзко)*.
Довольно про жидовъ. Давай про Розу.
Съ тѣхъ поръ, какъ между мной и ей закрылась
Въ монастырѣ желѣзная рѣшетка,
Я по ночамъ не сплю; она мнѣ снится.
Не думалъ я, что полюблю такъ сильно.
Ты о дѣлахъ мнѣ говоришь, а я
Не слушаю и думаю о Розѣ
Но что же Санчо? Сдѣлался монахомъ?

Маркизъ. Нѣтъ, отказался наотрѣзъ.

Король. Тогда
На эшафотъ его! Я ихъ нарочно
Въ ближайшихъ помѣстилъ монастыряхъ,
Чтобы всегда имѣть ихъ подъ рукою.
Онъ въ томъ монастырѣ теперь, гдѣ былъ
Мой дѣдъ отцомъ за ослушанье запертъ.

Какъ только Санчо сдѣлаютъ монахомъ,
Тогда и Розу я возьму оттуда.
Маркизъ. Нельзя. На монастырь эдиктъ наложенъ.
Король. Какой эдиктъ?
Маркизъ. Объявленъ тотъ бандитомъ,
Измѣнникомъ, убійцей, кто посмѣетъ
Войти туда, чтобъ совратить кого.
И даже вы...
Король. Того не можетъ быть.
Я, какъ король, имѣю доступъ всюду
И близокъ часъ, когда возьму я Розу.
Маркизъ. Тогда вы дѣло будете имѣть...
Король. Какое дѣло? Съ кѣмъ?
Маркизъ. Но...
Король. Говори скорѣе.
Маркизъ. Съ кѣмъ? Съ Торквемадой.
Король. Какъ, чтобъ я, король?!
Маркизъ. Да, вы—король, а онъ лишь—инквизиторъ.
Король. Такъ что же?
Маркизъ. Если онъ осудитъ васъ...
Король. Ну, что жъ тогда?
Маркизъ. Легко насъ принимаетъ
Къ себѣ святая церковь, но обратно
Уйти нельзя. Великій инквизиторъ
Обходитъ всѣ монастыри кругомъ,
Какъ волкъ свои показывая зубы,
И ни одной не выпуститъ чернички.
Король. Но подкупить его, пожалуй, можно?
Маркизъ. Попробуйте.
Король. Я подкуплю его
Маркизъ. Попробуйте.
Король. Предъ щедростью моею
Никто не устоитъ. На то есть также
И женщины.
Маркизъ. Онъ слишкомъ старъ для женщинъ.
Король. Есть почести, есть митра золотая
И пурпурная мантія, и титулъ.
Маркизъ. Желаетъ онъ монахомъ оставаться.
Король. Такъ деньги есть.
Маркизъ. Онъ бѣднымъ хочетъ быть.
Король Смирененъ, старъ и бѣденъ... Да, тогда
Онъ силенъ, какъ никто. *(Задумывается, скрестивши руки.)*
Быть въ нищетѣ—
И быть мнѣ равнымъ!
Маркизъ. Нѣтъ, онъ выше будетъ.
Король. Не можетъ быть.
Маркизъ. Ни женщины, ни деньги
Ни почести его не привлекаютъ,
И отъ него отдѣлаться нельзя.

Король. Тогда найти другія можно средства.
Ты понялъ?
Маркизъ. Нѣтъ.
Король. Вѣрнѣйшія.—Ну, понялъ?
Маркизъ. Какія же?
Король. Священникъ Арбуэцъ
Кинжаломъ былъ убитъ у алтаря.
Маркизъ. Нѣтъ, это не годится. Арбуэцъ
Къ святымъ причтенъ. Вы можете все дѣлать,
Во власти вашей—раздавать чины,
Казнить и миловать, но только церкви
Касаться вы не можете совсѣмъ.
И если вы преслѣдуете церковь,
То этимъ утверждаете ее.
Избейте всѣхъ монаховъ на землѣ,
Ханжей монастыря и лицемѣровъ,
Потомъ глаза на небо поднимите
И столько же увидите святыхъ.
Убитые отцы святыми стали,
И мы въ молитвахъ призываемъ ихъ.
И вотъ изъ груды тѣхъ святыхъ отцовъ
Явился къ намъ и этотъ страшный призракъ.
Я церковью всегда, монархъ, любуюсь:
Рабыня ли она, иль королева—
Она всегда останется святой.
Король *(уныло)*.
Теперь я каюсь. Правду говоришь ты.
Римъ нужно уважать. Смирюся я
Маркизъ *(въ сторону)*.
Какъ скоро согласился онъ со мною!
Болѣзнь какая-то! Чтобъ съ ней бороться,
Совѣтуешь ему совсѣмъ другое.
На этотъ разъ, однако, мнѣ онъ вѣритъ;
Напрасно здѣсь я хитрость примѣнилъ.
Пойдемъ прямымъ путемъ и перемѣнимъ
Языкъ, а то ужъ прежній не годится. *(Громко.)*
Вы сами дали вырасти монаху,
Теперь онъ васъ давно ужъ перерос.
Король *(задумчиво)*. Да, Торквемада...
Маркизъ. Всюду проникаетъ,
Испанію въ своихъ рукахъ онъ держитъ,
И стоитъ вамъ чего-нибудь коснуться,
Какъ онъ туда свои впускаетъ когти
И всюду замѣняетъ васъ... Теперь,
Не тѣ ужъ времена, когда могли вы
Съ угрозами явиться въ монастырь
И тутъ же настоятеля повѣсить...
А висѣлицы ваши! Если бъ только
Поставить ихъ посмѣли у костра,

Надъ ними посмѣялся бъ Торквемада!
Неравенъ былъ бы поединокъ вашъ.
Весь міръ теперь принадлежитъ монаху,
И превращаетъ въ пепелъ онъ людей.
Дворцы у насъ монастырями стали,
Вездѣ укоренилось духовенство
И разрастается въ терновый кустъ.
Все уступаетъ этому монаху,
Бѣгутъ, спасаются—куда кто можетъ,
Согнулся гордый и трепещетъ смѣлый,
Доносятъ другъ на друга поголовно
Кастильцы всѣ. Въ оковахъ принцъ Віанскій,
Вашъ родственникъ, а также принцъ Альфонсъ,
Инфантъ Тудельскій схваченъ. Въ старину,
Подъ властью Леоноры и Рамиро,
Испанія цвѣла; всѣ веселились,
Звенѣли бубны, раздавались пѣсни.
Теперь все смолкло. Пѣсенъ больше нѣтъ.
Испанію объялъ всеобщій ужасъ,
Повсюду видны сумрачныя лица,
На эшафоты всѣ лѣса уйдутъ
И дерева на нихъ не хватитъ скоро.
Преступнымъ стало все у насъ считаться:
Ходить босымъ, на молодой жениться
И для обѣда столъ накрыть въ субботу,
Вставать съ зарей, любить уединенье,
Безцѣльно имя призывать Господне—
Ужъ эти преступленья то и дѣло
Людей у насъ къ костру теперь приводятъ.
Отъ зарева костровъ багровы стали ночи.
Не будете солдатъ имѣть вы скоро
И подданныхъ не будете имѣть.
Въ одинъ лишь часъ, однимъ лишь только словомъ
Король все это могъ бы прекратить,
Но, нѣтъ, не хочетъ онъ. Испанья страждетъ,
И васъ народъ совсѣмъ не признаетъ.
(Указывая на галлерею, задернутую занавѣсомъ.)
Дошло ужъ до того, что предъ окномъ дворца
Костры всю ночь пылать сегодня будутъ
И женщинъ будутъ жечь, привязанныхъ къ столбамъ.

Король. Для блага церкви дѣлается это.

Маркизъ. И для того, чтобъ тронъ потерянъ былъ.
Кастилія покрыта вся костями
И паутиной заткана она,
А посреди паукъ—святой отецъ,
Который держитъ короля, какъ муху.
(Король опускаетъ голову. Маркизъ наблюдаетъ за нимъ.)
Свершилося. Орелъ попался въ сѣть
И крыльями напрасно въ ней онъ бьется.

Все утѣшеніе для васъ теперь,—
Евангеліе, Библія и Требникъ.
Все остальное недоступно вамъ.
Любить нельзя, о власти не мечтайте.
Куда дѣвался вашъ надменный нравъ!..
Да можетъ ли сравненье быть какое
Съ тѣмъ королемъ, какимъ вы были раньше!
Чтобъ женщину добыть,—должны вы ползать
Передъ монахомъ старымъ на колѣняхъ!
Пожалуй, даже можете заплакать...
Когда-нибудь исторія разскажетъ
Про этотъ огненный, ужасный вѣкъ,
Когда всѣ люди превращались въ пепелъ,
Когда мечу наслѣдовали вилы,
Чтобъ угли раскаленные мѣшать.
А кто жъ былъ, спросятъ, королемъ тогда?
И скажутъ имъ: «Великій Торквемада».

Король. Маркизъ, ты лжешь. Король здѣсь Фердинандъ.
Чтобъ я, считаясь тигромъ, допустилъ
Монаха королевствомъ управлять?!
Нѣтъ, этого не будетъ. Докажу
Отрубленными это головами.
Возьми съ собой солдатъ вооруженныхъ
И отправляйся въ женскій монастырь.
Хватай инфанту; все топчи ногами
И, знаю,—все согнется предъ тобой.
Бери указъ мой.

(Подходитъ къ столу, беретъ перо, пергаментъ и быстро пишетъ, прочитывая вслухъ.)

Именемъ закона
Противиться тому никто не долженъ—
Какъ будетъ поступать маркизъ Фуэнтель
По приказанью короля.

(Подписываетъ указъ и передаетъ маркизу.)

А если
Сопротивляться будетъ кто—громи,
Жги, убивай, уничтожай; чтобъ даже
И мѣста не осталося того,
Гдѣ монастырь стоялъ.

Маркизъ. А если бы монахъ
Какой-нибудь?..

Король. Убей того монаха.

Маркизъ. А если рейтаръ?

Король. Взять его на цѣпь.
Сто человѣкъ изъ африканской стражи
Достаточно, чтобъ монастырь разбить.

Маркизъ *(въ сторону)*.
И даже два. *(Громко.)* Хотя такой поступокъ

И совершается по вашей волѣ,
Но все же рисковать не слѣдъ.

Король. Ступай.

Маркизъ. Когда инфанту я освобожу,
Придется гдѣ-нибудь ее укрыть.

Король. Безспорно.

Маркизъ. Гдѣ жъ?

Король. Въ моемъ секретномъ паркѣ.
Симъ вечеромъ въ Тріану ѣду я
На день одинъ и, возвратясь оттуда,
Инфанту долженъ въ паркѣ я найти.
Тамъ я хозяинъ полный.

Маркизъ. Да, но ключъ?..

Король *(подходитъ къ письменному столу и выдвигаетъ ящикъ)*.
Ихъ два есть у меня.

(Беретъ изъ ящика два ключа и передаетъ одинъ маркизу.)

Одинъ тебѣ даю.

(Другой ключъ кладетъ въ ящикъ, который задвигаетъ. Гучо за спиною короля подползаетъ къ бюро и беретъ положенный королемъ ключъ въ карманъ.)

Гучо *(въ сторону)*. Другой же ключъ себѣ я оставляю.

Король. Посмотримъ, кто сильнѣй—я иль монахъ?
Увидимъ, кто король—я ль, Торквемада ль?

(Голосъ за дверью.)

Голосъ. Ея величество.

(Входитъ королева въ платьѣ, усѣянномъ блестками, съ короной на головѣ. Она дѣлаетъ глубокій реверансъ королю. Онъ отвѣчаетъ низкимъ поклономъ, не снимая шляпы. Королева направляется къ одному изъ троновъ и садится, не обращая ни на кого вниманія. За поясомъ у нея четки.)

Король *(тихо маркизу)*. Спѣши же. Быстрота—
Условіе успѣха. Отправляйся
И дѣлай то, что я тебѣ сказалъ.

(Входитъ герцогъ д'Алава и направляется къ королю.)

Король. Что нужно?

Герцогъ. Депутація евреевъ
Явилась милости просить.

Король. Впустите.

(Герцогъ уходитъ. Король тихо маркизу.)

Ступайте прямо въ женскій монастырь.

Маркизъ *(въ сторону)*.
Оттуда и въ мужской пройти надѣюсь.

Король. Иди скорѣй.

Маркизъ. Но...

Король. Что еще такое?

Маркизъ. А встрѣтится великій инквизиторъ?

Король. Монахъ презрѣнный? Червь онъ предо мной.

(Маркизъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Король, королева и РАВВИНЪ.

(Изъ потайной открытой двери проходитъ между двухъ рядовъ стражи съ пиками и аллебардами перепуганная толпа евреевъ, одѣтыхъ въ ветошь. Это еврейскіе депутаты—мужчины, женщины и дѣти, покрытые золой и одѣтые въ лохмотья, босые, съ веревками на шеяхъ. Тѣ изъ нихъ, которые изувѣчены и слишкомъ слабы послѣ пытокъ, идутъ на костыляхъ и съ приставными ногами. Нѣкоторыхъ, съ выколотыми глазами, ведутъ дѣти. Во главѣ депутаціи великій раввинъ Моисей-Бенъ-Хабибъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ стола раввинъ останавливается и падаетъ на колѣни. За нимъ падаютъ всѣ остальные. Старики бьются лбами о полъ. Король и королева смотрятъ поверхъ ихъ головъ.)

Раввинъ. Великій нашъ король и королева!
Мы, подданные ваши, прибѣгаемъ
Босые къ вамъ, съ веревками на шеяхъ,
И просимъ Бога нашего и васъ.
Мы всѣ уже во тьмѣ и сѣни смертной.
Вы жечь хотите нашихъ стариковъ
И весь народъ нашъ гоните еврейскій.
Мы принесли съ собою наши стоны.
Трясутся кости нашихъ мертвецовъ
И задрожали даже ихъ могилы.
О, сжальтесь же надъ нами, государи!
Мы съ кроткими и вѣрными сердцами
Живемъ смиренные въ лачугахъ тѣсныхъ,
Законы наши всѣ настолько ясны,
Что написать ихъ можетъ и дитя.
Еврей нашъ не поетъ, не пляшетъ, не смѣется,
Исправно платитъ вамъ свои налоги,
Ни на кого не ропщетъ никогда.
Повсюду насъ ногами попираютъ,
Но и за то благодаримъ мы Бога.
Но можно ли, чтобы съ новорожденнымъ,
Груднымъ ребенкомъ и съ такимъ ребенкомъ,
Котораго лишь отняли отъ груди,
Израиль двигался, гонимый всюду,
Имѣя впереди себя собаку,
Козу свою и тощую корову?
Чтобы пристанища народъ нашъ не имѣлъ
И былъ бы онъ кочующимъ народомъ?
О, короли, мы умоляемъ васъ—
Не жгите насъ, не бейте, не гоните,
И Богъ откроетъ двери рая вамъ.
Владыки наши! Сжальтеся надъ нами!
Въ лѣсахъ и звѣри съ самками живутъ,

И птицы въ гнѣздахъ счастливы на вѣткахъ,
И козы кормятъ молокомъ козлятъ.
Дозвольте же и намъ жить въ подземельяхъ,
Гдѣ мы живемъ, какъ узники въ темницахъ,
Вблизи могилъ своихъ родныхъ отцовъ.
Позвольте намъ лежать у вашихъ ногъ
И обливать ихъ горькими слезами,
Оставьте намъ отечество и небо
И хлѣбъ, который кажется намъ желчью.
Мы—пепелъ на землѣ, не будьте бурей.

(Указывая на деньги.)

Вотъ выкупъ нашъ. Благоволите вы
Его принять. Защиты вашей просимъ.
О, ангелами будьте вы для насъ
И приговоръ суровый отмѣните.
Сердца же наши и печаль свою
Передаемъ мы въ маленькія ручки
Инфанты Іоанны. Короли,
Мы умоляемъ — сжальтеся надъ нами.

(Минута полнаго молчанія. Всѣ застыли. Фердинандъ и Изабелла смотрятъ впередъ. Герцогъ д'Алава, стоявшій у стола, дотрогивается саблей до плеча раввина. Раввинъ поднимается и выходитъ, а за нимъ и всѣ остальные евреи. Послѣ ихъ ухода дверь осталась открытой. Король дѣлаетъ герцогу знакъ приблизиться.)

Король *(герцогу)*. О приговорѣ мы хотимъ секретно
Поговорить; а если кто войдетъ, —
Хотя бы даже принцъ, — то задержите.
Дверь закрывай и уходи отсюда.

(Герцогъ опускаетъ шпагу, наклоняется, снова поднимаетъ ее и выходитъ. Обѣ половины двери закрываются. Король и королева остаются одни. Во время этой сцены Гучо исчезъ. Онъ спрятался подъ ковромъ стола.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Король, королева и Гучо подъ столомъ.

(Король и королева, не говоря ни слова, пристально смотрятъ одинъ на другого. Молчаніе. Наконецъ королева опускаетъ глаза и смотритъ на столъ съ деньгами.)

Королева. Здѣсь тридцать тысячъ золотыхъ монетъ.
Король Да, тридцать тысячъ. Это составляетъ
Піастровъ тысячъ шестьдесятъ, а если
Піастры на цехины размѣнять,
То будетъ ихъ на двадцать милліоновъ.
Королева. Цехиновъ двадцать милліоновъ?!
Король. Да.
Но если обмѣнять цехины на безаны,
То можно ими нагрузить корабль.

Королева. Безанами?

Король *(дѣлаетъ головой утвердительный знакъ).*

А если размѣняемъ
Безаны на серебряные дуро,
То нагрузить два можно корабля.

Королева. Я смущена и въ головѣ шумитъ...
Давайте лучше «Отче нашъ» прочтемъ.

(Беретъ четки. Минута молчанія. Король передвигаетъ стопки золота.)

Король *(вполголоса).* Теперь войну могу вести свободно.

Королева *(перебирая четки).*
Клянись, король, что если я умру,
То ты не женишься вторично.

Король *(не слушая).* Съ Боабдилѣ
Я съ этимъ золотомъ...

Королева. Даешь ли клятву ты?

Король *(разсѣянно).*
Что? Клятву? Да, конечно. *(Задумываясь.)* Я тогда бы
Гренаду получилъ.

(Королева послѣ молитвы кладетъ четки на столъ.)

Королева. Мы деньги можемъ взять,
Но въ подданство я не приму евреевъ.

(Король поднимаетъ голову.)

Ихъ изъ Испаньи слѣдуетъ изгнать.

Король. Объ этомъ думалъ я, но неудобно...
Тогда другіе будутъ опасаться.

Королева. Предъ вами тридцать тысячъ золотыхъ,
Они у васъ въ рукахъ.

Король. И въ вашихъ—точно такъ же.

Королева. А можно ли потребовать еще?

Король. Немного позже.

(Перебираетъ золото.)

Да, отнявъ Гренаду,
Изгнать оттуда мавровъ я могу,
Евреевъ же возможно и оставить.

Королева *(подумавши).* Да, можно будетъ.

Король Деньги принимаемъ?

Королева. Конечно.

Король *(беретъ перо и обдумываетъ, что писать, совѣтуясь взглядомъ съ королевой).*

Отнынѣ отмѣняется указъ
О выселеніи отъ насъ евреевъ;
Костры, которые уже готовятъ,
Мы запрещаемъ зажигать и всѣхъ
Евреевъ выпустить велимъ изъ тюремъ.

(Король подписываетъ бумагу и передаетъ ее съ перомъ королевѣ.)

Королева *(беретъ перо)*.

Пусть будетъ такъ. Рѣшаюсь я на это.

(Въ то время, когда королева собирается подписать указъ, большая дверь открывается съ шумомъ на двѣ половины. Король и королева поворачиваются пораженные. Гучо высовываетъ голову изъ-подъ ковра. На верхней ступени появляется Торквемада въ доминиканской сѣрой одеждѣ, съ желѣзнымъ крестомъ въ рукѣ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Король, королева, Торквемада.

(Торквемада пристально смотритъ на распятіе, не обращая вниманія на короля и королеву.)

Торквемада. Христа за тридцать сребренниковъ продалъ
Іуда, а король и королева
За тридцать тысячъ золотыхъ монетъ
Хотятъ продать Спасителя.

Королева. О, Небо!

Торквемада *(бросаетъ крестъ на золото)*.
Жиды, идите брать Христа.

Королева Отецъ мой!

Торквемада. Христосъ! Тебя король и королева
Евреямъ продали. Жиды, ликуйте.

Королева. Отецъ мой!

Торквемада *(смотритъ въ упоръ на обоихъ)*.
Проклятъ ты, король, отнынѣ.
Будь королева проклята и ты.

Королева. Отецъ, мы просимъ...

Торквемада. На колѣни!

(Королева падаетъ на колѣни. Король дрожитъ и колеблется.)

Торквемада. Оба!

(Король падаетъ на колѣни. Торквемада указываетъ на Изабеллу, на короля и на золото.)

Вотъ королева наша, вотъ король,
А вотъ и груды золота предъ ними.
(Схватываетъ крестъ и поднимаетъ его надъ головой.)
Я васъ засталъ на мѣстѣ преступленья.
Цѣлуйте землю.

Королева. Милости!

Торквемада. О, ужасъ!
Гакъ вотъ какъ здѣсь ты царствуешь, антихристъ!
Съ жидами заключаешь примиренье,
Ауто-да-фе намѣренъ отмѣнить,
Тушить костеръ, зажженный для спасенья!..
Какая дерзость! Скипетромъ ничтожнымъ
Посмѣть къ кресту святому прикасаться!
Такъ знайте же—отъ нашего суда
Освобожденъ одинъ великій папа,

Но не свободны короли земли
Во время сна, во время вашихъ пиршествъ,
Нашъ черный флагъ у вашего порога
Всегда нежданно можетъ появиться
Имѣя крѣпости, войска и флотъ,
Себя считаете вы силой, Богъ ж
Давно въ аду вамъ приготовилъ мѣсто.

Король *(вставая)*. Великій инквизиторъ! Мы скорбимъ,
Что согрѣшить предъ церковью хотѣли.
Евреи будутъ изгнаны, и мы
Священные костры поджечь позволимъ

Торквемада. Да развѣ я нуждался въ позволеньи?
(Сходитъ по ступенямъ съ возвышенія, идетъ въ глубину геллереи и быстро отдергиваетъ занавѣсъ.)
Смотрите всѣ.
(Время близится къ ночи. Въ глубинѣ галлереи видна площадь, покрытая толпой. Посреди площади находится квемадеро—громадное зданіе, окруженное пламенемъ. Въ дыму виднѣются осужденные, въ смертныхъ одеждахъ, привязанные къ столбамъ, къ которымъ привѣшены сосуды со смолой, капающей на головы осужденныхъ. Слышны крики. На четырехъ углахъ квемадеро стоятъ четыре громадныхъ статуи, названныхъ евангелистами; статуи кажутся красными отъ раскаленныхъ углей. Въ отверстіяхъ статуй виднѣются руки, похожія на живыя головни. Ужасное зрѣлище пожара и казни. Король и королева смотрятъ пораженные. Гучо высовываетъ голову изъ-подъ стола и старается также увидѣть. Торквемада любуется на квемадеро.)

Торквемада. Какое торжество!
Какое милосердіе и радость!
Всѣмъ осужденнымъ будутъ прощены
Всѣ ихъ грѣхи. Костеръ потушитъ адъ
И предъ людьми откроетъ двери рая.
Тамъ ждетъ ихъ всѣхъ прощенье и любовь.
Какой исходъ великолѣпный найденъ!
Огонь придетъ, какъ выкупъ за рабовъ,
Окупятся страданья вѣчнымъ благомъ
И сколько тамъ спасенныхъ будетъ душъ!
Жиды и грѣшники мое составятъ племя,
Не будетъ больше проклятъ человѣкъ
И для него откроется блаженство.
(Доносятся крики съ костровъ.)
Вы слышите, какъ воетъ сатана,
Увидя тѣхъ, кто мной спасенъ для рая?
Пусть воетъ вѣчный каторжникъ теперь.
Своей рукой закрылъ я двери ада
И сатану тамъ заперъ навсегда.
(Смотритъ на квемадеро.)
О, угли раскаленные мои!
Вы для меня, какъ камни дорогіе.

Пылайте головни, бушуй святой огонь,
Пусть отъ костровъ несутся къ небу искры
И свѣтятъ въ небѣ яркими звѣздами.
Отъ тѣла грѣшнаго я душу отдѣлилъ.
Что скажешь мнѣ, діаволъ, ты на это?
Огонь всю грязь грѣховную смываетъ
И вѣчное блаженство намъ даетъ.
(Обращаясь къ сжигаемымъ.)
О, милыя, возлюбленныя чада!
Вы безъ меня погибли бы давно,
Купель огня спасаетъ васъ отъ ада.
Вы проклинаете меня за мигъ
И будете потомъ благодарить.
Я поражалъ, какъ Михаилъ Архангелъ.
Какъ я страдалъ, при видѣ вашихъ пытокъ,
Когда всѣ корчились въ мученьяхъ вы,
Когда въ тискахъ желѣзныхъ, раскаленныхъ
Держали васъ! Теперь вы всѣ свободны.
(Наклоняется къ землѣ и смотритъ.)
Ты, сатана, ужъ мучить ихъ не будешь.

Дѣйствіе третье.

Ночь. Широкая терраса королевскаго секретнаго парка въ Севильѣ, которая соединяется съ двухъ сторонъ съ аллеей. Въ глубинѣ сцены терраса обрывается у лѣстницы, ступеней которой не видно. Лѣстница идетъ во всю длину террасы. Низъ парка теряется въ темнотѣ, за террасой, съ которой открывается видъ на горы. На террасѣ стоитъ мраморная скамья. Во время дѣйствія всходитъ луна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Торквемада и Гучо *входятъ съ правой стороны аллеи. Гучо ведетъ Торквемаду, прижимая одной рукой къ сердцу свои куколки, а другой—передаетъ ключъ Торквемадѣ.*

Гучо. Прошу васъ не забыть, что ключъ отъ парка
Вручилъ вамъ Гучо, королевскій шутъ,
Какое тутъ свершится преступленье—
Опредѣлить я точно не могу,
Но думаю, что лучше будетъ вамъ
Немного подождать и самому все видѣть.
(Торквемада беретъ ключъ изъ рукъ Гучо.)
Гучо *(въ сторону)*. Я знаю—доносить не хорошо,
Но быть изжареннымъ еще вѣдь хуже.
Не для того рожденъ я, чтобъ сгорѣть.
Но вотъ вопросъ—кому теперь я вѣренъ?
Безспорно,—только самому себѣ.
Чтобъ ни было, я руки умываю.
Къ тому же, если бъ на кострѣ горѣлъ я,

Король не сталъ бы очень волноваться,
А этотъ простачокъ лишь двинетъ пальцемъ —
И Фердинандъ растянется предъ нимъ.
Такъ будемъ доносить; оставимъ стыдъ и совѣсть
И будемъ думать только о себѣ.

Торквемада *(въ сторону, разсматривая ключъ).*
Каковъ? Едва лишь получилъ прощенье
И снова началъ пакости творить!

(Гучо идетъ къ концу террасы и смотритъ въ глубину сада.)

Гучо *(въ сторону).* Сюда идутъ по лѣстницѣ; ихъ трое.
Но кто же третій? Впрочемъ, все равно.
Я исчезаю. Здѣсь теперь я лишній.

(Уходитъ въ ту сторону, откуда пришелъ.)

Торквемада *(въ сторону).*
Такъ вотъ онъ паркъ—тайникъ пороковъ всѣхъ!

(Уходитъ медленно въ аллею, налѣво. На лѣстницѣ появляется маркизъ, вслѣдъ за нимъ идетъ донъ Санчо и донья Роза, одѣтые, какъ и въ первомъ актѣ, послушниками. Маркизъ крадется, приложивъ палецъ къ губамъ и оглядываясь кругомъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркизъ, донъ Санчо и донья Роза.

Маркизъ. Опасно быть въ такой одеждѣ днемъ,
Теперь же ночь и васъ никто не видитъ.
Сомнѣнья въ томъ не можетъ быть, но все же
Осталось многое намъ сдѣлать до утра:
И лошадей намъ нужно для побѣга,
Найти одежду нужно гдѣ-нибудь,
Обдумать все, предусмотрѣть, рѣшиться...

(Вглядывается въ аллею парка.)

Опасности какъ будто никакой—
Король не здѣсь и заперты ворота.
Какихъ мнѣ страшныхъ стоило трудовъ
Освободить оттуда васъ; но все жъ я
Всѣ трудности сумѣлъ преодолѣть,
Осталось только перейти границу.
Но какъ же быть? Спасая васъ, пришлось
Монастыри разбить, и Торквемада
За мной пошлетъ во всѣ концы погоню.
Намъ гдѣ-нибудь укрыться нужно будетъ.
Король внезапно можетъ возвратиться.
Вотъ если бъ насъ монахъ гдѣ пріютилъ—
Теперь отцы святые всемогущи,
Хоть тоже и предатели они:
Случается, что продаютъ и тѣхъ,
Которыми подкуплены бываютъ.
Оставить васъ на время долженъ я.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Донъ Санчо и донья Роза.

Донъ Санчо. Тебя увидѣть—это все равно,
Что небеса увидѣть предъ собою,
Но если бъ знала ты,—какая мука
За жизнь твою бояться и дрожать.
Донья Роза. Насъ Богъ соединилъ. Онъ насъ спасетъ.
(Смотритъ на него съ нѣжностью.)
Люблю тебя.
Донъ Санчо. О, неужели съ неба
Не спустится безплотный духъ на землю,
Чтобы тебя прикрыть своею тѣнью?
Иль ангеловъ на небѣ не осталось?
Донья Роза. Тотъ человѣкъ—нашъ другъ.
Донъ Санчо. Онъ самъ боится.
Опасность намъ повсюду угрожаетъ.
Кто защитить насъ можетъ, Роза?
(Входитъ Торквемада.)
Торквемада. Я.
(Санчо и Роза смотрятъ на него пораженные.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Торквемада, донъ Санчо и донья Роза.

Торквемада. Узналъ я васъ. Когда я былъ въ могилѣ,
Явились вы, какъ ангелы, ко мнѣ.
Я вамъ своимъ спасеніемъ обязанъ,
Теперь настала очередь за мной.
Самъ Богъ меня направилъ къ вамъ. Скажите,—
Какая вамъ опасность угрожаетъ?
Зачѣмъ вы здѣсь? Быть-можетъ, въ заточеньи?
Я вижу васъ такими же, какъ прежде,
И по одеждѣ вашей догадался,
Что дали вы монашества обѣтъ.
Я полюбилъ васъ, дорогія дѣти,
Я былъ въ гробу, и вы пришли ко мнѣ.
Теперь вы въ узахъ,—я вамъ помогаю.
Донъ Санчо *(Розѣ)*. Да, это онъ.
Торквемада. Не бойтесь ничего.
Со мною вамъ ничто не угрожаетъ
И самъ король теперь не страшенъ вамъ.
Донъ Санчо. Вы, вѣрно, къ королю стоите близко?
Торквемада. Стою надъ королемъ я.
Донъ Санчо. Кто же вы?
Торквемада. Я тотъ, кого зовутъ освобожденьемъ,
Кто посланъ—уничтожить. свергнуть адъ;

Всѣ демоны трепещутъ предо мною.
Но кто же вы? Скажите, наконецъ.

Донъ Санчо. Я Санчо Салинасъ, инфантъ Бургосскій.

Донья Роза. А я инфанта Роза д'Ортецъ.

Донъ Санчо. Мы
Давно уже обручены другъ съ другомъ.

Торквемада. Зачѣмъ же здѣсь находитесь вы вмѣстѣ?

Донъ Санчо. Король насъ въ монастырь обоихъ заперъ,
Но мы оттуда оба убѣжали.

Торквемада. Вамъ покаянье за это назначатъ,
Но и король наказанъ будетъ мной,
Чтобъ монастырь не дѣлалъ онъ тюрьмою.
Свободны вы. Надѣйтесь на меня.
Чего жъ еще хотѣли бъ вы?

Донъ Санчо. Отецъ,
На доньѣ Розѣ я хочу жениться.

Торквемада. Согласенъ. Даже самъ васъ обвѣнчаю.

Донья Роза. О, мой отецъ!

Торквемада. Пусть будетъ рай для мертвыхъ,
А счастье пусть останется живымъ.

Донъ Санчо. Какую радость намъ вы принесли!

Торквемада. Какъ на себѣ Рахиль Іакова женила,
Такъ Санчо женитъ Роза на себѣ.
Не сбудутся надежды короля;
О нихъ теперь я только догадался.

Донья Роза. Кто бъ ни были, отецъ, вы, — іерей
Или епископъ, я могу васъ только
Благодарить за все. Какой счастливой
Для насъ минута оказалась та,
Когда вашъ крикъ вблизи мы услыхали.

Донъ Санчо. Я помню все. Былъ тихій лѣтній вечеръ.
Я рвалъ цвѣты, а Роза все гонялась
За бабочками. Вдругъ, невдалекѣ,
Раздался крикъ подъ камнемъ.

Донья Роза. Помнишь, Санчо,
Ты мнѣ сказалъ «тамъ человѣкъ въ могилѣ.
Спасемъ его». Но камень былъ тяжелъ.

Донъ Санчо. Да, камень былъ тяжелъ. Но я замѣтилъ
Желѣзный крестъ вблизи могилы той.

Донья Роза. Ты откопалъ его.

Донъ Санчо. Онъ оказался
Хорошимъ рычагомъ для этой цѣли.
Благодаря кресту, теперь вы живы.

Торквемада *(въ сторону)*. Все кончено. Они осуждены.

Донъ Санчо. Я камень поднималъ, а Роза напирала
На крестъ желѣзный тотъ и, наконецъ,
Открылася могила передъ нами.

Торквемада *(въ сторону).*
Какое страшное святыни оскверненье!
Крестъ вырытый! Для нихъ спасенья нѣтъ —
Не съ королемъ теперь имѣютъ дѣло,
А съ Богомъ. *(Громко.)* Но увѣрены ли вы,
Что рычагомъ былъ крестъ?
Донъ Санчо. Безъ всякаго сомнѣнья.
Онъ близъ могилы у стѣны стоялъ.
Торквемада *(въ сторону).*
Крестъ вырытый! Теперь необходимо
Иначе ихъ спасать! *(Громко.)* Я скоро возвращусь.
Донъ Санчо. Здѣсь нѣтъ у насъ ни близкихъ, ни пріюта,
Одинъ лишь вы насъ можете спасти.
Торквемада. Не безпокойтесь, дѣти, я спасу васъ.
(Уходитъ въ глубь сцены. Видно какъ онъ медленно сходитъ по лѣстницѣ и затѣмъ исчезаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Донъ Санчо и донья Роза.

Донья Роза. Какъ часто намъ бываетъ неизвѣстно
Что ждетъ насъ впереди. Не правда ль, Санчо?
Спасенный нами насъ же и спасетъ.
Донъ Санчо. Да, Роза, вѣрь, надѣйся, ожидай.
Какъ онъ своею жизнью намъ обязанъ,
Такъ мы ему обязаны своей.
Иди ко мнѣ. Теперь мы неразлучны.
(Привлекаетъ ее къ себѣ.)
Донья Роза. Самъ Богъ простеръ надъ нами руку.
Донъ Санчо. Природа вся настроена, какъ лира.
Какъ будто къ намъ изъ рая голоса
Доносятся. Ты слышишь?
Донья Роза. Послѣ долгой
Томительной разлуки говоришь
Все, что на умъ придетъ: о будущемъ, прошедшемъ,
О настоящемъ хочется сказать,
Но смыслъ одинъ: «люблю тебя». И этимъ
Все сказано бываетъ. Милый другъ!
Какъ много слезъ я пролила съ тѣхъ поръ,
Когда меня съ тобою разлучили!
Надежда всякая потеряна была
И сердце разрывалося на части,
Я поняла, что жизнь оборвалась
И смерть къ себѣ не разъ я призывала.
(Надъ темнымъ горизонтомъ вдали появляется луна.)
Донъ Санчо. Ахъ, если бъ знала ты!.. Но лучше все забыть.
Одна любовь крѣпка, живетъ одно лишь сердце,
А остальное все ничтожно и умретъ.
Жить и любить — вотъ истинное счастье.

Взгляни—какъ появляется луна,
Какая красота разсѣяна повсюду.
Не призываетъ ли сама природа насъ
И вѣрить, и надѣяться на Бога?
Не бойся ничего, красавица моя.
Надежда, какъ роса, нежданно къ намъ спадаетъ;
Печаль, какъ лилія, мгновенно опадетъ.

Донья Роза. Надѣяться все то же, что родиться.

Донъ Санчо. Любить все то же, что существовать.

Донья Роза. О чемъ я думала?.. Ахъ, да, хотѣлось мнѣ
Тебѣ сказать, что я твоя навѣки.

Донъ Санчо. Такъ подойди ко мнѣ. *(Роза приближается.)*
Поближе подойди.

(Оба опускаются на скамейку. Роза въ объятіяхъ Санчо.)

Донья Роза *(любуясь Санчо)*.
О, мой король донъ Санчо! Ты прекрасенъ.

Донъ Санчо. Обвѣнчаны мы скоро будемъ, Роза.
Навѣрно Богъ молитвамъ нашимъ внялъ.
Ты понимаешь ли божественное слово—
«Обвѣнчаны»? Стыдливость, красота...
Твой станъ священный привлекать и видѣть
Всегда тебя вблизи передъ собою,
О счастіи съ тобой мечтать и слышать
Слова любви и покрывать за нихъ
Твою улыбку долгимъ поцѣлуемъ.
Кто знаетъ? Можетъ-быть, но только не краснѣй,
Увидимъ скоро мы, какъ нашъ ребенокъ
Своими ручками жать будетъ грудь твою
И сладкими устами пролепечетъ
Нежданно слово: «мать».

Донья Роза. И скажетъ онъ тебѣ—
«Отецъ любимый мой».

(Въ это время въ глубинѣ сцены отъ нижнихъ ступеней лѣстницы появляется верхушка чернаго знамени, которое медленно приближается и, наконецъ, видно все. Посрединѣ его изображена мертвая голова съ двумя бѣлыми, крестъ на крестъ сложенными, костями. Донъ Санчо и донья Роза поворачиваются и остаются, какъ окаменѣлые. Справа и слѣва идутъ въ два ряда кающіеся въ черныхъ и бѣлыхъ одѣяніяхъ съ закрытыми лицами. Одинъ изъ нихъ держитъ черное знамя.)

Донъ Санчо. Что вижу я? О, Небо!

КОНЕЦЪ.

БЛИЗНЕЦЫ.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. — Переводъ А. И. Анекштейна.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король.
Маска.
Графъ Жанъ де-Креки.
Кардиналъ Мазарини.
Гійо-Горжю.
Тагусъ.
Графъ де-Бюсси.
Герцогъ де-Шонъ.
Графъ де-Брезе.
Виконтъ д'Амбрэнъ.
Бенуа Треву, начальникъ полиціи.
Ферте-Ирланъ.
Шанденье.
Горожанинъ.
Квартальный капитанъ.
Тюремщикъ.
Королева-мать.
Алиса де-Понтье.
Придворная дама.
Горожане, крестьяне, солдаты, сержанты.

Дѣйствіе первое.

Небольшая пустынная площадь близъ воротъ Бюсси, изъ которой расходятся нѣсколько узкихъ улицъ. Въ глубинѣ надъ домами видны всѣ три колокольни церкви Сенъ-Жерменъ де-Пре.

Въ моментъ поднятія занавѣса на авансценѣ находятся два человѣка. Одинъ изъ нихъ, Гійо-Горжю, помогаетъ другому переодѣться въ костюмъ, похожій на его собственный, т.-е. въ фантастическіе лохмотья комедіанта изъ Калло. Переодѣвающійся успѣлъ ужъ натянуть на себя панталоны и полукафтанъ изъ стараго чернаго шелка, надѣть желтые чулки и уродливые башмаки. Одежда обоихъ мужчинъ до того сходна во всѣхъ деталяхъ, что ихъ легко можно принять одного за другого. На землѣ лежитъ платье, которое снялъ съ себя переодѣвающійся, темнаго цвѣта, но на видъ дорогое.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, другой человѣкъ, тоже въ шутовскомъ костюмѣ, оканчиваетъ постройку балагана, сооруженнаго изъ жердей, вколоченныхъ въ щели между плитами мостовой, нѣсколькихъ соломенныхъ цыновокъ, изодранныхъ кусковъ узорчатой камки и другихъ подобныхъ матерій; снаружи возлѣ балагана—подмостки; внутри—столъ, бокалы, употребляемые фокусниками, игральныя карты, большой ящикъ, два продавленныхъ стула и чемоданъ, наполненный лѣкарственными снадобьями и склянками.

Возлѣ балагана небольшая ручная телѣжка.

Въ продолженіе первыхъ трехъ явленій черезъ площадь, въ глубинѣ сцены, время отъ времени проходятъ случайные прохожіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гійо-Горжю, Человѣкъ, Тагусъ, *занятый возлѣ балагана.*

Гійо-Горжю. Прекрасно сработано!—Вы совершенно преобразились; и какъ похожи на меня, удивительно!
(Съ довольнымъ видомъ разсматриваетъ человѣка со всѣхъ сторонъ.)

Человѣкъ. Ты находишь?.. Ну-съ, а когда придетъ дама?

Гійо-Горжю. Когда стемнѣетъ.

Человѣкъ. Она молода?

Гійо-Горжю. О, да! Повѣрьте, вы будете довольны. *(Таинственно.)* Около восьми часовъ вечера, когда здѣсь ужъ никто не проходитъ, вы тамъ, въ концѣ площади *(указываетъ рукой)* услышите три удара въ ладони, вотъ такъ *(трижды ударяетъ въ ладони)*; тогда произнесите громко: «Все въ рукѣ Божьей! Компьенъ и Пьерфонъ». Она тотчасъ же появится.

Человѣкъ. Смотри, не выдай меня!

Гійо-Горжю. Что вы, пріятель, за кого же вы меня принимаете!

Человѣкъ. А ты знаешь ея имя?

Гійо-Горжю. Нѣтъ, не знаю. *(Указывая направо на лачугу.)* Вонъ тамъ, возлѣ того домишки я ее видѣлъ всего одинъ разъ. Было темно, хоть глазъ выколи.

Человѣкъ. Рискованное предпріятіе!

Гійо-Горжю. А дама вѣдь не какая-нибудь... Высокопоставленная особа.

Человѣкъ. Какъ ты думаешь, что руководитъ ею?

Гійо-Горжю. Что можетъ руководить женщиной въ этомъ возрастѣ? Быть-можетъ, желаніе осуществить благородныя стремленія, которыми переполнена ея душа; или необузданная страсть къ самопожертвованію, не считающаяся ни съ какими доводами разума. Первый попутный вѣтеръ уноситъ такую ладью въ открытое море. Вы только не спугните ее, и не дѣлайте попытокъ раскрыть ея инкогнито.

Человѣкъ. Извѣстно ли ей имя узника?

Гійо-Горжю. О, нѣтъ! никому неизвѣстно это страшное имя, за исключеніемъ королевы и господина кардинала.

Человѣкъ. Почему же она вдругъ обратилась къ тебѣ за помощью?

Гійо-Горжю. Устройство побѣговъ изъ тюрьмы, это — наша спеціальность. Для насъ подняться на самую высокую стѣну, перепилить рѣшетку или сломать задвижку—дѣтская забава. Я освободилъ Шомберга изъ Бастиліи, адмирала Кастиліи, изъ Венсенской тюрьмы, Жифа—изъ Тампля, Лескюра изъ старой Амьенской крѣпости. Мы имѣемъ связи и поддержку всюду — среди воровъ, бродягъ, цыганъ, даже среди іезуитовъ.

Человѣкъ. Итакъ, если дальнѣйшія обстоятельства потребуютъ, я сумѣю тебѣ дать заработать. Впрочемъ, это дѣло будущаго; а теперь скажи мнѣ вотъ что. Значитъ, эта госпожа, полагая, что разговариваетъ съ тобой, Горжю, выболтаетъ мнѣ всѣ свои планы, не правда ли?

Гійо-Горжю. Я въ томъ увѣренъ.

Человѣкъ *(передавая ему кошелекъ, вынутый изъ одежды, лежащей на землѣ)*. Вотъ условленные сто луидоровъ.

Гійо-Горжю. Спасибо, капитанъ.

Человѣкъ. Да! а гдѣ письмо, украденное у курьера королевы? *(Гійо-Горжю передаетъ человѣку письмо, которое тотъ внимательно разсмотрѣвъ осторожно складываетъ и прячетъ.)* Какъ ты его досталъ?

Гійо-Горжю. Самымъ простымъ способомъ. Вчера я съ Тагусомъ вдвоемъ пошелъ прогуляться и подышать воздухомъ. Мы вышли на большую Испанскую дорогу. Вдругъ мимо насъ проскакалъ верхомъ какой-то всадникъ и остановился возлѣ Круа де-Берни. Тагусъ, долженъ я вамъ сказать, парень смѣтливый. Онъ мнѣ шепнулъ: этотъ господинъ навѣрно остановился, чтобы выпить стаканчикъ; теперь такъ жарко». И въ самомъ дѣлѣ всадникъ зашелъ въ трактирчикъ возлѣ церкви; а Тагусъ, продѣлавъ дыру въ его чемоданѣ, досталъ оттуда письмо и кстати нѣсколько дукатовъ. Если бъ насъ накрыли, мы здорово бы поплатились. Но къ счастью, всадникъ отправился дальше, ничего не замѣтивъ.

Человѣкъ *(про себя)*. Отъ какихъ случайностей зависятъ судьбы государствъ. *(Громко.)* Такъ, по-твоему, горожане, проходящіе по площади, меня не узнаютъ и примутъ за тебя?

Гійо-Горжю *(подавая ему нѣчто въ родѣ сюртука изъ стараго чернаго бархата и большой плащъ съ капюшономъ изъ желтаго муара)*. Вотъ, сударь, надѣньте мою алжирскую епанчу и муаровый плащъ. У васъ такая же борода и парикъ, такой же ростъ и внѣшній видъ, какъ у меня. Повѣрьте, никто васъ не узнаетъ.

Человѣкъ *(надѣвая сюртукъ и плащъ)*. Но можно ли довѣриться этому Тагусу, твоему слугѣ?

Гійо-Горжю. Онъ зорокъ, какъ орелъ и молчаливъ какъ рыба. За вами онъ пойдетъ въ огонь и въ воду. Вѣдь вамъ придворнымъ лучше нашего извѣстно, что человѣка можно выдрессировать, какъ собаку.

Человѣкъ. Какой языкъ, какое краснорѣчіе! О, Боже всемогущій, до чего мы дожили; такъ глубоко испорченность проникла всюду, что ужъ трудно отличить, гдѣ воръ и гдѣ придворный. *(Къ Гійо-Горжю.)* Но ты, по крайней мѣрѣ, меня не выдай и не вздумай вновь сюда явиться.

Гійо-Горжю *(съ театральнымъ паѳосомъ)*. Мой плащъ никогда не служилъ прикрытіемъ для предателя.

Человѣкъ *(съ усмѣшкой)*. Если вообще онъ можетъ служить прикрытіемъ.

Гійо-Горжю. Прошу васъ не сомнѣваться, сударь! *(Выискиваетъ на землѣ среди тряпья старую фетровую шляпу, измятую, мѣстами въ дырьяхъ и подаетъ ему съ величественнымъ жестомъ.)* Ваша свѣтлость, извольте шляпу. *(Подзывая Тагуса, который все время возится вокругъ своего балагана.)* Тагусъ, вотъ твой новый господинъ. *(Тагусъ кланяется.)* Служи ему вѣрно, будь преданъ, какъ и мнѣ. *(Дѣлаетъ ему незамѣтный жестъ рукой. Обращаясь къ человѣку.)* А васъ еще разъ прошу быть спокойнымъ. Впрочемъ, я отъ васъ не скрою, что я немедленно отсюда уѣзжаю. Вы знаете, для людей нашей профессіи жить въ Парижѣ становится все труднѣе.

Человѣкъ. Чортъ побери! и ты это говоришь, Горжю; отступать, когда дѣла такъ хорошо наладились.

Гійо-Горжю. Но что дѣлать, когда господа изъ Шатле ведутъ себя такъ глупо. Скажите, кстати, знакомы ли вы хоть немного съ хиромантіей?

Человѣкъ. Знакомъ немножко. Прекрасное искусство!

Гійо-Горжю. Благородное и древнее, замѣтьте. Искусство читать по линіямъ руки, что дѣлается въ человѣческой душѣ. Нерѣдко весьма высокопоставленныя дамы обращаются ко мнѣ, чтобъ я имъ погадалъ о будущемъ, объ ихъ судьбѣ.

Человѣкъ *(удивленно)*. Ты говоришь, нерѣдко?

Гійо-Горжю. Скажу больше, даже очень часто.

Человѣкъ. Здѣсь, на улицѣ?

Гійо-Горжю. Да, здѣсь.

Человѣкъ. На открытой площади?

Гійо-Горжю. Онѣ вѣдь подъ вуалью. Къ тому же мы опускаемъ занавѣсъ. *(Указываетъ на ужасную тряпку, висящую на кольяхъ у балагана. Затѣмъ указывая на чемоданъ, наполненный склянками.)* Вотъ здѣсь эликсиры. *(Выдвигая ящикъ стола.)* А здѣсь чернила и перо, если понадобится написать словечко. *(Выбираетъ изъ одежды, снятой человѣкомъ, большой коричневый плащъ и новую фетровую шляпу съ плюмажемъ и надѣваетъ на себя. Остальное сворачиваетъ въ узелъ и беретъ подъ мышку.)* Приближается часъ, когда черезъ площадь начнутъ проходить горожане. Я удаляюсь. Считаю долгомъ предупредить васъ, мой благодѣтель, что тотъ, кто носитъ мое имя, рискуетъ быть повѣшеннымъ; примите это къ свѣдѣнію.

Человѣкъ. Вотъ какъ? Въ такомъ случаѣ и тебѣ я долженъ сообщить, что моя шляпа тебѣ можетъ стоить головы.

Гійо-Горжю. Прощайте, да хранитъ васъ Богъ!

Человѣкъ. Да, какъ видишь, у Него съ нами хлопотъ немало. Прощай!

Гійо-Горжю уходитъ. Оставшись одинъ, человѣкъ усаживается на большой камень, лежащій тутъ же на мостовой, и вынувъ изъ кармана письмо, переданное ему Гійо-Горжю, всецѣло углубляется въ его чтеніе. Тагусъ приводитъ въ порядокъ склянки, затѣмъ принимается за починку ветхой обивки балагана.

ЯВЛЕНІЕ II.

Человѣкъ, одинъ.

Человѣкъ *(не отрывая глазъ отъ письма)*. Флотъ въ Гасконію, армію въ Пьемонтъ... агентовъ въ Мадридъ. *(Поднимая голову.)* О, у королевы недурныя планы. *(Задумчиво.)* Но эта дѣвушка, звѣзда, сошедшая съ своей орбиты, зачѣмъ она впуталась въ такое темное предпріятіе? Конечно, Мазарини способенъ все и всѣхъ испортить и развратить! Да, наши короли умѣютъ находить министровъ по своей мѣркѣ. Если въ какой-нибудь дырѣ, заброшенномъ углу, имѣется бездѣльникъ въ рясѣ, мечтаю-

щій о сутанѣ кардиналѣ, плутъ, лижущій ту ногу, которую онъ потомъ укуситъ, безбожный кюре иль самозванный дворянинъ съ душой пройдохи, который, захвативъ въ свои руки власть, разметаетъ всѣхъ, ему стоящихъ по дорогѣ, будь то слуга или король, который развратитъ все, къ чему ни прикоснется,—Бурбоны наши или Валуа непремѣнно его разыщутъ, вручатъ ему опеку надъ народомъ, передадутъ въ его руки законодательство, и судъ и самый тронъ,—однимъ словомъ все, начиная отъ Лувра до какой-нибудь лачуги, отъ придворныхъ верховъ до воровскихъ притоновъ, отъ чердака до погреба, и въ повара отравителя превратятъ! *(Вновь устремляя глаза на письмо.)* Итакъ, въ случаѣ успѣха, безъ войны, безъ единаго сраженія, Франшъ-Контэ будетъ отобрано у Испаніи.

Вновь углубляется въ чтеніе письма. Въ глубинѣ сцены показываются герцогъ Шонъ и графъ де-Бюсси; они входятъ на площадь, разговаривая шопотомъ съ таинственнымъ видомъ, не замѣчая человѣка, который ихъ тоже не замѣчаетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Герцогъ де-Шонъ, графъ де-Бюсси, *оба въ городскихъ костюмахъ.* Человѣкъ *на томъ же мѣстѣ,* Татусъ *около балагана.*

Графъ де-Бюсси. О, это очень странная исторія. Мнѣ хорошо извѣстно, это было за два года до рожденія короля.

Герцогъ де-Шонъ. Въ тридцать седьмомъ году?

Графъ де-Бюсси. Совершенно вѣрно. Вблизи Компьеня есть замокъ, какъ будто нарочно распланированный такъ, чтобы обмануть бдительность зоркой дуэньи или ревнивца, подозрѣвающаго любовника въ каждомъ гостѣ. Архитекторъ удивительно искусно расположилъ тайные коридоры и секретныя двери; словомъ, уголокъ спеціально созданъ для любовныхъ интригъ!

Герцогъ де-Шонъ. Другъ мой, мнѣ этотъ уголокъ извѣстенъ; онъ называется Плесси-ле-Руа. Скрытый въ густомъ лѣсу, этотъ замокъ, былъ еще давнымъ-давно соединенъ подземнымъ ходомъ съ Компьенскимъ замкомъ, затѣмъ этотъ ходъ былъ засыпанъ, а теперь по приказу Мазарини вновь возстановленъ. Ключи отъ этого подземелья имѣются только у королевы и у него. Тамъ, съ благосклоннаго разрѣшенія Рима, совершился бракъ, соединяющій королеву съ этимъ человѣкомъ. И только тамъ, въ уединеньи, они могутъ говорить свободно и даже бранить другъ друга, если вѣрить слухамъ.

Графъ де-Бюсси. Да, слухи вѣрны. Такъ вотъ, въ тѣ времена въ Компьенѣ жилъ одинъ дворянинъ, по имени Жанъ де-Креки.

Герцогъ де-Шонъ. Красивый парень, насколько мнѣ извѣстно.

Графъ де-Бюсси. А въ Плесси жила одна красотка, которую держали чуть не взаперти. Жанъ, который былъ знакомъ со всѣми тайнами обоихъ замковъ, въ одинъ прекрасный вечеръ про-

никъ къ красавицѣ и смѣлымъ натискомъ ею овладѣлъ. Впослѣдствіи онъ узналъ, не знаю, какимъ путемъ, что красавица—жена его родного брата. Я тебѣ разсказываю только факты, а выводы ужъ дѣлай самъ. Такъ или иначе, но черезъ девять мѣсяцевъ красавица родила дѣвчурку, которая была признана отцомъ, такъ какъ особа эта, какъ я сказалъ, состояла въ законномъ бракѣ. Но каково было положеніе графа Жана... ты понимаешь.

Герцогъ де-Шонъ. Какъ назвали дѣвочку?

Графъ де-Бюсси. Ее зовутъ Алисой де-Понтье. Я полагаю, она теперь ужъ сирота.

Герцогъ де-Шонъ. Быть-можетъ, тебѣ извѣстно, гдѣ она теперь живетъ?

Графъ де-Бюсси. Въ томъ-то и дѣло, что она это тщательно скрываетъ; извѣстно только, что она живетъ монахиней, а вѣдь ей уже семнадцать лѣтъ.

Герцогъ де-Шонъ. Она красива?

Графъ де-Бюсси. Красавица! Жанъ де-Креки, какъ говорятъ, только и дышалъ этимъ ребенкомъ. Впрочемъ, его пѣсенка давно ужъ спѣта. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ онъ исчезъ со сцены, ставъ жертвой какого-то заговора.

Герцогъ де-Шонъ. Да, я вспоминаю. Онъ осужденъ и изгнанъ по постановленію Мазарини. Его имущество досталось герцогамъ де-Люинъ.

Графъ де-Бюсси. И если бъ онъ вздумалъ вернуться домой, то сложилъ бы голову на Гревской площади.

Продолжая свой разговоръ, де-Шонъ и де-Бюсси уходятъ. Тагусъ ужъ нѣсколько минутъ вертится возлѣ Человѣка, стараясь обратить на себя его вниманіе; наконецъ онъ рѣшается заговорить.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Человѣкъ, Тагусъ, *позже горожане, мужчины, женщины.*

Тагусъ. Господинъ?

Человѣкъ. Въ чемъ дѣло?

Тагусъ. Не пора ли намъ приготовиться?

Человѣкъ. Приготовляйся.

Тагусъ. Я думаю, нужно поспѣшить. Горожане скоро будутъ возвращаться съ сенъ-жерменскаго рынка. Не будешь ли любезенъ мнѣ немного помочь?

Человѣкъ помогаетъ ему установить большой барабанъ на подмостки.

Человѣкъ. Бей въ барабанъ.

Тагусъ принимается бить въ барабанъ. Въ глубинѣ площади тамъ и сямъ появляется нѣсколько прохожихъ. Поработавъ немного обѣими руками на барабанѣ, утомленный Тагусъ, перестаетъ бить.

Человѣкъ *(прислонившись къ подмосткамъ задумчиво)*. Въ эту исторію замѣшана женщина... Тутъ какая-то тайна... *(Обра-*

щаясь къ Тагусу.) Скажи, способенъ ли ты мнѣ оказать помощь въ одномъ добромъ дѣлѣ?

Тагусъ. Хозяинъ, добрыя дѣла, у такихъ людей, какъ мы съ вами, нерѣдко принимаютъ такой своеобразный оборотъ, что приводятъ насъ къ висѣлицѣ. Вы видите, это совсѣмъ невесело. Но все же я вамъ готовъ помочь, лишь бы имѣть чѣмъ пропитаться.

Человѣкъ. Какъ ты думаешь, кто я?

Тагусъ. Я полагаю, вы воръ. Впрочемъ, не все ли мнѣ равно? *(Съ ожесточеніемъ начинаетъ бить въ барабанъ. Вокругъ балагана понемногу образуется толпа изъ женщинъ, дѣтей, стариковъ, нищихъ. Взобравшись на подмостки, Тагусъ выкрикиваетъ во все горло.)* Эй, вы, крестьяне и горожане, царедворцы и дворяне, кто хочетъ жить мирно и спокойно въ этомъ шумномъ Парижѣ, кто хочетъ здоровья, кто ищетъ счастья, заходите къ намъ, мы все это продаемъ. Всѣмъ вамъ хорошо извѣстно, что гордость и пороки, любовь и адвокаты, лихорадка и няньки, злословіе, клевета, безумства и бредни вліяютъ на ходъ созвѣздій. Заходите къ намъ, у насъ есть счастье для всякаго, нигдѣ подъ луной вы не найдете такихъ астрологовъ, какъ мы. Манила слишкомъ теменъ, Фирмикъ не всегда вѣренъ, Жюнктенъ многословенъ, а Спина скупъ на слова; Карданъ провалился со своими предсказаніями относительно англійскаго короля; Арголусъ слишкомъ грекъ, а Понтанъ—римлянинъ; Леонисъ и Пезель держатся рутины *(съ внезапнымъ подъемомъ)*. А потому, господа, знайте разъ навсегда, что въ дѣлѣ распознаванія тайнъ природы, въ умѣніи вынимать гороскопъ, предсказывать всѣмъ будущее не хуже Аполлона, посредствомъ всѣхъ стихій воздуха, мертвыхъ тѣлъ, земли и воды,—въ искусствѣ получать съ небесъ манну и росу, призывать Ормузда, прогонять Аримана, влюбить жену богача барона въ урода или оборванца, произносить стихи знаменитаго Скаррона, предрекать всѣмъ полный успѣхъ въ ихъ начинаніяхъ превращать мѣдь въ золото тутъ же, на вашихъ глазахъ, продавать очень дешево всѣ чудесныя снадобья, графитъ, стираксу, сулему, митридатъ, отгадывать день, эпоху, число,—во всемъ этомъ нѣтъ равнаго моему господину, великому Гійо-Горжю, который сейчасъ выступитъ передъ вами. Жанъ Тритемъ не стоитъ его подметки, Птоломей въ сравненіи съ нимъ—невѣжда, а Калхасъ—нахалъ и негодяй. *(Сильная сенсація среди слушателей. Тагусъ, еле переводя дыханіе, входитъ съ подмостковъ и шопотомъ обращается къ человѣку.)* Теперь очередь за тобой, хозяинъ! А пока ты будешь говорить, я собственными руками хочу убѣдиться, что дѣлается въ карманахъ этихъ ротозѣевъ.

Человѣкъ. Это не мѣшаетъ. *(Взбирается на подмостки. Пока онъ произноситъ свою привѣтственную рѣчь, Тагусъ шмыгаетъ среди присутствующихъ и шаритъ въ карманахъ. Человѣкъ говоритъ съ напыщенностью комедіантовъ-шарлатановъ.)* Господа, я изъѣздилъ всѣ земли и моря на атласѣ и глобусѣ, на морскихъ картахъ и въ путеводителяхъ нѣтъ такого уголка, гдѣ я бы не побывалъ, не шагалъ, не искалъ, не шарилъ, не дѣлалъ самыхъ

тщательныхъ розысковъ и удивительныхъ открытій, которыхъ я бы не изъѣздилъ вдоль и поперекъ. *(Тагусъ послѣ набѣга на карманы слушателей возвращается на подмостки и, прикрываясь шапкой, показываетъ человѣку полную руку мелкой монеты.)*

Тагусъ *(шопотомъ)*. Посмотрите, хозяинъ, одни мѣдяки! *(Въ сторону толпы, съ негодованіемъ.)* Канальи! *(Спускается съ подмостковъ и вновь принимается шарить въ карманахъ зазѣвавшихся слушателей.)*

Человѣкъ *(продолжаетъ)*. Я видѣлъ Индъ и Китай и великую стѣну. Я видѣлъ, какъ смѣется алжирскій король; и даже болѣе, я видѣлъ, какъ онъ игралъ въ кости, сидя на своемъ пышномъ тронѣ, на спинкѣ котораго вышиты двѣ удивительныя птицы съ такими длинными разноцвѣтными хвостами, что концы ихъ образуютъ вокругъ трона пышную бахрому.

Тагусъ *(опустошая одновременно два кармана справа и слѣва)*. Одна изъ нихъ пьетъ, а другая ѣстъ. *(Въ сторону.)* Все одни мѣдяки!

Человѣкъ *(беря склянку и показывая зрителямъ)*. Смотрите, господа, вотъ любовный эликсиръ! *(Обращаясь къ какой-то тряпичницѣ.)* Бывали ли вы, сударыня, на придворныхъ венеціанскихъ балахъ?

Тагусъ. О, мы тамъ были. Мы насладились всѣмъ, чѣмъ можетъ насладиться смертный.

Человѣкъ. Я ужъ многое забылъ. Но помню, что инфанта была очаровательна въ роли Гебы. На ней было роскошное платье. Легкой походкой, съ милой улыбкой на устахъ, она носилась среди гостей и наливала всѣмъ вино... Смѣю васъ увѣрить, что она не брала его изъ какого-нибудь водопровода. А гости, какіе отборные гости — цѣлый олимпъ королей, герцоговъ и эрцгерцоговъ! *(Разставляетъ цѣлый рядъ склянокъ.)* Вотъ средства противъ зубной боли, лихорадки, обморока!

Тагусъ *(фальцетомъ)*. Кто хочетъ флакончикъ? Кто желаетъ свой гороскопъ?

Человѣкъ. Я былъ недавно въ Португаліи. У нихъ молодой король—ему всего шестнадцать лѣтъ; но такого веселаго короля я никогда не видалъ, клянусь честью. Когда алькадъ Обрегонъ, который нынѣ въ опалѣ, спросилъ у него: «какъ избавить ваше величество отъ графа Вальверде?» Онъ отвѣтилъ съ беззаботной веселостью, свойственной этому прекрасному возрасту: «Что проще, прикажи его убить!» *(Съ меланхоліей въ голосѣ.)* О, юность! весна! лазурь въ небесахъ! *(Обращаясь къ толпѣ.)* Кому нужны капли красоты? *(Къ покупателямъ.)* Вотъ лилейныя, жасминовыя, розовыя, миндальныя.

Тагусъ *(съ чувствомъ)*. Говорите же! *(Въ то время какъ зрители тѣснятся вокругъ подмостковъ: одни выбирая, другіе покупая или расплачиваясь, Тагусъ отводитъ на авансцену одного изъ горожанъ, держа его за большую пуговицу кафтана, и обращается къ нему съ таинственнымъ видомъ)*. Землякъ! Мой господинъ, долженъ я тебѣ сказать, очень великій магъ, такой

великій, какъ вотъ... *(Поднимаетъ кверху палецъ, какъ бы желая указать на самый отдаленный предметъ въ облакахъ.)* Видишь ли ты птицу вонъ тамъ?..

Горожанинъ *(глядя вверхъ)*. Нѣтъ, не вижу.

Тагусъ. А знаешь ли, если мой господинъ захочетъ, онъ можетъ направить ея крылья по какой угодно сферѣ, прямой, косой или параллельной. *(Вытаскиваетъ кошелекъ изъ жилетнаго кармана своего собесѣдника.)*

Горожанинъ. Но я не вижу никакой птицы.

Тагусъ. Да смотрите жъ! Тамъ, вонъ тамъ, въ воздухѣ! *(Вытаскиваетъ у него часы изъ другого кармана.)*

Горожанинъ *(внимательно всматриваясь по указанному направленію)*. Ничего не вижу.

Тагусъ. Потому что у васъ плохое зрѣніе, мой милый. *(Внезапная суматоха среди зрителей. Появляются полицейскіе, стрѣлки, жандармы, караульные, часовые во главѣ съ квартальнымъ капитаномъ. Толпа рѣдѣетъ. Тагусъ обезпокоенъ.)*

Квартальный *(громко)*. Кто изъ двухъ негодяевъ, которые здѣсь ломаются, носитъ имя Гійо-Горжю?

Человѣкъ. Я.

Квартальный. Ты? Въ такомъ случаѣ я тебя, мошенника, арестую.

Человѣкъ *(равнодушно)*. Вы могли бы выражаться повѣжливѣе, сударь.

Квартальный *(къ Тагусу)*. Ступай, безъ разговоровъ!

(Три жандарма хватаютъ Тагуса, который отъ нихъ отбивается.)

Человѣкъ. И моего слугу вы арестуете? Почему? За что?

Квартальный. Господинъ Треву, полицейскій профосъ, желаетъ съ тобой лично поговорить; онъ тебѣ все объяснитъ. Кстати, онъ здѣсь.

(Появляется Бенуа Треву, начальникъ полиціи, одѣтый въ черное, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сержантовъ.)

Человѣкъ *(все еще стоящій на подмосткахъ, обращаясь къ зрителямъ)*. Земляки! прошу васъ удалиться. Господинъ начальникъ полиціи, Треву пожаловалъ ко мнѣ за совѣтомъ; мы будемъ съ нимъ бесѣдовать по вопросамъ высшей политики. *(Сходитъ съ подмостковъ и привѣтствуетъ начальника полиціи; затѣмъ обращается къ стрѣлкамъ.)* Солдаты! введите ко мнѣ господина начальника полиціи и заприте хорошенько двери.

(Раздвигаетъ рваное полотнище, служащее занавѣсомъ. Бенуа Треву входитъ въ балаганъ. Солдаты разсѣиваются среди толпы.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Человѣкъ, Бенуа Треву. *Нѣсколько сержантовъ въ балаганѣ; по краямъ площади разставлены полицейскіе солдаты.*

Человѣкъ *(окинувъ взглядомъ начальника полиціи съ ногъ до головы)*. Вы съ ума сошли, сударь!

Бенуа Треву *(изумленный)*. Вы ловко выражаетесь!

Человѣкъ *(указывая на сержантовъ)*. Господинъ начальникъ полиціи, соблаговолите удалить этихъ сыщиковъ.

Бенуа Треву. Они здѣсь на своемъ мѣстѣ.

Человѣкъ *(очень вѣжливымъ тономъ)*. Простите, они меня стѣсняютъ. Впрочемъ, я васъ спрошу, какая вамъ будетъ польза отъ моего ареста?

Бенуа Треву. Я полагаю, что король меня за это поблагодаритъ

Человѣкъ. Не васъ, сударь, а господина кардинала; онъ-то и пожнетъ плоды вашихъ трудовъ.

Бенуа Треву *(улыбаясь)*. А вѣдь онъ правъ, этотъ бездѣльникъ.

Человѣкъ. Мазарини васъ ненавидитъ, не такъ ли? А вы намѣрены работать ему на руку.

Бенуа Треву. Возможно. Но все же я намѣренъ исполнить свой долгъ. Я обязанъ поддерживать порядокъ, являться на помощь честнымъ гражданамъ, охранять каждую дверь, каждый кошелекъ; очищать площади и улицы отъ бандитовъ, въ родѣ тебя, отъ воровъ, нищихъ, разбойниковъ.

Человѣкъ. Какую кучу несуразностей вы изволили наговорить.

Бенуа Треву. Довольно! Нечего мнѣ тратить съ тобой напрасно время. Собирайся въ тюрьму, негодяй!

Человѣкъ. Вы настоящій вандалъ!

Бенуа Треву. Въ Шатле его!

Человѣкъ. Остановитесь, пока не поздно! Не доводите меня до отчаянія, примите во вниманіе, что я могу отомстить. Я многое вижу и еще больше знаю. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ я шагъ за шагомъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, слѣжу за всѣми вашими секретами, развѣдываю всѣ ваши тайны.

Бенуа Треву. И запускаешь руки въ наши карманы. Отлично. Ты предстанешь передъ судомъ, мошенникъ! Онъ съ тобой раздѣлается.

Человѣкъ. Прекрасно! Передъ всѣмъ судомъ, на весь Шатле я въ тысячѣ язвительныхъ эпиграммъ разглашу ваши тайны, всѣ продѣлки вашихъ женъ и дочерей.

Бенуа Треву. И что жъ! Ты будешь уличенъ, ты будешь осужденъ.

Человѣкъ. Позвольте вамъ указать на такое обстоятельство. *(Понижая голосъ.)* Вамъ можно было бы причинить крупныя непріятности, разсказавъ нѣкоторыя подробности касательно кражи трехъ рубиновъ изъ драгоцѣнностей королевы.

Бенуа Треву. Но воры вѣдь были схвачены и надлежащимъ образомъ повѣшены.

Человѣкъ *(на ухо Треву)*. А отнятые у нихъ рубины, кажется, не возвращены по принадлежности.

Бенуа Треву *(въ сторону)*. Какой подлецъ! *(Громко)*. Но какія у тебя доказательства?

Человѣкъ. Чего?

Бенуа Треву. Того, что ты сейчасъ сказалъ.

Человѣкъ *(съ величественной улыбкой)*. О, я не педантъ и не настолько испорченъ, чтобы интересоваться такими мелочами; я предоставляю въ нихъ копаться королевскому прокурору.

Бенуа Треву *(къ сержантамъ)*. Отойдите немного въ сторону! *(Человѣку.)* Поговоримъ немного по душѣ. Скажи, откуда тебѣ все это извѣстно? Вотъ стулъ, садись.

Человѣкъ *(садясь)*. Да я все это узналъ тѣмъ же путемъ, какъ я узналъ, напримѣръ, о нѣкоторомъ заговорѣ...

(Треву дѣлаетъ знакъ сержантамъ выйти изъ балагана.)

Бенуа Треву *(съ безпокойствомъ)*. О заговорѣ? Вы меня, право, удивляете, мой милый!

Человѣкъ *(равнодушно)*. Въ которомъ и вы замѣшаны.

Бенуа Треву *(съ возрастающимъ безпокойствомъ)*. Я? Это невѣрно!

Человѣкъ. О, это строгая тайна! Одинъ узникъ...

Бенуа Треву *(рѣзко)*. Молчи!

Человѣкъ. Какъ вамъ угодно. Я умѣю молчать.

Бенуа Треву. Нѣтъ, говори!

Человѣкъ. Скажите, съ какой цѣлью вы однажды провезли этого узника мимо Компьеня, гдѣ тогда находился дворъ?

Бенуа Треву. Чистая случайность!

Человѣкъ. Изъ всей обстановки этого предпріятія можно заключить, что вы разсчитывали на нѣкоторое благопріятное стеченіе обстоятельствъ. Ибо, хоть Мазарини является главнымъ предметомъ заговора, но взрывъ вѣдь могъ угодить и повыше.

Бенуа Треву. Чортъ побери! Но откуда вамъ это извѣстно? *(Въ сторону.)* Ужасный субъектъ!

Человѣкъ. Все, что вы говорите за столомъ, въ постели, даже на исповѣди,—все это мнѣ извѣстно. *(Вынимаетъ изъ кармана письмо, переданное ему Гійо-Горжю.)* Посмотрите на это письмо; знакомъ ли вамъ этотъ почеркъ?

Бенуа Треву *(взглянувъ на письмо, блѣднѣетъ)*. Мнѣ этотъ почеркъ незнакомъ.

Человѣкъ. Такъ, такъ...

Бенуа Треву *(въ сторону)*. Это почеркъ королевы.

Человѣкъ *(улыбаясь)*. Отбросьте страхъ и будьте откровенны; вѣдь вы знаете, что это почеркъ королевы. Прочтите адресъ.

Бенуа Треву *(читаетъ)*. «Моему брату испанскому королю». *(Въ сторону.)* Мнѣ кажется, передо мной не человѣкъ, а самъ дьяволъ.

Человѣкъ. А теперь прочтите письмо.

(Передаетъ ему письмо.)

Бенуа Треву *(читаетъ)*. «Я получила отъ папы сардониксъ, на которомъ выгравирована голова монаха. Я изъ него сдѣлала кольцо, которое всегда ношу».

Человѣкъ. Далѣе.

Бенуа Треву *(читая)*. «Я очень разсчитываю на вашу помощь. Чтобы осуществить нашъ планъ, достаточно послать эскадру въ Гасконію и армію въ Савойю».

Человѣкъ. Дальше.

Бенуа Треву *(которому голосъ начинаетъ измѣнять)*. «Объ узникѣ мнѣ здѣсь никто не напоминаетъ. Но однажды Мазарини, разсердившись, мнѣ сказалъ, что, несмотря на свой священный санъ, старость и болѣзнь, онъ собственной рукой убьетъ скорѣе этого ребенка, чѣмъ позволитъ его освободить изъ заключенья...»

Человѣкъ. Дальше.

Бенуа Треву *(читаетъ)*. «Дѣла идутъ не такъ, какъ я бы того желала. Но на моей сторонѣ Туара и господинъ де-Сувре; начальникъ полиціи Треву тоже принадлежитъ къ числу нашихъ...» *(Блѣднѣетъ и перестаетъ читать.)* Откуда у васъ это письмо?

Человѣкъ *(кладя письмо въ карманъ)*. Да ихъ у меня наберется еще нѣсколько. И если со мной случится несчастье, они будутъ опубликованы, и вамъ придется плохо. А потому совѣтую вамъ меня не раздражать и бережно относиться къ моей жизни. *(Бенуа Треву въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ сидитъ въ глубокомъ раздумьѣ, какъ бы не зная, на что рѣшиться. Затѣмъ онъ рѣзкимъ движеніемъ поворачивается къ человѣку и протягиваетъ ему руку.)*

Бенуа Треву. Будемъ друзьями!

Человѣкъ *(пожимаетъ руку Бенуа Треву и надѣваетъ шляпу)*. Цинна, я тебя провожу.

Бенуа Треву *(въ сторону)*. Эти бандиты удивительно умѣютъ всюду запускать свои глаза. *(Громко, съ любезной улыбкой.)* Скажи, мой другъ, ты навѣрно нуждаешься въ деньгахъ?

Человѣкъ. Объ этомъ легко судить не только по моему плащу, но и по сюртуку. Я не стану клеветать на портного, который мнѣ ихъ шилъ; всѣ эти дыры сдѣланы не имъ.

(Бенуа Треву вынимаетъ записную книжку, пишетъ нѣсколько словъ карандашомъ, затѣмъ, оторвавъ листокъ, подаетъ его человѣку.)

Бенуа Треву. Здѣсь чекъ на восемьсотъ ливровъ. Они твои, если назовешь мнѣ всѣ имена, если разскажешь всѣ секреты, которые тебѣ извѣстны. Понимаешь?

Человѣкъ *(беря листокъ)*. Я—воръ, это вѣрно; но шпіономъ никогда не буду.

(Разрываетъ листокъ. Бенуа Треву пріоткрываетъ занавѣсъ балагана и знакомъ подзываетъ сержантовъ, стоящихъ на перекресткахъ.)

Бенуа Треву *(обращаясь къ сержантамъ)*. Вы можете итти. *(Сержанты уходятъ. Площадь пустѣетъ. Треву съ нѣжностью въ голосѣ обращается къ человѣку.)* Поговоримъ немного по душѣ, теперь никто насъ не услышитъ. *(Внезапный звукъ шаговъ.)* Чортъ возьми! Мнѣ кажется, что кто-то сюда идетъ.

Человѣкъ. Какъ это досадно. Вы, кажется, настроились на нѣжный ладъ.

(Съ улицы налѣво входитъ дама подъ вуалью вся въ черномъ. Одно мгновеніе она оглядывается назадъ, какъ бы боясь быть кѣмъ-нибудь замѣченной, затѣмъ рѣшительнымъ шагомъ заходитъ въ балаганъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Человѣкъ, дама подъ вуалью, Бенуа Треву.

Въ моментъ появленія дамы Треву закутывается въ свой плащъ и усаживается на мѣстѣ Тагуса въ самомъ отдаленномъ углу балагана спиной къ свѣту, но въ такой позѣ, какъ будто онъ незаинтересованъ въ томъ, чтобы прятаться.

Дама подъ вуалью *(не замѣчая Треву)*. Мой другъ, не болѣе двухъ словъ. Посмотри только, никто меня не прослѣдилъ?

Человѣкъ. Нѣтъ, сударыня, не безпокойтесь.

Дама подъ вуалью. Прекрасно.

Человѣкъ *(въ сторону)*. Кто эта женщина?

Дама подъ вуалью. Ты говоришь прохожимъ ихъ гороскопъ и будущее умѣешь предсказать?

Человѣкъ. Да, сударыня.

Дама подъ вуалью *(про себя)*. Въ искусствѣ этомъ, чѣмъ ниже человѣкъ по положенью, тѣмъ лучше онъ умѣетъ разбираться на верхахъ. Не зная совершенно своего кліэнта, онъ умѣетъ начертать ему путь. *(Къ человѣку.)* Я пришла попросить у тебя совѣта. Послушай... *(Замѣтивъ Треву.)* Кто этотъ человѣкъ?

Человѣкъ. Это — мой слуга. Не бойтесь. Позвольте мнѣ вашу руку.

Дама подъ вуалью *(подавая ему руку)*. Скажи, что написано на моей рукѣ.

Человѣкъ *(замѣтивъ кольцо на ея рукѣ, въ сторону)*. Возможно ли? Сардониксъ, на которомъ вырѣзана голова монаха! значитъ, это — королева!

Дама подъ вуалью *(въ сильномъ волненіи)*. Говори же, углубись въ мою судьбу! Представь, что предъ тобою гордое существо, угнетаемое низкими и подлыми людьми.

Человѣкъ *(снимаетъ шляпу, затѣмъ идетъ и запираетъ окно въ противоположной сторонѣ балагана)*. Позвольте мнѣ запереть это окно, такъ будетъ покойнѣе вашему величеству.

Дама подъ вуалью *(вздрогнувъ какъ отъ электрическаго толчка)*. Какъ ты меня узналъ?

Человѣкъ *(не оборачиваясь)*. По вашей рукѣ.

Дама подъ вуалью. Меня выдала моя рука? Но чѣмъ?

Человѣкъ. Своею красотой. Настоящая королевская рука. Бѣлая съ розовымъ оттѣнкомъ. *(Въ сторону.)* Да кстати и сардониксъ мнѣ помогъ.

Королева. Такъ говори жъ скорѣе, я слушаю тебя.

Человѣкъ. Королева, у васъ тысяча причинъ страдать. Будучи звеномъ двухъ царственныхъ домовъ, вы обречены терзаться судьбами обоихъ. Въ Испаніи ваши предки, во Франціи же дѣти; побѣды и пораженія васъ одинаково заставляютъ плакать. Еще тяжелѣе раны, которыя вашему сердцу наноситъ Луvръ; вы согрѣли на своей груди змѣю, которая васъ непрестанно жалитъ. Мазарини — творенье вашихъ рукъ — подкапывается подъ васъ; медленно и незамѣтно вы падаете все ниже. Умъ Мазарини — единственное окно, черезъ которое король смотритъ на міръ Божій. Онъ видитъ всѣ дѣла въ томъ свѣтѣ, въ которомъ ихъ ему представитъ кардиналъ-предатель, и до того увлеченъ слѣпой къ нему любовью, что готовъ жениться на его племянницѣ Олимпіи Манчини. Васъ отталкиваютъ, надъ вашими страданьями смѣются и съ ликованьемъ втаптываютъ васъ въ грязь. Вы же хотите мстить, остаться матерью и королевой, бороться, поражать, наказывать; но васъ терзаютъ мрачныя видѣнья, и отъ замысловъ своихъ вы даже блѣднѣете въ потемкахъ.

Королева *(смотритъ на человѣка съ смѣшаннымъ чувствомъ страха, любопытства и глубокаго изумленія)*. Несчастный! Кто все это тебѣ сказалъ?

Человѣкъ. Никто. Я это вижу самъ. Сударыня, вы должны знать, что великія тайны, которыя гнѣздятся въ сердцахъ людей, стоящихъ на недоступной высотѣ, отъ собственной тяжести срываются и съ грохотомъ катятся внизъ; и то, чего не могутъ прочитать во мракѣ вашихъ душъ льстецы и царедворцы, народный глазъ разбираетъ свободно.

Королева *(поднимая вуаль)*. Такъ пожалѣй меня! Мои слезы жгутъ мнѣ сердце. Пройдетъ не больше мѣсяца, и король — мой сынъ — достигнувъ шестнадцати лѣтъ, навѣрно заключитъ этотъ постыдный бракъ.

Человѣкъ *(шопотомъ)*. Еще кому-то минетъ въ тотъ моментъ шестнадцать лѣтъ.

Королева *(блѣднѣя)*. О комъ ты говоришь?.. Мой другъ, ты бредишь.

Человѣкъ *(тихо и многозначительно)*. Говорятъ о его необыкновенномъ сходствѣ,—съ кѣмъ, вы знаете лучше моего.

Пристально смотритъ на королеву, которая отъ него отворачивается съ выраженіемъ тоски.

Королева *(въ сторону)*. Кто этотъ человѣкъ? О, Боже! я во власти глазъ, которые видятъ даже то, что въ могилѣ. *(Быстро оборачивается къ нему и, въ свою очередь, устремляетъ на него пристальный взоръ)*. Если такъ, если ты все знаешь, то сообщи мнѣ, ужасный чародѣй, что однажды сказалъ объ этомъ кардиналъ.

Человѣкъ *(безстрастно, подчеркивая каждое слово)*. Онъ сказалъ, что несмотря на старость, болѣзнь, священный санъ, онъ собственными руками,—какъ это ни безчеловѣчно и противно, — убьетъ...

Королева *(прерывая его, съ ужасомъ)*. Я запрещаю тебѣ называть это имя!

Человѣкъ *(продолжая)*. Этого узника, но не позволитъ ему вновь явиться на свѣтѣ.

Королева *(взволнованная)*. Молчи! Мнѣ страшно! Если бъ я не видѣла предъ собой твоихъ глазъ, я бы думала, что мнѣ все это снится, и что я слышу голосъ тѣхъ ужасныхъ мертвецовъ, которые иногда встаютъ изъ могилы, чтобы заговорить.

Человѣкъ. Вы видите, предъ вами уличный комедіантъ.

Королева. Но скажи, тебѣ являются видѣнья? Тебѣ извѣстно, о чемъ разговариваютъ короли?..

Человѣкъ. И то, что они дѣлаютъ. Мое искусство безгранично.

Королева *(наклоняясь къ нему близко)*. Твой глубокій взглядъ внушаетъ мнѣ довѣрье. Скажи, что дѣлать мнѣ?

Человѣкъ. Тому, кто медлитъ, помогаетъ время. Будьте готовы. Ждите. Не стремитесь ускорять событій, которыя Господня десница на всѣхъ обрушитъ, и на тѣхъ, кто бодрствуетъ, и на тѣхъ, кто спитъ. Всѣмъ воздастся по заслугамъ.

Королева *(спохватившись)*. Ахъ, Богъ мой, ужъ поздно, мнѣ пора итти! Не можешь ли ты мнѣ оказать услугу? Видишь, я хотѣла бы вернуться въ замокъ инкогнито черезъ дверь, что со стороны лѣса, которая находится подъ охраной людей Треву. Что дѣлать мнѣ?

Человѣкъ. Я могу вамъ помочь. Мой слуга поддѣлаетъ вамъ пропускъ отъ имени Треву.

Королева. Неужели?

Человѣкъ. Знакомъ ли вамъ почеркъ начальника полиціи?

Королева. Да.

Выдвигаетъ ящикъ стола, откуда достаетъ перо и бумагу, и подаетъ ихъ Бенуа Треву, который въ продолженіе всей сцены оставался въ той же позѣ, время отъ времени украдкой бросая взглядъ на королеву.

Человѣкъ *(къ Треву)*. Живо! пиши: Пропустите эту даму и ея провожатыхъ.

Треву пишетъ. Человѣкъ беретъ бумагу и подноситъ ее королевѣ, которая съ удивленіемъ разсматриваетъ написанное.

Королева *(читая)*. Подписано Треву! *(Въ сторону.)* Онъ магъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья. *(Снимаетъ съ своего пальца сардониксъ и подаетъ его человѣку.)* Возьми и сохрани это кольцо на память обо мнѣ. Если захочешь меня увидѣть въ Луврѣ, Сенъ-Жерменѣ иль Компьенѣ,—однимъ словомъ, всюду, стоитъ тебѣ только показать это кольцо, и предъ тобой откроются всѣ двери. *(Человѣкъ опускается на одно колѣно, беретъ кольцо и надѣваетъ на свой палецъ. Королева дѣлаетъ ему знакъ, чтобы онъ выглянулъ на площадь. Ужъ наступаетъ вечеръ.)* Посмотри, не видно ли прохожихъ?

Человѣкъ *(отодвинувъ пологъ и выглянувъ наружу)*. Сударыня, ужъ вечеръ на дворѣ, и горожане всѣ разошлись по домамъ.

Королева. Прощай.

Выходитъ быстро. Какъ только королева скрылась, человѣкъ подходитъ къ Треву, который поднимается съ своего мѣста.

Человѣкъ *(къ Треву серьезно и внушительно)*. Теперь вы видите, начальникъ полиціи, что изъ насъ двоихъ одинъ держитъ жизнь другого въ своихъ рукахъ. Надѣюсь, вы не сомнѣваетесь теперь, что перевѣсъ на сторонѣ моей. Лишь пожелаю, могу васъ погубить. А потому прошу васъ съ вашими шпіонами немедленно убраться прочь и больше сюда не возвращаться. И если я увижу здѣсь одного изъ вашихъ сбировъ, я донесу на васъ. Ступайте. Впрочемъ, скажу вамъ на прощанье, что и у меня есть тайный планъ и замыселъ, быть-можетъ, очень важный; и что я не тотъ, котораго вы ищете. Надѣюсь, вы будете держать эти слова въ секретѣ; тогда и я вамъ гарантирую соблюденіе тайны. Молчаніе для насъ всего важнѣе. Къ тому же примите въ соображенье, что всегда предатель попадаетъ самъ въ поставленную имъ ловушку. А потому—никакихъ хитростей и козней! Согласны?

Бенуа Треву *(который еще не пришелъ въ себя)*. Да, согласенъ.

Человѣкъ. Верните мнѣ моего слугу.

Бенуа Треву *(въ сторону, взглядывая на человѣка со страхомъ)*. Не дурно я попался. Хотѣлъ схватить червя, наткнулся на ужа. Кто этотъ дьяволъ?

Человѣкъ *(указывая ему на дверь)*. Ступайте.

Треву уходитъ. Человѣкъ нѣкоторое время слѣдитъ за нимъ глазами, затѣмъ усаживается на камень возлѣ балагана. Въ глубинѣ сцены опять появляются герцогъ де-Шонъ и графъ де-Бюсси съ той стороны, откуда они ушли. Разговаривая, они выходятъ на авансцену, не замѣчая человѣка, который ихъ тоже не замѣчаетъ.

Человѣкъ *(задумчиво)*. Наступаетъ ночь.

Герцогъ де-Шонъ *(къ графу де-Бюсси)*. У меня все не выходитъ изъ головы исторія Жана де-Креки и судьба Алисы де-Понтье.

Де-Бюсси *(указывая на улицу налѣво)*. Смотри, сюда идетъ Брезе. Онъ разъяренъ какъ звѣрь.

Де-Шонъ *(глядя по указанному направленію)*. Да, онъ несется сюда, какъ ураганъ!

Де-Бюсси. Онъ только сегодня прочелъ книжонку, направленную противъ него, гдѣ говорится, что онъ кралъ, когда былъ въ Нимѣ.

Де-Шонъ. Говорятъ, что сочинителя самъ Мазарини вдохновлялъ.

Выходятъ графъ де-Брезе и виконтъ д'Амбрэнъ. Брезе чрезвычайно раздраженъ. У него въ рукѣ брошюра, которой онъ неистово жестикулируетъ. Производимый имъ шумъ заставляетъ человѣка обернуться и замѣтить четырехъ дворянъ, которые его не видятъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, *графъ* де-Брезе, *виконтъ* д'Амбрэнъ.

Графъ де-Брезе *(д'Амбрэну)*. Какое мнѣ дѣло до картины современныхъ пороковъ, которую ты мнѣ нарисовалъ. Вотъ что составляетъ теперь мою единственную заботу! *(Неистово потрясаетъ брошюрой.)* Вотъ гдѣ покоится моя жгучая печаль! О, за эту обиду, жестокую, предательскую, низкую, я жажду отомстить, но не могу!

Виконтъ д'Амбрэнъ. Успокойся, графъ. Ради Бога, возьми себя въ руки. Вотъ Шонъ и Бюсси, они тоже недовольны Мазарини.

Графъ де-Брезе. Недовольны? Но я униженъ!

Графъ де-Бюсси. Мы всѣ унижены не меньше твоего.

Виконтъ д'Амбрэнъ. Дворянство до того унижено, что ужъ безнаказанно Мазарини теперь на насъ обрушиваетъ свои удары. У Шона отняли его должность.

Графъ де-Бюсси. А у меня мой полкъ.

Графъ де-Брезе. Но униженье, самая жгучая обида, слово «лжецъ!», пощечина все это пустяки, клянусь вамъ, когда можно, какъ это водится между благородными врагами, взять своего противника за шиворотъ и сказать ему: «ступай!» Пусть Юзесъ оскорбитъ Эльбефа, Гонто уязвитъ Тремуйля, иль Альберъ нанесетъ обиду Фонтрайлю, ни на комъ изъ нихъ поступокъ не ляжетъ несмываемымъ пятномъ; все это люди благородныхъ правилъ, изъ которыхъ каждый отвѣчаетъ за то, что онъ сказалъ. На завтра, презирая законы и суды и метра Жана, палача парижскаго маршальства, пылая гнѣвомъ, бросая молніи изъ горящихъ глазъ, съ гордо поднятыми головами, со шпагами въ рукахъ, они выйдутъ къ барьеру. Ударъ за ударъ, кровь за кровь,—какъ это прекрасно! Ты это порицаешь, а я защищаю. То львы и тигры; они страшны, но въ нихъ есть величіе и красота, когда на дымящейся аренѣ цирка они сходятся для открытой, благородной битвы. Но негодяй, бездѣльникъ, крохоборъ, гдѣ-нибудь на мостовой поднимающій камень, чтобы запустить мнѣ имъ въ окно; монахъ, приблудшій изъ Италіи, мошенникъ въ клобукѣ, храбрецъ, котораго любая прачка съ Сены въ бѣгство обратитъ, который даже для того, чтобы царапнуть ближняго, беретъ у кого-нибудь взаймы когти; какой-нибудь захудалый попъ, нищій, плюющій на тебя, шепча въ углу молитвы, обливающій тебя помоями, состряпанными грязнымъ писакой по три су за строчку. Ахъ! мошенникъ въ митрѣ, низкій предатель подъ личиною святоши; подлый трусъ, спускающій на меня свою собаку, а самъ въ страхѣ удирающій, чтобъ спрятаться подальше! О, пусть меня назовутъ хвастунишкой безъ чести, безъ души, если завтра мои шесть лакеевъ не отхлещутъ этого мерзавца нагайками изъ воловьихъ жилъ передъ памятникомъ Генриха, что на мосту Понъ-Нёфъ!

Герцогъ де-Шонъ. Вотъ, ей Богу, блестящая идея; она мнѣ очень нравится.

Графъ де-Бюсси. Чтобы любоваться этимъ зрѣлищемъ, я туда отправлюсь съ толпою горожанъ, праздношатающихся, зѣвакъ.

Герцогъ де-Шонъ. Я приведу лакеевъ.

Графъ де-Бюсси. А я доставлю нагайки.

Привлеченный ихъ разговоромъ человѣкъ поднялся и незамѣтно подошелъ къ дворянамъ. Послѣ послѣднихъ словъ де-Бюсси, онъ фамильярно кладетъ руку на плечо де-Брезе.

Человѣкъ *(улыбаясь, къ де-Брезе, который изумленный внезапнымъ прикосновеніемъ оборачивается назадъ)*. Отхлестать кардинала римской церкви, министра, который держитъ въ своихъ рукахъ всю Францію и управляетъ ею какъ монархъ, сломать на его спинѣ нагайку изъ воловьихъ жилъ,—о, Брезе, какъ это прекрасно, величественно, но и какъ нелегко!

Общее удивленіе всѣхъ четырехъ дворянъ.

Графъ де-Бюсси. Съ кѣмъ говоритъ этотъ шутъ въ желтомъ капюшонѣ?

Виконтъ д'Амбрэнъ. Дай-ка мнѣ, герцогъ Шонъ, твою палку. Выслушивать шутки разныхъ проходимцевъ, это ужъ чортъ знаетъ что такое!

Человѣкъ *(не смущаясь)*. Я—Жанъ, графъ де-Креки, баронъ де-Вэзъ, у меня въ гербѣ—красное сливовое дерево въ золотомъ полѣ. Мои предки, одни безъ помощи вассаловъ и ополченья, завоевали и соединили подъ своей властью Бланшфоръ, Бэзъ, Агу, Монлоръ и Монтобанъ. Испанскій грандъ по матери, рожденной Фарнезе, и адмиралъ при Людовикѣ тринадцатомъ,—вотъ чѣмъ я былъ недавно. Десять лѣтъ тому назадъ изгнанный по повелѣнью Мазарини, я нынѣ меньше значу, чѣмъ послѣдній проходимецъ. На развалинахъ моихъ владѣній водворились и процвѣтаютъ герцоги де-Люинь; голова моя оцѣнена; я принужденъ прятаться, скитаться безъ крова, безъ пристанища, безъ родственниковъ и безъ друзей. Вотъ кто я теперь. Поэтому, быть-можетъ, вы позволите мнѣ присоединиться къ вамъ и принять участіе въ вашемъ разговорѣ.

Дворяне участливо окружаютъ Жана де-Креки.

Графъ де-Брезе. Твою руку, Креки! Боже праведный! наша участь сходна. Тебя осмѣлились изгнать, меня оскорбить, унизить.

Графъ де-Бюсси *(оглядывая де-Креки и какъ бы стараясь что-то вспомнить. Къ графу Жану)*. Да, это дѣйствительно де-Креки. Жанъ, память о тебѣ жива среди насъ и понынѣ.

Всѣ пожимаютъ руку графу Жану.

Герцогъ де-Шонъ. Мы говорили только что о тебѣ.

Графъ Жанъ. Спасибо, господа.

Виконтъ д'Амбрэнъ *(разсматривая съ удивленіемъ костюмъ Жана де-Креки)*. Графъ Жанъ, клянусь всѣми святыми, васъ невозможно узнать. Вы перерядились!

Графъ Жанъ. Нѣтъ, я постарѣлъ. Чтобъ постарѣть какъ я, десять лѣтъ ссылки больше значатъ, чѣмъ двадцать лѣтъ обыкновенной жизни. *(Обращаясь ко всѣмъ дворянамъ.)* Господа, къ чему вы стремитесь? Къ мести? Я вамъ дамъ возможность ею насладиться; но только, ради Бога, дѣлайте поменьше шума и

получше маскируйте свои планы! Повѣрьте, скоро я накрою зарвавшагося игрока, который, при удачѣ иль неудачѣ, стучитъ обоими кулаками по столу, не можетъ ужъ владѣть собою, раскрывая передъ всѣми свой денежный балансъ и карты, имѣющіяся на рукахъ. Пока онъ такъ шумитъ, мы натачиваемъ и подготовляемъ свое оружіе. Затѣмъ мы нападемъ. Съ характеромъ противника мы сообразимъ моментъ атаки. На Ришелье мы нападали днемъ, на Мазарини слѣдуетъ напасть ночью. А потому пока лишь слѣдуетъ вести подкопъ; рѣшительный ударъ мы нанесемъ тогда, когда будетъ готова вся подземнаа работа. Теперь ты понимаешь, де-Брезе, что слѣдуетъ воздерживаться отъ скандала; прошу тебя, не отказывайся отъ должности при королѣ. Затѣмъ, господа, не бойтесь ничего, хотя борьба, конечно, будетъ нелегка. Не спрашивайте у меня, зачѣмъ эти отрепья, въ которыя я переряженъ. Это мой секретъ, я не могу пока его открыть. Впрочемъ, такое одѣянье гармонируетъ съ эпохой, постыдной, лукавой, криводушной, когда все зиждется на общественномъ позорѣ, съ эпохой, когда куда ни поглядимъ, наткнемся непремѣнно на шарлатана, иль гаера, или фигляра, когда все превратилось въ фарсъ, и нѣтъ мѣста честнымъ людямъ; на однихъ подмосткахъ Ретцъ, на другихъ Мазарини, Австрія суфлируетъ актерамъ. А потому я, Жанъ Креки, изгнанный дворянинъ, видя Францію въ рукахъ комедіантовъ *(подходя къ столу возлѣ балагана, гдѣ разставлены стаканы для фокусовъ)* самъ превратился въ скомороха. Пока требуютъ обстоятельства, я буду производить скандалъ и шумъ на мостовой, ломаться и нагло хохотать, какъ если бъ я въ себѣ вмѣщалъ всю Францію своей эпохи—дворъ, парламентъ, фронду и финансы, кардинала съ духовенствомъ, Сорбонну и университетъ. Но такая дѣятельность, какъ она ни благотворна, отнюдь не является моей цѣлью. Я сохранилъ еще живую душу, я ненавижу притѣснителей и притѣсненному всегда готовъ помочь; но разыгрывать роль цензора не мое призванье. И потому, хотя я ужъ вошелъ во вкусъ, я сброшу эту маску, какъ только обстоятельства позволятъ. Но, быть-можетъ, вы думаете, что цѣлью моей является месть, низверженіе Мазарини, возвращеніе своего наслѣдства? И въ этомъ я долженъ васъ разочаровать. Конечно, мое сердце еще способно возмущаться и кровь кипѣть, но я слишкомъ старъ, чтобъ дать себѣ увлечь настолько гнѣвомъ; и хоть Мазарини долженъ пасть отъ моихъ замысловъ, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, надѣюсь, вѣрю,—но все же месть не является моей цѣлью. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что у меня на сердцѣ и къ чему стремлюсь я, выйду ли побѣдителемъ иль буду побѣжденъ. Всѣ десять лѣтъ, которыя я провелъ въ изгнаньи, всѣ помыслы мои, всѣ надежды были обращены сюда, къ Франціи. Здѣсь оставался мой ребенокъ,—мое счастье и вмѣстѣ съ тѣмъ страданье, заря, которая засіяла надъ моимъ челомъ, въ тѣ дни, когда мои кудри были еще черны, которая продолжала освѣщать мой путь въ изгнаньи, когда все для меня

померкло, ребенокъ, теперь ужъ дѣвушка въ расцвѣтѣ юныхъ силъ... Но зачѣмъ разсказывать вамъ вещи, которыя не могутъ васъ интересовать. Къ тому же тайна эта стала достояніемъ могилы. А она, бѣдная и чистая голубка, не знаетъ и не узнаетъ никогда, почему я такъ ее люблю. Господа, вотъ ужъ ровно десять лѣтъ, какъ я не видалъ этого ангела! Но я не могу жить, не слыша ея голоса, музыка котораго меня опьяняетъ, не видя ея глазъ, свѣта моихъ померкнувшихъ очей. Къ тому же она теперь совершенно одинока: я слышалъ, вы говорили, что она осиротѣла, и потому я обязанъ явиться къ ней на помощь. Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, должно-быть, перехватывали мои письма, я совершенно потерялъ ее изъ виду. Гдѣ она теперь живетъ,—не знаю. Чтобы имѣть возможность вернуться и жить рядомъ съ ней, я умолялъ, плакалъ, дѣлалъ тысячу низостей, говорилъ Мазарини, что онъ великій человѣкъ, прибѣгалъ къ покровительству друзей, которые писали королю изъ Мадрида и изъ Рима. Ничего не помогло, мнѣ не хотѣли разрѣшить вернуться. Тогда я себѣ сказалъ: пора покончить! Вотъ почему я прибылъ въ этотъ городъ и перерядившись въ эту странную и подлую ливрею, затѣваю страшное рискованное дѣло, въ которомъ, я надѣюсь, мнѣ поможетъ Богъ, и которое, быть-можетъ, приведетъ къ тому, что однимъ глубокимъ и ужаснымъ потрясеніемъ я измѣню ликъ Франціи и даже всего міра. *(Моментъ молчанія.)* Я все вамъ разсказалъ, не спрашивайте у меня больше; и впредь меня не узнавайте, не подходите близко. Но, тая въ себѣ негодованье, расширяя кругъ единомышленниковъ и друзей, готовьтесь къ тому моменту, когда вновь представъ передъ вашими изумленными очами, я вамъ крикну: «ко мнѣ, друзья! все готово! спѣшите довершить ударъ!»

Графъ де-Брезе. Можешь разсчитывать на насъ.

Всѣ четыре дворянина опять ему молча пожимаютъ руку съ сильнымъ чувствомъ.

Графъ Жанъ. Я на васъ разсчитываю. Прощайте. Наступаетъ часъ, когда я долженъ остаться одинъ. *(Провожаетъ всѣхъ четырехъ до конца площади, затѣмъ возвращается на авансцену и впадаетъ въ глубокую задумчивость. Приходитъ фонарщикъ, зажигаетъ фонарь и уходитъ. Графъ Жанъ продолжаетъ сидѣть, охвативъ голову руками.)* Кто эта неизвѣстная женщина?..

Уже совершенно стемнѣло. Въ нѣкоторыхъ окнахъ отдаленныхъ домовъ тамъ и сямъ зажигается свѣтъ. Въ концѣ площади появляется Тагусъ и бѣжитъ къ своему хозяину съ выраженіемъ дикой необузданной радости.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Графъ Жанъ, Тагусъ.

Тагусъ. Спасибо, хозяинъ, тысячу разъ спасибо. Безъ твоего вмѣшательства я былъ бы повѣшенъ, они мнѣ это сами сказали. А потому, хозяинъ, выслушай меня.—Бродяга отверженный по-

священ

свящаетъ свою жизнь тому, кто спасъ его отъ смерти. Я цѣликомъ теперь принадлежу тебѣ. Прикажи, и я послѣдую за тобою всюду. Возьми конецъ раскаленнаго куска желѣза, и я возьму другой; всѣмъ буду говорить: смотрите, вотъ мой господинъ, я ему преданъ, я его люблю, потому что безъ него я былъ бы мертвый прахъ на Гревской площади, кормилъ бы своимъ тѣломъ птицъ.

Графъ Жанъ. Хорошо, мой Тагусъ. Я разсчитываю на тебя. Теперь ступай, оставь меня одного.

Тагусъ. Мой господинъ, королю нельзя безъ Лувра, а намъ безъ балагана; я заберу его съ собой.

Принимается разбирать балаганъ; вытаскиваетъ колья, снимаетъ обивку, и все это постепенно складываетъ въ ручную тележку; туда же кладетъ столъ, стулья, барабанъ,—словомъ всю движимость балагана. Графъ Жанъ задумчиво смотритъ на его работу.

Графъ Жанъ. Гдѣ я тебя найду, когда ты мнѣ понадобишься?

Тагусъ *(не отрываясь отъ работы)*. Возлѣ Бодуэйскихъ воротъ, въ квартирѣ Ормъ-Сенъ-Жерве.

Графъ Жанъ. Хорошо, скорѣй кончай.

Тагусъ *(оставляя работу)*. Кстати хотѣлъ я вамъ сказать. Наши сержанты ничего не стоятъ; они только сіяютъ издали, а вблизи... *(вытаскиваетъ изъ кармана бумагу и подаетъ ее графу Жану)* вотъ, что я нашелъ у одного изъ нихъ въ карманѣ.

Графъ Жанъ *(развертываетъ бумагу и читаетъ при свѣтѣ фонаря)*. «Можете довѣриться подателю сего». Подписано Мазарини. Да, бумага какъ бумага; но при извѣстныхъ обстоятельствахъ она можетъ очень и очень пригодиться.

Прячетъ бумагу въ карманъ. Тагусъ кончилъ работу, весь балаганъ въ тележкѣ; онъ подходитъ къ графу Жану и беретъ его за руку.

Графъ Жанъ. Ступай. *(Тагусъ впрягается въ тележку и увозитъ ее. Когда онъ исчезаетъ изъ виду, Жанъ устремляетъ взоръ въ ту сторону площади, на которую ему указывалъ Гійо-Горжю)*. Ея еще нѣтъ! *(Возвращаясь на авансцену.)* Быть-можетъ... Но нѣтъ. *(Изъ темноты доносятся три удара въ ладони.)* Сигналъ! Наконецъ-то! *(Громко.)* Все въ рукѣ Божьей. Компьенъ и Пьерфонъ!

Съ той стороны площади, на которую указывалъ Гійо-Горжю, появляется молодая дѣвушка вся въ черномъ подъ длинной черной кружевной вуалью. Озираясь по сторонамъ, она медленными шагами приближается къ графу Жану.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Графъ Жанъ, молодая дѣвушка *подъ вуалью.*

Молодая дѣвушка *(тихимъ голосомъ)*. Другъ? Это—вы?

Графъ Жанъ *(тоже понижая голосъ)*. Да, сударыня.

Молодая дѣвушка. Вы здѣсь одни?

Графъ Жанъ. Да, одинъ. Можете быть вполнѣ спокойны.

Молодая дѣвушка *(подойдя къ нему вплотную)*. Ну, что?

Графъ Жанъ. Все идетъ прекрасно. Мы сломимъ цѣпи и рѣшетки и увеземъ узника изъ Пьерфона. Мнѣ Пьерфонъ знакомъ. Мои сообщники, переодѣтые солдатами и шутами, намъ помогутъ. Опасности никакой. Если только вы увѣрены въ тюремщикѣ, подкупленномъ вами, то мы его спасемъ. Ручаюсь за успѣхъ.

Молодая дѣвушка. Я могу открыть вамъ доступъ къ главной башнѣ. Дѣло въ томъ, что врачи какъ-то заявили, что не видя никогда человѣческаго лица, узникъ можетъ умереть съ тоски, несмотря на ихъ заботы, что тюрьма его убиваетъ и что ему было бы немного легче, если бы хоть изъ сосѣдней комнаты, къ нему доносилось чье-нибудь пѣніе. Благодаря тюремщику, подкупленному мною, я нанята для этой роли, такъ какъ тюремщикъ меня выдаетъ за свою дочь. И вотъ, въ назначенный часъ, находясь въ тюрьмѣ, я вамъ туда открою доступъ, и съ Божьей помощью мы увеземъ оттуда узника, мы вернемъ ему свѣтъ солнца, воздухъ, жизнь, счастье.

Графъ Жанъ. Но если мы его освободимъ, его нужно будетъ спрятать. Скажите, какъ вы это намѣрены сдѣлать?

Молодая дѣвушка. Мой другъ, у меня есть около Компьеня въ глубинѣ лѣса, на разстояніи одной мили къ сѣверу отъ Пьерфона, обширный старый замокъ, въ которомъ имѣется множество потайныхъ уголковъ; замокъ этотъ зовется Плесси-ле-Руа; построенный вдали отъ городовъ, въ эпоху междуусобныхъ войнъ, онъ самими строителями предназначенъ для того, чтобы скрывать тамъ кого нужно. Тамъ я родилась и тамъ — увы! — почила моя мать. Съ тѣхъ поръ тамъ не живетъ никто. Мы туда его проведемъ черезъ потайный входъ, къ которому доступъ извѣстенъ только мнѣ одной.

Графъ Жанъ *(слушавшій ее съ всевозрастающимъ волненіемъ)*. Боже мой!.. Сударыня, значитъ вы—Алиса де Понтье!

Молодая дѣвушка. Да! Но какъ вы это узнали?

Графъ Жанъ *(падая на колѣни)*. Сударыня!.. именемъ неба умоляю! вы видите, я стою передъ вами на колѣняхъ. Опасность велика, я васъ заклинаю, оставьте это предпріятіе, откажитесь отъ этой трудной, отъ этой невозможной авантюры. Я не тотъ, кѣмъ вы меня считаете; я совсѣмъ другой. Я старый другъ вашей благородной матери, я стоялъ надъ вашей колыбелью; но съ тѣхъ поръ я много выстрадалъ, снѣдаемый тоской, вынужденный молчать о своей миссіи, о своихъ правахъ. Передъ вами несчастный человѣкъ, который мечтаетъ только о томъ, если Богъ ему поможетъ, чтобы оградить васъ отъ страданій и дать вамъ радость; человѣкъ, котораго вы никогда не назовете принадлежащимъ ему именемъ... Но все же онъ какъ левъ васъ будетъ защищать, и какъ собака вамъ будетъ вѣренъ.

Алиса де-Понтье. Скажите, кто вы?

Графъ Жанъ. Вы прежде назвали меня своимъ другомъ. Я, старый солдатъ съ сѣдой бородой, предъ вами плачу. Судите жъ

сами, что я переживаю въ душѣ. О, довѣрьтесь мнѣ, проявите жалость... Подойдите немного ближе къ фонарю, я хочу посмотрѣть на васъ. *(Привлекаетъ ее къ фонарю и смотритъ на нее съ выраженіемъ обожанія.)* Какъ вы выросли, какъ похорошѣли! Какая радость васъ видѣть снова! Вотъ ужъ десять лѣтъ—десять лѣтъ тоски! Вы, конечно, теперь не можете меня узнать. Да, въ томъ замкѣ, о которомъ вы мнѣ говорили, я видѣлъ васъ совсѣмъ маленькой, розовой, цвѣтущей дѣвочкой, я любовался вами, когда бывало вы рѣзвились на лужайкѣ, среди цвѣтовъ, на вольномъ воздухѣ. О, повѣрьте мнѣ, я говорю вамъ правду. Однажды вы испугались, увидѣвъ толпу цыганъ, которые проходили мимо, и побѣжали прятаться ко мнѣ.

Алиса. Правда, правда! я вспоминаю.

Графъ Жанъ. Вотъ, видите!.. Примите жъ совѣтъ человѣка, который васъ любитъ. Вы рискуете головой. Посягая на цѣлость тюремныхъ рѣшетокъ и дверей, вы нападаете на самого Мазарини. Это—безуміе; остановитесь, пока не поздно. Скажите, что̀ васъ толкнуло на это предпріятіе? Какое ваше отношеніе къ этому узнику?

Алиса. Я его люблю.

Графъ Жанъ. Вы любите его!

Алиса. Неужели вы думаете, что я такъ поступаю изъ какихъ-нибудь политическихъ цѣлей?

Графъ Жанъ *(въ сторону)*. О, судьба противъ меня! она меня терзаетъ, какъ тигръ свою добычу.

Алиса. Да, я его люблю. Я чувствую, что сама судьба меня послала ему на помощь. Выслушайте, что я вамъ разскажу. Я дѣтство провела въ уединеньи, на рукахъ у нянекъ, вдали отъ родственниковъ и друзей, и первые мои опыты и знанья я почерпала изъ непосредственнаго общенія съ природой, изъ повседневной жизни полей, луговъ, лѣсовъ; и болѣе всего взлюбила я мечту. И вотъ самъ Богъ мнѣ посылаетъ встрѣчу, отъ которой теперь зависитъ вся моя судьба. Въ прошломъ году мимо замка, гдѣ я тогда жила, по дорогѣ изъ Мондидье въ Руа провозили какого-то узника. Я видѣла на равнинѣ весь конвой. Ко мнѣ пришли за разрѣшеньемъ помѣстить его въ моей тюрьмѣ; какъ вѣрноподданная своего короля, я принуждена была имъ выдать ключъ. Ночью, сгорая отъ любопытства, я рискнула спуститься въ подземелье черезъ тайный коридоръ, въ который доступъ былъ извѣстенъ мнѣ одной. Къ рѣшетчатой отдушинѣ я приникла глазомъ и то, что мнѣ представилось я не забуду никогда. Узникъ ходилъ взадъ и впередъ подъ сводами своей тюрьмы; по угламъ, во мракѣ, еще можно было различить четырехъ свирѣпыхъ сбировъ. Никто не говорилъ. То было молчаніе могилы. Кровь сбѣжала съ моего лица и холодъ сковалъ мнѣ члены; не въ силахъ оторваться отъ окна, я глядѣла сквозь рѣшетку на призракъ, окруженный палачами. Сколько времени прошло такъ,—не помню. Съ восходомъ солнца узникъ и сбиры уѣхали, исчезли какъ видѣнье. Съ тѣхъ поръ какое-то безуміе мною овладѣло, навязчи-

вая мысль, побороть которую я не въ силахъ. Повсюду этотъ узникъ меня преслѣдуетъ, проходитъ предо мной, протягиваетъ руки, затѣмъ снова исчезаетъ во мглѣ. Я должна его освободить! Кто онъ—я не знаю. Повидимому, онъ молодъ и не могъ совершить никакого преступленья. Такъ почему же палачи его истязаютъ и превращаютъ его жизнь въ какой-то страшный сонъ? Не получая отвѣта на мучительный вопросъ, не находя разгадки тайны, влекомая жалостью къ юному страдальцу, — я его полюбила. Узнавъ, что его перевезли въ Пьерфонъ, я рѣшила его увезти оттуда,—и увезу! Сколько разъ я себѣ повторяла то, что вы мнѣ только что сказали, что это безуміе, что это приведетъ меня къ гибели, что я, наконецъ, его не знаю и могла бы полюбить кого-нибудь другого изъ своего круга, какого-нибудь красиваго молодого дворянина... Но я безсильна съ собой бороться, — я его люблю! Освободить его стало цѣлью моей жизни. Эта мысль меня пожираетъ какъ пламя, какъ лихорадка! Называйте мои планы, какъ хотите; но я чувствую, что я его люблю!

Графъ Жанъ. О, какая пагубная мечта! Но вы не виноваты, вы были лишены нѣжнаго попечителя и совѣтовъ матери. Конечно, я не въ правѣ васъ винить.

Алиса. Сжальтесь, онъ такъ страдаетъ!

Графъ Жанъ. Вамъ не удалось, однако, увидѣть его лицо?

Алиса. Я представляю себѣ его въ своихъ мечтахъ.

Графъ Жанъ. А представляете ли вы себѣ эшафотъ на Гревской площади, ужасныхъ судей, допросъ, и смертный приговоръ, читаемый при свѣтѣ факеловъ?

Алиса. Я его спасу или сама погибну. Такъ хочетъ Богъ. Я ему открою дверь темницы или себѣ могилу. Возврата нѣтъ.

Графъ Жанъ. Остановитесь, молю васъ. Этотъ страшный, безразсудный планъ ведетъ васъ къ гибели навѣрняка. Именемъ покойной матери, и всѣхъ вашихъ предковъ, тѣми узами, которыя насъ связываютъ, умоляю васъ, Алиса! Наконецъ, я вамъ запрещаю!

Алиса. Я слышу голосъ свыше, приказывающій мнѣ дѣйствовать такъ, какъ я рѣшила. Не настаивайте же напрасно! Выслушайте меня, мой другъ! Если бъ моя мать, этотъ ангелъ, преждевременно почившій, и мой отецъ, маркизъ Поль де Креки встали изъ гроба, чтобъ меня заставить измѣнить свое рѣшенье, то—да проститъ мнѣ небо—я не послушалась бы ихъ.

Графъ Жанъ. Если такъ, то я не буду васъ удерживать. Самъ Богъ, повидимому, васъ направляетъ. Мнѣ остается только слѣдовать за вами, помогать вамъ; и если вы погибнете, самому погибнуть.

Алиса. Я жду васъ завтра.

Графъ Жанъ. Часъ?

Алиса. Полночь.

Графъ Жанъ. Мѣсто?

Алиса. За арсеналомъ.

Графъ Жанъ. Я приду.

Алиса *(протягивая къ нему руку, которую онъ прижимаетъ къ губамъ)*. Хорошо!

Уходитъ. Онъ падаетъ на колѣни.

Графъ Жанъ. Боже праведный, надежда всѣхъ страждущихъ, защити этого ребенка и не дай ему погибнуть!

Дѣйствіе второе.

Очень мрачная комната съ стрѣльчатыми сводами. Полъ изъ большихъ каменныхъ плитъ. Стѣны обтянуты пурпурнымъ бархатомъ съ золотой бахромой. Большія кресла съ золочеными ручками и мягкими спинками. Общій видъ—мрачный и величественный. Налѣво, въ нишѣ, роскошная широкая постель, съ колоннами и балдахиномъ, покрытая богатымъ кружевнымъ покрываломъ. Направо высокій каминъ, чугунная доска котораго покрыта рѣзными лиліями. Эта доска такъ велика, что закрываетъ собой почти весь каминъ. Тутъ же, направо, столъ, на четырехугольномъ гобеленовомъ коврѣ, покрытый бархатной скатертью. На столѣ венеціанское зеркало. Надъ кроватью большое распятіе изъ слоновой кости, обработанной подъ цвѣтъ эбеневаго дерева; распятіе неянсенитское, т.-е. съ распростертыми руками.

Въ углу направо, возлѣ стола, часть обоевъ оторвана и видна голая стѣна, на кирпичахъ которой вырѣзаны странныя надписи; на столѣ лежитъ большой гвоздь.

Комната освѣщается продолговатымъ рѣшетчатымъ окномъ, находящимся высоко въ задней стѣнѣ, къ которому можно подняться по тремъ высокимъ каменнымъ ступенямъ. Солнечный лучъ, проходя черезъ окно, рѣзко отражается на плитахъ пола. По оконному отверстію можно судить о необычайной толщинѣ стѣны.

Въ моментъ поднятія занавѣса возлѣ стола стоитъ какая-то странная фигура. Съ перваго взгляда невозможно опредѣлить ни ея пола ни возраста, такъ какъ она сверху донизу закутана въ длинное платье изъ фіолетоваго бархата, а голова цѣликомъ заключена въ черную бархатную маску, скрывающую не только лицо, но и волосы, и спускающуюся до самыхъ плечъ. Маска заперта сзади небольшимъ висячимъ замочкомъ. При движеніяхъ фигуры платье раскрывается и даетъ возможность видѣть нижнюю одежду изъ чернаго шелка и формы тѣла юноши. Узникъ кажется погруженнымъ въ безысходную печаль.

Въ глубинѣ, надъ окномъ, въ небольшой темной галлереѣ, идущей вдоль стѣны на высотѣ сводовъ и сообщающейся съ комнатой небольшой позолоченной деревянной лѣстницей, приставленной къ стѣнѣ слѣва, смутно виднѣется старый солдатъ съ сѣдыми волосами и такой же бородой, лицо котораго перерѣзано черной повязкой, скрывающей одинъ его глазъ. Онъ стоитъ неподвижно какъ статуя, держа въ правой рукѣ длинный пистолетъ, а въ лѣвой обнаженную шпагу. Его аллебарда, прислоненная позади него къ стѣнѣ, поблескиваетъ даже въ темнотѣ.

Налѣво подъ лѣстницей желѣзная дверь, едва замѣтная изъ-подъ богатой портьеры.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маска, *солдатъ въ галлереѣ.*

Маска *(съ трудомъ подымая голову и говоря какъ бы съ особымъ усиліемъ)*. На всю жизнь! *(Поворачиваетъ голову, какъ бы озираясь кругомъ.)* Могила!—А мнѣ нѣтъ еще шестнадцати лѣтъ. *(Идетъ тяжелыми шагами къ окну и смотритъ на свѣтъ, отражающійся у его ногъ на плитахъ пола.)* Какъ блѣденъ этотъ лучъ и какъ медленно онъ движется! *(Онъ какъ будто считаетъ*

плиты и измѣряетъ глазами разстояніе.) О! пятая плита еще далека! *(Прислушивается.)* Не слышно ничего! *(Возвращается на авансцену быстрыми шагами и произноситъ съ взрывомъ отчаянія.)* О, быть одновременно заключеннымъ въ двѣ темницы,— какъ изобрѣтательны эти палачи! имъ недостаточно было бросить меня въ тюрьму, они придумали маску для моего лица; и эта маска мучительнѣе, чѣмъ сама тюрьма! *(Смотритъ на себя въ зеркало, что на столѣ.)* Когда я прохожу мимо зеркала, мнѣ кажется я вижу предъ собой ужасный призракъ. И этотъ призракъ—я! Даже, когда я въ окнѣ показываюсь, я вижу, что люди въ страхѣ убѣгаютъ. *(Садится.)* Сонъ также не даетъ мнѣ желаннаго покоя. Мнѣ не снится никогда, что я свободенъ, окруженъ друзьями, что я слышу ласковыя добрыя слова. А утромъ, когда я просыпаюсь, я вновь становлюсь ходячимъ мертвецомъ, влачащимъ за собою свой гробъ.—Какъ это тяжело!—Когда-то,—когда я былъ ребенкомъ,—у меня былъ обширный садъ, гдѣ я рѣзвился съ самаго утра; я любовался птичками, бездоннымъ небомъ и золотыми бабочками, порхавшими по цвѣтамъ. А нынѣ—безпрерывное мученье!.. Нашлись же такіе безсердечные люди-тигры, которые себѣ сказали: Возьмемъ этого ребенка, слабаго, невиннаго, прекраснаго, надѣнемъ на него маску и заключимъ въ тюрьму. Подъ ея сводами онъ выраститъ и превратится въ мужчину; тамъ онъ будетъ переживать свои весны, пробужденіе своей души. Блѣдный, онъ будетъ слѣдить изъ своего окошка за женщинами съ обнаженными ногами, которыя проходятъ по равнинѣ. Борясь со скукой, онъ будетъ углемъ или гвоздемъ вычерчивать на стѣнѣ свои неясныя мечты, и свои душевныя силы растратитъ на дѣтскія забавы. Такъ будутъ проходить недѣли, мѣсяцы, года. Морщины покроютъ его лицо, глаза потеряютъ блескъ и волосы посѣдѣютъ; и шагъ за шагомъ, незамѣтно, этотъ юноша подъ своей маской превратится въ хилый призракъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день онъ проснется старикомъ, никогда не бывши молодъ.—Да, я чувствую себя ужъ старымъ! Моя душа устала, мысль переутомлена отъ напряженья. О, Боже, сжалься надо мной! *(Бросается въ кресло, положивъ голову и руки на столъ, какъ бы въ полномъ изнеможеніи и отчаяніи. Такъ проходитъ нѣсколько секундъ. Затѣмъ онъ, какъ бы съ трудомъ, поднимается и снова устремляетъ свой взоръ на лучъ свѣта, отражающійся на полу.)* О, онъ еще не сдѣлалъ половины своего пути! *(Опускаетъ голову, вновь погружаясь въ размышленія. Потомъ идетъ въ глубину сцены, поднимается по ступенямъ къ окну и выглядываетъ въ поле.)* Тамъ, въ деревнѣ, бѣленькій дымокъ весело и свободно подымается къ небесамъ. Какъ я ему завидую!—Тамъ человѣкъ трудится на своей нивѣ, а пчела гонится за медомъ, рѣка свободно протекаетъ, проходятъ облака, изъ-подъ крыши ласточка уносится въ пространство, природа трепещетъ и поетъ въ лѣсахъ; всюду музыка, шопотъ, голоса. Какъ хорошо, какъ сладко здѣсь на землѣ!.. И никто не скажетъ людямъ, никто не крикнетъ имъ: вы свободны, вы счастливы; а тамъ, въ той башнѣ, за

тяжелыми желѣзными дверьми, безъ воздуха безъ свѣта, завидуя хижинѣ бѣдняка, томится узникъ, чьего имени никто не знаетъ, чьего лица никто не видѣлъ. Живая тайна, тѣнь, загадка, несчастный, жалкій узникъ, который даже не въ состояніи вытереть свои собственныя слезы! *(Возвращается на авансцену.)* О, если бъ можно было хоть одинъ разъ въ воздухѣ, струящемся свободно, выкупать свое лицо, грудь, волосы. О, я готовъ за это всю жизнь отдать! Но это невозможно! Проклятая маска меня задушитъ! *(Пытается обѣими руками сорвать съ головы маску. Затѣмъ садится и, поникнувъ головой на столъ, начинаетъ рыдать. Такъ проходитъ нѣсколько минутъ. Онъ опять встаетъ и смотритъ на отраженіе луча на полу.)* Скоро лучъ достигнетъ мѣтки на пятой плитѣ. Тогда явится ко мнѣ мой ангелъ. Ея близость утоляетъ всѣ мои страданья и наполняетъ мое сердце безконечною любовью. *(Раздается нѣсколько аккордовъ лютни, которые доносятся какъ будто изъ сосѣдней комнаты).* Это она! я слышу! *(Падаетъ на колѣни.)* Будь благословенъ, о Боже!

(Молчаніе. Подъ аккомпанементъ лютни доносится пѣніе. Узникъ слушаетъ стоя на колѣняхъ, въ молитвенномъ экстазѣ.)

Голосъ.

Изъ мрака, которымъ ты окутанъ,
Привѣтствуетъ тебя небесный хоръ.
Пусть тоска тебя оставитъ,
Пусть дѣйствительностью станетъ
Сердца твоего мечта.
Для страдающей души
Богъ разсѣялъ въ мракѣ ночи
Золотистыхъ розъ букеты,
Звѣздъ—алмазовъ миріады,
Міровъ далекія лампады.
Ночь, надъ озеромъ покоясь,
Навѣвая сонъ на землю,
Внемлетъ невидимому хору,
Дивной пѣснѣ, что изъ мрака
Струится къ небесной тверди,
Такъ не плачь же, не грусти
О радостяхъ дневного свѣта.
Восходъ ужъ близокъ, онъ настанетъ;
За ночью слѣдуетъ разсвѣтъ,
И мракъ таитъ любви расцвѣтъ.

Маска *(на колѣняхъ, устремивъ взоръ въ сторону камина, откуда доносится пѣніе).* О, приди, приди! *(Доска камина поворачивается медленно какъ дверь; въ глубинѣ камина виденъ свѣтъ, отъ котораго узникъ не отрываетъ глазъ, шепча.)* О, приди, приди же скорѣе! *(Въ отверстіи камина появляется женщина въ бѣломъ. Это—Алиса. Позади нея тюремщикъ съ фонаремъ въ рукѣ. Маска на колѣняхъ созерцаетъ эту женщину, окруженную лучами свѣта, представшую предъ нимъ какъ видѣніе.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Маска, Алиса, тюремщикъ *въ каминѣ*, солдатъ *наверху въ галлереѣ.*

Алиса смотритъ на узника взоромъ, полнымъ любви и состраданія.

Маска. Вотъ она! Какъ она прекрасна! Она несетъ съ собой свѣтъ и жизнь и радость! *(Складывая руки.)* О, позволь мнѣ, очаровательное существо, женщина, видѣніе, позволь мнѣ обожать тебя; отъ твоихъ очей свѣтозарныхъ къ моей душѣ, гибнущей во тьмѣ, несется лучъ, сошедшій съ отдаленныхъ звѣздъ, и глядя на тебя я вижу Бога въ небесахъ. Твоя голова подъ этимъ мрачнымъ сводомъ окружена для меня таинственнымъ ореоломъ. Ты—ангелъ и лучшая средь ангеловъ. Преодолѣвъ преграды, ты не гнушаешься спускаться сюда въ темницу и узнику несчастному, котораго всѣ ненавидятъ, приносишь безконечные дары любви. Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ я ежедневно слышу твое пѣнье и чѣмъ дальше, тѣмъ больше опьяняюсь имъ.

Алиса *(подойдя къ нему ближе)*. Бѣдный другъ!

Маска *(не вставая съ колѣнъ)*. Подойди, подойди поближе, дивное созданье, чтобъ я могъ тебя лучше созерцать, чтобъ я могъ предъ тобою преклониться. Но прежде всего, поклянись мнѣ, что ты придешь и завтра. Дай руку! О, если бъ я былъ въ состояніи ее поцѣловать, эту обожаемую руку, столь нѣжную и чистую! *(Прижимаетъ ея руку къ груди. Затѣмъ поднимается съ колѣнъ.)* Я, должно-быть, внушаю тебѣ страхъ, не правда ли? Недавно, когда я былъ одинъ, я по обыкновенію считалъ плиты на полу, слѣдилъ за солнечнымъ лучомъ, который ползъ такъ медленно. И если бъ кто-нибудь меня увидѣлъ въ моей маскѣ, подъ этимъ адскимъ сводомъ, тотъ навѣрно принялъ бы меня за сумасшедшаго. То я отдавался мечтамъ, переносился въ лѣса, поля, гдѣ летаютъ бабочки...—о, если бъ мнѣ ихъ крылья!—то плакалъ съ отчаянья, прислушиваясь, не идешь ли ты, и ничего не слыша. А теперь я смѣюсь, но ты не можешь видѣть моей улыбки. А я тебя вижу, вижу, что ты прекрасна, очаровательна. *(Подводитъ ее къ креслу.)* Прошу садиться. Поговоримъ немного. Если бъ ты всегда была возлѣ меня, то даже въ этой мрачной башнѣ я бы не переставалъ смѣяться. Я люблю тебя и не могу безъ тебя существовать.

Алиса Бѣдный страдалецъ! Всякій разъ, какъ я вхожу сюда, мое сердце сжимается отъ боли.

Маска. Не говори такъ. Прочь печальныя слова! Я счастливъ въ эту минуту; я тебя вижу, мнѣ больше ничего не нужно. Я боюсь спугнуть радость, пріютившуюся въ моемъ сердцѣ, поющую въ моей душѣ, какъ птичку, которая улетаетъ при первомъ неосторожномъ шорохѣ.

Алиса. Какъ я хотѣла бы увидѣть твое лицо!

Маска *(беря ея за руку)*. Дай мнѣ руку.

(Алиса, замѣтивъ солдата, стоящаго на своемъ посту на галлереѣ, бросается къ тюремщику, который остался на стражѣ у камина, и указываетъ ему съ безпокойствомъ наверхъ.)

Алиса *(къ тюремщику)*. Кто этотъ человѣкъ?

Тюремщикъ *(тихо)*. Онъ на нашей сторонѣ.

Маска *(привлекая Алису къ креслу и снова ее усаживая)*. Прошу васъ, не уходите, сидите здѣсь, чтобы я могъ вами любоваться.

Алиса. Пора перейти къ серьезнымъ разговорамъ. Послушайте, мои таинственныя посѣщенія имѣютъ нѣсколько иную цѣль, чѣмъ вы думаете.

Маска. Какую?

Алиса. Я хочу васъ освободить изъ тюрьмы.

Маска. Боже праведный, возможно ль это?

Алиса. Да, я подготовлена къ этому.

Маска *(падая на колѣни)*. О, Боже, благодарю тебя, ты услышалъ мою молитву. Свобода, любовь!.. Ты хочешь вознаградить меня за нечеловѣческія страданья. *(Поднимается съ колѣнъ.)* Свобода! Я буду свободенъ! *(Обращаясь къ Алисѣ.)* Но какъ ты это устроишь? Какъ справишься ты съ тюремной стражей? Впрочемъ, не говори! зачѣмъ мнѣ спрашивать? Я тебѣ вѣрю. Все должно быть возможно для ангеловъ. Скажи только, скоро ли?

Алиса. Да, надѣюсь, скоро... *(Подходитъ къ тюремщику и говоритъ тихо.)* Скоро ли?

Тюремщикъ *(тихо)*. Потерпите.

Алиса. Но когда же?

Тюремщикъ. Дворъ теперь въ Компьенѣ. Можно погубить все дѣло. Сейчасъ не время, нужно подождать.

Алиса. Вы мнѣ поможете?

Тюремщикъ *(въ сторону)*. Подождешь немного. Я не такъ глупъ, чтобы зарѣзать курицу, которая мнѣ приноситъ золотыя яйца. Вѣдь я получаю десять луидоровъ за каждое посѣщенье. Я хочу собрать еще немного денегъ.

Алиса *(къ Маскѣ)*. Я хочу вамъ открыть, что я — не дочь этого тюремщика, я благороднаго происхожденія, я изъ знатнаго рода Креки. Меня зовутъ Жанна-Алиса де-Понтье. Среди моихъ родственниковъ есть такія имена, какъ Шатоперъ, Гизъ, Роганъ. Среди моихъ предковъ есть герцоги и перы, адмиралы, маршалы, коннетабли Франціи.

Маска *(про себя)*. Мои предки тоже принадлежатъ къ числу великихъ людей Франціи.

Алиса *(съ радостью)*. Тѣмъ лучше.

Маска. Увы!

Алиса. Мнѣ показалось, вы упомянули о своихъ предкахъ.

Маска *(какъ бы приходя въ себя)*. Я? нѣтъ!

Алиса. Вы мнѣ раньше говорили, что вамъ неизвѣстно ваше происхожденье.

Маска. Дѣйствительно, я его не знаю.

Алиса. Не правда! Вы знаете, вы мнѣ должны сказать.

Маска. Прошу васъ не спрашивайте. Въ тотъ мигъ, когда я родился, я совершилъ то преступленье, за которое теперь страдаю. Надъ моимъ родомъ тяготѣетъ рокъ. И даже теперь, лишь говоря объ этомъ, я чувствую, что блѣднѣю.

Алиса. Эта тайна для тебя, быть-можетъ, не по силамъ, такъ подѣлись со мной.

Маска. Нѣтъ, нѣтъ! не слѣдуетъ взваливать на плечи любимаго существа такую тяжесть.

Алиса. Но все же я хочу знать; ты долженъ мнѣ сказать.

Маска *(вставъ порывисто)*. Нѣтъ, я не скажу и ты его не узнаешь! Преданный мнѣ слуга погибъ за то только, что на ухо шепнулъ мнѣ это имя; и за то, что я имѣлъ несчастье, противъ своей воли, услышать это имя, я претерпѣваю всѣ эти мученья. О, зачѣмъ шепнулъ онъ мнѣ это слово! Невѣдомымъ ребенкомъ я жилъ подъ голубымъ небеснымъ сводомъ. У меня имени не было; зато я имѣлъ свободу, солнце, зелень; и Бога чувствовалъ въ своемъ сердцѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ эта тайна проникла въ мою душу, я почувствовалъ, что она отравлена; и по моему лицу могли всѣ видѣть, что я знаю свое имя, потому что я былъ печаленъ. Однажды ночью, когда я уже улегся спать, ко мнѣ ворвались люди; я соскочилъ съ постели, хотѣлъ бѣжать, но потерялъ сознанье. Очнувшись, я почувствовалъ, что мое лицо покрыто чѣмъ-то. Я бросился къ зеркалу и отступилъ отъ ужаса, увидѣвъ себя. Съ тѣхъ поръ я живу, какъ въ потемкахъ, и по временамъ, когда мои муки становятся невыносимы, я ропщу на Бога и требую отъ него отвѣта за свои страданья. *(Къ Алисѣ.)* Ты, которая меня часто посѣщаешь, скажи, увѣрена ли ты, что видишь предъ собою человѣка, а не призракъ. Не соблазняй же меня побѣгомъ, оставь мертвеца въ царствѣ мертвыхъ. Я — тѣнь, я — призракъ, а эта маска — мое лицо. О, я задыхаюсь! воздуха мнѣ! воздуха! *(Падаетъ безъ чувствъ въ кресло.)*

Алиса *(стараясь его поднять)*. Онъ задыхается подъ этой маской. *(Къ тюремщику.)* Сжалься надъ несчастнымъ, отопри этотъ замочекъ.

Указываетъ на замочекъ, которымъ заперта маска.

Тюремщикъ. Сударыня, я отвѣчаю головой

Алиса За то, что на минуту снимешь маску?

Тюремщикъ. Да.

Алиса. Какая низость!

Тюремщикъ. Примите во вниманіе, сударыня, что какъ разъ въ этотъ часъ комендантъ Пьерфона дѣлаетъ свой обходъ.

Алиса *(ища въ карманѣ своей юбки)*. Слава Богу, я не забыла кошелекъ съ собою взять. *(Вынимаетъ кошелекъ и подаетъ тюремщику)*. Двадцать луидоровъ за то, чтобы дать ему хоть одну минутку подышать воздухомъ.

Тюремщикъ *(послѣ нѣкотораго колебанія беретъ кошелекъ)*. Пусть будетъ по-вашему.

Вынимаетъ маленькій ключъ и вводитъ его въ отверстіе замочка.

Алиса *(склонившись надъ узникомъ, все еще лежащимъ безъ чувствъ)*. О, эта маска меня гнететъ не меньше, чѣмъ его. Но я его сейчасъ освобожу, я облегчу его страданья!

Въ тотъ моментъ, когда тюремщикъ вводитъ ключъ въ отверстіе замочка, а Алиса, полная радостнаго ожиданія и страха, поддерживаетъ голову узника своими руками,—въ этотъ моментъ солдатъ, стоящій на своемъ посту въ галлереѣ, внезапно наклоняется надъ перилами и стрѣляетъ изъ пистолета въ узника, но пуля попадаетъ въ зеркало, стоящее рядомъ на столѣ. Всѣ оборачиваются, ошеломленные выстрѣломъ. Въ это время съ стукомъ и грохотомъ открывается желѣзная дверь камеры.

Тюремщикъ *(обернувшись къ солдату)*. А! измѣнникъ!

Входитъ Ферте-Ирланъ, комендатъ Пьерфонскаго замка, въ сопровожденіи надзирателей и солдатъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Ферте-Ирланъ, солдаты, надзиратели.

Солдатъ *(съ галлереи громко)*. Скорѣй! ко мнѣ! Прикажите обыскать этого тюремщика!

По знаку коменданта солдаты окружаютъ тюремщика и обыскиваютъ его.

Алиса *(въ сторону)*. О, Боже!

Солдатъ *(продолжая)*. Въ его карманѣ вы найдете кошелекъ, въ немъ двадцать луидоровъ, сосчитайте. Эти деньги онъ получилъ отъ этой госпожи за то, чтобы снять маску съ узника. Я это видѣлъ собственными глазами. Тогда согласно приказу я выстрѣлилъ. *(Солдаты находятъ кошелекъ.)*

Одинъ изъ нихъ *(сосчитавши деньги)*. Да, двадцать луидоровъ.

Ферте-Ирланъ. Здѣсь женщина! Что это означаетъ?

Тюремщикъ *(съ опущенными внизъ глазами тихо къ Алисѣ)*. Одинъ изъ вашихъ. Вотъ люди, которымъ мы довѣрились.

Солдатъ *(къ коменданту, указывая на Алису)*. Я позволилъ ей зайти. Чтобы выполнить свой долгъ, я долженъ былъ все слышать и все знать. *(Указывая на узника.)* Но, видя, что они хотятъ снять маску съ его лица, я рѣшилъ, что ихъ слѣдуетъ арестовать.

Ферте-Ирланъ. Это очень благоразумно. *(Запираетъ замочекъ на маскѣ, а ключъ кладетъ себѣ въ карманъ. Затѣмъ обращается къ солдатамъ, окружающимъ тюремщика.)* Подъ арестъ его, а эту женщину оставьте здѣсь, я хочу ее допросить.

Солдатъ *(къ коменданту)*. Я хотѣлъ бы сказать вамъ два слова наединѣ.

Спускается съ галлереи. Солдаты уводятъ тюремщика.

Тюремщикъ *(грозя кулакомъ)*. Предатель! *(Ферте-Ирланъ дѣлаетъ знакъ надзирателямъ подойти ближе и обращается къ солдату, стоящему возлѣ него на авансценѣ.)*

Ферте-Ирланъ. Итакъ?

Солдатъ *(показывая на желѣзную рѣшетку)*. Соблаговолите подойти къ окну, господинъ комендантъ. *(Ферте поднимается по ступенямъ къ окну.)* Потяните перекладину, что въ серединѣ. *(Ферте берется за перекладину въ серединѣ и, потянувъ, вынимаетъ значительную часть рѣшетки)*. Что вы скажете на это?

Ферте *(разсматриваетъ рѣшетку, подпиленную съ замѣчательной ловкостью)*. Да, очень искусно сдѣлано.

Солдатъ *(подойдя къ окну)*. Прикажите ввести солдата, который стоитъ вонъ тамъ внизу у башни.

Ферте *(выглядывая наружу)*. Но это часовой...

Солдатъ Да, часовой, стоящій подъ этимъ окномъ. *(Ферте, пріоткрывъ дверь камеры, негромкимъ голосомъ отдаетъ приказъ надзирателямъ, стоящимъ снаружи, затѣмъ возвращается къ солдату, спустившемуся на авансцену.)* Ты—честный служака и за свое усердіе будешь награжденъ. Скажи, извѣстно ли тебѣ имя этой женщины?

Солдатъ. Нѣтъ.

Ферте. Здѣсь заговоръ.

Солдатъ. Возможно.

Ферте. Я постараюсь, чтобъ ты былъ награжденъ по заслугамъ.

Солдатъ А! Вотъ часовой! *(Надзиратели вводятъ Тагуса въ формѣ часового съ ранцемъ на спинѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Тагусъ.

Солдатъ *(къ коменданту)*. Разрѣшите, господинъ комендантъ. *(Къ Тагусу.)* Подойди ка сюда, негодяй! *(Тагусъ подходитъ, бросая на солдата взглядъ, полный изумленья.)* Пусть его обыщутъ въ присутствіи г. коменданта, скорѣе, какъ слѣдуетъ! Въ его ранцѣ находится веревочная лѣстница.

Тагусъ *(изумленіе котораго увеличивается)*. Ничего не понимаю. *(Надзиратели раскрываютъ его ранецъ и находятъ тамъ веревочную лѣстницу.)*

Ферте. Совершенно вѣрно.

Солдатъ *(разворачивая лѣстницу, къ Ферте)*. Не угодно ли вамъ ее примѣрить; она какъ разъ достаетъ отъ окна до земли.

Тагусъ. Я ничего не понимаю.

Солдатъ *(къ надзирателямъ)*. Свяжите-ка его хорошенько, чтобъ онъ не убѣжалъ.

Маска *(сидѣвшая до этого въ какомъ-то оцѣпенѣніи, подымаетъ голову и озирается кругомъ)*. Боже мой! что все это значитъ?

(Надзиратели связываютъ Тагусу руки на спинѣ.)

Ферте *(указывая на Тагуса)*. Подъ арестъ его!

Солдатъ. Г. комендантъ, оставьте его здѣсь. Онъ намъ будетъ нуженъ. *(Къ Тагусу.)* Будь спокоенъ, голубчикъ, не пройдетъ и часа, и ты будешь качаться на висѣлицѣ. *(По знаку коменданта солдаты отводятъ Тагуса въ сторону.* Алиса *въ отчаяніи.* Маска *какъ въ столбнякѣ.)*

Ферте *(отводя солдата въ сторону, шопотомъ).* Другъ мой, теперь ясно, что подготовлялся побѣгъ узника.

Солдатъ *(шопотомъ).* Весь гарнизонъ подкупленъ. Кардиналъ, увѣдомленный объ опасности, меня тотчасъ же послалъ сюда. Нужно дѣйствовать энергично. *(Вынимаетъ изъ кармана сложенную бумагу и подаетъ ее коменданту.)*

Ферте *(читаетъ).* «Можете довѣриться подателю сего. Мазарини»... *(Къ солдату.)* Что по-твоему нужно предпринять? Говори, приказывай отъ моего имени.

Алиса *(въ сторону, поднимая глаза къ небу).* О, Боже, сжалься!

Солдатъ *(къ надзирателямъ громкимъ голосомъ).* Именемъ короля приказываю ввести въ замокъ весь гарнизонъ и запереть башню. Чтобы ни одинъ человѣкъ изъ стражи не остался наружи. Затѣмъ опустите рѣшетку и поднимите мостъ, и всѣ ключи сюда подайте. За точное исполненіе приказаній вы отвѣчаете головой.

Ферте *(къ надзирателямъ).* Вы слышали? Ступайте! *(Надзиратели уходятъ.)*

Солдатъ *(къ коменданту).* Гарнизонъ можетъ попытаться произвести внезапное нападеніе и силой освободить узника; вотъ почему я приказалъ собрать всѣхъ въ замокъ и запереть, какъ слѣдуетъ. Завтра мы получимъ подкрѣпленье.

Ферте. Ты откуда знаешь?

Солдатъ. Его высокопреосвященство обѣщалъ прислать тридцать стрѣлковъ изъ своей собственной стражи. Они будутъ здѣсь съ восходомъ солнца. А пока что намъ двоимъ остается охранять эту башню. Возможно, что намъ придется выдержать осаду.

Ферте. Ну что жъ, забаррикадируемся здѣсь.

Солдатъ *(указывая на желѣзную дверь).* Дверь эта крѣпка?

Ферте. Ее можно пробить только пушкой.

Алиса *(въ сторону).* Увы! надежды никакой! *(Входятъ надзиратели съ фонарями. На дворѣ ужъ ночь.)*

Надзиратель *(передавая коменданту связку ключей).* Всѣ двери заперты. Извольте принять ключи.

Ферте *(беря связку ключей и привѣшивая ее къ поясу).* Никого не выпускать!

Надзиратель. Всѣ заперты. Никто не можетъ выйти.

Ферте *(шопотомъ къ солдату).* Что ты теперь намѣренъ предпринять? Оставить ли здѣсь этихъ людей?

Солдатъ. Нѣтъ, я имъ не довѣряю. Мы займемся, если вамъ угодно, допросомъ этого негодяя. *(Указываетъ на Тагуса.)*

Ферте *(къ надзирателямъ).* Ступайте. *(Надзиратели уходятъ. Комендантъ собственноручно запираетъ желѣзную дверь,*

задвигаетъ засовы, потомъ возвращается къ солдату.) Теперь мы одни. Никто сюда не проникнетъ. Мы здѣсь въ безопасности.

Солдатъ *(указывая на каминную доску, которая оставалась открытой съ момента появленія Алисы)*. Простите, комендантъ, къ намъ могутъ пробраться съ этой стороны.

Ферте *(подходя къ камину)*. И то правда. Ее нужно запереть.

Солдатъ *(удерживая его)*. Доска эта очень крѣпка и только тюремщикъ знаетъ, какъ ее открыть. Заговорщики могутъ прибѣгнуть къ его помощи.

Ферте. Куда ведетъ этотъ проходъ?

Солдатъ *(заглядывая внутрь)*. Въ темное помѣщеніе безъ оконъ. Мнѣ кажется, что дверь открыта; я отсюда вижу.

Ферте. Въ такомъ случаѣ ступай, запри. *(Солдатъ исчезаетъ въ отверстіи камина, откуда вскорѣ доносится грохотъ ключей и задвигаемыхъ засововъ. Вскорѣ солдатъ вновь появляется съ двумя ключами въ рукѣ.)*

Солдатъ *(къ коменданту)*. Ключи были въ замкѣ.

Ферте. А засовы?

Солдатъ. Я ихъ заперъ.

Ферте. Я боюсь какой-нибудь ловушки съ этой стороны, какой-нибудь военной хитрости. Хорошо ли ты все заперъ?

Солдатъ. Да. Впрочемъ, посмотрите сами.

Ферте. Посмотримъ. *(Проникаетъ черезъ отверстіе въ склепъ.)*

Алиса *(въ сторону)*. Все погибло! *(Солдатъ идетъ слѣдомъ за комендантомъ и въ тотъ моментъ, какъ послѣдній пробрался въ склепъ, солдатъ быстро закрываетъ каминную доску, которая захлопывается съ трескомъ, затѣмъ срываетъ съ себя бѣлый парикъ и черную повязку и оборачивается къ Алисѣ, Тагусу и Маскѣ. Передъ ними графъ Жанъ.)*

Графъ Жанъ. *(къ Алисѣ, ошеломленной этимъ превращеніемъ)*. Тюремщикъ вашъ мошенникъ и я его устранилъ. *(Къ Маскѣ.)* Сегодня ночью вы будете спать спокойно подъ охраной *(указывая на Тагуса)* моего вѣрнаго слуги. Рѣшетку я подпилилъ самъ и лѣстницу приготовилъ собственными руками. Все обстоитъ, какъ должно. Гарнизонъ запертъ, комендантъ подъ ключомъ, тюремщикъ подъ арестомъ. *(Къ Маскѣ.)* А вы будете на свободѣ. Въ дорогу!

(Взрывъ радости. Алиса беретъ руки графа Жана и прижимаетъ ихъ къ сердцу.)

Маска *(съ глубокой признательностью)*. Богъ васъ вознаградитъ за это!

Тагусъ. Теперь я понялъ!

Алиса. Благодарю!

Графъ-Жанъ. Я радъ не меньше вашего.

Алиса *(цѣлуя его руки)*. Дорогой другъ!

Графъ-Жанъ. Скорѣе, господа, намъ нужно спѣшить. *(Разрѣзаетъ кинжаломъ веревки на Тагусѣ и поднимаетъ съ земли веревочную лѣстницу.)* Я прикрѣплю лѣстницу къ окну.

(Поднимается къ окну, и прикрѣпляетъ одинъ конецъ лѣстницы къ рѣшеткѣ, а другой спускаетъ наружу.)

Тагусъ *(беря со стола ключъ отъ склепа, въ которомъ запертъ комендантъ)*. А ключъ этотъ въ ровъ! *(Бросаетъ ключъ черезъ окно.)*

Маска *(къ графу Жану)*. Ради Бога, снимите съ меня маску!

Графъ-Жанъ. О, не безпокойтесь, я сниму съ васъ маску; дайте только намъ уйти отсюда. Ночь очень темна. Намъ придется итти лѣсомъ не меньше двухъ часовъ. Я сниму ее съ васъ только въ Плесси-ле-Руа. Скорѣе же, господа, въ дорогу! *(Къ Тагусу, который тщательно укрѣпляетъ лѣстницу.)* Одежда гдѣ?

Тагусъ. Тамъ внизу.

Графъ-Жанъ. Гдѣ именно?

Тагусъ. Въ кустахъ.

Графъ-Жанъ. Отлично. Поспѣшимъ! *(Сильный стукъ въ каминную доску изнутри.)* Ладно, голубчикъ, успокойся!

Алиса *(съ восторгомъ глядя на Маску)*. Онъ будетъ свободенъ, какое счастье!

Графъ-Жанъ *(достаетъ изъ кармана записную книжку и карандашъ и набрасываетъ на клочкѣ бумаги слѣдующія слова: Здѣсь находится г. комендантъ.—Затѣмъ, прикрѣпивъ эту бумажку къ гвоздю надъ каминомъ, онъ поднимается къ окну и осматриваетъ лѣстницу. Къ Тагусу)*. Крѣпко привязано?

Тагусъ. О, да!

Маска *(къ графу Жану)*. Скажите мнѣ ваше имя.

Графъ-Жанъ. Вы его узнаете потомъ. *(Комендантъ продолжаетъ стучать.)* Ничего, голубчикъ, потерпи! *(Дѣлаетъ всѣмъ знакъ подняться къ окну. Къ Тагусу.)* Ты—первый. *(Указывая на Алису)*. Потомъ она. *(Къ Маскѣ.)* Затѣмъ вы.—Я послѣдній. *(Тагусъ заноситъ ногу черезъ окно, достаетъ ею лѣстницу. Всѣ смотрятъ, какъ онъ спускается внизъ, и наконецъ исчезаетъ. Графъ Жанъ помогаетъ Алисѣ выбраться изъ окна и ухватиться за лѣстницу.)*

Графъ-Жанъ. Да хранитъ тебя Господь!

Алиса *(въ окнѣ, хватаясь за лѣстницу)*. Боже, спаси узника! *(Вслѣдъ за Алисой спускается Маска. Въ тотъ моментъ, когда графъ Жанъ заноситъ ногу черезъ окно, занавѣсь падаетъ.)*

Дѣйствіе третье.

Великолѣпный, очень обветшавшій салонъ, богатые обои, свисающіе клочьями. Архитектура и обстановка эпохи Генриха IV. Старыя съ облупившейся позолотой кресла съ высокими спинками. Покрытыя густой паутиной разрисованныя рѣзныя балки потолка. Два большихъ запыленныхъ портрета, одинъ Людовика XIII, другой—кардинала Ришелье, оба во весь ростъ, одинъ противъ другого. Обои голубого цвѣта, усѣянные буквой «Н» и золотыми лиліями вперемежку съ гербомъ Креки. Въ глу-

бинѣ большая дверь, надъ которой возвышается терновникъ подъ герцогской короной. Направо другая двустворчатая дверь. Налѣво окно, возлѣ котораго старая ширма. Направо столъ и кресло. Всюду слѣды сырости. Общій видъ стариннаго покоя, необитаемаго въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Въ моментъ поднятія занавѣса на сценѣ находятся—королева-мать, король Людовикъ XIV и кардиналъ Мазарини. Королева въ черномъ платьѣ. Кардиналъ безъ мантіи, въ красной камилавкѣ и красныхъ чулкахъ, съ голубой лентой на шеѣ. Юный король, въ черныхъ панталонахъ и великолѣпномъ кафтанѣ изъ золотой парчи, съ голубой лентой на шеѣ, въ шляпѣ съ бѣлыми перьями; рукоятка шпаги осыпана бриллiантами; кружевныя брыжжи и маншеты.

Король—красивый юноша съ небольшими усиками. Кардиналъ блѣденъ, кашляетъ, разбитъ болѣзнью, имѣетъ видъ дряхлаго старца, хотя ему нѣтъ еще шестидесяти лѣтъ.

На столѣ два канделябра.

ЯВЛЕНІЕ I.

Королева-мать, король, кардиналъ Мазарини.

(Королева стоитъ, опираясь согнутымъ указательнымъ пальцемъ на столъ. Кардиналъ держится въ отдаленіи въ почтительной позѣ. Король обводитъ удивленнымъ взглядомъ обветшавшій салонъ.

Король. Государыня, вы называете этотъ замокъ Плесси-ле-Руа? *(Бросаетъ взоръ на запыленныя кресла.)* Мнѣ кажется, онъ необитаемъ ужъ болѣе ста лѣтъ. *(Подойдя къ королевѣ.)* Если вашему величеству угодно говорить, я слушаю. Надѣюсь, его высокопреосвященство здѣсь нелишній. *(Королева соглашается кивкомъ головы.)* Вы привели насъ въ этотъ пустынный замокъ, чтобъ поговорить свободно, не боясь быть подслушанными. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понялъ. Конечно, можно было бы выбрать для этого болѣе подходящее мѣсто. Но я не жалуюсь ни на мѣсто, ни на поздній часъ, и мирюсь со всѣми непріятными ощущеніями, которыя мнѣ пришлось испытывать, пробираясь по холодному сырому подземелью, черезъ которое вы меня сюда вели; и какъ покорный сынъ готовъ васъ выслушать.

Королева. Ваше величество, у меня есть много, что сказать вамъ. Прежде всего я хочу коснуться договора съ Лондономъ. Хотя онъ держится въ секретѣ, но мнѣ извѣстно, что онъ волнуетъ и возмущаетъ не только вашихъ подданныхъ. Императоръ изумленъ, глава католиковъ отзывается о немъ очень дурно. Я приведу вамъ еще другіе факты. Генуя васъ обманываетъ, тунисскій сбродъ не даетъ никому пощады въ Провансѣ и остается безнаказаннымъ. Король долженъ умѣть внушить любовь своимъ подданнымъ, а сосѣдямъ — страхъ. Не безпокойтесь возвращаться въ Компьень, если уже поздно. *(Указываетъ на дверь направо.)* Здѣсь рядомъ я приказала приготовить комнату для вашего величества. Я продолжаю. Денегъ нѣтъ. Придворные балы и празднества насъ разоряютъ. Кардиналъ Ришелье умѣлъ рубить головы, но дѣлалъ это при свѣтѣ дня, съ высоко поднятымъ челомъ. А его высокопреосвященство *(указываетъ на Мазарини)*

тоже убиваетъ, но при этомъ прячется. Я могла бы вамъ перечислить много улицъ, гдѣ ночью проливали кровь и ночью же старались смыть слѣды. Папа очень старъ. Въ случаѣ, если придется созывать конклавъ, у насъ нѣтъ партіи средь кардиналовъ. Всѣ на сторонѣ англичанъ или гугенотовъ. Какой позоръ!.. Но я постараюсь говорить безъ гнѣва. Чтобы сдѣлать полковникомъ какого-то негодяя, висѣльника *(указывая на Мазарини)*, — родственника его преосвященства, — чуть не взбунтовали весь полкъ дофина. Вотъ ужъ три дня, какъ солдаты, недовольные этимъ назначеніемъ, вооруженные толпятся у рѣшетокъ Лувра. Неудивительно, что весь Парижъ волнуется; мнѣ все извѣстно, а къ вамъ, въ Компьень, не доходитъ ничего. Въ провинціяхъ тоже неспокойно; князьямъ не сдѣлано никакихъ существенныхъ уступокъ; заключенный съ ними миръ недолговѣченъ и съ момента на моментъ я боюсь какого-нибудь взрыва. Герцоги негодуютъ, парламенты умѣло скрываютъ недовольство. Даже подъ меня подкапываются втихомолку. Я ужъ болѣе не госпожа въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Кто-то противъ моего желанія, позволилъ себѣ прогнать моего лакея Буатибо. Хлѣбъ вздорожалъ. Словомъ, все идетъ плохо. Ничего великаго и мудраго не сдѣлано на протяженіи многихъ лѣтъ. Вы идете по пути, который приводитъ къ потерѣ царства. Это ясно. Спросите хотя бы у предсѣдателя.

Кардиналъ *(тихо къ королю съ незамѣтнымъ пожатіемъ плечъ)*. У Матьё Моле!

Королева. Вамъ кажется, что я преувеличиваю? Спросите, если вамъ угодно, у маршала д'Эстрэ, у фрейлины де-Таржи, къ которой относился съ такимъ уваженіемъ мой покойный мужъ. Спросите у де-Ту, этого честнѣйшаго человѣка среди нашего безвременья! Спросите Суврэ, спросите Ледо!

Кардиналъ *(тихо королю)*. Дураки!

Королева *(къ кардиналу)*. Что вы тамъ шепчете? Какія оскорбительныя словечки?

Кардиналъ *(тихонько кланяясь королевѣ)*. Я говорю, что это все очень почтенные люди.

Королева *(указывая на Мазарини)*. Одумайтесь, мой сынъ! Съ каждымъ днемъ этотъ человѣкъ все болѣе захватываетъ въ свои руки вашу власть. Франція въ волненіи, Европа въ безпокойствѣ. Послушайте, что говорятъ, что пишутъ! Герцогъ Бофоръ...

Кардиналъ. Ретцъ и Бофоръ! Смутьяны!

Королева *(къ королю)*. Прочтите Мейнара, Кофье, Гюи-Жоли...

Кардиналъ Пасквилянты!

Королева. Да замолчите же, сударь! Вы вѣчно перебиваете! Нельзя въ вашемъ присутствіи вымолвить ни слова.

Кардиналъ *(кланяясь до самой земли)*. Говорите, пожалуйста.

Королева *(гнѣвно)*. Нѣтъ, я ужъ лучше буду молчать!

Кардиналъ. Ваше величество, могу ли я отвѣтить?

Королева. Говорите.

Кардиналъ. У насъ нѣтъ никакого договора съ Лондономъ. Генуя вернула намъ наши три милліона. Тунисъ наказанъ. Въ настоящій моментъ сто повѣшенныхъ пиратовъ качаются при дуновеніи морского вѣтра на берегахъ Франціи. Парламенты? Очаги анархическихъ стремленій! Я соблюдаю ихъ права, но ихъ постановленія часто бываютъ неправильны. Что касается претензій князей и герцоговъ, то, я согласенъ, они намъ предъявляютъ недурныя требованія. Де-Неверъ желаетъ себѣ присвоить налогъ на соль въ предѣлахъ Ретеле; Бофоръ — право набирать военные полки. Онъ уже набралъ пѣхотный отрядъ и въ Нантѣ водитъ его по улицамъ въ полномъ снаряженіи. Эльбефъ требовалъ для своего побочнаго сына не болѣе какъ титулъ герцога и пэра и кресла въ парламентѣ, Графъ Суассонъ хочетъ дѣлить съ вами право возводить въ дворянское достоинство. Роганъ надъ Туаромъ вывѣсилъ вашъ флагъ ниже своего. Графъ Бульонъ требуетъ Седана и настаиваетъ, чтобы король превратилъ Тюреннъ въ простое ленное владѣніе, чтобы гугенотовъ лишили права собираться. Принцъ къ намъ еще очень снисходителенъ; послѣ столькихъ междоусобныхъ войнъ, онъ проситъ у васъ только прощенія, а въ придачу нѣсколько городовъ. Эперонъ желаетъ Пуатье, д'Эгильонъ—Ножанъ, Вандомъ какого-то особеннаго ранга для себя въ государствѣ, Конти—денегъ. Всѣ падки на подачки. Меркеръ требуетъ, чтобъ король уплатилъ его долги; Шабо пустилъ въ ходъ все крючкотворство, чтобы доказать свои права на замокъ Блуа; даже канцлеръ выразилъ желаніе, чтобы удвоили его жалованье; а герцогъ д'Ажанъ, этотъ добрякъ, всѣми правдами и неправдами добивается жезла для своего брата и ордена для сына. Вотъ каковы наши герцоги и принцы.

Король бросаетъ на королеву суровый взглядъ.

Королева *(къ кардиналу)*. О, да! Вы всегда оказываетесь правы. Народъ, герцоги и принцы, Парижъ, Тунисъ и Генуя, Римъ и Лондонъ и все, что я вамъ говорила, и все, что вы отвѣтили,—признаюсь, меня это не интересуетъ. Но я заявляю и требую, чтобы ничтожная дѣвчонка, внучка мелкаго писаришки, однимъ словомъ, ваша племянница, не смѣла простирать своихъ дерзкихъ исканій къ королю Франціи. Мы еще не видѣли такихъ ужасовъ! Это пощечина шестидесяти королямъ и сорока императорамъ! Это значитъ бросить грязью въ Австрію и Бурбоновъ. Меня хотятъ ограбить, не спрашиваютъ даже моего согласія! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, неслыханно, ужасно, чтобы какая-то Манчини сѣла съ вами рядомъ на престолъ! Я не хочу, не хочу этого позора!

Король *(съ оскорбленнымъ видомъ)*. Сударыня...

Королева *(искоса глядя на Мазарини)*. О, этотъ человѣкъ! Сколько зла я отъ него перетерпѣла! Для своего самолюбія онъ готовъ поднять адъ! Размышляя надъ ожидающимъ меня позоромъ, сколько ночей провела я въ Сенъ-Жерменѣ одна, на балконѣ, охвативъ голову руками!

Король. Сударыня ..

Королева. Мой сынъ, повѣрьте мнѣ, эти браки всегда несчастны!

Кардиналъ *(съ почтительнымъ поклономъ)*. Я умѣю покоряться волѣ королевы и не буду возражать. Хотя моя племянница знатнаго происхожденія, хотя въ ея жилахъ течетъ кровь благородныхъ римлянъ, но вслѣдъ за государыней я повторю моему повелителю-королю: да, эти браки иногда бываютъ несчастны; но ихъ нерѣдко заключаютъ по расчету. *(Оборачивается къ королевѣ съ глубокимъ поклономъ.)* Ея величеству это хорошо извѣстно.

Королева. Его высокопреосвященство умѣетъ лгать! Простите, государь, меня вызываютъ на такія выраженія. Я виновата, но все же я права... Этотъ человѣкъ приводитъ меня въ отчаяніе. Мой Богъ, я предпочла бы имѣть дѣло съ Ришелье. Вашъ отецъ умѣлъ заставить уважать меня. Я только женщина и не знаю ничего въ государственныхъ дѣлахъ. *(Къ королю.)* Но я королева и требую, чтобы признавали мои права. Я — мать, я не хочу, чтобы у меня отнимали сердце моего сына. *(Голосъ у нея прерывается. Слезы выступаютъ на глаза; но она овладѣваетъ собою.)* Дайте же мнѣ слово, что вы не женитесь на этой дѣвушкѣ безъ племени и роду, на особѣ, которая строитъ глазки графу д'Эперону... *(Садится, привлекаетъ къ себѣ короля и обнимаетъ его. Потомъ, указывая на Мазарини.)* У него черная душа, а у васъ слишкомъ доброе сердце. Вспомните, какъ онъ обходился съ вами, когда вы были еще ребенкомъ. Своенравный, готовый вспылить за одно лишь слово, скупой,—онъ въ холодный декабрь мѣсяцъ оставлялъ васъ на ночь безъ одѣяла въ холодной, нетопленной комнатѣ. Мнѣ приходилось выслушивать отъ многихъ упреки за такое попущеніе. Однажды, для поѣздки въ Конфланъ онъ далъ вамъ такой ветхій экипажъ, что народу было стыдно на васъ смотрѣть. Желая управлять и не давать вамъ отчета, онъ запретилъ преподавать вамъ такія вещи, которыя развиваютъ умъ и возвышаютъ душу. Даже исторію читать онъ вамъ не разрѣшилъ. Онъ вовлекъ Парижъ въ безславную междоусобную войну, безчестную, безжалостную, заставившую васъ бѣжать, безпомощнаго, напуганнаго ребенка. Вашъ народъ страдаетъ; онъ его грабитъ, доводитъ до голода. Помните вы женщину, которая умерла отъ голода на Мелёнскомъ мосту? Онъ самымъ грубымъ образомъ отнималъ у васъ деньги, которыя вамъ выдавалъ де-ла-Вьевиль. Человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, онъ претендуетъ на титулъ герцога и князя и доходитъ въ своемъ тщеславіи до того, что окружаетъ себя королевской свитой. Однажды, въ сопровожденіи своей нахальной клики, вошелъ онъ въ вашу спальню; внезапный звонъ оружія васъ разбудилъ, вы задрожали отъ страха, вы—король, его король, глава французскаго народа; и не разсердились на него, а только вскользь замѣтили, что онъ дѣлаетъ слишкомъ много шуму, когда проходитъ по дворцу. *(Обнимаетъ короля, который переноситъ ея ласки съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ и не сводитъ глазъ съ кардинала, какъ бы ожидая отъ него безмолвнаго совѣта.)*

Не забывайте, сынъ мой, что вы—король! И дайте окружающимъ понять, что во Франціи не терпятъ ига иноземцевъ. Онъ—итальянецъ

Король. А вы—испанка.

Королева *(поднимая голову и вытирая слезу)*. Я вамъ прощаю, мое дитя, это грубое слово, соскользнувшее съ вашихъ устъ, но зародившееся въ сердцѣ *(бросаетъ на Мазарини негодующій взоръ)* этого человѣка, который стоитъ и улыбается, какъ злой демонъ. *(Опускаетъ голову и, закрывъ лицо руками, плачетъ.)* О! *(Кардиналъ, играя часами подъ сутаной, какъ бы нечаянно, заставляетъ ихъ звонить.)*

Король *(холодно королевѣ)*. Государыня, ужъ поздно.

Королева. Вѣрно. Комната для васъ готова; идемте, сегодня вамъ будутъ прислуживать мои дамы. *(Оборачиваясь къ кардиналу.)* Надѣюсь, мнѣ это будетъ разрѣшено. *(Привлекая короля къ себѣ на колѣни.)* Мой дорогой Луи, мой мальчикъ, помнишь, какъ бывало прежде...

Король. Нѣтъ, я пойду къ себѣ. Ужъ полночь, пора ложиться. За мою безопасность отвѣчаетъ де-Вилькье. Почтительно цѣлую вашу руку. *(Къ Мазарини.)* Пожалуйте, ваше преосвященство.

Королева *(устремивъ глаза въ землю)*. Увы!

Мазарини *(подходитъ къ столу, беретъ канделябръ и наклонившись къ уху королевы, говоритъ шопотомъ.)* Мы объяснимся съ глазу на глазъ. Я сейчасъ вернусь

(Король цѣлуетъ у нея руку, отвѣшиваетъ ей почтительный поклонъ и выходитъ предшествуемый кардиналомъ, который несетъ канделябръ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Королева *одна, позже придворная дама* Клодъ.

Королева. О, негодяй! Я лучше умру, чѣмъ останусь его ждать. Онъ придетъ сюда издѣваться надо мной, предатель! *(Звонитъ. Въ дверяхъ направо появляется придворная дама Клодъ.)* Клодъ, моя постель готова?

Клодъ *(указывая на комнату, откуда она появилась)*. Да, ваше величество, здѣсь, въ этой комнатѣ.

Королева *(выходя на авансцену)*. Король ужъ мнѣ не сынъ. Дворъ въ рукахъ Мазарини. Если бъ даже онъ мнѣ наступилъ ногой на грудь, мой сынъ, ему въ угоду, только бы засмѣялся!.. Друзья отъ меня удалены. *(Умолкаетъ и задумывается.)* Если бы король былъ старше года на два... *(Мечтательно.)* Иль, если бъ... *(Поднимаетъ голову.)* Прочь! Прочь! Эти ужасныя мысли!

(Уходитъ въ сосѣднюю комнату, предшествуемая придворной дамой, которая уноситъ оставшійся на столѣ канделябръ. Тишина. На сценѣ никого нѣтъ. Темно. Вдругъ въ стѣнѣ налѣво одна изъ филенокъ, ничѣмъ по внѣшнему виду не отличаю-

щаяся отъ другихъ, сама собою поворачивается, открывая потайной выходъ, къ которому ведетъ небольшая лѣстница. Входитъ человѣкъ, закутанный въ плащъ, съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ.) Это—графъ Жанъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ Жанъ, *позже* маска *и* Алиса.

Графъ Жанъ *(обводитъ взоромъ вокругъ себя)*. Десять лѣтъ! Сколько событій произошло за это время! Сколько слезъ я пролилъ въ этой мрачной комнатѣ! Все тотъ же столъ и тѣ же кресла!.. Десять лѣтъ прошло—десять столѣтій! О, стѣны! Кромѣ васъ никто не знаетъ, что у меня на душѣ. О, сколько перенесено страданій, сколько зла непоправимаго совершено! Но сейчасъ не время плакать надъ собой. Нужно спѣшить. *(Возвращается къ потайному входу и, заглядывая въ темноту, произноситъ.)* Это здѣсь. Заходите.

(Появляется Маска, закутанная въ большой плащъ; на головѣ у нея большая шляпа съ широкими опущенными полями. За маской—Алиса.)

Маска *(бросая на полъ плащъ и шляпу)*. Я свободенъ! Я тебя люблю, Алиса! Теперь міръ принадлежитъ намъ двоимъ! *(Къ графу Жану.)* О, снимите съ меня эту отвратительную маску!

Графъ Жанъ. Сейчасъ.

(Велитъ маскѣ сѣсть, затѣмъ достаетъ изъ сумки напилокъ и начинаетъ подпиливать застежки на маскѣ.)

Маска. Наконецъ-то! Но гдѣ мы — скажите.

Графъ Жанъ. Мы подъ защитой мертвецовъ, недалеко отъ Бога, вдали отъ свѣта и людей. Надъ нами бодрствуетъ священный любящій насъ призракъ. Ведетъ васъ старый, закаленный въ несчастіяхъ солдатъ. *(Указывая на Алису, которая съ момента появленія склонилась предъ налоемъ въ углу сцены.)* И молится за васъ ангелъ. Не бойтесь ничего.

Маска. Благодарю васъ.

Графъ Жанъ. Завтра мы двинемся къ границѣ. Черезъ два дня мы будемъ въ Мезіерѣ. Тамъ насъ встрѣтятъ друзья. А пока эту ночь мы должны провести здѣсь, въ пустынномъ замкѣ. *(Во время разговора онъ продолжаетъ пилить; замокъ наконецъ поддается и открывается.)* Готово!

(Снимаетъ маску съ узника и кладетъ ее на столикъ въ углу залы. Освобожденный отъ маски, узникъ нѣсколько секундъ сидитъ неподвижно, какъ бы ошеломленный счастіемъ и глубоко вдыхаетъ воздухъ, которымъ не можетъ надышаться.—Это красивый юноша, приблизительно шестнадцати лѣтъ.)

Алиса *(созерцая его)*. Какъ онъ красивъ! Еще красивѣе, чѣмъ рисовала мнѣ его мечта!

Узникъ. Мракъ, который меня обволакивалъ, этотъ ужасный мракъ исчезаетъ наконецъ. Гордо и свободно могу я выпрямить

свою голову въ живительномъ воздухѣ, въ лучезарномъ свѣтѣ. Алиса, Алиса! наконецъ я могу смотрѣть на тебя свободно и показать тебѣ свое лицо! Воздухъ! всюду воздухъ! вокругъ меня и въ волосахъ! Я могу свободно двигаться и цѣловать твои руки. Какая ночь, какое счастье! Твоя улыбка меня опьяняетъ, и все кругомъ приводитъ въ восхищенье мои чувства. Я смотрю, слушаю, дышу, живу! Я вышелъ, наконецъ, изъ мрака, которымъ былъ окутанъ! Алиса, я хочу чтобы ты на меня смотрѣла.

Графъ Жанъ *(не сводя глазъ съ узника, про себя)*. Какое удивительное сходство!

Узникъ *(подходя къ окну и сильнымъ толчкомъ его открывая)*. О, звѣздное небо! новый міръ открылся предо мной! Освобожденный отъ этой адской маски, я чувствую себя перерожденнымъ! Подойди же сюда, къ окну! *(Привлекаетъ къ окну Алису.)* Какъ прекрасны эти деревья! Все улыбается кругомъ и проникаетъ мнѣ глубоко въ душу! Какой пріятный вѣтеръ, какъ нѣжитъ онъ лицо!

Алиса. Бѣдный другъ, какъ вы истрадались!

Узникъ *(мечтая вслухъ)*. Моя Алиса, мы убѣжимъ въ счастливую страну, гдѣ нѣтъ насилія и некого бояться. Тамъ звѣзды будутъ сіять въ бездонномъ небѣ, какъ сейчасъ; лѣсъ насъ будетъ привѣтствовать кудрявой головой и шептать намъ таинственными ночными голосами; мы будемъ упиваться чистымъ воздухомъ, который освѣжаетъ кровь, и любить, любить другъ друга... *(Падаетъ передъ ней на колѣни.)* Благодарю тебя, Боже всемогущій!

Графъ Жанъ *(къ узнику)*. Время не терпитъ. Нужно подготовиться къ завтрашнему отъѣзду *(къ Алисѣ)*. Идемъ, Алиса, вы намъ укажете, гдѣ ключи. Тамъ внизу ждетъ насъ Тагусъ. *(Къ узнику.)* Мы скоро вернемся сюда за вами.

(Удаляется съ Алисой черезъ потайную дверь, которая за ними запирается. Оставшись одинъ, узникъ въ экстазѣ устремляетъ глаза въ небо.)

Узникъ. О, небо, сіяющее звѣздами! Завтра подъ твоимъ сводомъ я буду шествовать съ гордо поднятою головой. Свободно, какъ всѣ люди, я буду мчаться по груди земли родной. Какое счастье! *(Звукъ шаговъ въ галлереѣ въ глубинѣ. Узникъ оборачивается въ испугѣ.)* Мнѣ кажется, идутъ. *(Подходитъ къ двери и прислушивается.)* Нѣтъ, мнѣ показалось. *(Въ галлереѣ свѣтъ. Въ страхѣ устремляетъ туда свой взоръ.)* Кто этотъ человѣкъ въ красномъ саванѣ? Ихъ двое. Они идутъ сюда. Куда бѣжать? *(Бѣжитъ къ двери, черезъ которую вошелъ, и тщетно пытается ее открыть.)* Дверь заперта. Что дѣлать? *(Бѣжитъ къ двери направо. Но и она тоже не поддается.)* И эта заперта! *(Прячется за ширмы. Входитъ кардиналъ, въ сопровожденіи Шанденье, начальника жандармовъ, который въ одной рукѣ несетъ большой портфель, а въ другой — канделябръ. — Кардиналъ блѣдный, больной, по временамъ кашляя и поднося руку къ груди, идетъ опираясь на плечо своего спутника. Онъ окидываетъ взглядомъ залу и удивляется, не найдя тамъ никого.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кардиналъ, Шанденье, *узникъ за ширмой.*

Кардиналъ. Никого нѣтъ! странно... *(къ Шанденье).* Я здѣсь не чувствую себя въ безопасности. А потому разставь вокругъ замка сто человѣкъ изъ моей стражи.

Узникъ *(пріоткрывая ширму).* Кто эти два демона? Ахъ, Боже мой! я снова попался.

Кардиналъ. Ты видишь, ея величество не захотѣла меня подождать.

Шанденье. Она была сердита?

Кардиналъ. Минули тѣ времена, когда она умѣла гнѣваться, какъ королева; теперь она только бранится и кричитъ, какъ уязвленная въ своемъ самолюбіи женщина.—Останься въ коридорѣ съ лейтенантомъ. Я просижу здѣсь за работой до утра и буду ждать пробужденія королевы. Я долженъ непремѣнно съ ней поговорить. —Положи портфель сюда на столъ. *(Шанденье кладетъ на столъ портфель и ставитъ канделябръ.)* На всякій случай оставь мнѣ твой кинжалъ.

(Шанденье отстегиваетъ отъ пояса кинжалъ и кладетъ на столъ, затѣмъ выходитъ.)

Кардиналъ *(играя кинжаломъ и пробуя его кончикъ краемъ пальца).* Какъ знать?.. Осторожность—мать безопасности.

(Кладетъ кинжалъ на столъ.)

Узникъ *(со страхомъ наблюдавшій всю сцену).* Боже всемогущій! спаси насъ!

(Послѣ ухода Шанденье кардиналъ снимаетъ съ пояса маленькій ключикъ и открываетъ портфель, крышка котораго снабжена внутри зеркаломъ, которое при открытіи портфеля устанавливается, въ видѣ пюпитра. Въ одномъ углу портфеля находится письменный приборъ, въ другомъ — румяна съ соотвѣтствующими косметическими принадлежностями. Изъ портфеля выглядываетъ географическая карта. Кардиналъ ее развертываетъ. Это—карта Европы. Онъ ее нѣсколько секундъ внимательно разсматриваетъ. Затѣмъ кладетъ ее и начинаетъ кашлять.)

Кардиналъ. У меня все есть — богатство, власть, удача, — все, кромѣ жизни. Я чувствую, что близокъ мой конецъ. *(Играя кинжаломъ.)* Какъ я былъ счастливъ, когда былъ мушкетеромъ, когда мнѣ было двадцать пять лѣтъ. *(Поднимается и заглядываетъ въ зеркало.)* Какой у меня страшный видъ! *(Кладетъ на щеки румяна, оглядывается кругомъ, затѣмъ вновь задумывается.)* Какъ устроить этотъ бракъ? Мнѣ кажется, онъ не удастся. Всѣ эти нападки обезкураживаютъ короля... Ну что жъ! найдутся другіе... Напримѣръ, Карлъ II, претендентъ на англійскій престолъ, или инфантъ португальскій, сынъ Іоанна, властителя морей, или Конти... Посмотримъ... Это было бъ очень непріятно! Но — ничего! все жъ я остаюсь правителемъ и на мнѣ все держится. *(Кладетъ руку на грудь.)* Болитъ! *(Кашляетъ.)* Нужно

взяться за работу. Дѣлать великое дѣло значитъ забыть объ ожидающей насъ смерти. *(Разворачиваетъ карту и разсматриваетъ ее съ глубокимъ вниманіемъ.)* Все вошло въ колею! Францiя, успокоившись сама, успокоила всю Европу. *(Наклоняется надъ картой, потомъ поднимаетъ голову.)* Дворянство — дерзко, духовенство—завистливо. Но я всѣхъ заставилъ покориться: Бордо, Реннъ, Тулузу, даже Парижъ, этотъ великiй Парижъ, эту гидру! Нѣтъ больше смутъ, нѣтъ больше междоусобицъ! *(Вынимаетъ письмо.)* Посмотримъ, что предлагаетъ императоръ *(Пробѣгаетъ письмо.)* Отлично. Онъ тоже не желаетъ искрѣ дать разгорѣться въ пожаръ,—онъ уступаетъ. *(Пробѣгая глазами по картѣ.)* Въ ожиданiи Безансона и Брюсселя, возьмемъ Бризахъ, Эльзасъ и «Три—Епископства». Свои тайные планы я позже завершу. Францiя должна простираться отъ Рейна до Пиринеевъ. Парижъ, къ которому можно добраться въ два или три дня, лежитъ почти на самой границѣ. Онъ долженъ находиться въ серединѣ Францiи. Я этого достигну безъ шума, безъ войны. *(Устремляетъ взоръ на портретъ кардинала Ришелье.)* О, Ришелье! каждый изъ насъ совершилъ великiй трудъ. Ты укрѣпилъ власть короля, а я сплотилъ Францiю. *(Устремляетъ опять глаза на карту.)* Но это еще не все. *(Поднимается.)* Но зданiе, которое я сооружаю, обширнѣе государства и важнѣе, чѣмъ власть короля. Мечта, не дающая мнѣ сомкнуть глазъ въ продолженiе столькихъ ночей, планъ, поглощающiй всѣ мои силы и стремленiя, завѣщанный мнѣ послѣ Филиппа второго кардиналомъ Ришелье, который я ужъ мысленно осуществилъ и который я осуществлю на дѣлѣ, это — превратить Европу въ громадный сводъ, опирающiйся на Францiю. *(Углубляется въ разсматриванiи карты.)* Германiя со дня на день теряетъ свою мощь. Испанiя слабѣетъ отъ роста своихъ владѣнiй: Мюнстерскiй договоръ даетъ Францiи перевѣсъ; левъ посаженъ въ клѣтку, императоръ насъ ласкаетъ. Сѣверъ только наполовину склоняетъ свои колѣни передъ св. имперiей и отъ насъ ждетъ указанiй. Только трирскiй избиратель колеблется и еще противится моимъ планамъ. Онъ—священникъ и старъ. Чѣмъ взять его? А! Вотъ чѣмъ: при помощи Цвейбрюкенской фамилiи, изъ которой онъ происходитъ. *(Задумывается.)* Перемѣнить посла... Склонить на свою сторону какого-нибудь слугу... Султану двѣнадцать лѣтъ, его имперiя рушится. Каждое государство имѣетъ свой камень на шеѣ, который его тянетъ ко дну. У Копенгагена есть Стокгольмъ, у Варшавы—Москва. Я сломилъ шведовъ и подчинилъ своему влiянiю властителя Москвы, я не свожу глазъ съ Турина, слабѣйшаго звена въ цѣпи,—Фарнезе, Гонзаго, Эстэ обречены на вымиранiе, — въ Парижѣ старый герцогъ умретъ внезапно; въ Мантуѣ — дуэнья, въ Моденѣ — дитя. Тамъ я ужъ властвую безъ шума, безъ волненья. Республики принадлежатъ дожамъ, покорнымъ мнѣ. На Геную я влiяю черезъ Паоли, на Венецiю—черезъ Корнаро. Что касается свободныхъ городовъ, то вопреки мнѣнiю дипломатовъ, я отдаю эти погремушки: Любекъ—нѣмцамъ, Рагузу—далматинцамъ. Итакъ, все идетъ хорошо, согласно съ моими пла-

нами. Только два облачка на ясномъ небѣ: заговорщицкій Мадридъ и сопротивляющійся Лондонъ,—Филиппъ, печальный идіотъ, и Кромвель, веселый сумасбродъ. *(Опять склоняется надъ картой.)* Римъ!.. О, городъ, согбенный подъ тяжестью годовъ, не понимающій собственныхъ рѣчей, падающій, но не могущій никакъ упасть, когда я думаю о тебѣ, мысль невольно переносится отъ вавилонскаго столпотворенія къ пизанской башнѣ. *(Поднимая голову.)* Ты нуждаешься одновременно въ разъясненіи и въ опорѣ.—Но Франція простираетъ свои лучи не только на Европу. Сильная, счастливая, хорошо вооруженная, она бодрствуетъ надъ всѣмъ міромъ и гаситъ въ зародышѣ всѣ военныя столкновенія. Софи хотѣлъ отнять Курдистанъ и Кандогаръ у могола, Вавилонъ у султана. Мы его остановили. Отъ тигра до Ганга мы вытѣснили съ рынковъ армянскихъ и славянскихъ купцовъ. Всюду мы становимся господами. Въ Индіи мы имѣемъ солдатъ, въ Китаѣ — іезуитовъ. Всюду мы воздвигли свои военныя машины и господствуемъ безъ борьбы.—Я старъ; годы—мои злѣйшіе враги—меня сломили. Я чувствую приближеніе смерти. Ну что жъ? Если часъ мой насталъ, приходится покориться. Но когда я предстану предъ Творцомъ и онъ меня спроситъ: «что сдѣлалъ ты въ своей земной жизни?» я отвѣчу: «Боже праведный, когда я прибылъ во Францію, страна переживала смятеніе и бурю; духъ стараго и духъ новаго боролись межъ собой. То была ужасная эпоха, тебѣ это хорошо извѣстно. Людовикъ одиннадцатый далъ первое сраженіе. Францискъ первый, явившійся продолжателемъ его дѣла, умеръ раньше, чѣмъ свалилъ гиганта; и Ришелье не дожилъ до конца этой великой борьбы. Всѣ эти люди, слѣдуя своему высокому призванію, вели непрерывную войну. А я водворилъ на землѣ миръ! *(Поднимаясь.)* Миръ на всей землѣ! о, какое ослѣпительное зрѣлище! Въ этомъ святомъ трудѣ мои успѣхи увеличиваются съ каждымъ днемъ. Король Франціи—орудіе въ моихъ рукахъ. Я заканчиваю свое дѣло, я—на вершинѣ. Нѣтъ болѣе подводныхъ камней! нѣтъ препятствій!

. . . .

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Драма «Близнецы», написанная въ 1830 г., къ сожалѣнію, осталась незаконченной. Впослѣдствіи Викторъ Гюго нѣсколько разъ собирался ее дописать, но такъ и не собрался въ теченіе всей своей долгой жизни.

АНДЖЕЛО — ТИРАНЪ ПАДУАНСКІЙ.

Историческая драма. — Переводъ И. И. Аксенова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анджело Малипіери — подеста [1]).
Катарина Брагадини.
Тисбэ.
Родольфо.
Гомодей.
Анафесто Галеофа.
Орделафо.
Орфео.
Габоардо.
Реджинелла.
Дафнэ.
Ночной сторожъ.
Черный пажъ.
Привратникъ.
Деканъ [2]) церкви св. Антонія Падуанскаго.
Главный священникъ.

Падуя, 1549 г.—Дожемъ былъ Франческо Донато.

День Первый. — КЛЮЧЪ.

Садъ, освященный для ночного празднества. Съ правой стороны дворецъ, полный свѣта и музыки, съ дверью, выходящей въ садъ, и со сводчатой галлереей внизу, гдѣ прохаживается нарядная публика. Возлѣ двери стоитъ каменная скамья. Налѣво — другая скамья, на которой виденъ лежащій человѣкъ, полускрытый въ тѣни. Въ глубинѣ, надъ вершинами деревьевъ, обрисовываются на фонѣ яснаго неба темныя очертанія города Падуи XVI столѣтія. Подъ конецъ дѣйствія начинаетъ свѣтать.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тисбэ, *въ богатомъ праздничномъ нарядѣ;* Анджело Малипіери, *въ герцогскомъ камзолѣ и золотой епитрахили;* Гомодей, *въ длинной шерстяной коричневаго цвѣта одеждѣ, наглухо застегнутой спереди, и въ красныхъ панталонахъ; на боку у него гитара. Онъ спитъ на скамьѣ.*

Тисбэ. Да, монсиньоръ, конечно, вы — превосходящій всѣхъ подеста. Въ вашихъ рукахъ право жизни и смерти, въ вашихъ рукахъ вся полнота могущества, вся свобода. Вы присланы Венеціей, и всюду, гдѣ бы вы ни показались, въ васъ видятъ власть и величіе этой республики. Когда вы появляетесь на улицѣ, окна поспѣшно закрываются, прохожіе скрываются куда попало, кругомъ въ домахъ все трепещетъ. Увы! — несчастные падуанцы преисполнены передъ вами такого смиренія и такой робости, точно

---

[1]) Полновластный правитель города.
[2]) Настоятель.

они обитатели Константинополя, а вы—тамошній султанъ. Да, да, это вѣрно. Я была въ Брешіи. Тамъ совсѣмъ другое. Венеція не осмѣливается обходиться съ Брешіей такъ, какъ обращается съ Падуей. Бресчія умѣетъ себя защитить. Когда рука Венеціи наноситъ ударъ, Бресчія кусаетъ эту руку, а Падуя — лижетъ ее. Это позоръ... Однако, хотя вы тутъ и властвуете надъ всѣмъ и всѣми, монсиньоръ, даже и надо мною, какъ вы увѣрены, я все-таки попрошу васъ выслушать меня, выслушать ту правду, которую я хочу сказать вамъ. Не безпокойтесь, я намѣрена говорить съ вами не о государственныхъ дѣлахъ, а лишь о вашихъ собственныхъ, монсиньоръ. Я хочу сказать вамъ вотъ что. Вы—человѣкъ очень странный, и я рѣшительно не могу васъ понять: вы влюблены въ меня и въ то же время ревнуете вашу жену!

Анджело. Я ревную и васъ, синьора

Тисбэ. О, это вы совсѣмъ напрасно мнѣ говорите; это и такъ ясно. Между тѣмъ, вы не имѣете ни малѣйшаго права ревновать меня, потому что я вамъ не принадлежу. Меня здѣсь считаютъ вашей любовницей, вашей всемогущей любовницей, но это не правда, и вы это хорошо знаете.

Анджело. Ваше празднество великолѣпно, синьора.

Тисбэ. О! Я только бѣдная комедіантка здѣшняго театра, и мнѣ позволяютъ давать празднества господамъ сенаторамъ. Я стараюсь, какъ могу, увеселять нашего общаго господина, но, къ несчастью, сегодня мнѣ это не удастся. Ваше лицо мрачнѣе черноты моей маски. Кажется, довольно порядочно у меня горитъ лампадъ и свѣтильниковъ, а съ вашего чела не сходитъ тѣнь. То, что я даю вамъ музыкою, вы не возвращаете мнѣ веселостью. Засмѣйтесь хоть разокъ, монсиньоръ.

Анджело. Я смѣюсь, смѣюсь... Кажется, вы говорили мнѣ, что тотъ молодой человѣкъ, который прибылъ съ вами въ Падую,— вашъ братъ?..

Тисбэ. Говорила. Что же изъ этого?

Анджело. Вы сейчасъ говорили съ нимъ, я видѣлъ. А кто тотъ другой, который былъ съ нимъ?

Тисбэ. Это его другъ, вичентинецъ, Анафесто Галеофа.

Анджело. А какъ зовутъ вашего брата?

Тисбэ. Родольфо, монсиньоръ, Родольфо. Я уже двадцать разъ объясняла вамъ все это... Развѣ вамъ нечего сказать мнѣ болѣе любезнаго?

Анджело. Виноватъ, Тисбэ, я не буду больше надоѣдать вамъ своими вопросами... Вы вчера такъ великолѣпно сыграли Розамонду, что этотъ городъ счастливъ имѣть васъ у себя, и что вся Италія, восторгающаяся вами, Тисбэ, завидуетъ этимъ падуанцамъ, которыхъ вы такъ жалѣете... О, какъ терзаетъ меня эта толпа, такъ неистово рукоплещущая вамъ! Я умираю отъ ревности, видя васъ такою прекрасною передъ такимъ множествомъ глазъ... О, Тисбэ, кто же былъ тотъ человѣкъ, въ маскѣ, съ которымъ вы давеча говорили между двуми дверями?

Тисбэ. Это былъ Вирджиліо Таска, монсиньоръ.

Анджело. Мой лейтенантъ?

Тисбэ. Вашъ сбиръ.

Анджело. А что ему было нужно отъ васъ?

Тисбэ. Интересно посмотрѣть, какъ были бы вы поражены, если бы мнѣ не угодно было разсказать вамъ это.

Анджело. Тисбэ!

Тисбэ. Нѣтъ, нѣтъ, не волнуйтесь, монсиньоръ. Я добрая, и все вамъ разскажу... Вы знаете, что я ничто, я дѣвушка изъ народа, комедіантка... вещь, которую вы сегодня цѣлуете, а завтра возьмете да и сломаете... играючи. Но какъ я ни ничтожна, все же и у меня была мать... Знаете ли вы, что значитъ имѣть мать? Была ли у васъ мать? Знаете ли вы, что такое быть ребенкомъ, бѣднымъ ребеночкомъ, слабенькимъ, голенькимъ, жалкенькимъ, голодненькимъ, безпомощненькимъ, одинокенькимъ, и вдругъ почувствовать, что возлѣ васъ, вокругъ васъ, надъ вами, движется вмѣстѣ съ вами, останавливается вмѣстѣ съ вами, смѣется, когда вы плачете,—женщина... нѣтъ!—ангелъ... ангелъ, который всегда съ вами, который не сводитъ съ васъ любящихъ глазъ, который учитъ васъ говорить, учитъ смѣяться, учитъ любить?.. который ваши зябнущіе пальчики согрѣваетъ руками, ваше тѣльце — своей грудью, вашу душу своимъ сердцемъ?.. который даетъ вамъ свое молоко, пока вы малы, свой хлѣбъ, когда вы будете подрастать, свою жизнь—всегда?.. котораго вы называете матерью, а онъ васъ называетъ своимъ ребенкомъ... называетъ такъ нѣжно и сладко, что эти два слова радуютъ Господа Бога?.. Да, и я имѣла такую мать. Это была женщина бѣдная... безъ мужа... Она пѣла свои грустныя пѣсенки по улицамъ и площадямъ Бресчіи. Я ходила съ нею. Иногда намъ бросали деньги. Съ этого я и начала свою профессію. Чаще всего мать останавливалась у подножія статуи Гатты-Мелаты. Какъ-то разъ въ одной изъ пѣсенокъ матери, смыслъ которыхъ бывалъ ей непонятенъ, потому что она заучивала только слова и напѣвъ, не вникая въ содержаніе... Такъ, вотъ, въ одной изъ ея пѣсенъ, говорю я, оказалось нѣсколько словъ, оскорбительныхъ для венеціанскаго правительства. Слова эти заставили разсмѣяться нѣсколько слушателей, иноземцевъ, слугъ какого-то посла. Какъ разъ въ это время проходилъ одинъ изъ сенаторовъ. Прислушавшись и присмотрѣвшись, онъ сказалъ сопровождавшему его капитану: «На висѣлицу эту женщину». Въ венеціанскихъ владѣніяхъ эти дѣла дѣлаются быстро. Мать моя тутъ же была схвачена. Она не возражала ни однимъ словомъ... къ чему бы это?.. Она только молча обняла меня, при чемъ изъ ея глазъ капнула на мое лицо горячая слеза, взяла свое распятіе и покорно дала себя связать... Я еще вижу это распятіе... оно было изъ полированной мѣди. У его подножія кончикомъ стилета грубо было вырѣзано мое имя «Тисбэ»... Мнѣ тогда было шестнадцать лѣтъ. Я смотрѣла, какъ связываютъ мою мать, и была такъ поражена, что не могла ни говорить, ни крикнуть, ни даже заплакать... Я была неподвижная, застывшая, точно мертвая, какъ бываетъ въ кошмарномъ снѣ... Окружавшая насъ толпа тоже мол-

чала. Но съ сенаторомъ была молодая дѣвушка, которую онъ держалъ за руку. Должно-быть, это была его дочь... Прелестная молодая дѣвушка, монсиньоръ... Взволнованная отъ жалости, она бросилась въ ноги сенатору и такъ заплакала, такими горячими слезами и такими прекрасными молящими глазами глядѣла на сенатора, что ей удалось добиться у него помилованія моей матери... Да, да, монсиньоръ, благодаря этой прекрасной и доброй дѣвушкѣ, моя бѣдная мать была спасена... И когда она была освобождена, когда ей снова были развязаны руки, она взяла свое распятіе и отдала его той молодой дѣвушкѣ со словами: «Сударыня, берегите это распятіе, оно принесетъ вамъ счастье...» Прошло нѣсколько времени, мать моя, эта святая женщина, умерла, а я стала богата. И, вотъ, я захотѣла еще хоть разокъ увидѣть ту милую дѣвушку... лучше сказать: того свѣтлаго ангела во плоти, который спасъ мою мать. Почемъ знать, быть-можетъ, она замужемъ и, какъ водится, счастлива? А если это такъ, то она можетъ нуждаться въ моей помощи. Съ цѣлью отыскать эту, быть-можетъ, страдалицу, я какъ пріѣду въ какой-нибудь новый городъ, первымъ долгомъ зову къ себѣ сбира... баригеля... полицейскаго... вообще кого попало изъ этихъ людей, открываю имъ, что мнѣ нужно и обѣщаю тому, кто разыщетъ мнѣ ту дѣвушку или женщину,—десять тысячъ секиновъ золотомъ. Вотъ почему я давеча говорила «между двумя дверьми» съ вашимъ сбиромъ Вирджиліо Таской. Довольны вы теперь, узнавъ отъ меня эту исторію, монсиньоръ?

Анджело. Десять тысячъ секиновъ золотомъ!.. А сколько же вы дадите самой той женщинѣ, если найдете ее?

Тисбэ. Свою жизнь, если она захочетъ.

Анджело. А какъ вы узнаете ее?

Тисбэ. По распятію моей матери.

Анджело. Да? Но она могла его затерять.

Тисбэ. Нѣтъ, этого не можетъ быть. Люди не теряютъ того, что пріобрѣтено ими такой цѣной.

Анджело *(тутъ только замѣтивъ лежащаго на скамьѣ Гомодея)*. Синьора, тамъ на скамьѣ какой-то человѣкъ!.. Что это за человѣкъ? Знаете вы его?

Тисбэ *(громко смѣясь)*. Ахъ, Богъ мой! Конечно, я знаю. Это мой бѣдный Гомодей!

Анджело. Гомодей?.. Что это за Гомодей?

Тисбэ. Гомодей, это, монсиньоръ, — мужчина, какъ и я, Тисбэ, — женщина..: Гомодей, это — гитаристъ, котораго синьоръ старшина капитула святаго Марка, принадлежащій къ числу моихъ друзей, прислалъ ко мнѣ съ рекомендательнымъ письмомъ, которое, если желаете, я покажу вамъ, гадкій ревнивецъ... При этомъ письмѣ былъ и подарокъ.

Анджело. Подарокъ?.. Какой?

Тисбэ. О, настоящій венеціанскій! Ящичекъ, заключавшій всего только два пузыречка: одинъ бѣлый, другой черный. Въ бѣломъ находится очень сильное снотворное средство, которое погружаетъ человѣка въ двѣнадцатичасовой сонъ, ничѣмъ почти

не отличающійся отъ смерти, а въ черномъ — ядъ, тотъ самый страшный ядъ, который Маласпина, какъ извѣстно, далъ принять папѣ въ пилюлькѣ изъ алоэ... Синьоръ старшина пишетъ, что эти пузыречки могутъ мнѣ пригодиться... «при случаѣ». Тоже своего рода любезность, какъ видите... Кромѣ того, синьоръ старшина увѣдомляетъ меня, что этотъ несчастный человѣкъ — податель письма и подарка—форменный идіотъ. Вы должны были уже раньше видѣть его, потому что онъ здѣсь давно — цѣлыхъ двѣ недѣли. Онъ ѣстъ на кухнѣ, спитъ гдѣ попало, по своей привычкѣ, играетъ и поетъ, въ ожиданіи, когда пойдетъ въ Виченцу. Пришелъ изъ Венеціи... Ахъ, и моя бѣдная мать всю жизнь такъ же скиталась изъ города въ городъ! Я оставлю его при себѣ на столько времени, на сколько онъ самъ захочетъ. Онъ тоже способствовалъ въ этотъ вечеръ увеселенію собравшагося у меня общества, но самого его мое празднество вовсе не увеселяетъ, и онъ, отбывъ свой урокъ, преспокойно завалился спать въ первомъ попавшемся мѣстѣ. Все это такъ просто и понятно.

Анджело. А вы мнѣ отвѣчаете за этого человѣка?

Тисбэ. Вы шутите, монсиньоръ! Не можете же вы серьезно безпокоиться изъ-за такого ничтожества... изъ-за гитариста... идіота и вдобавокъ еще крѣпко спящаго... Да что, въ самомъ дѣлѣ, съ вами, синьоръ подеста? Вы только и знаете, что разспрашиваете о всѣхъ, кто ни попадается вамъ на глаза, и всякій пустякъ, не стоящій и вниманія, нагоняетъ на васъ тревогу. Что это: ревность или боязнь?

Анджело. И то и другое

Тисбэ. Ревность я еще понимаю: вѣдь вы считаете себя обязаннымъ наблюдать за двумя женщинами. Но боязнь? Какая можетъ быть боязнь у васъ, у человѣка, который самъ приводитъ въ страхъ и трепетъ весь городъ?

Анджело. Вотъ это-то и есть главное основаніе моей боязни. *(Приближается къ ней въ упоръ и говоритъ шопотомъ.)* Слушайте, Тисбэ! Да, какъ вы говорите, я здѣсь могу все, я господинъ, деспотъ, властитель этого города, я—подеста, котораго Венеція поставила надъ Падуей, я — коготь тигра надъ овцою. Да, я всемогущъ. Но какъ я ни самовластенъ, надо мною, Тисбэ, есть нѣчто великое и страшное, нѣчто полное мрака: надо мною Венеція. А, знаете ли вы, бѣдная Тисбэ, что, въ сущности, значитъ Венеція? Я скажу вамъ, что это Венеція, это—государственная инквизиція, это — Совѣтъ Десяти... *Совѣтъ Десяти*, понимаете ли вы? О немъ можно говорить только еле слышнымъ шопотомъ, потому что онъ, скрытый здѣсь, гдѣ-нибудь, можетъ насъ подслушать. Онъ состоитъ изъ людей, которыхъ не знаетъ никто изъ насъ, но которые знаютъ насъ всѣхъ; людей, не видимыхъ ни на какомъ празднествѣ и торжествѣ, но находящихся возлѣ всѣхъ эшафотовъ; людей, въ рукахъ которыхъ головы насъ всѣхъ: ваша, моя, самого дожа; людей, на которыхъ нѣтъ ни симарры, ни эпитрахили, ни короны, никакого внѣшняго отличія, бросающагося въ глаза, ничего такого, что могло бы сказать вамъ:

«Вотъ одинъ изъ нихъ». Самое большое, если у нихъ имѣется подъ одеждою какой-нибудь таинственный значокъ. Это люди, у которыхъ повсюду агенты, повсюду сбиры, повсюду палачи; люди, которые никогда не показываютъ населенію Венеціи другой физіономіи, кромѣ угрюмыхъ бронзовыхъ пастей, всегда широко открытыхъ подъ папертями св. Марка, этихъ роковыхъ пастей, которыхъ толпа считаетъ нѣмыми, но, которые, между тѣмъ, обладаютъ очень громкими и страшными голосами, крича каждому прохожему на ухо: «Доноси!» И когда на кого донесено, тотъ уже взятъ, а разъ онъ взятъ, то всему конецъ. Въ Венеціи все дѣлается тихо, тайно, навѣрняка. Кто осужденъ, тотъ ужъ и казненъ. Ничего нельзя видѣть, ничего нельзя сказать; нѣтъ возможности крикнуть, бросить простого взгляда. Осужденному заткнутъ ротъ, на палачѣ маска... Что я сейчасъ говорилъ вамъ о эшафотахъ? Я ошибся. Въ Венеціи не умираютъ на эшафотахъ: тамъ исчезаютъ. Въ какой-нибудь семьѣ не хватаетъ человѣка. Что съ нимъ сталось? Объ этомъ знаютъ однѣ свинцовыя крыши, колодцы, каналъ Орфано. Иногда слышишь по ночамъ, какъ что-то падаетъ въ воду, и тогда лучше бѣжать поскорѣе съ того мѣста... Затѣмъ: балы, пиры, море огней, музыка, гондолы, театры, пятимѣсячные карнавалы—вотъ что представляетъ собою Венеція. Вы, Тисбэ, прелестная комедіантка, знаете Венецію только съ одной веселой стороны, а я, сенаторъ, знаю ее и съ другой... Въ каждомъ дворцѣ—во дворцѣ дожа, въ моемъ—есть, невѣдомо для дожа и меня, тайный ходъ, вѣчный предатель всѣхъ залъ, всѣхъ комнатъ, всѣхъ алькововъ, — ходъ темный, доступный не намъ, обитающимъ въ этихъ дворцахъ, а невѣдомо кому; ходъ, извивы котораго вы можете лишь чувствовать, но не видѣть; таинственная траншея, по которой безпрерывно кто-то движется и что-то дѣлаетъ... А сколько личной мести примѣшивается ко всему этому и успѣваетъ въ этой темнотѣ! Часто по ночамъ я приподнимаюсь на постели, прислушиваюсь и слышу шаги въ стѣнахъ. Вотъ подъ какимъ давленіемъ я живу, Тисбэ! Я надъ Падуею, но *это* надо мною. Мнѣ поручено усмирить Падую. Мнѣ приказано быть страшнымъ. Мнѣ дана власть только подъ условіемъ быть тираномъ. Не просите никогда у меня, не умѣющаго вамъ ни въ чемъ отказывать, милости ни для кого; вы этимъ только погубите меня и себя. Для того, чтобы казнить когонибудь, мнѣ все разрѣшено, а для того, чтобы спасти — ничего. Да, Тисбэ, тиранъ Падуи, это — рабъ Венеціи. И меня хорошо стерегутъ, будьте увѣрены, очень хорошо. О, этотъ Совѣтъ Десяти! Заприте слесаря въ подземелье и заставьте его сдѣлать вамъ замóкъ, и прежде, чѣмъ этотъ замóкъ будетъ готовъ, ключъ къ нему уже очутится въ карманѣ у Совѣта Десяти. Ахъ, синьора, навѣрное вы не знали до сихъ поръ, что слуга, прислуживающій мнѣ, знакомый, раскланивающійся со мною, — шпіонятъ за мной; священникъ, исповѣдующій меня, шпіонитъ вокругъ меня; женщина, которая говоритъ мнѣ: «Я люблю тебя», — и та... да, да, Тисбэ, это правда!—и та шпіонитъ за мной!

Тисбэ. Полно вамъ, монсиньоръ! Ужъ я-то, повѣрьте...

Анджело. Вы никогда не говорили, что любите меня, Тисбэ, поэтому я говорю не о васъ. Но я вамъ повторяю: все, что смотритъ на меня,—глазъ Совѣта Десяти; все, что меня слушаетъ,—ухо Совѣта Десяти; все, что ко мнѣ прикасается, — рука Совѣта Десяти,—рука страшная, которая сначала долго ощупываетъ, потомъ ужъ крѣпко хватаетъ сразу... Да, какъ я ни могущественъ сегодня, но я не могу быть увѣренъ, что завтра же не явится въ мой домъ какой-нибудь ничтожнѣйшій сбиръ, который прикажетъ мнѣ слѣдовать за собою и за которымъ я, несмотря на все его ничтожество, долженъ буду слѣдовать. Куда? Да просто въ какое-нибудь укромное мѣстечко, откуда онъ выйдетъ уже одинъ... Да, Тисбэ, быть изъ Венеціи — значитъ висѣть на волоскѣ. Тяжело, трудно и мучительно мое положеніе: виснуть надъ этимъ раскаленнымъ горниломъ, которое называется Падуей, быть постоянно съ маской на лицѣ, исполнять обязанности тирана, быть окруженнымъ всевозможными случайностями, предосторожностями, ужасами, вѣчно ожидать взрыва, каждое мгновеніе трепетать въ ожиданіи возможности, что мое дѣло убьетъ меня на мѣстѣ, какъ убиваетъ алхимика изготовляемый имъ ядъ... О, Тисбэ, вмѣсто того, чтобы спрашивать, почему я дрожу, вы лучше пожалѣйте меня!

Тисбэ. Боже мой! Да, ваше положеніе дѣйствительно ужасно, монсиньоръ.

Анджело. Да, я — орудіе, посредствомъ котораго одинъ народъ пытаетъ другой. Такія орудія быстро портятся и ломаются, Тисбэ... Да, я несчастливъ... страшно несчастливъ. Только одна сладость и есть для меня во всемъ мірѣ, это—вы. Между тѣмъ я чувствую, что вы меня не любите... Можетъ-быть, вы любите другого?

Тисбэ. Нѣтъ... Успокойтесь.

Анджело. Вы какъ-то неувѣренно говорите мнѣ это «нѣтъ».

Тисбэ. Развѣ?.. Говорю, какъ могу.

Анджело. Хорошо, не будьте моею, но не будьте и ничьей. Смотрите, Тисбэ, чтобы я никогда не узналъ, что другой...

Тисбэ. Неужели вы думаете, что вы хороши, когда смотрите на меня такъ, какъ въ эту минуту?

Анджело. О, Тисбэ! когда вы полюбите меня?

Тисбэ. Когда всѣ здѣсь будутъ васъ любить.

Анджело. Увы!.. Но все равно, оставайтесь въ Падуѣ. Я не хочу, чтобы вы покинули Падую, слышите? Если вы уйдете отсюда, уйдетъ и моя жизнь... Ахъ, Боже мой! вотъ кто-то приближается къ намъ... Насъ уже такъ долго видятъ разговаривающими вдвоемъ... Это можетъ возбудить подозрѣніе въ Венеціи... Я оставляю васъ. *(Уходя, останавливается на мгновеніе и, указывая на Гомодея, спрашиваетъ.)* Такъ вы мнѣ отвѣчаете за этого человѣка?

Тисбэ. Какъ за спящаго ребенка.

Анджело. Хорошо. Но вотъ подходитъ вашъ братъ. Я оставляю васъ съ нимъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тисбэ, Родольфо, *одѣтый во все черное, съ чернымъ перомъ на шляпѣ, и* Гомодей, *все еще спящій.*

Тисбэ. А, это ты, Родольфо! дорогой Родольфо!.. Иди скорѣй! Я люблю тебя. *(Оборачиваясь въ ту сторону, куда ушелъ Анджело.)* Нѣтъ, глупый тиранъ, это не братъ мой, это — мой любовникъ... Иди, Родольфо, иди, мой храбрый воинъ, мой благородный изгнанникъ, мой великодушный другъ... Посмотри мнѣ въ лицо... Ахъ, какъ ты хорошъ! Ахъ, какъ я люблю тебя!

Родольфо. Тисбэ!..

Тисбэ. Зачѣмъ ты захотѣлъ быть въ Падуѣ? Ты видишь, мы въ ловушкѣ, и не можемъ выйти изъ нея. Въ твоемъ положеніи ты долженъ повсюду слыть моимъ братомъ. Этому подестѣ вздумалось увлечься твоею бѣдною Тисбэ. Этимъ онъ насъ держитъ, изъ-за этого не хочетъ выпустить насъ. Я въ постоянномъ страхѣ, какъ бы подеста не узналъ, что ты... Какое мученье!.. Впрочемъ, пусть его. Отъ меня этотъ тиранъ, во всякомъ случаѣ, ничего не узнаетъ, ты въ этомъ, конечно, твердо увѣренъ, не такъ ли, милый Родольфо? Но все-таки я бы хотѣла, чтобы ты самъ безпокоился объ этомъ... хочу, чтобы ты ревновалъ меня.

Родольфо. Вы прелестная и благородная женщина.

Тисбэ. Ну и ревную же я тебя, мой дорогой, ахъ, какъ ревную! Не такъ, какъ этотъ венеціанецъ, Анджело Малипіери, который только что увѣрялъ, что ревнуетъ меня, а на самомъ дѣлѣ имѣетъ очень плохое понятіе о настоящей ревности, примѣшивая къ ней разныя глупости. Нѣтъ, монсиньоръ, когда люди ревнуютъ, они не видятъ Венеціи, не видятъ Совѣта Десяти, не видятъ ни сбировъ, ни шпіоновъ, ни каналовъ Орфано и ничего другого; тогда они имѣютъ передъ глазами только одно—свою ревность. Я, дорогой Родольфо, страдаю уже отъ одного того, когда ты только разговариваешь съ другою женщиной, и то мнѣ больно. Какое право имѣютъ другія женщины на тебя? Соперница? О, Родольфо, не давай мнѣ никогда соперницы? Я ее убью! Я люблю тебя. Ты единственный мужчина, котораго я когда-либо любила. Моя жизнь долго была сумрачной, а теперь стала лучезарной. Ты—мой свѣтъ. Твоя любовь, это—солнце, поднявшееся надо мною. Другіе мужчины только ледянили меня. Какъ грустно, что я не знала тебя десять лѣтъ назадъ. Если бы знала уже тогда, мнѣ думается, были бы еще живы всѣ тѣ части моего сердца, которыя погибли отъ холода. Ахъ, какое счастье быть хоть на одно мгновеніе наединѣ съ тобою! Но какъ было безумно явиться тебѣ сюда, въ Падую, гдѣ мы живемъ въ вѣчномъ страхѣ. Ахъ, мой дорогой Родольфо! Да, поистинѣ ты мой любовникъ. Хорошъ братъ!.. Ахъ, я совсѣмъ схожу съ ума отъ радости, когда могу поговорить съ тобою на свободѣ! Видишь, какая я сумасшедшая? Любишь ли ты меня?

Родольфо. Кто можетъ не любить васъ, Тисбэ?

Тисбэ. Если вы еще разъ мнѣ скажете «вы», я обижусь. О, Боже! что же это я? Нужно же мнѣ опять показаться хоть не надолго моимъ гостямъ, о которыхъ я совершенно забыла. Скажи мнѣ, что это значитъ, что съ нѣкоторыхъ поръ ты кажешься мнѣ грустнымъ? Развѣ ты, правда, грустишь?

Родольфо. Нѣтъ, Тисбэ.

Тисбэ. Уже не боленъ ли ты?

Родольфо. Нѣтъ.

Тисбэ. Ревнуешь?

Родольфо. Нѣтъ.

Тисбэ. Даже не ревнуешь? А я хочу, чтобы ты ревновалъ. Или ты не любишь меня? Оставь, не нужно этой грусти. Ужъ не безпокоятъ ли тебя здѣсь чѣмъ-нибудь? Я всегда этого боюсь, все время трепещу при этой мысли. Никому здѣсь неизвѣстно, что ты мнѣ не братъ?

Родольфо. Никому, кромѣ одного Анафесто.

Тисбэ. Твоего друга? Ну, это ничего. На него можно надѣяться. *(Подходитъ Анафесто Галеофо.)* Ахъ, вотъ и онъ! Я поручу ему тебя на нѣсколько минутъ. *(Смѣясь.)* Синьоръ Анафесто, смотрите, чтобы онъ не разговаривалъ ни съ какой женщиной.

Анафесто *(улыбаясь)*. Будьте покойны, синьора.

(Тисбэ удаляется.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Родольфо, Анафесто, Галеофо *и* Гомодей, *все еще спящій.*

Анафесто *(глядя вслѣдъ уходящей Тисбэ)*. Да, прелестна. Ты счастливъ, Родольфо, она любитъ тебя.

Родольфо. Нѣтъ, Анафесто, я несчастливецъ, я не люблю ее.

Анафесто. Что ты говоришь?! Можетъ ли это быть?

Родольфо *(замѣтивъ Гомодея)*. Что это за человѣкъ спитъ тамъ, на скамьѣ?

Анафесто. Это ничего. Это тотъ бѣдный музыкантъ, знаешь?

Родольфо. Ахъ, да, тотъ идіотъ. Знаю, знаю.

Анафесто. Такъ ты не любишь Тисбэ? Неужели? Ты мнѣ сказалъ правду?

Родольфо. Развѣ я сказалъ тебѣ это? Забудь!

Анафесто. Тисбэ? Эту достойную обожанія женщину?

Родольфо. Достойна обожанія—да. Но я не люблю ее.

Анафесто. Какъ же это такъ?

Родольфо. Не спрашивай меня.

Анафесто. Но я—твой другъ!

Тисбэ *(возвращаясь и съ улыбкою подбѣгая къ Родольфо)*. Я вернулась только затѣмъ, чтобы сказать тебѣ еще одно слово. Я люблю тебя! Теперь ухожу. *(Убѣгаетъ.)*

Анафесто *(снова глядя ей вслѣдъ)*. Бѣдная Тисбэ!

Родольфо. Въ глубинѣ моего существованія есть тайна, извѣстная только мнѣ.

Анафесто. Но когда-нибудь ты откроешь ее своему другу, не такъ ли? Ты сегодня что-то очень мраченъ, Родольфо.

Родольфо. Ахъ, оставь меня хоть на минуту!

(Анафесто уходитъ. Родольфо садится на каменную скамью возлѣ двери и опускаетъ голову на руки. Когда Анафесто совсѣмъ скрылся, Гомодей открываетъ глаза, поднимается, потихоньку прокрадывается съ задней стороны къ той скамейкѣ, на которой сидитъ погруженный въ размышленія Родольфо, и останавливается за нимъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV

Родольфо *и* Гомодей.

(Гомодей *дотрогивается рукою до плеча Родольфо.* Родольфо *обертывается и съ изумленіемъ смотритъ на него.)*

Гомодей. Васъ зовутъ не Родольфо. Васъ зовутъ Эццелино де-Романа. Вы древняго рода, когда-то царившаго въ Падуѣ, но уже двѣсти лѣтъ, какъ изгнаннаго отсюда. Вы бродите изъ города въ городъ, прикрываясь чужимъ именемъ, забираясь иногда въ венеціанскія владѣнія. Семь лѣтъ тому назадъ, въ самой Венеціи, вы, будучи въ то время двадцатилѣтнимъ юношей, увидѣли въ церкви св. Георгія Великаго прелестную дѣвушку. Вы не послѣдовали за дѣвушкою: слѣдить въ Венеціи за дѣвушкою—значитъ напрашиваться на ударъ кинжаломъ. Но вы стали часто заходить въ ту церковь. Продолжала ходить туда и молодая дѣвушка. Вы воспылали любовью къ ней—она къ вамъ. Не зная ея полнаго имени... вы не знали его и послѣ, да не знаете и теперь, потому что она назвала вамъ себя просто Катариною,—вы нашли возможность писать ей, а она—отвѣчать вамъ. Она согласилась имѣть съ вами свиданія у женщины, извѣстной подъ прозвищемъ «блаженной Чечиліи». Любовь между вами и ею была безумная, но оставалась чистою. Эта молодая дѣвушка была изъ благородныхъ. Только это одно вы и знали о ней. Благородная венеціанка можетъ выйти замужъ только за такого же благороднаго венеціанца же или за короля. Вы не были венеціанцемъ, но не были больше и королемъ. Кромѣ того, вы были изгнанникомъ и не имѣли никакой надежды на нее. Какъ-то разъ она не явилась на свиданіе. Блаженная Чечилія сообщила вамъ, что ее выдали замужъ. И какъ вы не знали имени ея отца, такъ осталось вамъ неизвѣстнымъ и имя ея мужа. Вы покинули Венецію. Съ тѣхъ поръ вы стали скитаться по всей Италіи, но любовь повсюду слѣдовала за вами. Вы стали растрачивать свою жизнь на разныя удовольствія, развлеченія, глупости, пороки. Вы пытались любить другихъ женщинъ. Вы даже воображали себѣ, что любите другихъ женщинъ, какъ, напримѣръ, эту комедіантку, Тисбэ. Но все это было напрасно: изъ-подъ новой любви постоянно возникала старая. Три мѣсяца тому назадъ вы явились въ Падую вмѣстѣ съ Тисбэ, которая выдала васъ за своего брата. Подеста, монсиньоръ Анджело, плѣнился ею, а съ вами вотъ что случи-

лось. Вечеромъ, шестнадцатаго февраля, на мосту Молино, къ вамъ подошла, закутанная въ покрывало, женщина. Она взяла васъ за руку и повела на улицу Сампіеро. Въ этой улицѣ находятся развалины стариннаго дворца Магаруффи, разрушеннаго вашимъ предкомъ Эццелино Третьимъ; въ этихъ развалинахъ есть хижина; въ этой хижинѣ вы нашли ту венеціанку, которая любитъ васъ и любима вами цѣлыхъ семь лѣтъ. Съ того вечера вы встрѣчались съ нею три раза въ недѣлю въ той самой хижинѣ. Женщина эта осталась вѣрною и своей любви, и своей чести, и своему мужу. Она до сихъ поръ не открыла вамъ своего имени. Она для васъ Катарина, и больше ничего. По прошествіи мѣсяца ваше счастіе вдругъ оборвалось. И вотъ уже пять недѣль, какъ вы не видѣли ея. Это потому, что мужъ сталъ подозрѣвать ее и держать взаперти. Однако ужъ начинаетъ свѣтать. Вы всюду ищете ее, но не находите, и никогда не найдете. Хотите видѣть ее сегодня вечеромъ?

Родольфо *(пристально глядя на него)*. Кто вы такой? И почему вы...

Гомодей. А, вопросы! Ну, я не отвѣчу на нихъ... Такъ вы не хотите сегодня вечеромъ видѣть эту женщину?

Родольфо. Какъ не хочу?!. Нѣтъ, я очень хочу ее видѣть!.. Именемъ неба... видѣть ее одно мгновеніе, и затѣмъ умереть!

Гомодей. Вы увидите ее.

Родольфо. Гдѣ?

Гомодей. У нея.

Родольфо. Но скажите же мнѣ кто она? ея имя?

Гомодей. Я скажу вамъ это у нея же.

Родольфо. О, вы явились прямо съ неба! Вы...

Гомодей. Сегодня вечеромъ, при восходѣ луны... въ полночь, да, это будетъ проще, будьте на углу дворца Альберта де-Баонъ, улица Санто-Урбано. Я буду тамъ, и я васъ проведу. Въ полночь.

Родольфо. Благодарю васъ... И вы не хотите мнѣ сказать, кто вы?

Гомодей. Кто я? Я—идіотъ!

(Уходитъ.)

Родольфо *(оставшись одинъ)*. Что это за человѣкъ?.. Ахъ, не все ли равно!.. Въ полночь... въ полночь?.. Какъ долго до этой полуночи!.. О, Катарина, за тотъ часъ, который онъ мнѣ обѣщаетъ, я готовъ былъ отдать ему свою жизнь!

(Появляется Тисбэ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Родольфо *и* Тисбэ.

Тисбэ. Вотъ и я опять, Родольфо. Здравствуй! Я не могла больше быть безъ тебя. Я не въ состояніи разлучаться съ тобою, я всюду слѣдую за тобою, думаю и живу только тобою. Я—тѣнь твоего тѣла, а ты—душа моего.

Родольфо. Берегись, Тисбэ! Мой родъ—родъ пагубный. Надъ нами тяготѣетъ предопредѣленіе, почти неизбѣжно передающееся отъ отца къ сыну. Мы приносимъ смерть тѣмъ, кого любимъ.

Тисбэ. Такъ что же? Ну, убьешь ты меня—какая бѣда! Только бы ты любилъ меня.

Родольфо. Тисбэ!..

Тисбэ. Послѣ оплачешь меня. Сейчасъ я не хочу ничего больше слышать объ этомъ.

Родольфо. Тисбэ, вы заслуживаете любви ангела.

(Цѣлуетъ ей руку и медленно уходитъ.)

Тисбэ *(одна)*. Что это?.. Онъ уходитъ?.. Родольфо!.. Да что такое съ нимъ? *(Взглянувъ на скамью)*. А, Гомодей проснулся!

(Гомодей показывается въ глубинѣ.)

ЯВЛЕНІЕ VI

Тисбэ *и* Гомодей.

Гомодей. Родольфо зовутъ Эццелино; это—искатель приключеній, принцъ. Спящій человѣкъ—стерегущая кошка. Глазъ закрытъ, ухо отверсто.

Тисбэ. Что такое онъ бормочетъ?

Гомодей *(указывая на свою гитару)*. Эта гитара имѣетъ струны, которыя звучатъ, какъ кто хочетъ. Сердце мужчины, сердце женщины также обладаютъ струнами, на которыхъ можно играть.

Тисбэ. Что это должно означать?

Гомодей. Синьора, это означаетъ, что если случайно вы сегодня потеряете нѣкоего прекраснаго молодого человѣка съ чернымъ перомъ на шляпѣ, то я знаю мѣсто, гдѣ вамъ можно будетъ найти его вновь въ слѣдующую ночь.

Тисбэ. У женщины?

Гомодей. У блондинки.

Тисбэ. Что такое?.. Что ты хочешь сказать? Кто ты?

Гомодей. Я ничего не знаю.

Тисбэ. Ты не то, что я думала. Ахъ, я несчастная! Подеста правъ, говоря, что ты человѣкъ опасный. Кто же ты, въ самомъ дѣлѣ, кто?.. Родольфо будетъ у женщины?.. слѣдующей же ночью?.. Это ты хотѣлъ мнѣ сказать, вѣдь это, да?..

Гомодей. Я ничего не знаю.

Тисбэ. Ахъ, ты лжешь!.. Это невозможно! Родольфо любитъ меня...

Гомодей. Я ничего не знаю.

Тисбэ. О, негодяй, ты лжешь! Ахъ, какъ онъ лжетъ! Продажный ты человѣкъ! Боже мой, такъ и у меня есть враги! Но Родольфо любитъ меня... Ступай, тебѣ не удастся разстроить меня. Я не вѣрю тебѣ. Твои лживыя слова нисколько не трогаютъ меня.

Гомодей. Вы навѣрное замѣтили, что монсиньоръ Анджело Малипіери носитъ на своей шейной цѣпи художественно сработанный

танную маленькую золотую вещичку. Эта вещичка—ключъ. Притворитесь, что желаете имѣть ее просто какъ драгоцѣнность, Выпросите у него эту вещичку, не давая ему понять, на что она намъ нужна.

Тисбэ. Ключъ, говоришь ты? Нѣтъ, я не стану его выпрашивать. Я ничего не буду выпрашивать. Каковъ этотъ негодяй, вздумавшій вызвать во мнѣ подозрѣніе къ Родольфо!.. Не хочу я этого ключа... Убирайся! я не слушаю тебя.

Гомодей. А вотъ идетъ опять и подеста. Когда ключъ будетъ у васъ въ рукахъ, я объясню вамъ, какъ онъ можетъ послужить вамъ будущей ночью. Вернусь черезъ четверть часа.

Тисбэ. Бездѣльникъ! развѣ ты не слышалъ, что я тебѣ сказала? Я не хочу этого ключа, слышишь? Я вполнѣ увѣрена въ Родольфо. Твой ключъ нисколько меня не интересуетъ, и я ни слова не скажу о немъ подестѣ. И не возвращайся сюда, это безполезно. Я все равно тебѣ не повѣрю.

Гомодей. Черезъ четверть часа.

(Гомодей уходитъ. Входитъ Анджело.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тисбэ *и* Анджело.

Тисбэ. А, монсиньоръ, вы опять здѣсь?.. Вы кого-нибудь ищете?

Анджело. Да, я ищу Виргиліо Таску, которому имѣю коечто сказать.

Тисбэ. А вы все еще ревнуете?

Анджело. Да, синьора, все еще ревную.

Тисбэ. Вы съ ума сошли! Зачѣмъ ревновать? не понимаю, какъ можно ревновать. Если бы я полюбила кого-нибудь, то навѣрное не стала бы его ревновать.

Анджело. Вы говорите такъ, потому что никого не любите.

Тисбэ. А вотъ и люблю.

Анджело. Кого же?

Тисбэ. Васъ.

Анджело. Меня?! Вы любите меня? Возможно ли?.. Не шутите надо мною... О, Боже! О, повторите то, что вы сейчасъ сказали.

Тисбэ. Я васъ люблю. *(Онъ въ восхищеніи приближается къ ней. Она беретъ рукою цѣпь, которая у него на шеѣ.)* Ахъ, что это за прелестная вещичка, которой я раньше не видала?.. Очень хорошенькая... прелестной работы... Ну, да, конечно, изъ мастерской Бенвенуто.. Чудо что такое... А что это, въ самомъ дѣлѣ? Можно женщинѣ носить такое украшеніе?

Анджело. Ахъ, Тисбэ, какою радостью наполнили вы мое сердце черезъ эти слова!

Тисбэ. Ну, и отлично. Скажите мнѣ, что это за штучка?

Анджело. Это—ключъ.

Тисбэ. Ключъ?.. Вотъ никогда бы не подумала... Ахъ, да, теперь поняла: онъ отпирается... Такъ это ключъ?

Анджело. Да, Тисбэ, ключъ.

Тисбэ. Ну, если это ключъ, то мнѣ не нужно его. Можете оставить его у себя.

Анджело. А развѣ вамъ такъ захотѣлось этой вещички, Тисбэ?

Тисбэ. Да, пожалуй... бездѣлушка замѣчательная по работѣ.

Анджело. Такъ возьмите ее, разъ она вамъ нравится.

(Снимаетъ ключъ съ цѣпи.)

Тисбэ. Нѣтъ. Если бы я знала, что это ключъ, я не стала бы и говорить. Нѣтъ, мнѣ не нужно его. Вамъ онъ нужнѣе. Вы, навѣрное, пользуетесь имъ.

Анджело. Нѣтъ, очень рѣдко. Къ тому же у меня есть другой. Вы можете взять его, увѣряю васъ.

Тисбэ. На что онъ мнѣ? Неужели этимъ ключикомъ можно отпирать двери? Ужъ очень онъ малъ.

Анджело. Это ничего не значитъ. Такіе ключики дѣлаются для тайныхъ замковъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ отпираетъ нѣсколько дверей и, между прочимъ, одну спальню.

Тисбэ. Неужели?.. Ну, если ужъ вы такъ настаиваете, я, пожалуй, возьму его.

Анджело. Да? Ахъ, какое счастье, что вы приняли отъ меня хоть что-нибудь! Благодарю.

Тисбэ. Припоминаю: у французскаго посла въ Венеціи, синьора де-Монлюка, тоже былъ ключикъ въ этомъ родѣ... Знали вы маршала де-Монлюка? Человѣкъ замѣчательнаго ума, не правда ли?.. Ахъ, я и забыла, что вамъ, подестѣ, нельзя разговаривать съ послами. Впрочемъ, это все равно. Этотъ синьоръ де-Монлюкъ не долюбливалъ гугенотовъ. Бѣда, когда они, бывало, попадутся къ нему въ руки. Усердный католикъ. А, монсиньоръ, васъ, кажется, ищетъ Виргиліо Таска... вонъ тамъ, въ галлереѣ.

Анджело. Вы думаете?

Тисбэ. Да вѣдь вы хотѣли поговорить съ нимъ?

Анджело. О, будь онъ проклятъ за то, что отрываетъ меня отъ васъ!

Тисбэ *(указывая на галлерею)*. Видите, вонъ онъ тамъ.

Анджело *(цѣлуя ей руку)*. О, Тисбэ, такъ вы меня любите?

Тисбэ. Идите, идите! Таска ждетъ васъ.

(Анджело уходитъ. Въ глубинѣ показывается Гомодей. Тисбэ бѣжитъ къ нему.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тисбэ *и* Гомодей.

Тисбэ. Ключъ у меня.

Гомодей. Посмотримъ. *(Разсматриваетъ ключъ)*. Да, этотъ самый... Во дворцѣ подесты есть галлерея, выходящая на мостъ

Молино. Спрячьтесь тамъ сегодня вечеромъ, за какою-нибудь мебелью, драпировкою, гдѣ окажется удобнымъ. Я приду къ вамъ туда въ два часа послѣ полуночи.

Тисбэ *(отдавая ему свой кошелекъ)*. Я потомъ вознагражу тебя какъ слѣдуетъ. Пока же возьми вотъ это.

Гомодей *(принимая кошелекъ)*. Какъ вамъ угодно. Но позвольте мнѣ досказать. Я приду къ вамъ туда въ два часа послѣ полуночи. Укажу вамъ первую дверь, которую вамъ придется отпереть этимъ ключомъ. Потомъ я васъ оставлю. Остальное вы можете продѣлать безъ меня. Вамъ нужно будетъ только итти впередъ.

Тисбэ. Что же я найду за первой дверью?

Гомодей. Вторую, которую отопретъ этотъ же ключъ.

Тисбэ. А за второю?

Гомодей. Третья. Этотъ ключъ отпираетъ всѣ двери.

Тисбэ. А за третьей?

Гомодей. Это ужъ вы сами увидите.

День второй.—РАСПЯТІЕ.

Комната, богато обтянутая багряною тканью съ золотомъ. Въ лѣвомъ углу, на возвышеніи и подъ балдахиномъ съ витыми колоннами, роскошная кровать съ постелью. Со всѣхъ четырехъ сторонъ балдахина спускаются пунцовыя шелковыя занавѣсы, которыя могутъ задергиваться такъ, что кровати совсѣмъ не видно. Въ правомъ углу—открытое окно. Въ той же сторонѣ находится скрытая, за стѣною, драпировкою дверь; возлѣ—налой, надъ которымъ виситъ на стѣнѣ распятіе изъ полированной мѣди. Въ глубинѣ—большая двухстворчатая дверь. Между дверью и кроватью—другая дверь, маленькая и богата украшенная. Столъ, кресла, свѣтильники, большой поставецъ. На столѣ цитра. Внѣшняя обстановка: садъ, звонъ колоколовъ, лунный свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дафнэ *и* Реджинелла, *потомъ* Гомодей.

Реджинелла. Вѣрно, Дафнэ, вѣрно. Мнѣ это говорилъ Троило, ночной сторожъ. Дѣло было недавно, во время послѣдней поѣздки нашей госпожи въ Венецію. Сбиръ, подлый сбиръ, осмѣлился влюбиться въ нашу госпожу, писать ей и даже искать свиданія съ нею, представь себѣ, Дафнэ! Каково, а?.. Госпожа прогнала его, и хорошо сдѣлала.

Дафнэ *(пріотворяя дверь возлѣ налоя)*. Ну, ладно, Реджинелла. Синьора ждетъ своего часослова, ты знаешь.

Реджинелла *(приводя въ порядокъ книги на столѣ)*. А второе приключеніе еще страшнѣе. За то, что онъ донесъ своему господину, что встрѣтилъ въ домѣ шпіона, онъ въ тотъ же вечеръ скоропостижно умеръ. Ядъ, конечно. Совѣтую тебѣ быть какъ можно осторожнѣе. Прежде всего старайся помнить, что говоришь въ этомъ дворцѣ. Тутъ всегда кто-нибудь подслушиваетъ въ стѣнахъ.

Дафнэ. Да торопись же! Поговоримъ въ другой разъ. Синьора вѣдь ждетъ.

Реджинелла *(продолжая возиться съ книгами и не поднимая глазъ со стола)*. Если ты такъ спѣшишь, ступай впередъ. Я приду потомъ. *(Дафнэ выходитъ и затворяетъ за собой дверь, но Реджинелла этого не замѣчаетъ и продолжаетъ говорить.)* Увѣряю тебя, Дафнэ, въ этомъ дворцѣ нужно больше молчать. Только въ одной этой комнатѣ и можно чувствовать себя въ безопасности, только здѣсь спокойно. Тутъ можно говорить все, что вздумается. Это единственное мѣсто, гдѣ можно говорить и быть увѣренной, что никто тебя не услышитъ.

(Пока она произноситъ послѣднія слова, поставецъ направо повертывается на своей оси и изъ-за него выступаетъ Гомодей, послѣ чего поставецъ принимаетъ прежнее положеніе. Реджинелла ничего этого не видитъ.)

Гомодей. Это единственное мѣсто, гдѣ можно говорить и быть увѣреннымъ, что тебя никто не услышитъ.

Реджинелла *(испуганно, обертываясь)*. О, Господи!..

Гомодей. Молчать! Смотри! *(Разстегиваетъ свой плащъ и даетъ видѣть подъ нимъ черный бархатный камзолъ съ вышитыми серебромъ на груди тремя знаками: С. Д. Х. Реджинелла съ ужасомъ смотритъ на эти знаки и на ихъ обладателя, который продолжаетъ.)* Всякій, кто увидитъ одного изъ насъ и какимъ бы то ни было способомъ дастъ кому-либо понять, что видѣлъ, тотъ долженъ умереть. Въ народѣ о насъ говорятъ, и ты, навѣрное, уже слышала, что всегда такъ бываетъ.

Реджинелла. Господи Іисусе!... Какимъ путемъ онъ попалъ сюда?

Гомодей. Никакимъ!

Реджинелла. Господи Іисусе!..

Гомодей. Отвѣчай на всѣ мои вопросы и не обманывай меня ни въ чемъ. Не отвѣтишь или солжешь—пропала твоя жизнь... Куда ведетъ эта дверь?

(Указываетъ на большую дверь въ глубинѣ.)

Реджинелла. Въ спальню синьора.

Гомодей *(указывая на маленькую дверь возлѣ большой)*. А эта?

Реджинелла. На потайную лѣстницу, которая ведетъ къ дворцовымъ галлереямъ. Ключъ отъ нея только у самого синьора.

Гомодей *(указывая на дверь возлѣ налоя)*. А эта?

Реджинелла. Въ молельню синьоры.

Гомодей. Есть другой выходъ изъ этой молельни?

Реджинелла. Нѣтъ. Молельня устроена въ башенкѣ. Тамъ только одно окно съ рѣшеткой.

Гомодей *(подходя къ окну)*. На одномъ уровнѣ съ этимъ. Гмъ! Это хорошо... На высотѣ восьмидесяти футовъ, а внизу—Брента. Рѣшетка тутъ—совсѣмъ излишняя роскошь... Но въ молельнѣ есть маленькая лѣстница. Куда она ведетъ?

Реджинелла. Въ мою комнату, монсиньоръ, въ которой живетъ и Дафнэ.

Гомодей. А изъ этой комнаты есть выходъ?

Реджинелла. Нѣтъ, монсиньоръ. Тамъ окно съ рѣшеткой, и нѣтъ другой двери, кромѣ той, которая сообщается съ молельной.

Гомодей. Когда сюда придетъ твоя госпожа, ты пойдешь въ свою комнату и останешься тамъ, ничего не говоря и ни къ чему не прислушиваясь.

Реджинелла. Хорошо, монсиньоръ.

Гомодей. Гдѣ сейчасъ твоя синьора?

Реджинелла. Молится въ своей молельнѣ.

Гомодей. Она потомъ придетъ сюда?

Реджинелла. Придетъ, монсиньоръ.

Гомодей. Не раньше, какъ черезъ полчаса?

Реджинелла. Да, монсиньоръ.

Гомодей. Хорошо. Ступай... Но смотри: молчокъ! Все, что здѣсь будетъ происходить, тебя не касается. Молчи, что бы тутъ ни дѣлалось. Кошка играетъ съ мышью, развѣ это тебя касается? Ты меня не видала, не знаешь даже о томъ, существую ли я на свѣтѣ. Вотъ и все. Поняла? Если ты вымолвишь хоть слово—я услышу; мигнешь глазомъ—я увижу. Движеніе, знакъ, пожатіе руки—я все почувствую... Теперь ступай!

Реджинелла. О, Господи! Кому же это предстоитъ тутъ умереть?

Гомодей. Тебѣ, если ты будешь болтать.

(По знаку Гомодея Реджинелла уходитъ въ дверь возлѣ налоя. Оставшись одинъ, Гомодей подходитъ къ поставцу, который снова повертывается на своей оси и открываетъ устье темнаго прохода.)

Гомодей *(кричитъ въ это устье)*. Синьоръ Родольфо, можете теперь пожаловать. Девять ступеней вверхъ.

(Въ проходѣ слышатся шаги. Появляется Родольфо.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Гомодей и Родольфо, *закутанный въ плащъ*.

Гомодей. Войдите.

Родольфо. Гдѣ я?

Гомодей. Гдѣ вы?.. Быть-можетъ, на мѣстѣ вашей плахи.

Родольфо. Что вы хотите этимъ сказать?

Гомодей. Извѣстно ли вамъ, что въ Падуѣ есть комната,— комната страшная, хотя и полная цвѣтовъ, благоуханій и, быть-можетъ, любви; комната, въ которую никто не можетъ проникнуть, кто бы онъ ни былъ, благородный или низкородный, молодой или старый, потому что не только войти въ нее, но даже пріоткрыть въ нее дверь,—составляетъ преступленіе, наказуемое смертью?

Родольфо. Извѣстно. Это комната жены подесты.

Гомодей. Вѣрно.

Родольфо. Ну, и эта комната?

Гомодей. Вы въ ней.

Родольфо. У жены подесты?

Гомодей. Да.

Родольфо. У той, которую я люблю?

Гомодей. И которая называется Катариною Брагадини, женою монсиньора Анджело Малипіери, подесты Падуи.

Родольфо. Возможно ли? Катарина Брагадини, жена подесты?

Гомодей. Если вы боитесь, время еще не ушло. Вотъ открытая дверь. Можете удалиться.

Родольфо. Бояться?.. За себя я, разумѣется, не боюсь, но за нее... Кто ручается мнѣ за васъ?

Гомодей. Вамъ нужно ручательство? Извольте, я вамъ дамъ его. Восемь дней тому назадъ, довольно поздно ночью, вы проходили по площади Санъ-Продочимо. Вы были одинъ. Вы услышали несущіеся изъ-за церкви крики и лязгъ оружія. Вы бросились туда...

Родольфо. Да, и мнѣ посчастливилось освободить отъ трехъ убійцъ какого-то замаскированнаго человѣка...

Гомодей. Который удалился, не сказавъ вамъ своего имени и даже не поблагодаривъ. Этотъ замаскированный человѣкъ былъ я. И съ той ночи, монсиньоръ Эццелино, я желаю вамъ добра. Вы меня не знаете, но я васъ знаю. Съ тѣхъ поръ я стараюсь сблизить васъ съ любимою вами женщиною. Это дѣло благодарности. Болѣе ничего... Теперь вы можете мнѣ довѣриться?

Родольфо. О, да, конечно!.. Благодарю васъ... Я опасался предательства во вредъ ей... На моемъ сердцѣ лежалъ тяжелый камень, ты снялъ его у меня... За это ты—мой другъ, мой другъ навсегда... Ты сдѣлалъ гораздо больше для меня, чѣмъ я для тебя... Ахъ, я бы не могъ долго прожить, не видя Катарины!.. Я убилъ бы себя, понимаешь? Погубилъ бы свою душу... Я спасъ тебѣ только жизнь, а ты спасъ мнѣ сердце и душу.

Гомодей. Такъ вы остаетесь здѣсь?

Родольфо. Конечно! Почему же нѣтъ?.. Я вѣрю тебѣ, вполнѣ вѣрю... О, увидѣть ее... ее! Увидѣть хоть на часъ... даже на минуту... Ахъ, ты навѣрное не понимаешь, что значитъ видѣть ее!.. Гдѣ же она?

Гомодей. Вонъ тамъ, въ своей молельнѣ.

Родольфо. А гдѣ я увижу ее?

Гомодей. Здѣсь.

Родольфо. Когда?

Гомодей. Черезъ четверть часа.

Родольфо. О, Господи!

Гомодей *(указывая ему поочередно на всѣ двери)*. Обратите вниманіе. Вонъ тамъ, въ глубинѣ, спальня подесты. Онъ сейчасъ спитъ, и во всемъ дворцѣ никто не бодрствуетъ, кромѣ синьоры Катарины да насъ съ вами. Думаю, что въ эту ночь вы ничѣмъ не рискуете. Что же касается хода, которымъ мы проникли сюда, то я не могу сообщить вамъ его секрета, извѣстнаго одному мнѣ. Но утромъ вамъ нетрудно будетъ ускользнуть отсюда. *(Идетъ въ глубину.)* Ну, такъ вотъ эта дверь ведетъ къ мужу. Вамъ же, любовнику *(подходя къ окну)*, я не совѣтую пользоваться этимъ

выходомъ. Восемьдесятъ футовъ высоты, а внизу рѣка... Теперь я васъ оставляю.

Родольфо. Такъ черезъ четверть часа, говорите вы?

Гомодей. Да.

Родольфо. Она одна придетъ?

Гомодей. Можетъ-быть, и не одна. Спрячьтесь пока гдѣ-нибудь.

Родольфо. Но гдѣ же?

Гомодей. Да вотъ хоть за кроватью... Ахъ, нѣтъ, лучше на балконѣ. Вы покажетесь оттуда, когда найдете удобнымъ... Чу!.. Въ молельнѣ движеніе. Должно-быть, синьора Катарина идетъ сюда. Пора намъ разстаться. Прощайте.

Родольфо *(возлѣ балкона)*. Кто бы вы ни были, но послѣ такой услуги вы можете располагать всѣмъ, что я имѣю: моимъ достояніемъ, даже моей жизнью.

Выходитъ на балконъ.

Гомодей *(возвращаясь на авансцену, говоритъ въ сторону)*. Она вамъ болѣе уже не принадлежитъ, монсиньоръ! *(Убѣдившись, что Родольфо не можетъ его видѣть, онъ вынимаетъ изъ-за пазухи письмо и кладетъ его на столъ. Затѣмъ удаляется тѣмъ же путемъ, какимъ вошелъ,—черезъ потайной ходъ. Минуту спустя изъ дверей молельни появляются Катарина и Дафнэ. Катарина одѣта какъ подобаетъ знатной венеціанкѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Катарина, Дафнэ и Родольфо, *скрытый на балконѣ.*

Катарина. Болѣе мѣсяца... Понимаешь ли, Дафнэ, болѣе мѣсяца!.. Значитъ, все кончено... Если бы я могла уснуть, я хоть во снѣ увидала бы его... Но я болѣе ужъ не сплю... Гдѣ Реджинелла?

Дафнэ. Она только что ушла наверхъ въ свою комнату и стала на молитву. Прикажете позвать ее услужить вамъ?

Катарина. Пусть послужитъ Богу. Пусть молится... А мнѣ—увы!.. уже не помогаютъ и молитвы.

Дафнэ. Прикажете запереть это окно, синьора?

Катарина. Ахъ, бѣдная моя Дафнэ, это оттого, что я слишкомъ страдаю. Вѣдь пять... пять безконечныхъ недѣль я не видѣла его... Нѣтъ, не запирай окна. Это немного освѣжитъ меня... Голова у меня въ огнѣ. Приложи руку... И я никогда больше не увижу его?.. Я взаперти, подъ охраною... въ тюрьмѣ... Все кончено! Проникнуть въ эту комнату—самое страшное преступленіе... О, здѣсь я и не хотѣла бы видѣть его. Я дрожу при одной мысли объ этомъ... О, Господи! неужели эта любовь такъ преступна?.. Зачѣмъ онъ вернулся въ Падую? Зачѣмъ я вновь овладѣла этимъ счастьемъ, которое оказалось такимъ недолговѣчнымъ? Я видѣла его временами, на часъ, на одинъ только часъ, такой коротенькій и такъ быстро затворяющійся часикъ, черезъ который хоть немного да проникало воздуха и солнца въ мою

жизнь. Теперь же я кругомъ замуравлена. Я больше ужъ не увижу того лица, съ котораго шелъ мнѣ свѣтъ... О, Родольфо!.. Дафнэ, скажи мнѣ правду: вѣдь я ужъ никогда не увижу его?

Дафнэ. Синьора...

Катарина. Я вѣдь не такая, какъ другія женщины. Разныя удовольствія, празднества, развлеченія—все это не для меня... Семь лѣтъ, Дафнэ, цѣлыхъ семь лѣтъ, у меня была на душѣ одна мысль—любовь, одно чувство—любовь, одно имя—Родольфо, только Родольфо. Моя душа сотворена по его образу... Впрочемъ, иначе и быть не можетъ. Вѣдь ужъ семь лѣтъ, какъ я его люблю. Я тогда была совсѣмъ молоденькая... Какъ безжалостно насъ выдаютъ замужъ... Вотъ хоть, напримѣръ, мой мужъ. Я не смѣю даже заговорить съ нимъ. Неужели въ такомъ положеніи возможно счастье?.. Ахъ, какъ ужасно мое положеніе! Если бы хоть еще была жива моя мать...

Дафнэ. Прогоните, синьора, всѣ эти грустныя мысли.

Катарина. Ахъ, Дафнэ, въ такіе вечера мы съ нимъ проводили такіе сладкіе часы... Развѣ преступно то, что я сейчасъ говорила тебѣ о немъ? Нѣтъ, не правда ли?.. Но я вижу, мое горе трогаетъ тебя. Я не хочу разстраивать еще и тебя. Ступай спать. Ступай къ Реджинеллѣ.

Дафнэ. Развѣ вы, синьора, желаете...

Катарина. Да, я раздѣнусь сама... Добраго тебѣ сна, Дафнэ. Ступай.

Дафнэ. Да охранитъ васъ Богъ въ эту ночь, синьора.

(Уходитъ черезъ молельню.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Катарина и Родольфо. *(Онъ сначала на балконѣ.)*

Катарина *(одна)*. Онъ пѣлъ мнѣ пѣсню, пѣлъ ее у моихъ ногъ и такимъ сладкимъ голосомъ, что я... О, бываютъ минуты, когда я особенно страстно желаю видѣть его! Все на свѣтѣ отдала бы за это... Этотъ куплетъ, который онъ такъ выразительно обращалъ ко мнѣ... *(Беретъ гитару.)* Напѣвъ, кажется, такой. *(Извлекаетъ нѣсколько унылыхъ аккордовъ.)* Хотѣлось бы мнѣ припомнить слова... О, я отдала бы свою душу, лишь бы мнѣ еще разъ услышать его... одинъ только разъ... не видя даже его... гдѣ-нибудь за стѣною... въ отдаленіи, лишь бы снова услышать его голосъ...

Родольфо *(поетъ съ балкона, на которомъ укрывается)*.

Въ твоемъ замкнулась сердцѣ
Вся моя душа,
И весь я существую
Возлѣ лишь тебя.
Волшебными узами
Навѣкъ связала насъ
Одна и та же доля...

Ты—гармонія, я—лира;
Я—кустарникъ, ты—зефиръ;
Я—уста, а ты—улыбка;
Я—любовь, ты—красота.

Катарина *(роняя на полъ гитару)*. О, Небо!

Родольфо *(продолжаетъ, не показываясь)*.

Въ то время, какъ часы
Уносятся впередъ,
Стонетъ моя пѣсня
И все тебя зоветъ.

Катарина. Родольфо!

Родольфо *(появляется, сбрасывая съ себя плащъ)*. Катарина! *(Падаетъ къ ея ногамъ.)*

Катарина. Вы здѣсь?.. Неужели?.. Вы здѣсь?.. О, Боже, я умру отъ радости и отъ страха!.. Родольфо, да знаете ли вы, гдѣ находитесь?.. Можетъ-быть, вы думаете, что въ обыкновенной комнатѣ? О, несчастный! Вѣдь вы рискуете своей головой!

Родольфо. Такъ что жъ!.. Я все равно скоро умеръ бы отъ того, что не вижу васъ, такъ я предпочитаю умереть, увидѣвъ васъ.

Катарина. Ты хорошо сдѣлалъ... Да, ты долженъ былъ притти сюда. И я рискую своей головой... Я вижу тебя вновь, а до остального какое мнѣ дѣло... Быть съ тобою часъ, а тамъ пусть хоть все обрушится на меня...

Родольфо. Намъ покровительствуетъ само Небо. Весь дворецъ погруженъ въ сонъ. Нѣтъ причины опасаться, что я не выйду отсюда, какъ вошелъ.

Катарина. А какъ ты вошелъ?

Родольфо. Меня провелъ одинъ человѣкъ, которому я спасъ жизнь. Я объясню вамъ это потомъ. Я вполнѣ увѣренъ въ тѣхъ средствахъ, которыя помогли мнѣ пройти сюда.

Катарина. Да?.. Ну, если ты увѣренъ, то и я буду спокойна... О, Боже мой!.. Да взгляни же на меня чтобы я могла видѣть тебя!

Родольфо. Катарина!

Катарина. О, будемъ думать только другъ о другѣ—ты обо мнѣ, я о тебѣ... Навѣрное ты находишь меня очень измѣнившейся, не правда ли? Я скажу тебѣ, отчего это. Это оттого, что я цѣлыхъ пять недѣль только и дѣлала, что плакала... А что дѣлалъ ты все это время? Грустилъ ли ты, по крайней мѣрѣ? Какъ вліяла на тебя эта разлука? Да говори же! Я хочу, чтобы ты все, все сказалъ мнѣ.

Родольфо. О, Катарина! Быть въ разлукѣ съ тобой—значитъ имѣть въ глазахъ мракъ, въ сердцѣ—пустоту; значитъ чувствовать себя постепенно умирающимъ, быть въ темницѣ безъ свѣтильника, быть ночью безъ звѣзды; значитъ ужъ не жить, не мыслить, быть лишеннымъ всего... Что я дѣлалъ, спрашиваешь ты?—Самъ не знаю. А что я чувствовалъ—ты сейчасъ слышала отъ меня.

Катарина. То же самое чувствую и я... О, я вижу, что сердца наши не были разлучены... Мнѣ такъ много нужно сказать тебѣ... Съ чего только начать?.. Меня заперли... Я не могу больше выходить... Я очень страдала... Ты не удивляйся, что я сразу не бросилась къ тебѣ на шею. Я была такъ поражена... О, Боже, что сдѣлалось со мною, когда я услышала твой голосъ!.. Я не помнила, гдѣ нахожусь... Садись же, знаешь, какъ раньше... Будемъ говорить тише... Ты останешься до утра. Дафнэ выпуститъ тебя... О, какіе чудные часы предстоятъ намъ!.. И, главное, я больше не боюсь,—ты меня успокоилъ... Ахъ, какъ я рада видѣть тебя!.. Если бы мнѣ былъ предоставленъ выборъ между раемъ и тобою, я выбрала бы тебя... Спроси Дафнэ, она скажетъ, какъ я плакала. Она всячески ухаживала за мной, стараясь утѣшить, бѣдняжка! Ты поблагодаришь ее. И Реджинеллу тоже... Но скажи мнѣ, значитъ ты узналъ мое имя?.. Ты ничѣмъ не смущаешься. Я не знаю, чего бы ты не былъ способенъ сдѣлать, когда захочешь добиться своего... А есть у тебя возможность возвращаться?

Родольфо. Есть. Развѣ я могу жить безъ этого?.. Катарина, я съ восхищеніемъ слушаю тебя. Не бойся ничего... Смотри, какъ тиха эта ночь. Все въ насъ—любовь, все вокругъ насъ—покой. Двѣ души, какъ наши, растворяющіяся одна въ другой, это, Катарина,—нѣчто чистое и священное, чего Богъ не захочетъ взмутить. Только мы трое: Онъ, ты и я, бодрствуемъ въ этотъ часъ. Не бойся ничего.

Катарина. Я не боюсь. Къ тому же бываютъ минуты, когда все забываешь. Наслаждаешься счастьемъ, ослѣпляешься другъ другомъ. Видишь ли, Родольфо, въ разлукѣ я—только бѣдная заключенная, а ты—только бѣдный изгнанникъ; вмѣстѣ же мы можемъ вызвать зависть самихъ ангеловъ... Они не такъ счастливы въ небесахъ, какъ мы съ тобою, Родольфо, на землѣ. Отъ радости не умираютъ, иначе я уже была бы мертва... Все перемѣшалось у меня въ головѣ. Сейчасъ засыпала тебя вопросами, но уже не помню ни одного слова изъ того, что говорила тебѣ. А ты помнишь?.. Итакъ—это не сонъ? Ты дѣйствительно здѣсь?

Родольфо. Бѣдный другъ мой!

Катарина. Нѣтъ, погоди, не говори ничего. Дай мнѣ payoffсобраться съ мыслями... дай насмотрѣться на тебя. Дай мнѣ думать о томъ, что ты со мною. Я сейчасъ отвѣчу тебѣ... Бываютъ минуты, когда только желаешь смотрѣть на любимаго человѣка и говорить ему: Молчи, я смотрю на тебя! Молчи, я тебя люблю! Молчи, я счастлива! *(Онъ цѣлуетъ ей руку. Она повертываетъ голову и, увидѣвъ на столѣ письмо, продолжаетъ.)* Это что такое?.. О, Боже мой! Вотъ бумага, которая меня пробуждаетъ... Письмо?.. Можетъ-быть, это ты положилъ его туда?

Родольфо. Нѣтъ. Вѣроятно, оно положено тѣмъ человѣкомъ, который меня сюда проводилъ.

Катарина. А съ тобой приходилъ сюда человѣкъ? Кто же?.. Посмотримъ, однако, что это за письмо. *(Поспѣшно вскрываетъ*

его и читаетъ вслухъ.) «Есть люди, которые опьяняются кипрскимъ виномъ, а есть и такіе, которые чувствуютъ наслажденіе только отъ утонченной мести. Синьора, сбиръ, который любитъ,— ничтоженъ, сбиръ, который мститъ за себя,—великъ».

Родольфо. Боже мой! Что это значитъ?

Катарина. Почеркъ мнѣ знакомъ. Это пишетъ негодяй, который осмѣлился любить меня. Онъ высказалъ мнѣ это и однажды даже явился ко мнѣ, когда я была въ Венеціи. Я велѣла его выгнать. Его имя—Гомодей.

Родольфо. Гомодей?!

Катарина. Да. Это шпіонъ Совѣта Десяти.

Родольфо. О, Господи!

Катарина. Мы погибли! Намъ подставили ловушку, и мы въ нее попали. *(Выходитъ на балконъ и смотритъ.)* Ахъ, Боже мой!

Родольфо *(съ испугомъ)*. Что такое еще?

Катарина. Погаси огонь... скорѣй!

Родольфо *(гася свѣчи)*. Да что съ тобой?

Катарина. На галлереѣ, которая выходитъ на мостъ Молино...

Родольфо. Ну?

Катарина. Тамъ мелькаетъ какой-то свѣтъ.

Родольфо. Ахъ, я, жалкій безумецъ!.. Катарина, причина твоей гибели—я!

Катарина. Родольфо, и я точно такъ же пришла бы къ тебѣ, какъ ты пришелъ ко мнѣ. *(Прислушиваясь къ маленькой двери въ глубинѣ.)* Тише!.. Послушаемъ... Слышишь шумъ въ коридорѣ?.. Кто-то отпираетъ какую-то дверь... Идутъ... Какъ ты вошелъ сюда?

Родольфо. Потайнымъ ходомъ,—вонъ тамъ, въ дверь, закрытую тѣмъ демономъ.

Катарина. Что же намъ дѣлать?

Родольфо. Куда ведетъ эта дверь?

Катарина. Къ моему мужу.

Родольфо. Это окно?

Катарина. Подъ нимъ пропасть.

Родольфо. А эта дверь?

Катарина. За нею моя молельня, изъ которой нѣтъ выхода... Никакой возможности бѣжать... Но все равно, иди туда. *(Отворяетъ дверь въ молельню. Родольфо бросается въ эту дверь. Катарина запираетъ ее и, оставшись одна, говоритъ вслухъ.)* Запремъ лучше двойнымъ оборотомъ. *(Повернувъ два раза ключъ въ замкѣ, вынимаетъ его и прячетъ на своей груди.)* Почемъ знать, что можетъ случиться? Онъ захочетъ помочь мнѣ и погибнетъ, лишь только покажется. *(Подходитъ къ маленькой двери въ глубинѣ.)* Я болѣе ничего не слышу... Ахъ, нѣтъ, идутъ... Вотъ остановились... Вѣроятно, для того, чтобы подслушать... Боже мой!.. Ну, притворимся, что спимъ. *(Сбрасываетъ съ себя верхнюю одежду и бросается на постель.)* О, силы небесныя, какъ я дрожу!.. Нѣтъ, я не могу смотрѣть на того, кто войдетъ!

(Задергиваетъ занавѣсы вокругъ кровати. Дверь отворяется.)

ЯВЛЕНІЕ V

Катарина и Тисбэ.

(Входитъ Тисбэ, блѣдная, съ лампой въ рукѣ. Она тихо подвигается впередъ, зорко осматриваясь. Приблизившись къ столу, смотритъ на только что погашенныя свѣчи.)

Тисбэ. Ага, свѣчи еще чадятъ! *(Обертывается, замѣчаетъ кровать, подбѣгаетъ къ ней и распахиваетъ занавѣсъ.)* Она одна... Какъ будто спитъ. *(Начинаетъ обходить кругомъ комнаты, осматривая двери и стѣны.)* Вотъ эта дверь, должно-быть, къ мужу.

(Тыломъ руки ударяетъ по двери въ молельню, скрытой подъ обшивкой стѣны. Катарина, приподнявшись на постели, съ изумленіемъ смотритъ на Тисбэ.)

Катарина. Кто это?

Тисбэ. Кто это? Вы хотите знать? Хорошо, я вамъ скажу. Это—любовница подесты, держащая въ рукахъ жену подесты.

Катарина. О, Небо!

Тисбэ. Это — кемедіантка, дѣвушка изъ театра, фиглярка, какъ вы насъ зовете, которая, какъ я вамъ сейчасъ сказала, держитъ въ рукахъ знатную даму, даму замужнюю, уважаемую, добродѣтельную; которая держитъ ее въ своихъ рукахъ, въ своихъ когтяхъ, въ своихъ зубахъ; которая что захочетъ, то и сдѣлаетъ съ этой знатной дамой, съ ея позолоченною доброю славой, и которая хочетъ уничтожить ее... разнести въ куски... разодрать на клочья... раскрошить на мельчайшія части... А, благородныя, знатныя дамы! Я не знаю еще, что должно случиться, но знаю навѣрное то, что одна изъ васъ у меня уже подъ ногами, и я не выпущу ее. Пусть она не безпокоится на этотъ счетъ. Ей было бы легче, если бы надъ ея головою разразился ударъ грома, чѣмъ видѣть мое лицо передъ своими глазами... Знайте, синьора, что я нахожу съ вашей стороны дерзостью поднимать на меня глаза, когда у васъ тутъ скрытъ...

Катарина. Синьора!

Тисбэ. Скрытъ любовникъ!

Катарина. Вы ошибаетесь!

Тисбэ. Ахъ, синьора, напрасно вы пытаетесь отнѣкиваться! Онъ былъ здѣсь. Ваши мѣста еще отмѣчены креслами, въ которыхъ вы сидѣли. Не догадались даже передвинуть ихъ немножко... О чемъ вы тутъ бесѣдовали? Говорили другъ другу тысячи нѣжностей, не правда ли? Тысячи пріятныхъ словъ, не такъ ли?.. «Я люблю тебя»... «Я обожаю тебя»... «Я вся твоя»... О, не старайтесь отнѣкиваться!

Катарина. Я не могу понять...

Тисбэ. О, вы, знатныя дамы, нисколько не лучше насъ! То, что мы во всеуслышаніе и среди бѣлаго дня говоримъ мужчинѣ, вы стыдливо лепечете ему ночью... Тутъ только обмѣнъ въ извѣстные часы. Мы беремъ у васъ вашихъ мужей,—вы берете у насъ нашихъ

любовниковъ. Хорошо. Будемъ бороться... Ахъ, вы фальшивыя, лицемѣрныя, предательскія, обезьянствующія въ добродѣтели, изолгавшіяся женщины... Нѣтъ, право, вы не стоите насъ. Мы никого не обманываемъ, а вы обманываете ваши семьи, вашихъ мужей, обманывали бы и Самого Господа Бога, если бы только могли... О, эти добродѣтельныя женщины, которыя ходятъ по улицамъ не иначе, какъ съ плотно закутанными лицами. Входятъ онѣ въ церковь—давайте имъ дорогу, кланяйтесь имъ, простирайтесь передъ ними... Нѣтъ, не давайте имъ дороги, не кланяйтесь имъ, не простирайтесь передъ ними! Идите смѣло на нихъ, срывайте съ нихъ покрывала. Подъ покрываломъ у нихъ маска,—срывайте и эту маску. За маскою вы увидите уста, которыя лгутъ... Впрочемъ, мнѣ это все равно. Я—любовница подесты, а вы—его жена, и я хочу васъ погубить.

Катарина. Великій Боже! Синьора...

Тисбэ. Гдѣ онъ?

Катарина. Кто?

Тисбэ. Онъ!

Катарина. Я здѣсь одна... Совершенно одна. Я не понимаю, о чемъ вы меня спрашиваете. Я васъ не знаю, но ваши слова леденятъ меня ужасомъ. Я не знаю, чѣмъ я провинилась передъ вами. Я не могу повѣрить, чтобы вы были заинтересованы во всемъ этомъ.

Тисбэ. Заинтересована ли я въ этомъ? Думаю, что да. Вы сомнѣваетесь? Какія чудачки эти добродѣтельныя женщины! Да развѣ я стала бы говорить съ вами такъ, какъ говорю, если бы у меня въ сердцѣ не было ярости? Что мнѣ за дѣло, что вы—знатная дама, а я—комедіантка. Это для меня совершенно безразлично. Я вѣдь такъ же хороша, какъ и вы... Но у меня въ сердцѣ бушуетъ ненависть, говорю я тебѣ, и я оскорбляю тебя, какъ могу!.. Гдѣ этотъ человѣкъ? Имя этого человѣка! Я хочу видѣть его... О, когда я думаю, что она только притворялась спящей! О, какъ это подло!

Катарина. Боже мой! Боже мой! Что же со мной будетъ... Именемъ Неба заклинаю васъ! Если бы вы знали...

Тисбэ. Я знаю, что вотъ тутъ есть дверь. Я увѣрена, что онъ тамъ, за этой дверью.

Катарина. Тамъ моя молельня, синьора. Тамъ никого нѣтъ, клянусь вамъ! О, если бы вы только знали!.. Васъ обманули насчетъ меня. Я живу уединенная, замкнутая, скрытая отъ всѣхъ глазъ.

Тисбэ. Одно покрывало!

Катарина. Увѣряю васъ, что это моя молельня. Тамъ ничего нѣтъ, кромѣ аналоя и моего молитвенника.

Тисбэ. Маска!

Катарина. Клянусь вамъ, синьора, что тамъ никого нѣтъ.

Тисбэ. Уста, которыя лгутъ!

Катарина. Синьора...

Тисбэ. Довольно! Вы меня увѣряете, а сами имѣете видъ виноватой, которая боится. Вы слишкомъ неувѣренно отнѣкивае-

тесь... Подымитесь, синьора, разгнѣвайтесь, если смѣете, и покажите себя женщиною, дѣйствительно невиновною. *(Вдругъ замѣчаетъ плащъ, брошенный въ дверяхъ балкона, бѣжитъ и поднимаетъ его.)* А! ну, теперь лгать больше нельзя. Вотъ улика!

Катарина. Небо!

Тисбэ. Это не плащъ, по-вашему? Это не мужской плащъ, не правда ли? Къ несчастью, дѣйствительно нельзя различить, мужской это или женскій,—всё они походятъ одинъ на другой... Но все равно, берегитесь! Скажите мнѣ имя этого человѣка.

Катарина. Я не понимаю...

Тисбэ. Такъ это ваша молельня, да? Отоприте ее.

Катарина. Зачѣмъ?

Тисбэ. Я тоже хочу помолиться... Отоприте!

Катарина. Я потеряла ключъ.

Тисбэ. Да отоприте же, говорятъ вамъ!

Катарина. Я не знаю, гдѣ ключъ.

Тисбэ. Ага! Такъ, значитъ, онъ у вашего мужа... *(Кричитъ.)* Монсиньоръ Анджело!

(Хочетъ бѣжать къ двери въ глубинѣ. Катарина вскакиваетъ съ постели и удерживаетъ Тисбэ.)

Катарина. Нѣтъ! нѣтъ! Вы не войдете въ ту дверь... не войдете! Я вамъ ничего не сдѣлала. За что вы терзаете меня? Что вы можете имѣть противъ меня?.. Нѣтъ, вы не погубите меня... Сжалитесь надо мною... Подождите минутку... одну только минутку. Вы увидите... Я объясню вамъ... Одну только минутку... Съ тѣхъ поръ, какъ вы вошли сюда, я такъ поражена, напугана... Потомъ ваши слова. Все, что вы мнѣ говорили, меня такъ взволновало, что я ничего не поняла. Вы говорили мнѣ, кажется, что вы—комедіантка, а я—знатная женщина? Больше я ничего не помню... Клянусь вамъ, что тамъ никого нѣтъ! Вы не поминали мнѣ о томъ сбирѣ, но я увѣрена, что это онъ причиною всего. Это человѣкъ ужасный; онъ васъ обманываетъ. Это—шпіонъ, а шпіонамъ не вѣрятъ... О, выслушайте же меня! Женщины не отказываютъ въ этомъ другъ другу. Мужчины не такъ податливы на мольбы. Но вы... вы смилуетесь. Вы слишкомъ хороши, чтобы быть злою... Я вамъ говорила, кто этотъ негодный человѣкъ: это—шпіонъ, сбиръ. Намъ нужно только понять другъ друга. Вы послѣ пожалѣете, что были причиною моей гибели. Не будите моего мужа. Онъ меня убьетъ... Если бы вы знали мое положеніе, вы бы меня пожалѣли. Я не виновна... не очень виновна, клянусь вамъ. Быть-можетъ, я и сдѣлала неосторожность, но это потому, что у меня нѣтъ болѣе матери... О, пожалѣйте меня, не ходите въ эту дверь, прошу васъ, умоляю...

Тисбэ. Довольно! Нѣтъ, я не могу больше ничего слушать... Монсиньоръ! монсиньоръ!

Катарина. Остановитесь! О, Боже мой! Да остановитесь же! Говорю вамъ: онъ придетъ и убьетъ меня. Дайте мнѣ хоть одно мгновеніе, чтобы могли помолиться Богу... Нѣтъ, я не выйду отсюда! Видите, я здѣсь опускаюсь на колѣни *(указываетъ на распятіе*

надъ аналоемъ) передъ этимъ крестомъ. *(Тисбэ впивается глазами въ крестъ.)* Ахъ, прошу васъ, помолитесь вмѣстѣ со мной. А послѣ, если вамъ все еще будетъ желательна моя смерть, и Господь не избавитъ васъ отъ этого намѣренія, вы можете сдѣлать, что вамъ будетъ угодно.

Тисбэ *(бросаясь къ стѣнѣ и срывая съ нея распятіе).* Что это за распятіе? Откуда оно у васъ? Гдѣ вы его взяли? Кто вамъ далъ его?

Катарина. Это распятіе? Оно... Но вы напрасно разспрашиваете меня объ этомъ распятіи,—это ни къ чему не послужитъ вамъ.

Тисбэ. Какъ оно попало къ вамъ? Говорите скорѣй!

(Тисбэ подходитъ къ лампѣ, поставленной ею на маленькомъ столикѣ возлѣ балкона, и разсматриваетъ распятіе. Катарина слѣдуетъ за нею.)

Катарина. Это отъ одной женщины... Вы смотрите на имя, выцарапанное внизу. Я не знаю этого имени. Кажется, Тисбэ... Это была бѣдная женщина, которую хотѣли лишить жизни. Я выхлопотала ей помилованіе. Хотѣвшій казнить ее былъ мой отецъ. Онъ послушался меня. Это было въ Брешіи. Я была тогда еще ребенкомъ. Та женщина и дала мнѣ это распятіе, говоря, что оно принесетъ мнѣ счастье. Вотъ и все. Клянусь вамъ, что это все... Но что вамъ до этого за дѣло? Зачѣмъ вы заставляете меня напрасно терять слова? О, я такъ измучена!

Тисбэ *(въ сторону).* Небо!.. О, мать моя!

(Дверь въ глубинѣ открывается. Входитъ Анджело въ ночномъ халатѣ.)

Катарина *(бросаясь на авансцену).* Мужъ!.. Я погибла!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Катарина, Тисбэ и Анджело.

Анджело *(не видя Тисбэ, оставшейся возлѣ балкона).* Что это значитъ, синьора? Мнѣ послышался у васъ какой-то шумъ.

Катарина. Синьоръ...

Анджело. Почему вы еще не спите въ такой поздній часъ?

Катарина. Я...

Анджело. Боже мой! вы вся дрожите. У васъ кто-нибудь есть?

Тисбэ *(выступая на авансцену).* Да, монсиньоръ, здѣсь я.

Анджело. Вы!.. Тисбэ?!

Тисбэ. Да, я.

Анджело. Вы здѣсь?! Среди ночи?! Зачѣмъ вы здѣсь, въ такой часъ? И моя супруга...

Тисбэ. Вся дрожитъ? Я скажу вамъ, почему это, монсиньоръ. Выслушайте меня. Дѣло стоитъ этого труда.

Катарина *(въ сторону).* Увы! Теперь все кончено.

Тисбэ. Все дѣло въ нѣсколькихъ словахъ. Васъ хотѣли убить завтра утромъ.

Анджело. Меня?!

Тисбэ. Да, въ то время, когда вы стали бы переходить изъ вашего дворца въ мой. Вѣдь по утрамъ вы обыкновенно ходите одни. Я только сейчасъ случайно узнала объ этомъ замыслѣ и поспѣшила сюда предупредить вашу супругу, чтобы она задержала васъ утромъ дома. Вотъ почему я здѣсь, среди ночи, и вотъ почему такъ дрожитъ ваша супруга.

Катарина *(въ сторону)*. Великій Боже! Что же это за женщина?

Анджело. Возможно ли?.. Впрочемъ, это меня не удивляетъ. Вотъ Тисбэ, вы теперь сами видите, что я былъ правъ, описывая вамъ опасности, которыми я окруженъ... Отъ кого вы получили эти свѣдѣнія?

Тисбэ. Отъ одного неизвѣстнаго человѣка. Онъ началъ съ того, что взялъ съ меня обѣщаніе, что я помогу ему скрыться. Я исполнила свое обѣщаніе.

Анджело. Напрасно! Можно обѣщать, а потомъ и задержать. Но какъ могли вы проникнуть во дворецъ?

Тисбэ. Тотъ человѣкъ впустилъ меня. Онъ сумѣлъ отпереть маленькую дверь подъ мостомъ Молино.

Анджело. Вотъ, не угодно ли полюбоваться!.. А какъ проникли вы въ эту комнату?

Тисбэ. При помощи того ключика, который, помните, вы сами дали мнѣ?

Анджело. А!.. Но я, кажется, не говорилъ вамъ, что онъ отпираетъ эту комнату?

Тисбэ. Нѣтъ, говорили. Забыли, должно-быть, объ этомъ.

Анджело *(замѣтивъ брошенный плащъ)*. А это что такое?

Тисбэ. Этой—мой плащъ. Я получила его отъ того же незнакомца передъ тѣмъ, какъ войти во дворецъ. У меня была и шляпа, но не знаю, куда я дѣвала ее.

Анджело. Представьте только, что такіе люди входятъ ко мнѣ, когда имъ вздумается! Что за ужасную жизнь приходится мнѣ вести! Всегда край моей одежды зажатъ въ какой-нибудь ловушкѣ... Но скажите мнѣ, Тисбэ...

Тисбэ. Оставьте, пожалуйста, дальнѣйшіе разспросы до утра, монсиньоръ. Сейчасъ, когда вамъ спасаютъ жизнь, вы должны быть довольны. А вы даже не поблагодарили ни меня ни вашу супругу.

Анджело. Виноватъ, Тисбэ!

Тисбэ. Мои носилки ожидаютъ меня внизу. Не проводите ли вы меня туда? Дадимъ вашей супругѣ, наконецъ, уснуть.

Анджело. Я къ вашимъ услугамъ, синьора. Пройдемте черезъ мою комнату, чтобы я могъ взять шпагу. *(Подходя къ большимъ дверямъ въ глубинѣ.)* Эй! кто тамъ? Факеловъ!

Тисбэ *(ведя за руку Катарину на авансцену*. Заставьте его немедленно бѣжать... въ тѣ двери, откуда я пришла. Вотъ ключъ. *(Повертываясь къ молельнѣ.)* О, эти двери! Ахъ, какъ я страдаю! Не знать даже навѣрное, онъ это или нѣтъ...

Анджело *(возвращаясь)*. Я васъ жду, синьора.

Тисбэ *(въ сторону)*. О, если бы я могла увидать его хоть бы только мимоходомъ!.. Но нѣтъ и этой возможности... Надо уходить. *(Обращаясь къ Анджело.)* Идемъ, монсиньоръ.

Катарина *(глядя имъ вслѣдъ)*. Неужели все это не сонъ?

День третій.—БѢЛЫЙ ВМѢСТО ЧЕРНАГО.

ЧАСТЬ I.

Комната внутри полуразваливающагося дома. Немного грубой мебели. Въ углу сплетенная изъ прутьевъ корзина. Въ глубинѣ дверь. Въ лѣвомъ углу окно, полуприкрытое изъѣденной червоточиной ставней. Рядомъ нѣчто въ родѣ наглухо закрытаго окна. На противоположной сторонѣ дверь, высокая печь, занимающая правый уголъ. Возлѣ длиннаго отверстія — веревки; къ стѣнѣ прислонены плетенки; груда большихъ камней.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гомодей и Орделафо.

Орделафо. Видишь ли, Гомодей, это дѣлается черезъ это окно. *(Показываетъ ему длинное отверстіе.)* Внизу течетъ рѣка. Каждый разъ, когда подеста или свѣтлѣйшая сеньорія хотятъ отдѣлаться отъ кого-нибудь, его приносятъ сюда, мертваго или живого, привязываютъ по камню потяжелѣе, потомъ бросаютъ въ воду черезъ это вотъ окно. Остальное ужъ дѣло рѣки. У васъ, въ Венеціи, каналъ Орфано, а у насъ, въ Падуѣ, рѣка Брента... Развѣ ты не знаешь этого дома?

Гомодей. Я почти новичокъ въ этомъ городѣ. Не ознакомился еще съ его порядками. Во всякомъ случаѣ этотъ домъ хорошо расположенъ для того дѣла, которое мнѣ нужно выполнить. Мѣстность пустынная, и какъ разъ по дорогѣ, по которой придется итти Реджинеллѣ, когда она будетъ возвращаться во дворецъ.

Орделафо. Что это за Реджинелла?

Гомодей. Это не твое дѣло. Ты долженъ только отвѣчать на вопросы. Кто живетъ въ этомъ домѣ?

Орделафо. Два пса съ человѣчьими мордами. Одного изъ нихъ зовутъ Орфео, а другого—Габоардо. Они сейчасъ вернутся домой, и ты ихъ увидишь.

Гомодей. Что они здѣсь дѣлаютъ?

Орделафо. Все, что требуется ночью, начиная съ исчезновенія мертвыхъ тѣлъ и кончая тѣмъ потокомъ тайныхъ дѣлъ, который идетъ во водамъ Бренты... Но вернемся къ прежнему разговору. Ты мнѣ говорилъ, что дѣло сорвалось?

Гомодей. Да.

Орделафо. И глупо же было вообразить, что довольно впустить туда бабенку, чтобы все сразу уладилось.

Гомодей. Ты городишь вздоръ! Когда хочешь убить кого-нибудь, то лучшимъ лезвеемъ всегда будетъ женская ревность. Женщины, обыкновенно, очень мстительны. Я никакъ не могу понять, что пришло въ голову этой? Попробуй-ка теперь кто-нибудь увѣрять, что комедіантки особенно умѣютъ мстить,—не повѣрю. Видно, вся ихъ трагедія идетъ только въ театрѣ.

Орделафо. На твоемъ мѣстѣ я пошелъ бы прямо къ подестѣ и сказалъ ему: «Ваша жена»...

Гомодей. На моемъ мѣстѣ ты не пошелъ бы прямо къ подестѣ и не сказалъ бы ему: «Ваша жена...»; ты не хуже меня знаешь, что свѣтлѣйшій Совѣтъ Десяти запретилъ намъ всѣмъ имѣть какія бы то ни было сношенія съ подестой вплоть до того дня, когда намъ поручено будетъ арестовать его. Ты хорошо знаешь, что я, подъ страхомъ смертной казни, не могу ни говорить съ подестой ни писать ему, и что за мною также наблюдаютъ... И почемъ знать? Можетъ-быть, ты же наблюдаешь за мной.

Орделафо. Гомодей, мы съ тобою друзья!

Гомодей. Знаю, и у меня нѣтъ основаній не довѣрить тебѣ

Орделафо. О, дорогой другъ мой, Гомодей!

Гомодей. Но тѣмъ не менѣе я не довѣряю—вотъ и все.

Орделафо. Но почему же? Что я тебѣ сдѣлалъ?

Гомодей. Ничего. Но все это праздные разговоры. Оставимъ ихъ. Къ тому же, я не въ духѣ... Ну, хорошо, мы съ тобой друзья. Дай мнѣ руку.

Орделафо *(пожавъ ему руку)*. Такъ ты не отказываешься отъ своей мести?

Гомодей. Скорѣе откажусь отъ своей жизни! Орделафо, ты никогда не любилъ женщины, и не знаешь, что значитъ любить женщину. Ты любишь, а она тебя гонитъ, всячески унижаетъ, закатываетъ тебѣ публично пощечину, называя тебя шпіономъ. О, то, что я чувствую къ Катаринѣ, это—не любовь и не месть, это—любовь, которая ненавидитъ! Это ужасная страсть, жгучая, алчная страсть, которая можетъ пить только изъ одного кубка—кубка мести! И я отомщу этой женщинѣ! Я схвачу ее и повлеку за ноги въ могилу! Я сдѣлаю это, Орделафо.

Орделафо. Но твой замыселъ не удался. Что же ты намѣренъ предпринять теперь?

Гомодей. У меня есть другая мысль. *(Идетъ къ окну въ глубинѣ.)* А, вотъ какъ разъ! Орделафо, ты мнѣ поможешь. Видишь ты женщину въ красной накидкѣ? Тамъ, внизу? Вонъ она идетъ сюда.

Орделафо. Ну, вижу.

Гомодей. Выйди ей навстрѣчу какъ бы нечаянно. Когда ты поравняешься съ ней, дай ей пройти, а потомъ потихоньку слѣдуй за ней. Когда она будетъ возлѣ этого дома, ты вдругъ толкнешь ее къ двери, которую оставь только слегка притворенною. Дверь подастся, и я помогу тебѣ заставить женщину войти въ домъ. Остальное ужъ мое дѣло.

Орделафо. Хорошо.

Гомодей. Кругомъ совершенно пустынно. *(Смотритъ въ окно.)* Нѣтъ ни одной души. Если женщина закричитъ, пусть себѣ кричитъ. Ступай!

(Орделафо уходитъ.)

Гомодей *(оставшись одинъ)*. Этотъ домъ дѣйствительно хорошо расположенъ. Тутъ можно бы убить хоть самого папу, ни одинъ христіанинъ не услышитъ.

(Шумъ шаговъ возлѣ двери. Она отворяется и въ нее входитъ Реджинелла съ ртомъ, заткнутымъ платкомъ, подталкиваемая сзади Орделафо.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Гомодей, Орделафо и Реджинелла.

Орделафо. Я изъ предосторожности заткнулъ ей ротъ.

Гомодей *(вынимая у нея изо рта платокъ)*. И хорошо сдѣлалъ.

Реджинелла *(испуганно)*. О, Небо! Синьоры...

Гомодей. Не бойся! Мнѣ это непріятно, но ничего не подѣлаешь. Успокойся и отвѣчай. Разъ ты меня знаешь, то тебѣ нечего бояться. Ты помнишь, я вчера говорилъ съ тобой? Я вѣдь не сдѣлалъ тебѣ никакого зла. Тебя зовутъ Реджинеллой. Это ты водила синьора Родольфо на свиданіе съ синьорой Катариной, въ старомъ дворцѣ Магаруффи. Нынче утромъ, съ часъ тому назадъ, Родольфо встрѣтилъ тебя возлѣ Алтинскаго моста, недалеко отсюда. Онъ далъ тебѣ письмо къ твоей госпожѣ. Такъ?

Реджинелла. Монсиньоръ...

Гомодей. Дай мнѣ это письмо.

Реджинелла. Вотъ оно, извольте.

Гомодей. Хорошо, давай.

(Вскрываетъ письмо.)

Реджинелла. Вы ломаете печать, монсиньоръ!

Гомодей. Да. Но зачѣмъ ты зовешь меня монсиньоромъ? Я—шпіонъ—и больше ничего. Это ты отъ глупаго страха, который мнѣ вовсе не лестенъ. *(Пробѣгаетъ письмо глазами.)* Этого достаточно, только жаль, оно не подписано. Теперь нужно придумать средство довести имя его автора до свѣдѣнія подесты.

(Звукъ ключа въ замкѣ. Входитъ человѣкъ, одѣтый въ сѣрое. Волосы сѣдые, большія руки, землистое лицо. Весь онъ пепельнаго цвѣта.)

Гомодей. Кто это?

Орделафо. Это одинъ изъ тѣхъ двухъ псовъ, о которыхъ я вамъ давеча говорилъ. Вотъ этотъ самый откликается на кличку Орфео. Вслѣдъ за нимъ придетъ и другой. Ночью они стерегутъ, а днемъ спятъ. *(Человѣкъ въ сѣромъ приближается къ Гомодею и свирѣпо смотритъ на него.)* Дайте ему понять, кто вы.

(Гомодей распахиваетъ свой кафтанъ. При видѣ трехъ вышитыхъ знаковъ на его груди, человѣкъ въ сѣромъ подноситъ руку къ своему колпаку.)

Орделафо *(человѣку въ сѣромъ)*. Ступай на свое мѣсто.

(Тотъ молча забивается въ уголъ.)

Гомодей. Есть другой выходъ изъ этого дома?

Орделафо. Есть. Вонъ тамъ, на улицу Скалона.

Гомодей. Выйди туда съ этой дѣвушкой и погуляй тамъ съ нею подольше.

(Орделафо и Реджинелла уходятъ въ указанную дверь. Человѣкъ въ сѣромъ остается въ своемъ углу и плететъ корзину. Гомодей съ задумчивымъ видомъ смотритъ въ полъ.)

Гомодей *(въ сторону)*. Вотъ ужъ кое-что и сдѣлано. Но это письмо? Какъ устроить, чтобы оно дошло до Малипіери и какъ заставить его узнать имя Родольфо? Пока, однако, не слѣдуетъ оставлять этого письма при себѣ. Но куда бы понадежнѣе положить его? *(Увидавъ столъ съ ящикомъ.)* Запирается ли этотъ ящикъ? Да. Отлично. *(Кладетъ письмо въ ящикъ, ключъ отъ котораго машинально суетъ себѣ въ карманъ.)* Орфео! *(Человѣкъ въ сѣромъ поднимается и подходитъ къ нему.)* Тебя, кажется, зовутъ Орфео?... Ну, я ухожу. Стерегите оба хорошенько въ слѣдующую ночь. Можетъ-статься, вамъ принесутъ кое-кого, котораго надо заставить исчезнуть. Быть-можетъ, женщину.

Орфео *(флегматично)*. Брента все тамъ же.

(Возвращается въ свой уголъ.)

Гомодей *(садясь)*. Ахъ, какъ не хорошо не имѣть возможности ни писать подестѣ, ни говорить съ нимъ! Это такъ облегчило бы дѣло.

(Облокачивается на столъ, опускаетъ голову на руки и снова глубоко задумывается. Въ этотъ моментъ въ окнѣ снаружи показывается лицо Родольфо. Гомодей его не замѣчаетъ.)

Родольфо *(заглядывая съ улицы въ окно)*. Вотъ, кажется, человѣкъ, похожій... *(Отодвигаетъ немного ставню.)* Да, я не ошибаюсь. Это онъ, этотъ подлый Гомодей... Такъ вотъ гдѣ онъ! Хорошо!

(Задвигаетъ опять ставню и исчезаетъ.)

Гомодей *(поднимаясь)*. Да, необходимо найти способъ предупредить подесту... Но гдѣ же ключъ отъ ящика? *(Шаритъ въ карманѣ.)* Ага, здѣсь!

(Выходитъ изъ двери въ глубинѣ, которая затворяется за нимъ. Вслѣдъ за тѣмъ съ улицы сталъ доноситься шумъ голосовъ.)

Первый голосъ. Защищайся, негодяй!

Второй голосъ. Что вамъ нужно, синьоръ?

Первый голосъ. Защищайся же говорятъ тебѣ!

Второй голосъ. Синьоръ Родольфо...

Первый голосъ. Да защищайся же, мерзавецъ! Или я убью тебя, какъ дикаго звѣря!

(Слышенъ лязгъ шпагъ.)

Орфео *(оставшійся одинъ въ помѣщеніи, чуть приподнимаетъ голову)*. Кажется, тамъ дерутся?

(Продолжаетъ плести свою корзину.)

Второй голосъ. А-а-а!

Первый голосъ. Гомодей! Ты мнѣ ооязанъ своей жизнью. Отдай мнѣ ее.

Второй голосъ. А-а-а!

(Шумъ прекращается. Слышны удаляющіеся шаги.)

Орфео *(продолжая плести свою корзину)*. Кто-то убитъ.

(Въ дверь раздаются нѣсколько сильныхъ ударовъ.)

Орфео. Кто тамъ?

Голосъ *(снаружи)*. Это—я. Отворяй скорѣе!

Орфео. А, это ты, Габоардо?

(Идетъ и отпираетъ дверь. Входитъ Габоардо, неся на рукахъ Гомодея, ноги котораго волочатся по землѣ. Габоардо имѣетъ такой же видъ, какъ и Орфео.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Орфео, Габоардо *и* Гомодей.

Орфео *(разглядывая Гомодея)*. Э, да это тотъ самый, который сейчасъ былъ здѣсь.

Габоардо. Его укокошилъ какой-то дворянинъ, который быстро удалился, когда я подошелъ. Красивый такой молодой человѣкъ.

Орфео. Да умеръ ли онъ?

Габоардо. Похоже на то

Орфео. А ты встряхни его хорошенько... Странно, что изъ его раны почти не течетъ кровь.

Габоардо. Отъ этого она не легче.

Гомодей *(открывая глаза)*. А-а!.. Гдѣ я?.. А-а-а! Задыхаюсь!.. Это ты, Орфео?.. А тотъ вонъ твой товарищъ?.. А-а!.. Возьмите у меня... въ карманѣ... кошелекъ... Онъ для васъ.

(Орфео обшариваетъ его карманы.)

Габоардо *(обращаясь къ Орфео)*. Не трудись. Я уже взялъ.

Гомодей. А, ты уже взялъ его? Это хорошо. Ты, видно, малый не промахъ... Я объясню тебѣ, что нужно сдѣлать... Въ карманѣ у меня есть ключъ... Ой, какъ ты мнѣ дѣлаешь больно!.. Ну, все равно... Возьми ключъ... Взялъ?.. Это ключъ отъ того вонъ ящика... Отопри его... Какъ тебя зовутъ?

Габоардо. Габоардо.

Гомодей. Габоардо?.. Хорошо... Открой ящикъ. Тамъ есть бумага. Дай ее сюда... Эту бумагу нужно отнести подестѣ... А-а-а!.. Умираю!.. Дайте чего-нибудь... для писанья...

Габоардо. У насъ ничего нѣтъ.

Гомодей *(съ бѣшенствомъ)*. Ничего нѣтъ для писанья!.. У-у-у!.. Уроды!.. *(Падаетъ, потомъ снова приподнимается.)* Такъ вотъ что, слушайте... Ступайте къ подестѣ, монсиньору Малапіери, съ этой бумагой... это письмо. Слышите?.. Онъ вамъ дастъ пятьсотъ золотыхъ секиновъ... Вы скажете ему, что это письмо адресовано его женѣ ея любовникомъ... А-а! Меня душитъ... котораго зовутъ Родольфо... Родольфо... Родольфо... Запомните хорошенько это имя... О, я умираю, но моя месть останется!.. Если вамъ при-

дется зарыть меня, то оставьте мою руку... надъ землею... поднятою кверху... въ знакъ моей мести... Родольфо... Понимаете?.. Ну, что же я сказалъ, повторите мнѣ.

Габоардо. Вы сказали, что намъ дадутъ пятьсотъ золотыхъ секиновъ...

Гомодей. Нѣтъ... не то... совсѣмъ не то... Подержите мнѣ голову, чтобы я еще разъ могъ... вамъ повторить... Подеста не дастъ вамъ пятисотъ золотыхъ секиновъ, если вы не скажете ему... А-а-а!.. Слушайте... Нужно снести подестѣ письмо... У его жены есть любовникъ... Сказать ему это. Сказать ему все... Охъ! Духъ спирается... Смерть надо мною... Приподнимите мнѣ еще голову... О, какъ ужасно умирать... и не имѣть возлѣ себя... никого, кромѣ этихъ глупцовъ, которому можно бы... поручить свою месть!.. Вы слышите?.. Ро... Родоль... Родольфо...

Голова его тяжело опрокидывается

Габоардо. Померъ! Бѣжимъ скорѣе къ подестѣ. Пятьсотъ золотыхъ секиновъ? Чортъ возьми, это не шутка!.. Ты хорошо все запомнилъ, Орфео?.. Надо сказать подестѣ, что у его жены есть любовникъ, который написалъ ей это письмо, и котораго зовутъ... Какъ, бишь, онъ назвалъ-то его?

Орфео. Кажется, Родриго.

Габоардо. Нѣтъ,—Пандольфо.

ЧАСТЬ II.

Комната Катарины. Занавѣсы вокругъ кровати на возвышенiи задернуты наглухо.

ЯВЛЕНIЕ I.

Анджело и два священника.

Анджело *(одному изъ священниковъ)*. Синьоръ деканъ, немедленно прикажите обтянуть чернымъ середину, хоры и главный алтарь вашей церкви. Черезъ два часа вы отслужите торжественную заупокойную мессу за душу одного знатнаго лица, которое въ эту минуту отходитъ. Вы должны быть въ сослуженiи всего капитула. Прикажите открыть раку святого и зажечь триста свѣчей изъ бѣлаго воска, какъ дѣлается для королевъ. Будетъ шестьсотъ нищихъ. Каждому изъ нихъ вы раздадите по серебряному полдукату и по золотому секину. На черной обивкѣ не должно быть никакихъ украшенiй, кромѣ гербовъ Малипiери и Брагадини. Гербовый щитъ Малипiери—въ золотомъ полѣ орлиный коготь; щитъ Брагадини—половина поля лазоревая, половина серебряная, и въ этомъ полѣ красный крестъ.

Деканъ. Вельможный подеста...

Анджело. Сейчасъ же, во главѣ всего вашего клира, съ крестомъ и съ хоругвями впереди, вы спуститесь въ подземелье этого герцогскаго дворца, гдѣ находятся могилы рода Романа. Тамъ

вскрыта одна плита. Подъ этой плитой вырыта могила. Вы благословите эту могилу. Не теряйте времени. Помолитесь и за меня.

Деканъ. Это кто-нибудь изъ вашихъ родственниковъ, монсиньоръ?

Анджело. Идите! *(Деканъ отвѣшиваетъ глубокiи поклонъ и удаляется черезъ двери въ глубинѣ. Другой священникъ хочетъ слѣдовать за нимъ, но Анджело останавливаетъ его.)* А вы, синьоръ главный священникъ, останьтесь. Здѣсь, въ молельнѣ, есть особа, которую вамъ нужно немедленно исповѣдать.

Главный священникъ. Осужденная, монсиньоръ?

Анджело. Да... одна женщина.

Священникъ. Эту женщину слѣдуетъ приготовить къ смерти?

Анджело. Да... Я васъ провожу.

Привратникъ *(входитъ)*. Монсиньоръ приказали позвать синьору Тисбэ. Она здѣсь.

Анджело. Хорошо. Пусть войдетъ сюда и подождетъ меня. *(Привратникъ уходитъ. Подеста отворяетъ дверь въ молельню и дѣлаетъ священнику знакъ войти туда, но на порогѣ останавливаетъ его.)* Синьоръ священникъ, если вамъ дорога жизнь, старайтесь, по выходѣ отсюда, не говорить никому на свѣтѣ имя той женщины, которую сейчасъ увидите.

(Входитъ вмѣстѣ съ священникомъ въ молельню. Дверь въ глубинѣ открывается, и привратникъ вводитъ Тисбэ.)

Тисбэ *(привратнику)*. Не знаешь ли ты, что ему нужно отъ меня?

Привратникъ. Не знаю, синьора.

ЯВЛЕНIЕ II.

Тисбэ *(одна)*.

Тисбэ. Опять эта комната! Я снова въ ней. Чего хочетъ отъ меня подеста? Во дворцѣ сегодня такъ мрачно... Впрочемъ, что мнѣ за дѣло до этого! Мнѣ бы только узнать: да или нѣтъ? Жизнь свою отдала бы за это. О, эта дверь! Странное впечатлѣнiе производитъ на меня видъ этой двери днемъ. За этой дверью находился онъ. Кто? Кто находился за этой дверью? Развѣ я увѣрена, что это непремѣнно былъ онъ? Я даже не повидала опять того шпiона... О, неувѣренность—страшный призракъ, который преслѣдуетъ васъ и смотритъ на васъ косыми глазами, безъ смѣха и безъ слезъ!.. Если бы только я была увѣрена, что это былъ Родольфо... были бы вѣрныя доказательства, о, тогда я погубила бы его, выдала бы подестѣ... Нѣтъ! Но я отомстила бы этой женщинѣ... Нѣтъ! Я просто убила бы себя... О, да, будь я увѣрена, что Родольфо больше не любитъ меня, что онъ меня обманываетъ, что онъ любитъ другую, на что бы тогда была мнѣ жизнь? Ни на что, и я бы умерла. Но неужели не отомстивъ за себя? Отчего же нѣтъ?.. Да, я вполнѣ способна отомстить за себя. Могу ли я отвѣчать за то, что сдѣлалось бы со мною, если бы мнѣ было доказано, что человѣкъ, бывшiй здѣсь прошлой ночью, былъ Ро-

дольфо?.. О, Боже мой! Спаси меня отъ припадка ярости... О, Родольфо! О, Катарина! О, если бы это было, что бы я тогда сдѣлала? Кого заставила бы я умереть, ихъ или себя? Не знаю.

(Входитъ Анджело.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тисбэ *и* Анджело.

Тисбэ. Вы приказали позвать меня, монсиньоръ?

Анджело. Да, Тисбэ. Мнѣ нужно съ вами поговорить. Кое-о чемъ довольно важномъ. Я уже говорилъ вамъ, что въ моей жизни каждый день новая ловушка, каждый день измѣна, каждый день или получать ударъ кинжаломъ или наносить ударъ сѣкирою... Короче: у моей жены есть любовникъ.

Тисбэ. Да? Кто же онъ?

Анджело. Вотъ какъ это вышло наружу. Одинъ человѣкъ, шпіонъ Совѣта Десяти... Нужно вамъ сказать, что эти шпіоны Совѣта Десяти поставлены по отношенію къ намъ, подестамъ, въ особое положеніе. Подъ страхомъ смертной казни, Совѣтъ Десяти запрещаетъ имъ писать намъ, говорить съ нами и вообще имѣть какія-бы то ни было сношенія съ нами вплоть до того самаго дня, когда имъ поручается арестовать насъ. Такъ вотъ одинъ изъ этихъ шпіоновъ сегодня утромъ ночнымъ дозоромъ на берегу рѣки, близъ Алтинскаго моста, былъ найденъ убитымъ. Была ли это дуэль или убійство изъ-за засады—неизвѣстно. Этотъ сбиръ былъ въ силахъ произнести только нѣсколько словъ и потомъ тутъ же умеръ. Вся бѣда въ томъ, что онъ умеръ. Но въ тотъ моментъ, когда ему наносился смертельный ударъ, у него нашлось настолько присутствія духа, чтобы сохранить у себя письмо, которое онъ, должно-быть, перехватилъ у кого-нибудь. Онъ вручилъ это письмо дозорнымъ для передачи мнѣ. Они принесли мнѣ его, и оно оказалось моей женѣ отъ ея любовника.

Тисбэ. А какъ его имя?

Анджело. Письмо безъ подписи. Вы спрашиваете меня объ имени любовника? Не знаю. Правда, убитый передъ смертью успѣлъ сказать это имя дозорнымъ, но глупцы позабыли его. Никакъ не могутъ вспомнить. Одинъ говоритъ — Родриго, а другой — Пандольфо.

Тисбэ. А письмо при васъ?

Анджело *(роясь за пазухой)*. Да, оно при мнѣ. Я нарочно для того и пригласилъ васъ, чтобы показать вамъ это письмо. Можетъ-быть, вы узнаете почеркъ, и тогда скажете мнѣ... *(Вытаскиваетъ письмо.)* Вотъ оно.

Тисбэ. Позвольте-ка.

Анджело *(комкая письмо въ рукѣ)*. Я въ страшномъ безпокойствѣ, Тисбэ. Есть человѣкъ, который осмѣлился поднять свой взоръ на жену Малипіери. Есть человѣкъ, который осмѣлился запятнать на страницу венеціанской золотой книги... на самую ея блестящую страницу,—ту страницу, на которой находится мое

имя, имя Малипіери. Есть человѣкъ, который прошлой ночью былъ въ этой комнатѣ и ходилъ, быть-можетъ, по этому самому мѣсту, гдѣ сейчасъ стою я. Есть низкій человѣкъ, который написалъ это письмо, и я не могу схватить этого человѣка, не могу пригвоздить свою месть къ своему позору. Не могу заставить этого человѣка пролить море его крови по этому полу. О, чтобы узнать, кто написалъ это письмо, я отдалъ бы шпагу своего отца, свою правую руку и десять лѣтъ своей жизни!

Тисбэ. Но покажите же мнѣ письмо.

Анджело *(передавая ей письмо)*. Вотъ, извольте.

Тисбэ *(развернувъ письмо и, бросивъ на него взглядъ, въ сторону)*. Это отъ Родольфо.

Анджело. Знакомъ вамъ этотъ почеркъ?

Тисбэ. Погодите... Позвольте сначала прочесть. *(Читаетъ вслухъ.)* «Катарина, моя бѣдная возлюбленная! Ты видишь, что Самъ Богъ покровительствуетъ намъ. Только чудо спасло насъ этой ночью отъ твоего мужа и отъ этой женщины...» *(Въ сторону.)* Отъ этой женщины! *(Продолжаетъ читать.)* «Я люблю тебя, моя Катарина. Ты единственная женщина, которую я любилъ. Не бойся за меня. Я въ безопасности».

Анджело. Ну, знакомъ вамъ этотъ почеркъ?

Тисбэ *(возвращая ему письмо)*. Нѣтъ, монсиньоръ.

Анджело. Нѣтъ? Жаль! А что скажете вы о самомъ письмѣ? Это не отъ человѣка, живущаго недавно въ Падуѣ; это языкъ старой любви. О, я обыщу весь городъ. Я долженъ отыскать этого человѣка. Что вы мнѣ посовѣтуете, Тисбэ?

Тисбэ. Ищите.

Анджело. Я ужъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ теченіе сегодняшняго дня никто не могъ пройти сюда во дворецъ, кромѣ васъ и вашего брата, въ которомъ вамъ можетъ быть нужда. Всѣ же другіе должны быть задержаны и приведены ко мнѣ. Я самъ буду ихъ допрашивать. А пока, въ ожиданіи, я уже имѣю половину мести здѣсь. Сейчасъ отправлюсь за нею.

Тисбэ. Куда?

Анджело. Къ женѣ. Я заставлю ее открыть имя ея любовника и умереть.

Тисбэ. Вашу жену?!

Анджело. Да. Все уже готово. Не пройдетъ и часа, какъ Катарина Брагадини будетъ обезглавлена.

Тисбэ. Обезглавлена?!

Анджело. Да, и въ этой комнатѣ.

Тисбэ. Въ этой комнатѣ?!

Анджело. Да, да, именно въ этой комнатѣ. Здѣсь мое оскверненное ложе превратится въ ея могилу. Эта женщина должна умереть! Я такъ рѣшилъ, рѣшилъ безповоротно! Никакія мольбы не могутъ потушить во мнѣ моего гнѣва. Если бы мой лучшій другъ... будь у меня такой другъ,—сталъ ходатайствовать за нее, я заподозрѣлъ бы и моего лучшаго друга... Ахъ, какъ я ненавижу эту женщину, Тисбэ! Я женился на ней по необходимости. Дѣла

мои были сильно разстроены. Кромѣ того, мнѣ было нужно угодить моему дядѣ, епископу Кастельскому... Глядѣть постоянно на женщину съ вѣчно тоскливымъ лицомъ и подавленнымъ видомъ... Притомъ, я долженъ сознаться, что ненависть лежитъ въ нашей крови, въ нашей семьѣ, въ нашихъ традицiяхъ. Малапiери всегда долженъ ненавидѣть кого-нибудь. Въ тотъ лишь день, когда левъ святого Марка соскочитъ съ своей колонны, ненависть расправитъ свои крылья и унесется изъ сердца Малипiери. Мой прадѣдъ ненавидѣлъ маркиза д'Аццо и однажды ночью утопилъ его въ венецiанскихъ водахъ. Мой отецъ ненавидѣлъ прокуратора Бадоэра и отравилъ его за пиршественнымъ столомъ у королевы Корнаро. Я также ненавижу эту женщину. Я не сдѣлалъ бы ей никакого зла, она... Тѣмъ хуже для нея. Она будетъ наказана. Очень можетъ быть, что я самъ не лучше ея, но все же она должна умереть. Это необходимость. Это мое безповоротное рѣшенiе. Я вамъ говорю, что эта женщина умретъ. Помиловать эту женщину? Если бы кости моей матери стали бы просить меня за нее, то и онѣ не были бы услышаны мною!

Тисбэ. Развѣ свѣтлѣйшая синьорiя въ Венецiи разрѣшаетъ вамъ...

Анджело. Ничего не разрѣшаетъ для помилованiя. Все дозволяетъ для наказанiя.

Тисбэ. Но семья Брагадини? Семья вашей жены?

Анджело. Поблагодаритъ меня.

Тисбэ. Вы говорите, что ваше рѣшенiе безповоротно. Она умретъ. Это хорошо. Я васъ одобряю. Но такъ какъ все это облечено тайною, такъ какъ никакого имени не было произнесено, то развѣ вы не можете ее избавить отъ казни, этотъ дворецъ—отъ лишняго пятна крови, а самого себя отъ общественнаго вниманiя и шума? Палачъ—свидѣтель. Одного свидѣтеля и то много.

Анджело. Да, вы правы. Лучше бы ядъ. Но ядъ нуженъ быстро дѣйствующiй, а у меня подъ рукою нѣтъ такого яда.

Тисбэ. Зато есть у меня.

Анджело *(съ живостью)*. У васъ? Гдѣ?

Тисбэ. У меня дома.

Анджело. Что это за ядъ?

Тисбэ. Ядъ Маласпины. Помните ящичекъ, который мнѣ прислалъ настоятель святого Марка?

Анджело. Помню, помню. Вы мнѣ говорили. Да, это ядъ надежный и быстро дѣйствующiй... Вы правы. Пусть лучше все это дѣло произойдетъ между нами. Слушайте, Тисбэ, я вамъ вполнѣ довѣряю. Вы понимаете, что то, что я вынужденъ сдѣлать,—вполнѣ законно. Я мщу за свою честь, и каждый мужчина на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы такъ. Какъ бы тамъ ни было, но дѣло, въ которое я запутанъ,—темное и тяжелое. У меня нѣтъ здѣсь другого друга, кромѣ васъ. Только вамъ я и могу довѣриться. Быстрое исполненiе и тайна—въ интересахъ какъ этой женщины, такъ и въ моихъ. Помогите мнѣ. Я нуждаюсь въ васъ. Я васъ прошу. Согласны вы?

Тисбэ. Да.

Анджело. Пусть эта женщина исчезнетъ, такъ, чтобы никто не зналъ—какъ, никто не зналъ—за что. Вырывается могила, служится заупокойная обѣдня, но никто не знаетъ—для кого. Я прикажу унести тѣло тѣмъ ночнымъ дозорнымъ, которые нашли убитаго шпіона, и теперь сидятъ у меня подъ арестомъ. Вы правы, накинемъ на все это тѣнь. Пошлите за этимъ ядомъ.

Тисбэ. Только я одна знаю, гдѣ его найти. Отправляюсь сама за нимъ.

Анджело. Отправляйтесь. Я буду васъ ждать. *(Тисбэ уходитъ.)* Да, это лучше. Преступленіе оставалось въ тѣни, пусть будетъ въ тѣни и наказаніе. *(Отворяется дверь изъ молельни, и выходитъ священникъ. Съ опущеннымъ взоромъ и со скрещенными на груди руками онъ медленно идетъ къ дверямъ въ глубинѣ. Когда онъ подходитъ уже къ этимъ дверямъ, Анджело отрывисто спрашиваетъ его).* Приготовлена она?

Священникъ. Да, монсиньоръ.

(Священникъ уходитъ. На порогѣ молельни появляется Катарина.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анджело *и* Катарина.

Катарина. Къ чему я должна быть готова?

Анджело. Къ смерти.

Катарина. Къ смерти?.. Такъ это правда? О, Боже! Умереть?.. Нѣтъ, я къ этому не готова... Слышите, синьоръ? Я не готова!

Анджело. Сколько же нужно вамъ времени, чтобы приготовиться?

Катарина. Сколько?.. Не знаю.

Анджело. Вы трусите, синьора?

Катарина. Умереть такъ вдругъ?.. Но я не сдѣлала ничего, заслуживающаго смерти... Синьоръ, дайте мнѣ еще одинъ день... Нѣтъ, не день... Я чувствую, что и завтра я не буду храбрѣе... Оставьте мнѣ жизнь... хотя въ монастырѣ... Скажите, неужели невозможно, чтобы вы оставили мнѣ жизнь?

Анджело. Напротивъ, это вполнѣ возможно, какъ я уже говорилъ вамъ, но лишь подъ однимъ условіемъ: выдайте мнѣ его.

Катарина *(ломая руки)*. О, Боже мой!

Анджело. Если вы выдадите мнѣ этого человѣка, то останетесь живы. Для него—плаха, для васъ—монастырь. Рѣшайтесь!

Катарина. Боже мой! Боже мой!

Анджело. Ну, что же вы не отвѣчаете?

Катарина. Я отвѣтила: «Боже мой»!

Анджело. Это не отвѣтъ. Рѣшайтесь же, синьора. А, вы дрожите? Почему вы дрожите?

Катарина. Я озябла въ своей молельнѣ. Тамъ было такъ холодно.

Анджело. Слушайте. Я хочу быть добрымъ къ вамъ и даю вамъ часъ. На этотъ часъ я оставлю васъ одну. Никто не войдетъ сюда безпокоить васъ. Употребите этотъ часъ на размышленіе. Письмо кладу сюда на столъ. Подпишите подъ нимъ имя автора, и вы будете спасены. Катарини Брагадини, повторяю: вы должны или выдать этого человѣка или умереть. Выбирайте. Передъ вами часъ.

Катарина. О, хотя день! Дайте только одинъ день.

Анджело. Часъ!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Катарина *(одна)*.

Катарина. Эта дверь? *(Идетъ къ двери.)* О, я слышу, какъ онъ запираетъ ее на замокъ! *(Идетъ къ окну.)* Это окно? *(Смотритъ въ него)*. Ахъ, какъ оно высоко надъ землею! *(Падаетъ въ кресло.)* Умереть?.. О, Боже мой!.. Ахъ, какъ страшна эта мысль, когда она такъ внезапно представляется человѣку, далекому отъ нея! Знать, что остался всего только одинъ часъ жизни, и твердить себѣ: мнѣ остался только часъ, одинъ часъ... О, нужно человѣку самому испытать такое положеніе, чтобы понять, какъ оно ужасно!.. У меня всѣ члены разбиты... Не могу сидѣть въ креслѣ. *(Поднимается.)* Не спокойнѣе ли мнѣ будетъ въ постели?.. Ахъ, хоть бы минутку спокойствія! *(Идетъ къ кровати.)* Хоть мгновеніе отдыха. *(Отдергиваетъ занавѣсъ у кровати и съ ужасомъ отступаетъ. Вмѣсто кровати видитъ покрытую чернымъ сукномъ плаху, а на ней сѣкиру.)* О, небо! что я вижу?.. О, какъ это ужасно! *(Судорожнымъ движеніемъ закрываетъ занавѣсъ.)* О, я не могу видѣть этого!.. Боже мой! это для меня... *(Съ трудомъ идетъ обратно къ креслу и падаетъ въ него.)* Это теперь сзади меня... О, я не смѣю больше повернуть головы туда... Неужели все это—не сонъ, а дѣйствительность?

(Маленькія двери въ глубинѣ отворяются. Входитъ Родольфо.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Катарина и Родольфо.

Катарина *(въ сторону)*. О, небо! Онъ... Родольфо?

Родольфо *(бросаясь къ ней)*. Да, Катарина, это я... На минутку. Ты одна? Какое счастье!.. Но почему ты такая блѣдная и, повидимому, чѣмъ-то сильно разстроена?

Катарина. Еще бы не быть разстроенной! Вы дѣлаете такую неосторожность — являетесь сюда днемъ.

Родольфо. О, это потому, что я слишкомъ тревожился. Не могъ больше выдержать.

Катарина *(съ наружнымъ спокойствіемъ)*. О чемъ же это вы тревожились?

Родольфо. Сейчасъ скажу вамъ, моя дорогая... Ахъ, какъ я счастливъ, что вы стали спокойнѣе.

Катарина. Какъ вошли вы сюда?

Родольфо. А ключъ, который ты мнѣ сама дала?

Катарина. А! А какъ вы вошли во дворецъ?

Родольфо. Ну, это вопросъ, который и меня самого немного смущаетъ. Войти-то я свободно вошелъ, а какъ выйду назадъ— не знаю.

Катарина. Какъ такъ?

Родольфо. Начальникъ стражи у воротъ предупредилъ меня, что до самой ночи никто не будетъ выпущенъ изъ дворца.

Катарина. До самой ночи? *(Въ сторону.)* И никакой возможности бѣжать! О, Боже!

Родольфо. Да, во всѣхъ проходахъ толпятся сбиры. Дворецъ охраняется какъ тюрьма. Мнѣ удалось проскользнуть въ главную галлерею, и вотъ я здѣсь... Кажется, тутъ что-то происходитъ.

Катарина. Ничего особеннаго. Успокойся дорогой Родольфо. Тутъ все какъ всегда. Оглянись хорошенько. Видишь, въ этой комнатѣ все попрежнему... Но теперь уходи скорѣе. Я опасаюсь, какъ бы не вошелъ подеста.

Родольфо. Не бойся этого, моя дорогая. Подеста сейчасъ находится на мосту Молино. Допрашиваетъ тамъ только что задержанныхъ людей... О, какъ я былъ встревоженъ, Катарина! Нынче всюду какъ-то странно и въ городѣ и во дворцѣ. Всѣ улицы полны отрядами стрѣлковъ и толпами сбировъ. Церковь святого Антонія вся обтянута чернымъ и тамъ идутъ приготовленія къ заупокойной службѣ. По комъ—неизвѣстно. Не знаешь ли ты?

Катарина. Нѣтъ.

Родольфо. Я не могъ пройти въ церковь. Городъ пораженъ ужасомъ. Всѣ говорятъ только шопотомъ. Навѣрное гдѣ-нибудь происходитъ что-то страшное. Но гдѣ именно—неизвѣстно. Но разъ не здѣсь,—мнѣ и неинтересно... Бѣдная моя, въ своемъ уединеніи ты ничего и не подозрѣваешь о томъ, что дѣлается на свѣтѣ!

Катарина. Увы, да!

Родольфо. Впрочемъ, что намъ за дѣло?.. Скажи, оправилась ли ты послѣ всѣхъ волненій ночью? Ахъ, какой это былъ ужасъ! До сихъ поръ не могу понять, что все это значило... Но вотъ что, Катарина; я радъ, что хоть избавилъ тебя отъ этого негодяя Гомодея. Онъ больше не будетъ дѣлать тебѣ зла.

Катарина. Ты думаешь?

Родольфо. Конечно. Вѣдь его больше нѣтъ въ живыхъ... Ахъ, Катарина, съ тобой что-нибудь не такъ! У тебя опять такой грустный видъ. Ужъ не скрываешь ли ты что-нибудь отъ меня, дорогая? Съ тобой ничего не случилось дурного?.. Ахъ, если бы кто-нибудь дерзнулъ тронуть тебя при мнѣ! Онъ скорѣе взялъ бы мою жизнь, чѣмъ твою.

Катарина. Нѣтъ, со мной ничего не было такого, честное слово, ничего. Мнѣ только хотѣлось бы, чтобы ты скорѣе ушелъ. Я такъ боюсь за тебя.

Родольфо. А что ты дѣлала, когда я входилъ?

Катарина. Ахъ, Боже мой! Да успокойтесь же, Родольфо! Я чувствовала себя очень хорошо. Старалась припомнить ту пѣсенку, которую вы такъ хорошо поете. Видите, вотъ и гитара.

Родольфо. Я писалъ тебѣ сегодня по утру. Встрѣтилъ Реджинеллу и ей передалъ письмо. Ужъ не перехвачено ли оно? Дошло ли оно до тебя?

Катарина. Дошло. Вотъ оно.

(Протягиваетъ ему письмо.)

Родольфо. А, получила-таки? Радуюсь! Напишешь такое письмо, и поневолѣ безпокоишься.

Катарина. Такъ всѣ выходы дворца охраняются? До ночи никто не выйдетъ отсюда?

Родольфо. Да. Такой отданъ приказъ. Я говорилъ тебѣ.

Катарина. Такъ вотъ, теперь вы меня видѣли, говорили со мной, убѣдились, что если тревожно въ городѣ, зато все спокойно здѣсь. Уходите же, дорогой Родольфо! Умоляю васъ именемъ Неба!.. Ну, вдругъ войдетъ подеста?.. Уходи скорѣе... Позволь, я сама застегну твой плащъ... вотъ такъ... Теперь — шляпу на голову и уходи!.. Передъ сбирами держись какъ можно естественнѣе, какъ можно свободнѣе, безъ всякихъ стараній ихъ избѣжать, безъ предосторожностей. Предосторожности выдаютъ. Затѣмъ, если бы случайно кто-нибудь предложилъ тебѣ написать что-нибудь... какой-нибудь шпіонъ, или кто другой, съ цѣлью устроить тебѣ ловушку,—смотри, не пиши ничего.

Родольфо. Но почему же, моя дорогая? Вѣдь ты получила же...

Катарина. Я не желаю, чтобы видѣли твой почеркъ. Это моя прихоть. Развѣ ты не знаешь, что у женщинъ иногда бываютъ прихоти? Благодарю тебя за то, что ты пришелъ, побылъ со мною, и что я имѣла радость видѣть тебя. Видишь, я совершенно спокойна, весела, довольна, сижу съ своей гитарой и съ твоимъ письмомъ. Но теперь уходи, ради Бога. Я бы хотѣла, чтобы у тебя были крылья... Впрочемъ, погоди, еще одно слово...

Родольфо. Что такое?

Катарина. Дорогой Родольфо, ты знаешь, что я никогда ничего не позволяла себѣ?.. Вѣдь ты знаешь это, да?

Родольфо. Конечно. Ну, и что же?

Катарина. Ну, а сейчасъ я хочу сама просить тебя... поцѣловать меня.

Родольфо *(сжимая ее въ объятіяхъ)*. О, это сами небеса!

Катарина. Я вижу ихъ отверстыми.

Родольфо. О, счастье!

Катарина. Ты счастливъ, да?

Родольфо. О, да! да! тысячу разъ — да!

Катарина. Ну, и я также... А теперь уходи, мой дорогой.

Родольфо. Благодарю. До свиданія.

Катарина. Прощай.

(Родольфо, дойдя до дверей, останавливается и оглядывается.)

Катарина. Я люблю тебя.

(Родольфо, улыбаясь уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Катарина *(одна)*.

Катарина. Бѣжать вмѣстѣ съ нимъ?.. О, одно мгновеніе я думала объ этомъ. Но это невозможно. Я только напрасно погубила бы и его... О, только бы съ нимъ ничего не случилось, только бы сбиры не задержали его, только бы выпустили его сегодня вечеромъ... Впрочемъ, вѣдь нѣтъ никакого основанія чтобы на него пало подозрѣніе... Спаси его, Господи. *(Прислушивается у дверей въ коридоръ.)* Слышу еще его шаги... Дорогой мой. Удаляется... Шаги замолкли. Все кончено. Иди съ Богомъ, милый мой Родольфо. *(Распахиваются большія двери.)* О, небо.

(Входятъ Анджело и Тисбэ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Катарина, Анджело и Тисбэ.

Катарина *(въ сторону)*. Это что за женщина?.. Ахъ, это опять та, которая была ночью.

Анджело. Ну, поразмыслили вы, синьора?

Катарина. Да, синьоръ

Анджело. Или умереть или выдать человѣка, написавшаго это письмо. Рѣшили ли вы выдать этого человѣка, синьора?

Катарина. Нѣтъ, синьоръ.

Тисбэ *(въ сторону)*. Вотъ добрая и мужественная женщина!

(Анджело дѣлаетъ знакъ Тисбэ, которая вручаетъ ему пузырекъ, и онъ ставитъ его на столъ.)

Анджело. Въ такомъ случаѣ вы должны выпить это.

Катарина. Это ядъ?

Анджело. Да, синьора.

Катарина. О, Господи, когда Ты будешь судить этого человѣка, молю тебя, помиловать его!

Анджело. Синьора, одинъ изъ вашихъ предковъ, проведиторъ Урзеоло Брагадини, покончилъ съ своей женой, Марчеллой Гальбай, такимъ же путемъ и за такое же преступленіе.

Катарина. Будемъ говорить прямо. Дѣло вовсе не въ Брагадини, а въ томъ, что вы—негодяй. Приходите сюда такъ хладнокровно съ ядомъ въ рукахъ, чтобы отравить меня. За что? Повторяю—я не виновна... по крайней мѣрѣ, не такъ виновна, какъ вы думаете. Но я не стану унижаться оправданіемъ себя. Притомъ же, такъ какъ вы сами постоянно лжете, то не повѣрите и мнѣ... Я васъ презираю, слышите? Вы женились на мнѣ ради моихъ денегъ, потому что я была богата, и моя семья владѣетъ пра-

вомъ на воду венеціанскихъ цистернъ. Вы говорили себѣ: «Это принесетъ мнѣ сто тысячъ дукатовъ въ годъ, женюсь на этой дѣвушкѣ». И какова была моя жизнь въ эти пять лѣтъ, которыя я провела съ вами? Вы не любили меня, но постоянно ревновали. Держали меня въ заключеніи. Сами вы имѣете любовницъ,—вамъ это позволено. Мужчинамъ все позволяется!.. Вы всегда были со мной суровы, жестоки. Вы никогда не сказали мнѣ ни одного добраго слова. Все время только и твердили, что о своихъ предкахъ, о дожахъ, выходившихъ изъ вашего рода, а меня унижали въ лицѣ моихъ предковъ. Не могли же вы думать, что такимъ образомъ составляется счастье женщины?.. О, нужно перестрадать столько же, сколько перестрадала я, чтобы узнать женскую долю!.. Да, синьоръ, не зная еще васъ, я уже любила одного человѣка, котораго люблю и сейчасъ. Вы безнаказанно убьете меня за это. Если у васъ есть на это право, то надо сознаться, что такое право ужасно... Вы очень довольны, что вамъ попало въ руки письмо, клочокъ бумаги, поводъ. Отлично! Вы меня будете судить, осудите и казните. Въ тѣни. Въ тайнѣ. Ядомъ... Въ этомъ ваше право. Но это подло! *(Обращаясь къ Тисбэ.)* А что думаете вы объ этомъ человѣкѣ, синьора?

Анджело. Берегитесь!

Катарина *(Тисбэ)*. А вы кто такая? Чего вы отъ меня хотите? Ахъ, какъ хорошо то, что вы дѣлаете! Вы—публичная любовница моего мужа и, конечно, вамъ расчетъ погубить меня. Вы меня выслѣживали, захватили врасплохъ и ставите мнѣ ногу на голову. Вы помогаете моему мужу въ его гнусномъ дѣлѣ. Почемъ знать? Можетъ-быть, вы же дали ему и этотъ ядъ. *(Къ Анджело.)* Значитъ, вамъ нравится эта женщина, синьоръ?

Анджело. Синьора...

Катарина. Сказать по правдѣ, мы всѣ принадлежимъ къ достойной омерзѣнія странѣ. Гнусна та республика, гдѣ мужчина безнаказанно можетъ попирать ногами несчастную женщину, какъ это дѣлаете вы, синьоръ, и гдѣ другіе говорятъ ему: «Хорошо дѣлаешь». Фоскари заставилъ умереть свою дочь. Лоредано—свою жену... Неужели все это не подло? Да, въ эту минуту вся Венеція находится здѣсь, въ этой комнатѣ. *(Указывая на Анджело.)* Венеціанскій деспотъ—вотъ онъ! *(Указывая на Тисбэ.)* Венеціанская куртизанка—вотъ она! *(Обращаясь къ ней же.)* Если я зашла слишкомъ далеко въ томъ, что говорю, тѣмъ хуже для васъ. Зачѣмъ вы здѣсь?

Анджело *(хватая жену за руку)*. Довольно, синьора, пора кончить!

Тисбэ. Бѣдная женщина!

Катарина. Вы сказали: «бѣдная женщина», синьора? Вы сказали это? Такъ у васъ есть жалость?.. О, позвольте мнѣ разжалобить хотя васъ. Вѣдь вы видите, что меня хотятъ убить. Неужели и вы участвуете въ этомъ? О, нѣтъ, этого быть не можетъ... Вѣдь нѣтъ, да?.. Я вамъ сейчасъ разскажу... объясню все дѣло. Потомъ вы скажете подестѣ и докажете ему, и онъ будетъ

убѣжденъ. Ваши слова произведутъ больше впечатлѣнія. Иногда бываетъ достаточно нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ постороннимъ человѣкомъ, чтобы заставить образумиться... Если я сейчасъ оскорбила васъ, простите мнѣ. *(Становится на колѣни.)* На колѣняхъ прошу васъ. Вѣдь я ничего не сдѣлала дурного... дѣйствительно дурного. Я всегда оставалась честною. Вы меня понимаете, какъ женщина?.. Я вижу это. Моему мужу я не могу ничего этого сказать, потому что онъ, какъ мужчина, не пойметъ и не повѣритъ. Наши мужья никогда не хотятъ намъ вѣрить. Между тѣмъ мы иногда говоримъ правду, особенно въ такія минуты... Я кажусь вамъ мужественной? Но развѣ я могу быть мужественной? Нѣтъ, я только слабая женщина, которую нужно пожалѣть. Я плачу и не стыжусь этого, потому что смерть меня страшитъ. Это вина не моя.

Анджело. Синьора, мнѣ надоѣло ждать.

Катарина. А, вы меня прерываете? *(Тисбэ.)* Вы видите, онъ меня прерываетъ. Это несправедливо. Онъ видитъ, что мои слова трогаютъ васъ, поэтому и препятствуетъ мнѣ докончить. *(Анджело.)* Вы —чудовище!

Анджело. Это ужъ слишкомъ! Катарина Брагадини, совершонное преступленіе требуетъ наказанія, открытая могила требуетъ гроба, оскорбленный мужъ требуетъ смерти преступной жены. Вы только напрасно теряете слова, клянусь вамъ въ этомъ Богомъ! *(Указывая на ядъ.)* Желаете, синьора?

Катарина. Нѣтъ!

Анджело. Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ возвращаюсь къ моей первоначальной мысли... Троило! пусть приведутъ сюда... Нѣтъ, пойду лучше самъ

(Стремительно выходитъ изъ дверей въ глубинѣ и запираетъ ихъ снаружи.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Катарина и Тисбэ.

Тисбэ. Слушайте! Скорѣе! У насъ только минута... Разъ это вы, которую онъ любитъ, то объ одной васъ и нужно думать. Сдѣлайте то, чего отъ васъ требуютъ, иначе вы погибли. Я не могу растолковать вамъ все яснѣе... Вы не въ своемъ разсудкѣ. Давеча у меня вырвались слова: «Бѣдная женщина». Вы, точно безумная, громко повторили ихъ передъ подестой, а это могло навести его на подозрѣнія. Если бы я сказала вамъ все, вы, въ такомъ взволнованномъ состояніи, могли бы надѣлать глупостей, и все бы пропало... Дѣлайте, что вамъ велятъ—пейте. Палачъ васъ не помилуетъ, будьте увѣрены. Лучше не сопротивляйтесь больше... Что мнѣ вамъ еще сказать? Это вы — любимая, и я хочу, чтобы кое-кто былъ мнѣ обязанъ... Вы не понимаете, что я вамъ говорю? А между тѣмъ мнѣ говорить вамъ это — все равно, что вырывать у себя сердце.

Катарина. Синьора...

Тисбэ. Дѣлайте, что вамъ говорятъ. Ни сопротивленія, ни словъ. Главное — не подорвите довѣрія, которое питаетъ ко мнѣ вашъ мужъ. Слышите? Я не смѣю сказать вамъ больше. Да, въ этой комнатѣ дѣйствительно находится бѣдная женщина, которая должна умереть, но это не вы. Поняли теперь?

Катарина. Я сдѣлаю такъ, какъ вы хотите, синьора.

Тисбэ. Вотъ и прекрасно... Слышу, что онъ возвращается. *(Бѣжитъ къ двери въ глубинѣ, отворяетъ ее и кричитъ.)* Одинъ! одинъ! Входите одинъ!

(Въ сосѣдней комнатѣ виднѣются сбиры съ обнаженными шпагами. Входитъ Анджело. Двери затворяются.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Катарина, Тисбэ и Анджело.

Тисбэ. Она согласна на ядъ.

Анджело *(Катаринѣ)*. Такъ поскорѣе, синьора.

Катарина *(сжимая въ рукѣ пузырекъ съ ядомъ и обращаясь къ Тисбэ)*. Я знаю, что вы — любовница моего мужа. Если вашей тайной мыслью была мысль о предательствѣ, намѣреніе погубить меня, тщеславное желаніе занять мое мѣсто, которому вы напрасно завидуете, — то это было бы самой большой гнусностью, синьора. И хотя тяжело умирать въ двадцать два года, но лучше умереть, чѣмъ дѣлать то, что дѣлаете вы.

(Выпиваетъ ядъ.)

Тисбэ *(въ сторону)*. Сколько лишнихъ словъ, Боже мой!

Анджело *(подходя къ дверямъ въ глубинѣ, пріотворяетъ ихъ и кричитъ)*. Уходите всѣ назадъ!

Катарина. О, этотъ ядъ леденитъ мнѣ кровь!.. *(Пристально глядитъ на Тисбэ.)* Ахъ, синьора! *(Переводитъ взглядъ на Анджело.)* Довольны вы теперь, синьоръ?.. Я умираю... Больше не боюсь васъ... Да, теперь я скажу и вамъ то, что давеча говорила Господу Богу: я люблю одного человѣка, но я не грѣшна.

Анджело. Я вамъ не вѣрю, синьора.

Тисбэ *(въ сторону)*. А я вѣрю!

Катарина. Слабѣю... Нѣтъ, не въ это кресло... Не касайтесь меня... Я уже говорила вамъ: вы низкій человѣкъ! *(Направляется, шатаясь, къ молельнѣ.)* Хочу умереть на колѣняхъ передъ алтаремъ... тамъ... Умереть одной... въ покоѣ, не чувствуя на себѣ... вашихъ обоихъ взглядовъ. *(Добравшись до двери, приклоняется къ косяку.)* Хочу умереть, молясь Богу. *(Обращаясь къ Анджело.)* За васъ, синьоръ. *(Входитъ въ молельню)*.

Анджело. Троило! *(Входитъ привратникъ.)* Возьми въ моей копилкѣ для бѣдныхъ ключъ отъ моей секретной комнаты. Тамъ ты увидишь двухъ людей. Приведи ихъ ко мнѣ. *(Привратникъ уходитъ)*. Теперь я долженъ допросить тѣхъ людей. Когда я окончу разговоръ съ ними, я поручу вамъ заботу объ остальномъ. Главное — тайна. *(Привратникъ вводитъ ночныхъ дозорныхъ, а самъ удаляется.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Анджело, Тисбэ, Орфео *и* Габоардо.

Анджело *(дозорнымъ)*. Вы часто бывали при ночныхъ казняхъ въ этомъ дворцѣ. Знаете подземелье съ могилами?

Габоардо. Знаемъ, монсиньоръ.

Анджело. Есть ли здѣсь настолько скрытые проходы, что даже въ такой день, когда дворецъ полонъ солдатъ, вамъ можно будетъ спуститься въ это подземелье, войти туда и потомъ выйти изъ дворца, не будучи никѣмъ замѣченными?

Габоардо. Да, монсиньоръ, можно войти и выйти, и никто насъ не увидитъ.

Анджело. Отлично. *(Пріотворивъ дверь въ молельню.)* Вотъ тутъ находится умершая женщина. Вы должны тайкомъ снести ее въ то подземелье. Тамъ вы увидите поднятую въ полу каменную плиту, а подъ нею только что вырытую могилу. Тѣло женщины опустите въ могилу, а плиту закроете, какъ была. Поняли?

Габоардо. Поняли, монсиньоръ.

Анджело. Вамъ придется пройти черезъ мою комнату, но тамъ есть люди. Я сейчасъ заставлю ихъ уйти оттуда.

(Уходитъ.)

Тисбэ *(вынимая изъ своей сумочки кошелекъ и обращаясь къ дозорнымъ)*. Въ этомъ кошелькѣ двѣсти секиновъ золотомъ. Это для васъ. Завтра вы получите вдвое, если сдѣлаете то, что я вамъ прикажу.

Габоардо *(принимая кошелекъ)*. Торгъ заключенъ, синьора. Что мы должны дѣлать?

Тисбэ. Сначала итти въ подземелье, а остальное я вамъ скажу потомъ.

ЧАСТЬ III.

Спальня. Въ глубинѣ—альковъ съ кроватью подъ занавѣсомъ. Съ каждой стороны алькова—по двери; та, которая направо, скрыта въ обивкѣ стѣны. Столы, стулья, кресла, на которыхъ разбросаны маски, вѣера, полуоткрытые ларчики, разнообразные театральные костюмы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тисбэ, Габоардо, Орфео, Черный пажъ *и* Катарина, *завернутая въ саванъ и распростертая на постели. На ея груди видно мѣдное распятіе.*

Тисбэ *(беретъ зеркальце и раскрываетъ блѣдное лицо Катарины, потомъ, обращаясь къ черному пажу, говоритъ)*. Подойди сюда съ твоимъ свѣтильникомъ. *(Она подноситъ зеркальце къ губамъ Катарины и смотритъ.)* Теперь я спокойна. *(Задергиваетъ занавѣсъ передъ кроватью и затѣмъ говоритъ дозорнымъ.)* Увѣрены ли вы, что васъ никто не видалъ по дорогѣ сюда изъ дворца?

Габоардо. Ночь очень темная, синьора. Весь городъ спитъ въ эти часы. Вѣдь вамъ извѣстно, что мы ни души не встрѣтили. Вы сами видѣли, какъ мы опускали гробъ въ могилу и закрыли плиту. Не безпокойтесь. Намъ неизвѣстно, умерла ли эта женщина, но несомнѣнно то, что для всего свѣта она замуравлена въ могилѣ. Можете теперь дѣлать съ ней, что хотите, синьора, Мы — само молчаніе.

Тисбэ. Хорошо. *(Черному пажу.)* А гдѣ мужское платье, которое я велѣла приготовить?

Черный пажъ *(показывая ей въ полутѣни свертокъ)*. Вотъ оно, синьора.

Тисбэ. А пара лошадей?

Черный пажъ. На дворѣ. Онѣ осѣдланы и взнузданы.

Тисбэ. Лошади хорошія?

Черный пажъ. Отвѣчаю за нихъ, синьора.

Тисбэ. Хорошо. *(Дозорнымъ.)* Сколько нужно времени, чтобы на хорошихъ лошадяхъ выбраться изъ венеціанскихъ владѣній?

Габоардо. Смотря по тому, какъ ѣхать. Кратчайшій путь— прямо въ Монтебакко, принадлежащій папѣ. Быстрой ѣзды туда часа три. Дорога хорошая.

Тисбэ. Отлично. Теперь можете уходить. Завтра утромъ приходите за обѣщаннымъ мною вознагражденіемъ. *(По уходѣ Габоардо и Орфео она обращается къ черному пажу.)* Ступай, запри всѣ двери и ни подъ какимъ видомъ никого не впускай сюда.

Черный пажъ. У синьора Родольфо отдѣльный входъ. Запереть и этотъ входъ, синьора?

Тисбэ. Нѣтъ, этотъ входъ оставь незапертымъ для синьора Родольфо. Но только для одного его, больше ни для кого, слышишь? Позаботься о томъ, чтобы никто другой не могъ проникнуть сюда, въ особенности, если придетъ синьоръ Родольфо. Не входи и самъ, пока я не позову тебя. Теперь оставь меня.

(Черный пажъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тисбэ *и* Катарина *(въ альковѣ.)*

Тисбэ *(сама съ собою)*. Ну, я полагаю, долго не придется ждать. Она не хотѣла умирать, и я ее понимаю. Когда чувствуешь себя любимой взаимно, смерть не пойдетъ на умъ. Безъ любви же, конечно, во сто разъ лучше умереть. *(Обертываясь къ алькову.)* О, ты съ радостью умерла бы, если бы... Голова моя горитъ. Вотъ ужъ третья ночь, какъ я не сплю. Въ предпослѣднюю ночь — это празднество, во вчерашнюю — это свиданіе, когда я ихъ застала, а въ сегодняшнюю... Ну, зато я крѣпко буду спать въ слѣдующую ночь. *(Обводитъ глазами разбросанные вокругъ предметы театральнаго обихода.)* Да, да, счастливицы мы, актрисы. Намъ рукоплещутъ въ театрахъ... «Какъ хорошо вы сыграли Розмонду, синьора»... Дураки!.. Да, нами любуются, насъ находятъ хорошенькими, насъ осыпаютъ цвѣтами.

Но при всемъ этомъ сердце наше истекаетъ кровью... О, Родольфо, Родольфо! Его любовь!.. Да, для нея, только для нея, я и могла бы жить. Въ то время, когда я еще вѣрила этой любви, я часто думала о томъ, что если и придется рано умереть, то я желала бы умереть возлѣ него, умереть такъ, чтобы онъ потомъ не въ силахъ былъ вырвать изъ своей души воспоминаніе обо мнѣ, чтобы моя тѣнь всегда оставалась рядомъ съ нимъ... Вѣдь сама смерть ничего не значитъ. Все дѣло въ забвеніи. Но я не хочу, чтобы онъ меня забылъ. Увы, вотъ къ чему я пришла! Вотъ гдѣ я споткнулась! Вотъ что сдѣлалъ для меня міръ! Вотъ что сдѣлала для меня любовь! *(Подходитъ къ альковy, отдергиваетъ занавѣсъ и нѣсколько мгновеній пристально смотритъ на неподвижную Катарину, потомъ беретъ въ руки распятіе.)* О, если это распятіе и принесло счастье кому-нибудь, то не твоей дочери, дорогая мать моя! *(Кладетъ распятіе на столъ. Отворяется замаскированная обоями маленькая дверь. Входитъ Родольфо.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тисбэ, Родольфо *и* Катарина *(все еще въ альковѣ).*

Тисбэ. А, это вы, Родольфо? Отлично! Мнѣ нужно поговорить съ вами. Выслушайте, что я...

Родольфо. И мнѣ нужно поговорить съ вами, синьора, и сначала выслушаете меня.

Тисбэ. Родольфо...

Родольфо. Вы здѣсь одна, синьора?

Тисбэ. Да.

Родольфо. Распорядитесь, чтобы никто не вошелъ сюда.

Тисбэ. Это уже сдѣлано.

Родольфо. Позвольте мнѣ запереть обѣ эти двери.

(Запираетъ двери на ключъ.)

Тисбэ. Ну, что вы хотите сказать мнѣ?

Родольфо. Откуда вы вернулись? Отчего вы такъ блѣдны? Что вы дѣлали сегодня? Гдѣ провели ужасные часы этого дня? Говорите же! Нѣтъ, лучше не говорите. Я самъ скажу. Не отвѣчайте, не отрицайте, не сочиняйте, не лгите. Я все знаю. Все! Въ двухъ шагахъ отъ васъ, раздѣленная только одной дверью, въ молельнѣ, была Дафнэ. Она все видѣла и все слышала. Вотъ слова, которыя были произнесены подестой и вами. Подеста сказалъ: «У меня нѣтъ яда», а вы отвѣтили: «Зато у меня есть». Говорили вы это, а? Попробуйте солгать... А! у васъ ядъ! Ну, а у меня— ножъ?

(Вытаскиваетъ изъ-за пазухи кинжалъ.)

Тисбэ. Родольфо!

Родольфо. Даю вамъ четверть часа на то, чтобы приготовиться къ смерти, синьора!

Тисбэ. А! вы меня хотите убить? Только это и пришло вамъ въ голову?.. Вы... Вы сами хотите убить меня, такъ, ни съ того ни съ сего, даже не выслушавъ моихъ объясненій, не будучи ни въ

чемъ увѣреннымъ? И вы можете такъ легко принимать подобныя рѣшенія? Такъ-то вы мною дорожите! Вы хотите убить меня изъ-за любви къ другой... О, Родольфо! такъ это правда?.. Скажите мнѣ сами... собственными устами: вы никогда не любили меня?

Родольфо. Никогда!

Тисбэ. Вотъ это-то твое слово и убиваетъ меня. Твой кинжалъ можетъ только докончить.

Родольфо. Чувствовать къ вамъ любовь? Нѣтъ! Я къ вамъ ее не чувствую и никогда не чувствовалъ. Самое большое, что я къ вамъ питалъ, это — жалость.

Тисбэ. О, неблагодарный!.. Еще одно слово. Скажи мнѣ: ее-то ты сильно любилъ?

Родольфо. Ее? любилъ ли я ее?.. О, слушайте же, несчастная, какъ я любилъ ее! Она была для меня чистымъ, цѣломудреннымъ, священнымъ предметомъ! Она была для меня всѣмъ — моей жизнью, моей кровью, моимъ сокровищемъ, моимъ счастьемъ, моей мыслью, свѣтомъ очей моихъ... Вотъ какъ я любилъ ее!

Тисбэ *(какъ бы про себя)*. Значитъ, я хорошо сдѣлала.

Родольфо. Вы... вы сдѣлали хорошо?

Тисбэ. Да, очень хорошо... Знаешь ли ты, что именно я сдѣлала?

Родольфо. А вы думаете, я не знаю? Но, повторяю вамъ, тамъ была Дафнэ, и то, что она мнѣ передала, все еще звучитъ у меня въ ушахъ: «Синьоръ, — говорила она, — въ этой комнатѣ было всего трое: она, подеста и другая женщина, — женщина страшная, которую подеста называлъ Тисбэ. Они два часа, цѣлыхъ два битыхъ часа, мучили мою бѣдную госпожу. На колѣняхъ, съ молитвенно сложенными руками, съ горькими слезами она вымаливала у нихъ свою жизнь. Но они сказали: «нѣтъ». А ядъ былъ принесенъ той женщиною, которую зовутъ Тисбэ. Она-то и вынудила мою госпожу выпить его. Она же куда-то унесла и тѣло моей госпожи».... А вы еще спрашиваете, увѣренъ ли я. *(Вынимая изъ-за пазухи носовой платокъ.)* Чей это платокъ, найденный у Катарины?—не вашъ ли? *(Указывая на распятіе.)* А это распятіе, которое я вижу у васъ—чье оно? не ея ли?.. Послѣ всего этого вы еще осмѣливаетесь спрашивать, — увѣренъ ли я... Теперь просите, плачьте, кричите, молите о пощадѣ,—словомъ продѣлывайте все, что вамъ угодно, и кончимъ

Тисбэ. Родольфо...

Родольфо. Что вы еще имѣете сказать въ свое оправданіе? говорите скорѣе!

Тисбэ. Ничего больше я не имѣю сказать тебѣ, Родольфо, въ свое оправданіе. Все, что тебѣ сообщено,—истинная правда. Вѣрь всему. Но вотъ что выслушай еще. Ты пришелъ кстати. Я хотѣла умереть возлѣ тебя, у твоихъ ногъ, отъ твоей руки и, быть-можетъ, упасть въ твои объятія, когда ты поразишь меня... И вотъ эта счастливая минута настала. Я увѣрена, ты услышишь и поймешь мои послѣднія слова... Мой послѣдній вздохъ, хотя ты и не хочешь его, будетъ твоимъ. Мнѣ теперь не къ чему жить. Ты не

любишь меня,—такъ убей. Это—все, что ты теперь можешь сдѣлать для меня, дорогой мой Родольфо, и я благодарю тебя за это.

Родольфо. Синьора...

Тисбэ. Погоди. Сейчасъ кончу... Слушай. Я всегда была достойна сожалѣнія. Это не пустыя слова, это — изліянія переполненнаго сердца. Насъ, актрисъ, недостаточно жалѣютъ, и какъ всѣ неправы въ этомъ! Никто не знаетъ, сколько у насъ бываетъ добрыхъ качествъ и мужества. Тебѣ извѣстна моя жизнь. Ты знаешь, что еще маленькимъ ребенкомъ я должна была просить милостыни. А въ шестнадцать лѣтъ я очутилась совсѣмъ на улицѣ безъ куска хлѣба. Важные синьоры подобрали меня съ улицы. Я попала изъ одной крайности въ другую. Или голодъ или оргія. Я знаю, что вы можете мнѣ сказать: такъ лучше умри съ голоду, но не поддавайся... Вы нисколько не пожалѣли меня: вѣдь ваша жалость отдается только благорожденнымъ женщинамъ. Когда онѣ плачутъ,—ихъ утѣшаютъ. Когда онѣ сдѣлаютъ что-нибудь нехорошее,—ихъ оправдываютъ. И онѣ еще жалуются. А мы... для насъ все хорошо! Насъ подавляютъ. Ступай, несчастная, куда хочешь! На что ты жалуешься? Всѣ противъ тебя. Ты страдаешь? Ну, такъ что же? Развѣ ты не создана на то, чтобы страдать, дѣва радостей?.. Родольфо, неужели ты не чувствуешь, что въ моемъ положеніи мнѣ нужно было сердце, которое понимало бы мое сердце? У меня не было и нѣтъ никого, кто бы искренно любилъ меня... Я говорю тебѣ это не для того, чтобы разжалобить тебя,—нѣтъ. Да къ чему это? Вѣдь теперь уже поздно. Но я любила тебя. О, Родольфо, какъ любила тебя та бѣдная дѣвушка, которая сейчасъ говоритъ съ тобой,—это ты узнаешь только послѣ моей смерти, когда меня больше не будетъ... Слушай. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ я тебя знаю; шесть мѣсяцевъ, какъ твой взглядъ былъ моей жизнью, твоя улыбка — моей радостью, твое дыханіе—моей душой. И во всѣ эти шесть мѣсяцевъ у меня ни на одно мгновеніе не было мысли, необходимой для моей жизни,—мысли, что ты меня любишь. Ты знаешь, что я всегда надоѣдала тебѣ своей ревностью, всегда были тысячи признаковъ, заставлявшихъ меня тревожиться. Теперь мнѣ все ясно. Я не сержусь на тебя; не твоя вина, что ты не могъ любить меня. Я знаю, что цѣлыя семь лѣтъ всѣ твои помыслы устремлялись къ той женщинѣ, а я была для тебя только развлеченіемъ, игрушкою. Это очень естественно. Я не сержусь на тебя... Тебя утомляетъ то, что я говорю, и ты все еще увѣренъ...

Родольфо. Увѣренъ ли я?!. Подеста отправился за сбирами, а вы въ это время успѣли наговорить ей такихъ ужасныхъ словъ, которыя заставили ее выпить ядъ... Синьора, развѣ вы не видите, что у меня готовъ помутиться разсудокъ?.. Гдѣ Катарина? Правда ли, что вы ее отравили?.. Знаете ли вы, что это—единственная женщина, которую я любилъ и люблю?.. Слышите ли вы?—единственная!

Тисбэ. Единственная? единственная?.. О, какъ нехорошо наносить мнѣ сразу столько ударовъ! Теперь... изъ жалости

(указывая на кинжалъ въ его рукѣ), — поражайте меня скорѣе послѣднимъ.

Родольфо. Да, да, единственная, которую я люблю... Гдѣ она? Куда вы скрыли ее, если не живую, то хоть мертвую? Отвѣчайте!

Тисбэ. О, ты безжалостенъ. Ты разбиваешь мнѣ сердце... Ну, да, я ненавижу эту женщину. Слышишь? — ненавижу... Да, тебѣ говорили правду? я отомстила за себя... убила ее... отравила...

Родольфо. А! Такъ вы теперь сознаетесь въ этомъ?.. Боже мой! Мнѣ кажется, что вы, несчастная, даже хвалитесь этимъ?

Тисбэ. Да, то, что я сдѣлала, я повторила бы еще разъ... Бей!

Родольфо *(съ яростью)*. Синьора, повторите...

Тисбэ. Повторяю: да, я убила ее... Бей же!

Родольфо. О, негодная!

(Ударяетъ ее кинжаломъ.)

Тисбэ *(падая)*. А... въ сердцѣ?.. Ты поразилъ меня прямо въ сердце... Это хорошо... Родольфо... милый... твою руку! *(Хватаетъ его руку и цѣлуетъ ее.)* О, благодарю тебя!.. Ты освободилъ меня... Оставь у меня свою руку... Я не хотѣла тебѣ никакого зла... Дорогой мой Родольфо, твой видъ, съ которымъ ты вошелъ и, угрожая кинжаломъ, сказалъ мнѣ: «Даю вамъ четверть часа», объяснили мнѣ все. Послѣ этого я все равно не могла бы остаться жить... Теперь, когда я... умираю... будь добръ... скажи мнѣ хоть... одно словечко жалости... Послѣднее словечко.

Родольфо. Синьора...

Тисбэ. Только одно... словечко... Неужели ты не хочешь... сдѣлать это для меня, умирающей?..

Катарина *(изъ-за занавѣса алькова)*. Гдѣ я?.. Родольфо!

Родольфо. Что я слышу?.. Чей это голосъ?

(Быстро оборачивается и видитъ бѣлую фигуру Катарины, отдергивающей занавѣсъ.)

Катарина. Родольфо!

Родольфо *(бросается къ ней сжимаетъ ее въ объятьяхъ)*. Катарина!.. Великій Боже!.. Ты здѣсь?.. жива? Праведное небо! *(Бросается назадъ къ Тисбэ)*. Ахъ, что я сдѣлалъ?!

Тисбэ *(съ улыбкою тащась къ нему по полу)*. Ничего... Ничего ты не сдѣлалъ... Это все сдѣлала я... Я хотѣла умереть... и подтолкнула твою руку.

Родольфо. Катарина! ты жива?.. О, Господи!.. Но кто же спасъ тебя?

Тисбэ. Я... для тебя.

Родольфо. Тисбэ!.. Катарина, надо оказать ей помощь...

Тисбэ. Не безпокойся, мой дорогой... Всякая помощь безполезна. Благодарю... Предавайся теперь своей радости... Я ничѣмъ не хочу быть тебѣ помѣхою... Хочу, чтобы ты былъ... вполнѣ счастливъ... Я обманула подесту... дала снотворнаго питья вмѣсто

яда... Всѣ считали ее мертвою, а она только крѣпко спала... Тутъ на дворѣ приготовлены лошади... Мужская одежда для нея... Отправляйтесь скорѣе... Черезъ три часа вы... будете уже за предѣлами... владѣній Венеціи... Будьте счастливы... Она освобождена... Мертвая—для подесты, живая—для тебя... Доволенъ ли ты теперь... что все такъ устроилось?

Родольфо *(внѣ себя)*. Катарина!.. Тисбэ!..

(Падаетъ на колѣни, не сводя взгляда съ умирающей Тисбэ.)

Тисбэ *(угасающимъ голосомъ)*. Умираю... Вспоминай иногда... обо мнѣ и скажи: «Эта бѣдная Тисбэ все-таки... была... доброю дѣвушкою»... О, это заставитъ меня трепетать... отъ радости... въ моей... могилѣ... Прощай... *(Обращаясь къ Катаринѣ.)* Синьора, позвольте... мнѣ... еще одинъ разъ... назвать... его... моимъ... Родольфо... Прощай, мой... дорогой Родольфо... Благодарю тебя... Отправляйтесь скорѣе... Живите... Благословляю... вашъ... союзъ.

(Умираетъ.)

КОНЕЦЪ.

ЭРНАНИ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ. — Переводъ В. П.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эрнани.
Донъ Карлосъ.
Донъ Рюи Гомецъ де-Сильва.
Донья Соль де-Сильва.
Герцогъ Баварскій.
Герцогъ Гота.
Герцогъ Лютцельбургскій.
Донъ Санхо.
Донъ Матіасъ.
Донъ Рикардо.
Донъ Гарсіа Суарецъ.
Донъ Франциско.
Донъ Хуанъ де-Харо.
Донъ Жиль Теллецъ Хиронъ.
Первый заговорщикъ.
Горецъ.
Іаквецъ.
Донья Хозефа Дуарте.
Дама.
Заговорщики священной лиги, германцы и испанцы. Горцы. Сеньоры. Солдаты. Пажи. Слуги. Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи въ 1519 г.

Дѣйствіе первое.—КОРОЛЬ.

Сарагосса. Замокъ дона Сильвы.

СЦЕНА I.

Спальня, ночь, на столѣ лампа. Донья Хозефа Дуарте, *старуха, въ черномъ вышитомъ стеклярусомъ платьѣ временъ Изабеллы. Потомъ* Донъ Карлосъ.

Донья Хозефа *(одна).*
(Она опускаетъ красныя занавѣси оконъ, разставляетъ кресла. Слышенъ стукъ въ маленькую потайную дверь съ правой стороны. Она прислушивается. Слышенъ снова стукъ).
Какъ! неужель ужъ онъ? *(Снова слышенъ стукъ.)*

На лѣстницѣ какъ будто,
Тамъ потайной. *(Снова стучатъ.)*
Скорѣе отворю.

(Она открываетъ маленькую замаскированную дверь. Входитъ донъ Карлосъ, закрывая лицо плащомъ и съ надвинутой на глаза шляпой.)

Ахъ, здравствуйте, плѣнительный мой рыцарь!

(Она его вводитъ. Донъ Карлосъ сбрасываетъ плащъ; на немъ національная богатая кастильская одежда эпохи 1519 года изъ шелка и бархата. Донья Хозефа пристально его разсматриваетъ и отскакиваетъ въ удивленіи.)

Какъ, то не вы?—Не вы, сеньоръ Эрнани!
Сюда! Скорѣй! На помощь мнѣ! Огня!

Донъ Карлосъ *(хватая ее за руку)*.
Вотъ только крикните! Еще два слова,
Я васъ убью!

(Онъ пристально смотритъ на нее, она въ испугѣ смолкаетъ.)

Скажите лучше мнѣ: что я у доньи Соль,
Невѣсты герцога Пастраны, ея дяди?
Онъ добръ и старъ, разслабленъ и влюбленъ.
Но нѣтъ, скажите мнѣ, красавица вѣдь любитъ
Еще безъ бороды, безъ признака усовъ,
Другого рыцаря? И каждый вечеръ къ ней
Приходитъ онъ и очень твердо знаетъ,
Что юность старости она предпочитаетъ?
Не правда ль, хорошо извѣстны мнѣ дѣла?
(Она молчитъ, онъ ее трясетъ за руку.)
Вы мнѣ отвѣтите?

Донья Хозефа. Да вы мнѣ запретили
Два слова вымолвить.

Донъ Карлосъ. Довольно одного.
Скажите, да иль нѣтъ. Отъ васъ мнѣ только надо:
Что ваша госпожа вѣдь донья Соль де-Сильва?

Донья Хозефа. Да. Но зачѣмъ вамъ знать?

Донъ Карлосъ. Такъ! Въ этотъ часъ почтенный
Ея женихъ отсутствуетъ?

Донья Хозефа. Да.

Донъ Карлосъ. Значитъ,
Къ себѣ другого ждетъ сегодня—молодого!

Донья Хозефа. Да.

Донъ Карлосъ. Лучше умереть!

Донья Хозефа. Да.

Донъ Карлосъ. Здѣсь у нихъ свиданье
Назначено. Не правда ли?

Донья Хозефа. Да.

Донъ Карлосъ. Спрячь
Меня скорѣе здѣсь.

Донья Хозефа. Я... васъ?

Донъ Карлосъ. Ну, да, конечно!

Донья Хозефа. Зачѣмъ?
Донъ Карлосъ. Да такъ!
Донья Хозефа. Какъ! чтобы мнѣ васъ прятать,
И здѣсь!.. да ни за что на свѣтѣ!
Донъ Карлосъ. Выбирайте:
Вотъ кошелекъ, а вотъ, сеньора, шпага.
Донья Хозефа *(принимая кошелекъ)*. Вы дьяволъ?
Донъ Карлосъ. Да! считайте за него.
Донья Хозефа *(открывая узкій шкапъ въ стѣнѣ)*. Входите!
Донъ Карлосъ. Какъ, въ коробку эту лѣзть?
Донья Хозефа. Не нравится—идите прочь, не держимъ.
Донъ Карлосъ *(открываетъ шкапъ и осматриваетъ его)*.
Ну, ужъ и шкапъ — для помела!.. Конюшня,
Для твоего коня, въ веселыхъ похожденьяхъ!..
Уфъ!
Донья Хозефа *(закрывая шкапъ)*. Какъ! мужчина здѣсь!
Донъ Карлосъ. Не женщину ль, скажи-ка,
Къ себѣ ждала твоя сегодня госпожа?
Донья Хозефа. О, Боже мой, мнѣ кажется, я слышу
Ея шаги. Закройте дверь скорѣе:
Сюда идетъ сеньора.
(Она толкаетъ дверку шкапа она затворяется.)
Донъ Карлосъ *(изъ шкапа)*.
Запомни же: когда одно хоть слово,
Тебя убью.
Донья Хозефа. Кто этотъ человѣкъ? Зачѣмъ
Я не звала, но звать кого могу я?
Она одна со мной, давно ужъ замокъ спитъ.
Теперь другой придетъ. Его коснется дѣло,
Что жъ—шпага есть при немъ. О, Небо, сохрани
Отъ ада насъ! *(Взвѣшивая кошелекъ.)*
Но, впрочемъ, онъ не воръ!

СЦЕНА II.

Донья Хозефа, донъ Карлосъ *въ шкапу*, донья Соль, *потомъ* Эрнани.

Донья Соль. Хозефа!
Донья Хозефа. Что прикажете?
Донья Соль. Боюсь я.
Мнѣ нынче кажется, насъ горе ожидаетъ,
Теперь Эрнани здѣсь давно ужъ долженъ быть!
(Слышенъ шумъ шаговъ черезъ потайную дверь.)
Вотъ онъ идетъ! Скорѣе отвори,
Пока не постучалъ. Да будь же поживѣй.
(Хозефа открываетъ маленькую дверь. Входитъ Эрнани въ большомъ плащѣ и шляпѣ, на немъ сѣрая одежда арагонскаго горца. Онъ въ мѣдныхъ латахъ; шпага, кинжалъ, на поясѣ виситъ охотничій рогъ.)

Донья Соль. Эрнани!
Эрнани. Донья Соль! О счастье!
И вотъ я, наконецъ, васъ вижу, слышу голосъ!
Зачѣмъ моя судьба такъ бросила далеко
Меня отъ васъ! Я долженъ видѣть васъ,
Чтобъ позабыть другихъ!
Донья Соль *(трогая его одежду)*. Съ плаща вода струится,
О, Боже мой, навѣрно, сильный дождикъ!
Эрнани. Не знаю.
Донья Соль. Вы озябли?
Эрнани. Ничего!
Донья Соль. Вы скиньте плащъ.
Эрнани. Мой милый другъ, скажите
Когда васъ ночь дыханьемъ усыпитъ,
И дивный сонъ откроетъ нѣжный ротикъ,
Закрывъ глаза своей рукою легкой,
То говоритъ ли вамъ, склоняясь, тихій ангелъ,
Какъ дороги вы мнѣ, котораго всѣ гонятъ!
Донья Соль. А вы, мой милый другъ, сегодня запоздали!
Вамъ холодно? скажите мнѣ.
Эрнани. О, нѣтъ!
Я предъ тобой горю! Когда любовь кипитъ
Ревнивая въ мозгу, и сердце наполняютъ
Порывы бурь, что значитъ этотъ дождикъ!..
Что скажетъ намъ гроза, съ ея ничтожнымъ громомъ
И молніей!..
Донья Соль. Давайте плащъ и шпагу.
Эрнани. О, нѣтъ, она мой другъ второй, невинный, вѣрный...
Но старый герцогъ, вашъ женихъ, вашъ дядя
Въ отсутствіи?
Донья Соль. Да, этотъ часъ весь нашъ!
Эрнани. Да, этотъ часъ! и только... только часъ!
А тамъ!.. Да все равно забыть иль умереть.
О, ангелъ мой, быть съ вами этотъ часъ,
Одинъ лишь часъ, когда я такъ желалъ бы
Пробыть всю жизнь и въ вѣчность перейти!
Донья Соль. Эрнани!
Эрнани. Нѣтъ его! О, Небо, что за счастье!
Уходитъ онъ, и къ вамъ я пробираюсь,
Какъ ночью воръ, дрожащій и пугливый,
И вашихъ пѣсенъ я, и вашихъ чудныхъ взоровъ
Краду у герцога счастливый быстрый часъ.
Я счастливъ, а онъ завистью сгораетъ:
Я часъ краду одинъ, а онъ беретъ всю жизнь.
Донья Соль. Да успокойтесь же. *(Передавая плащъ.)*
Хозефа, плащъ возьмите.
Къ огню его. *(Хозефа уходитъ. Донна Соль садится и дѣлаетъ Эрнани знакъ сѣсть рядомъ съ нею.)*
Подите же сюда.

Эрнани *(не слыша ея).*
Такъ что же, старый герцогъ
Покинулъ замокъ?
Донья Соль *(улыбаясь).* Да. О, какъ вы стали смѣлы!
Эрнани. Такъ нѣтъ его?
Донья Соль. Забудемте о немъ!
Эрнани. Нѣтъ, нѣтъ! о немъ теперь намъ думать надо.
Старикъ! Онъ любитъ васъ, и мужемъ вамъ онъ станетъ!
Онъ поцѣлуй вашъ дерзостно срываетъ...
Не думать мнѣ!
Донья Соль *(смѣясь).* Ахъ, что васъ огорчаетъ!
Что дяди поцѣлуй? Не то же ль, что отца!
Эрнани. О, нѣтъ! То поцѣлуй любовника и мужа!
Вы будете его женой! Да думали ли вы...
Безумный онъ старикъ, съ повисшей головою,
Чтобъ жизнь лишь дотянуть, окончить скучный день,
Себѣ жену въ забаву онъ беретъ.
И что жъ! Куда идетъ холодный, блѣдный призракъ?
Онъ дѣвочку беретъ! Старикъ, старикъ, безумный!
Одной рукой къ вамъ тянется онъ дряхлой,
Другой со смертію давно ужъ обрученъ.
Безъ страха онъ въ мою судьбу вмѣшался.
Поди, старикъ! дай смѣрить для могилы
Свой ростъ гробовщикамъ... Скажите, чье желанье
Устроить бракъ?—Васъ силой заставляютъ?
Донья Соль. То короля желанье, говорятъ!
Эрнани. Король! король! Отецъ на эшафотѣ
Мой кончилъ жизнь, его отцомъ казненный,
И время ужъ прошло, забывши этотъ день.
Но къ тѣни короля, къ его вдовѣ и сыну,
Ко всѣмъ его роднымъ, свѣжа моя къ нимъ злоба
И ненависть моя! Онъ умеръ — конченъ счетъ.
Но помню, я ребенкомъ вѣчно слышалъ
Гласъ моего отца, зовущій къ правой мести,
И сыну за отца пусть сынъ и отомститъ!
Повсюду я искалъ тебя, король Кастильи,
Вражда жива между двумя родами.
Безъ всякой жалости и не колеблясь духомъ,
Вели вражду ужъ тридцать лѣтъ отцы...
Такъ что жъ, когда теперь ихъ нѣтъ на свѣтѣ,
Вражда жива, ихъ тѣни чужды мира,
Ихъ сыновья живутъ, еще не конченъ споръ!..
Такъ это ты желаешь бракъ проклятый...
Тѣмъ лучше для меня! Искалъ тебя я, Карлосъ,
Ты самъ пришелъ и всталъ мнѣ на дорогѣ.
Донья Соль. Эрнани! Боже мой, пугаете меня вы!
Эрнани. Я награжденъ наслѣдіемъ проклятымъ,
И самъ себя теперь я долженъ напугать!
Послушайте меня, васъ отдадутъ ему.

Вашъ дядя Рюи Сильва — мой соперникъ;
Пастраны герцогъ онъ; извѣстный въ Арагонѣ
Богачъ; кастильскій грандъ и графъ.
Онъ вмѣсто юности предложитъ вамъ богатство,
И цѣпи золота, каменья дорогіе
Украсятъ вамъ чело такимъ волшебнымъ блескомъ,
Какого не видалъ никто изъ королей;
И, можетъ-быть, за славу и за честь,
За всѣмъ извѣстное, гремящее богатство
И королева вамъ, своей принцессѣ юной,
Завидовать начнетъ! Онъ вотъ каковъ, а я!
Онъ такъ великъ! а я, я бѣденъ и не знатенъ,
Какъ тѣ лѣса, гдѣ я босой скитался...
А можетъ-быть, и я имѣю славный гербъ,
И кровію сейчасъ я ржавчину бы смылъ;
Быть-можетъ, я свои права имѣю,
Но черный ихъ покровъ скрываетъ эшафота;
Ихъ мантіей своей, какъ саваномъ, укрылъ онъ.
Но если мнѣ моя надежда не измѣнитъ,
Я шпагой разорву нависнувшій покровъ!..
А въ ожиданіи отъ жаднаго я неба,
Что получилъ? Свѣтъ, воду, воздухъ—
Дары, что всѣмъ оно равно даетъ.
Иль герцогъ или я! Скорѣй его покинуть
Или забыть меня, должны вы выбирать!
Вамъ быть за нимъ иль слѣдовать за мной!

ньяСоль. За вами я иду!

нани. За мной, въ среду суровыхъ
Моихъ товарищей, извѣстныхъ палачу
По именамъ, которые не знаютъ,
Какъ ихъ мечи, о трепетаньи сердца
И месть кровавую готовящихъ врагамъ...
И шайки вы моей вдругъ станете главою?..
Насъ такъ зовутъ. Узнайте: я—бандитъ!
Когда меня преслѣдовали всюду,
По всей Испаніи, въ горахъ ея, лѣсахъ,
Средь скалъ, гдѣ лишь орлы могучіе летали,
И Каталонія мнѣ матерью была,
И выросъ я средь горцовъ этихъ дикихъ,
Суровыхъ, доблестныхъ и честныхъ бѣдняковъ,
И если рогъ они услышатъ громкій мой,
Три тысячи придетъ, когда призывъ раздастся.
Дрожите вы! Тогда отказъ скорѣй!
Вы можете еще меня покинуть.
Итти на кряжи горъ, къ тѣмъ людямъ, что подобны
Тѣмъ демонамъ, во снѣ которыхъ вы порой
Видали!.. Обо всемъ подумайте подробно...
Ихъ голоса, глаза, тяжелые шаги...
Спать на травѣ... Въ потокѣ быстромъ жажду

Намъ утолять, а ночью, просыпаясь,
Чтобъ накормить проснувшихся дѣтей,
Свистъ пули роковой надъ ухомъ слышать чуткимъ...
Скитаться вѣкъ со мной, отверженнымъ; быть-можетъ,
За мной на эшафотъ, гдѣ кончилъ мой отецъ,
Взойти... Опомнитесь.

Донья Соль. За вами я иду.

Эрнани. А герцогъ такъ богатъ, такъ счастливъ и великъ!
На древнемъ имени его отца нѣтъ пятенъ...
Онъ можетъ все! Онъ руку предлагаетъ,
Богатство, счастье, честь...

Донья Соль. Бѣгу я завтра съ вами!
За дерзкую меня не упрекайте храбрость.
Зачѣмъ мнѣ знать, вы демонъ мой иль ангелъ,
Но ваша я раба. Послушайте: идите,
Куда влекутъ васъ пылкія желанья,
Останьтесь здѣсь, я ваша все равно!
Сама не знаю я, зачѣмъ такъ поступаю,
Должна я видѣть васъ всегда передъ собой...
Мой милый другъ, когда вашъ шагъ я слышу,
Мнѣ кажется, во мнѣ и сердце ужъ не бьется.
Мнѣ васъ недостаетъ; я для себя сама
Отсутствую, но только что услышу
Шаги любимые, что жду я такъ давно,
Мнѣ кажется, что вновь живу я чудной жизнью,
И вновь ко мнѣ моя душа вернулась.

Эрнани *(заключая ее въ объятія)*. О, ангелъ мой!

Донья Соль. Такъ завтра, ровно въ полночь
Ведите за собой товарищей къ окну...
Повѣрьте мнѣ, мнѣ мужества достанетъ...
Тогда три раза вы ударите.

Эрнани. Скажите,
Вы поняли кто я?

Донья Соль. Мой другъ, мнѣ все равно!
За вами я иду.

Эрнани. Нѣтъ, если вы со мной.
Бѣжать задумали, вы, слабое созданье,—
Должны вы знать, какое имя носитъ
Избранникъ вашъ, его знать положенье,
Его душа вся вамъ открыта быть должна.
Злой жребій пастуха бездомнаго Эрнани!
Да, вы разбойника, сеньора, полюбили;
Полюбите ль изгнанника?

Донъ Карлосъ *(съ шумомъ отрывая дверь шкапа)*.
Когда же
Конецъ придетъ исторіямъ! Неужто
Вы думали, что мнѣ удобно здѣсь въ шкапу?

Эрнани *(хватаясь за рукоятку своей шпаги)*.
Кто этотъ человѣкъ?

Донья Соль. О, Боже мой, на помощь!
Эрнани. Умолкните, прошу васъ, донья Соль!
Хотите ль разбудить ревнивые глаза?..
Когда я здѣсь, вамъ нечего бояться,
Вамъ помощь не нужна иная, чѣмъ моя!
(Къ дону Карлосу.)
Что дѣлали вы тамъ?
Донъ Карлосъ. Да, право, я какъ будто
Тамъ не скакалъ по дебрямъ и лѣсамъ!
Эрнани. Кто надъ своей обидой самъ смѣется,
Надъ тѣмъ смѣются всѣ.
Донъ Карлосъ. Да, каждому свой жребій.
Но будемте сперва мы говорить спокойно.
Вы любите сеньору, васъ прельщаютъ
Ея глаза, глубокіе какъ ночь,
Васъ каждый вечеръ ждетъ для глазъ отрада.
Что до меня — и я ее люблю!
И я люблю! И вотъ мнѣ захотѣлось
Узнать соперника, котораго такъ часто
Я видѣлъ чрезъ окно влѣзающимъ сюда,
Когда за дверью я завистливо стоялъ!
Эрнани. Отлично, я теперь заставлю васъ уйти,
Откуда я такъ часто прихожу.
Донъ Карлосъ. Увидимъ! Я любовь сеньорѣ предлагаю,
Подѣлимтесь! хотите? Самъ я видѣлъ,
Ея душа наполнена любовью
И добротой, избыткомъ нѣжныхъ чувствъ
Настолько, что двоимъ любовникамъ тамъ хватитъ.
А въ этотъ вечеръ мнѣ хотѣлось кончить
Свои скитанія, и я сюда пришелъ;
Пробрался я, за васъ былъ принятъ, вѣрно;
Здѣсь спрятался въ шкапу нежданно и случайно,
Все слышалъ я, не скрою ничего;
Но, впрочемъ, въ томъ шкапу ужъ очень слышно плохо
Ну, а задохнуться возможно въ совершенствѣ.
Потомъ, обидно мнѣ, французскую одежду
Въ клочки я разорвалъ, и вотъ терпѣть не въ силахъ,
Я вылѣзъ, наконецъ, изъ шкапа на свободу.
Эрнани. Не вы одни, свободы жаждетъ шпага
Теперь моя.
Донъ Карлосъ. О, это какъ угодно.
Эрнани. Такъ берегитесь же!
Донья Соль. Эрнани, Боже мой!
Донъ Карлосъ. Да успокойтесь же, сеньора.
Эрнани. Ваше имя?
Донъ Карлосъ. Я васъ прошу сперва свое назвать!
Эрнани. Его храню я втайнѣ для другого!
Придетъ мой день, и онъ его услышитъ,

И онъ падетъ тогда къ моимъ ногамъ, сраженный.
И имя чуть мое до слуха долетитъ —
Направленный клинокъ ему вонзится въ сердце.

Донъ Карлосъ. Пусть имя прозвучитъ тогда того—другого.

Эрнани. Тебѣ что до него? Ну, къ бою! берегись!

(Они скрещиваютъ шпаги. Донья Соль, охваченная испугомъ, падаетъ въ кресло. Слышенъ стукъ въ дверь.)

Донья Соль *(поднимаясь въ волненіи)*.
О, Боже мой, тамъ въ дверь стучатъ...

(Сражающіеся останавливаются. Въ маленькую дверь входитъ Хозефа совершенно растерянная.)

Эрнани *(къ Хозефѣ)*. Кто это?!

Донья Хозефа *(къ доньѣ Соль)*.
Сударыня, то стукъ совсѣмъ нежданный!
То герцогъ! Онъ! То герцогъ возвратился!

Донья Соль *(ломая руки)*.
Какъ, герцогъ? Все потеряно теперь!
Несчастная!

Донья Хозефа. О, Господи, здѣсь шпаги!
И этотъ здѣсь! Дрались! Какой ужасный случай!

(Соперники вкладываютъ въ ножны свои шпаги. Донъ Карлосъ закутывается въ свой плащъ и надвигаетъ шляпу на глаза. Стучатъ.)

Эрнани. Что дѣлать намъ? *(Стучатъ.)*

Голосъ *(за дверью)*.
Откройте, донья Соль.

(Хозефа дѣлаетъ шагъ по направленію къ двери. Эрнани ее останавливаетъ.)

Эрнани. Не открывайте, нѣтъ! *(Снова стучатъ.)*

Донья Хозефа *(хватаясь за четки)*. Спаси, святой Іосифъ!

Эрнани *(показывая шкапъ дону Карлосу)*. Такъ спрячемся?

Донъ Карлосъ. Опять полѣземъ въ шкапъ?

Эрнани. Входите же, мы спрячемся здѣсь оба.

Донъ Карлосъ.
Нѣтъ, благодарствуйте, мнѣ слишкомъ тамъ просторно!

Эрнани *(показывая на маленькую дверцу)*. Бѣжимте въ дверь.

Донъ Карлосъ. Прощайте, добрый вечеръ!
Я остаюсь.

Эрнани. Заплатите вы мнѣ
За это кровію своей и головою! *(Доньѣ Соль.)*
Не заградить ли входъ?

Донъ Карлосъ *(къ Хозефѣ)*. Откройте дверь, прошу васъ!

Эрнани. Что онъ сказалъ?

Донъ Карлосъ *(Хозефѣ, которая въ нерѣшительности)*.
Вамъ говорятъ, откройте.

(Все время стучатъ. Донья Хозефа, колеблясь, идетъ отпирать.)

Донья Соль. Что будетъ! Боже мой, куда дѣваться мнѣ!

СЦЕНА III

Тѣ же, донъ Рюи Гомецъ де-Сильва: *сѣдые волосы и борода; въ черномъ. Лакеи съ факелами.*

Донъ Рюи Гомецъ. Какъ? люди у моей невѣсты въ этотъ часъ!
Сюда скорѣй, здѣсь нуженъ свѣтъ и шумъ.
(Къ доньѣ Соль.)
О, Боже мой, какъ будто здѣсь насъ трое,
Мнѣ кажется, двоихъ довольно было бъ!
(Къ молодымъ людямъ.)
Скажите мнѣ, что дѣлали вы здѣсь?
Когда Бернардъ и Сидъ, могучихъ два героя
Испаніи родной, всесвѣтные герои,
Черезъ Кастилію держали путь,
Чтя стариковъ и честно охраняя
Ихъ дочерей—они богатырями были...
Ихъ броня, мечъ, доспѣхи ихъ стальные
Казались легче имъ, чѣмъ вамъ вашъ шелкъ и бархатъ.
Герои стариковъ почтенныхъ уважали
И ихъ предметъ любви склоняться на колѣни
Въ церквахъ святыхъ съ молитвой заставляли.
Богатырей никто предателями нѐ звалъ,
И если женщину они добыть желали,
То безъ пятна ее, со славой добывали—
Открыто, днемъ, съ мечомъ иль съ топоромъ,
Или съ копьемъ въ рукѣ. А что до тѣхъ злодѣевъ,
Которые во тьмѣ, ворамъ подобно,
Тихонько крадутся, пугливо озираясь,
И ночи ждутъ для подвиговъ постыдныхъ
И мужа обойдя, тихонько за спиной
Честь у жены крадутъ... Я думаю, что Сидъ,
Сѣдой герой, нашъ общій древній пращуръ,
Безчестными назвавъ, поставивъ на колѣни,
Позоря ихъ, не шпагою своей—
Пощечиной гербы ихъ оскорбилъ бы.
Такъ поступилъ бы онъ! О, вы, былые люди,
Какъ доблестны, какъ велики вы были.
И что теперь со скорбью вижу я?
Зачѣмъ вы здѣсь? Отвѣтствуйте, за тѣмъ ли,
Чтобъ мнѣ сказать, что я старикъ и только,
Старикъ—посмѣшище для юности веселой?
Поднимутъ смѣхъ цаморскіе солдаты,
Когда я мимо нихъ сѣдой старикъ пойду.
Смѣяться! Нѣтъ! не вамъ, не вамъ смѣяться
Надъ старикомъ!

Эрнани. Позвольте, герцогъ, слово.

Донъ Рюи Гомецъ. Молчать! У васъ кинжалы, шпаги, копья,
Охоты и пиры, собаки, сокола,

Вы серенады вечеромъ подъ окнами поете;
На шляпахъ перья, плащъ вашъ шелкомъ шелеститъ,
Предъ вами и балы, веселье, кавалькады
И молодость и радость; но тоска
Васъ, юноши, гнететъ: забава вамъ нужна!
Вы старика избрали для забавы—
Разбили вы его, забава онъ... Но, Боже!
Ты справедливъ и обратишь на нихъ
Мое безчестіе! Идите вслѣдъ за мною!

Эрнани. Позвольте, герцогъ, мнѣ...

Донъ Рюи Гомецъ. За мной, за мной идите!
Скажите мнѣ, все это вы для смѣха
Затѣяли? Въ моихъ рукахъ сокрыто
Сокровище! Честь дѣвушки, о Боже!
Честь женщины — и цѣлаго честь рода!
А эта дѣвушка, ее люблю, и долженъ
На ней жениться я, племянница моя.
Насъ обручить должны ужъ скоро были.
Я вѣрилъ въ честь ея, считалъ ее невинной,
Я думалъ, что она отъ всѣхъ людей сокрыта!
И что же! Я, Рюи Гомецъ де-Сильва,
Покинуть замокъ свой спокойно не могу!
Сейчасъ же проскользнетъ грабитель чести.
Назадъ, назадъ! Омойте ваши руки,
Вамъ ничего завѣтнаго ужъ нѣтъ,
Вы нашихъ женъ порочите. Нѣтъ! Правда!..
За мной, за мной! Что у меня осталось,
Берите! Вотъ! топчите орденъ мой.
(Онъ срываетъ съ себя орденскую цѣпь.)
И рвите волосы сѣдые старика! *(Онъ скидываетъ шляпу.)*
Веселья вы, забавы вы хотѣли...
Скорѣй, скорѣй! А завтра на весь городъ
Пустите слухъ, что до сихъ поръ ни разу
Изъ молодежи всей въ веселыхъ кутежахъ
Не оскорблялъ никто столь славное чело,
Не попиралъ никто такихъ сѣдинъ глубокихъ.

Донья Соль. О герцогъ!..

Донъ Рюи Гомецъ *(къ лакеямъ)*. Нѣтъ! Скорѣе, слуги, слуги,
Сюда ко мнѣ, скорѣе всѣ на помощь!
Моя сѣкира гдѣ, кинжалъ мой гдѣ, гдѣ мечъ?
За мной, за мной скорѣй идите оба.

Донъ Карлосъ *(дѣлая шагъ впередъ)*.
Мы не о томъ съ тобой явились говорить!
Узнай: Максимиліанъ, германскій императоръ,
Скончался.

(Онъ сбрасываетъ плащъ и поднимаетъ шляпу, скрывавшую его лицо.)

Донъ Рюи Гомецъ. Что?! Смѣетесь вы... О Боже!
Король!

Донья Соль. Король?
Эрнани *(глаза котораго загораются)*. Испаніи король!
Донъ Карлосъ *(твердо)*.
Да, Карлосъ — я! Иль ты безуменъ, герцогъ?
Мой дѣдъ окончилъ жизнь, великій императоръ
Ту вѣсть лишь вечеромъ сегодня я узналъ
И неожиданно къ тебѣ являюсь лично
Сказать о томъ. Самъ къ преданному другу
Иду просить совѣтъ инкогнито и ночью.
Такъ просто все, и столько вышло шума!
(Донъ Рюи Гомецъ отсылаетъ знакомъ людей. Онъ подходитъ къ Карлосу, на котораго въ изумленіи и испугѣ пристально глядитъ донья Соль, а Эрнани изъ угла не сводитъ сверкающихъ глазъ.)
Донъ Рюи Гомецъ. Но почему такъ медлили открыть мнѣ?
Донъ Карлосъ. Хорошъ вопросъ! Идешь ты съ цѣлой ротой,
Я жъ съ государственной явился важной тайной.
Зачѣмъ? Не для того ль, чтобъ разсказать лакеямъ?
Донъ Рюи Гомецъ.
Простите, государь, смущенъ я былъ одеждой.
Донъ Карлосъ. Любезный другъ, начальникомъ я сдѣлалъ
Тебя въ Фигуэрскомъ замкѣ; а кому
Мнѣ поручить, чтобъ за тобой смотрѣть?
Донъ Рюи Гомецъ. Простите...
Донъ Карлосъ. Ну, довольно, мы не будемъ
Объ этомъ случаѣ съ тобою говорить!
Да, герцогъ мой, скончался императоръ.
Донъ Рюи Гомецъ. Дѣдъ вашего величества скончался?
Донъ Карлосъ.
Ты, герцогъ, видишь, я проникнутъ горькой скорбью.
Донъ Рюи Гомецъ. А кто преемники?
Донъ Карлосъ. Сперва саксонскій герцогъ;
Король Францискъ съ нимъ споритъ за престолъ.
Донъ Рюи Гомецъ. А гдѣ назначено курфирстовъ совѣщанье?
Донъ Карлосъ. Не знаю, кажется, назначенъ Ахенъ,
А можетъ-быть, и Шпейеръ или Франкфуртъ.
Донъ Рюи Гомецъ. А нашъ король Испаніи великой,
Да сохранитъ Господь намъ дни его надолго,
О томъ престолѣ никогда не думалъ?
Донъ Карлосъ. Всегда, мой другъ!
Донъ Рюи Гомецъ. Такъ вашъ тогда онъ будетъ.
Донъ Карлосъ. Я знаю
Донъ Рюи Гомецъ.
Вашъ отецъ — австрійскій былъ онъ герцогъ,
И думается мнѣ, что помнитъ государство,
Что тотъ, кто замѣнилъ пурпурныя одежды
Могильнымъ саваномъ, вамъ дѣдомъ былъ роднымъ.
Донъ Карлосъ. А сверхъ того, я Гента гражданинъ.
Донъ Рюи Гомецъ. Когда я молодъ былъ, тогда его я видѣлъ!
Увы, теперь я одинокъ остался,

Добрелъ одинъ я въ новый чуждый вѣкъ...
Да, это былъ великій императоръ.

Донъ Карлосъ. Римъ за меня.

Донъ Рюи Гомецъ. Да, эта голова,
Исполненная вся и храбрости и силы,
Безъ признака жестокости тирана,
Достойна быть главой германскихъ славныхъ войскъ.
(Онъ склоняется и цѣлуетъ руку короля.)
Какъ грустно мнѣ за васъ! Увы, еще такъ молодъ,
И столько горя шлетъ жестокая судьба!

Донъ Карлосъ. Вернуть Сицилію обратно хочетъ папа:
Германскій править ей не можетъ государь.
Захочетъ онъ — я буду императоръ!
Отдамъ ему, какъ кроткій сынъ, Неаполь...
А тамъ увидимъ мы, что, получивъ орла
Дадимъ иль нѣтъ ему обрѣзать крылья!

Донъ Рюи Гомецъ. Я думаю, какъ старый ветеранъ
Престола будетъ радъ, когда къ нему вы сами
Прибудете, великій государь.
Теперь позвольте мнѣ лить слезы вмѣстѣ съ вами:
Какъ былъ великъ покойный императоръ,
Онъ былъ христіанинъ и щедрый и могучій.

Донъ Карлосъ. Святой отецъ немного близорукъ:
Ну, что Сицилія? Какой-то жалкій островъ,
Клочокъ земли, истерзанный обрывокъ,
Совсѣмъ непрочно онъ съ Испаніею связанъ
И сбоку гдѣ-то тамъ далеко примостился.
«Ну, что вамъ дѣлать съ нимъ, скажите, милый сынъ,
Съ далекимъ островомъ, что волоскомъ лишь связанъ
Съ другими землями, къ тому жъ еще такъ плохо
Сама имперія устроена. Скорѣй
Давайте ножницы, — и связь мы перерѣжемъ!“
Святой отецъ! Нѣтъ, очень благодаренъ,
И если я съ трудомъ успѣлъ себѣ составить
Самъ достояніе великое, мнѣ мнится,
Что отъ твоихъ еще святыхъ владѣній
Я не одинъ ломоть себѣ отрѣжу.
И если мной оторваны ужъ были
Лоскутья разные, такъ не за тѣмъ, чтобъ снова
Я земли раздробилъ на мелкія владѣнья.

Донъ Рюи Гомецъ. О государь! есть царство неземное,
Куда всѣ лучшіе усопшіе идутъ!

Донъ Карлосъ. Король Францискъ, онъ такъ честолюбивъ!
Едва успѣлъ скончаться императоръ,
Онъ взоръ свой обратилъ къ имперіи, какъ будто
Онъ Франціей своей святой не обладаетъ
Страна прекрасная, она, навѣрно, стоитъ
Того, чтобъ за нея король держался крѣпко. *(Герцогу.)*
Какъ думаешь, Франциску есть надежда?

Донъ Рюи Гомецъ.
Онъ доблестный боецъ, всему извѣстный міру.
Донъ Карлосъ. Придется все мѣнять: по буллѣ золотой,
Быть избраннымъ не можетъ иностранецъ.
Донъ Рюи Гомецъ.
Тогда и вамъ нельзя, вѣдь вы король испанскій.
Донъ Карлосъ. Я — Гента гражданинъ.
Донъ Рюи Гомецъ. Послѣдняя война
Франциска перваго высоко подняла.
Донъ Карлосъ. И мой орелъ, вспорхнувши надъ щитомъ,
Свои могучія расправить можетъ крылья.
Донъ Рюи Гомецъ. Его величеству извѣстна ли латынь?
Донъ Карлосъ. Почти что нѣтъ!
Донъ Рюи Гомецъ. Тѣмъ хуже, тамъ дворянство
Привыкло, чтобы рѣчь велась съ нимъ по-латыни.
Донъ Карлосъ. Повѣрь ты мнѣ, они довольны будутъ,
Когда испанецъ имъ великій слово скажетъ.
Намъ все равно, какъ съ нами говорятъ:
Языкъ — ничто при голосѣ могучемъ.
Я ѣду въ Фландрію, и пусть король твой, Сильва,
Уѣдетъ отъ тебя, вернется жъ императоръ.
Король Францискъ все море взволновалъ,
Его я быстротой стремлюся побѣдить
И быстро выѣду.
Донъ Рюи Гомецъ. Король насъ покидаетъ,
Когда бандитами весь полонъ Арагонъ,
Не выгнавъ ихъ: по всѣмъ горамъ испанскимъ
Мы видимъ ихъ.
Донъ Карлосъ. Я отдалъ приказанье
Ихъ перебить всѣхъ герцогу Аргоны.
Донъ Рюи Гомецъ. Когда бъ ихъ вождь послушалъ приказанье,
И самъ дозволилъ бы своихъ всѣхъ перебить!
Донъ Карлосъ. А кто ихъ вождь, какъ имя?
Донъ Рюи Гомецъ. Я не знаю.
Одинъ изъ ихъ товарищей безстрашныхъ.
Донъ Карлосъ. А! знаю я, теперь онъ недалеко,
Въ Галисѣ онъ, и съ небольшимъ отрядомъ
Его бъ я взялъ.
Донъ Рюи Гомецъ. Нѣтъ, это ложный слухъ,
Что близокъ онъ.
Донъ Карлосъ. Ты думаешь, слухъ ложный?
Не правда ль, ты ночлегъ, мой другъ, мнѣ дашь сегодня?
Донъ Рюи Гомецъ *(кланяясь до земли)*.
За счастіе сочту, великій государь. *(Онъ зоветъ лакеевъ.)*
Какъ можно все скорѣе приготовьте
Для короля: сегодня онъ мой гость.
(Лакеи входятъ съ факелами, герцогъ ставитъ ихъ двумя рядами до двери въ глубинѣ. Въ это время донья Соль медленно подходитъ къ Эрнани. Король слѣдитъ за ними.)

Донья Соль *(тихо къ Эрнани)*.
Такъ завтра въ полночь васъ я жду и безъ ошибки,
Вы подъ моимъ окномъ ударите три раза.
Эрнани *(тихо)*. До завтра.
Донъ Карлосъ *(въ сторону)*. Завтра, да!
(Громко къ доньѣ Соль, дѣлая галантно шагъ впередъ.)
Снесете ли несчастье?
Теперь итти вамъ руку предложу.
Эрнани *(рука за пазухой на рукояткѣ кинжала)*.
Мой вѣрный другъ, кинжалъ!
Донъ Карлосъ *(возвращаясь, въ сторону)*.
Герой какъ будто пойманъ.
(Отводя Эрнани.)
Я оказалъ вамъ честь коснуться вашей шпаги,
Вы подозрительны по тысячѣ причинъ.
Но помните: король донъ Карлосъ отвергаетъ
Предательство. Теперь идите, долженъ я
И бѣгству вашему способствовать.
Донъ Рюи Гомецъ *(возвращаясь и указывая на Эрнани)*.
Кто это?
Донъ Карлосъ. Я отослалъ его, одинъ изъ моей свиты.
(Всѣ съ факелами уходятъ. Герцогъ предшествуетъ королю со свѣчою въ рукѣ.)
Эрнани *(одинъ)*. Изъ свиты я твоей, король, о да изъ свиты!
И день и ночь вездѣ я шагъ за шагомъ
Съ кинжаломъ за тобой слѣжу, король донъ Карлосъ.
Мой глазъ на всѣ твои желанья устремленъ,
И я иду впередъ. Все существо мое
Преслѣдуетъ тебя. И вотъ, ты мой соперникъ!
Одно мгновеніе во мнѣ все всколебалось,
Любовь и ненависть боролися во мнѣ...
Но сердцу не вмѣстить двоихъ, оно порвется.
Любя ее, я забывалъ о томъ,
Что ненависть лежитъ на мнѣ тяжелымъ гнетомъ
Давно къ тебѣ. Ты самъ того желаешь,
Ты самъ о ней напомнить мнѣ пришелъ!
Пусть будетъ такъ! Сегодня все я вспомнилъ,
Моя любовь вѣсы какъ будто всколебала...
Теперь конецъ, и ненависти чаша
Къ землѣ идетъ. Что скажетъ намъ судьба?
Изъ свиты я твоей, ты это мнѣ сказалъ.
Согласенъ я, иди, и ни одинъ придворный,
Забывши о себѣ, съ минуты какъ откроешь
Глаза проклятые, ни рабъ, что тѣнь цѣлуетъ,
Ни вѣрный песъ, пріученный повсюду
Съ тобой итти, никто изъ нихъ не сможетъ
Слѣдить какъ я! Что нужно этимъ грандамъ
Всѣмъ отъ тебя: блестящихъ погремушекъ,
Пустыхъ, безсмысленныхъ и громкихъ титловъ,

Барановъ золотыхъ, повѣшенныхъ на шею!
Но не безуменъ я, чтобъ отъ тебя такъ мало
Желать! О, нѣтъ! чего желаю я,
Не тщетное совсѣмъ, не вздорное желанье—
Изъ жилъ твоихъ мнѣ кровь, изъ тѣла душу надо!
Добычи нужно мнѣ, что яростный кинжалъ
Въ сраженіи всегда беретъ себѣ въ награду!
Онъ въ поискахъ своихъ на днѣ отыщетъ сердце.
Иди впередъ! Я слѣдую, и месть
Моя не спитъ, она всегда со мною
И шепчетъ на ухо: «Иди, я за тобой,
И разгорюсь я!» Я слушаю безъ шума,
Мой ищетъ шагъ, гдѣ слѣдъ остался твой...
Ты въ долгій день не сможешь бросить взора,
Чтобы меня не видѣть предъ собой,
Угрюмаго, какъ тѣнь, на праздникѣ твоемъ;
И темной ночью ты едва глаза откроешь,
Вездѣ, всегда меня увидишь предъ собой.

(Онъ уходитъ въ маленькую дверцу.)

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе второе.—БАНДИТЪ.

Мѣсто дѣйствія въ Сарагоссѣ, около замка Сильва. Налѣво возвышаются огромныя стѣны замка съ окномъ, которое выходитъ на балконъ. Внизу, подъ окномъ маленькая дверка. Направо и въ глубинѣ видны дома и улицы. Ночь. Тамъ и сямъ свѣтятся огоньки въ домахъ. Еще нѣсколько неосвѣщенныхъ оконъ.

СЦЕНА I.

Донъ Карлосъ, донъ Санхо Санхецъ ди Цунига, *графъ* Монтерей, донъ Матіасъ Центуріонъ *маркизъ* д'Альмуньянъ, донъ Рикардо де Рохасъ-Казапальма.

(Всѣ четверо входятъ съ дономъ Карлосомъ во главѣ въ надвинутыхъ на глаза шляпахъ, закутанные въ длинные плащи, края которыхъ поднимаютъ шпаги.)

Донъ Карлосъ *(осматривая балконъ)*.
Вотъ и балконъ, вотъ дверь... Во мнѣ вся кровь кипитъ.
(Показывая на неосвѣщенное окно.)
Пока огня у ней еще не видно.
(Обводя вокругъ глазами.)
Вездѣ огни. Чего хотѣть — не знаю:
Чтобъ былъ огонь иль не было бъ его?
Донъ Санхо. Вы, государь, намъ разскажите снова
О томъ измѣнникѣ: ему бѣжать вы дали?
Донъ Карлосъ. Да.
Донъ Матіасъ. Можетъ-быть, онъ былъ главой всей шайки?

Донъ Карлосъ. Не знаю я, онъ старшій ли у нихъ,
Начальникъ или вождь; но я, клянусь, не видѣлъ
Осанки никогда прямѣй и благороднѣй.
Донъ Санхо. А имя, государь?
Донъ Карлосъ *(пристально смотря на окно)*.
Муньоцъ... Фернанъ...
(Дѣлая жестъ какъ будто вспомнилъ)
На и
Оно кончается.
Донъ Санхо. Эрнани, можетъ-быть?
Донъ Карлосъ. Да, да!
Донъ Санхо. Такъ это онъ.
Донъ Матіасъ. Эрнани — вождь бандитовъ.
Донъ Санхо *(королю)*. Не вспомните ль еще чего теперь?
Донъ Карлосъ *(не отводя глазъ отъ окна)*. Досадно,
Въ проклятомъ ихъ шкапу тамъ плохо слышно было.
Донъ Санхо. Но, нѣтъ! Зачѣмъ, когда въ рукахъ онъ былъ,
Опять его гулять пустили на свободѣ?
Донъ Карлосъ *(рѣзко оборачивается и глядитъ ему прямо въ глаза)*.
Вы, Монтерей, вопросъ мнѣ задаете?
(Оба вельможи смолкаютъ и дѣлаютъ шагъ назадъ.)
А между тѣмъ меня гнететъ забота
Совсѣмъ не та. Любовница его
Нужна лишь мнѣ, а онъ къ чему мнѣ нуженъ?
Безумно я влюбленъ, такихъ очей прекрасныхъ
Я никогда не видывалъ, два чистыхъ
Они луча, два факела горящихъ!
Къ несчастью, тамъ я ничего не слышалъ
Изъ разговора ихъ, лишь слышалъ «завтра въ полночь».
А это главное. Не правда ль превосходно?
И вотъ въ то время, какъ бандитъ тотъ благородный
Задержанъ гдѣ-нибудь своимъ убійствомъ гнуснымъ, —
Безъ шума, безъ труда я быстро похищаю
Голубку у него!
Донъ Рикардо. Какъ хорошо бъ намъ было
Голубку взять, а ястреба прикончить!
Донъ Карлосъ *(къ дону Рикардо)*.
Графъ, чудный вашъ совѣтъ, вотъ легкая рука!
Донъ Рикардо *(низко кланяясь)*.
Подъ именемъ какимъ угодно королю,
Чтобы я графомъ былъ?
Донъ Санхо *(быстро)*. Презрѣнія достойно!
Донъ Рикардо *(къ дону Санхо)*.
Король меня сейчасъ назвать изволилъ графомъ.
Донъ Карлосъ.
Довольно *(къ Рикардо)*. Уронилъ я титулъ, поднимайте.
Донъ Рикардо *(снова низко кланяясь)*.
Я благодаренъ вамъ, великій государь.

Донъ Санхо *(къ дону Матіасу)*
Прекрасный графъ, графъ невзначай.
(Король ходитъ въ глубинѣ, съ нетерпѣніемъ вглядываясь въ освѣщенныя окна. Двое вельможъ ведутъ разговоръ на авансценѣ.)
Донъ Матіасъ *(къ дону Санхо).* Что съ нею
Онъ сдѣлаетъ, когда ее возьмемъ?
Донъ Санхо *(глядя на Рикардо).*
Графиней сдѣлаетъ, потомъ придворной дамой,
А будетъ сынъ у нихъ, такъ станетъ королемъ!
Донъ Матіасъ. Однакоже, ребенокъ незаконный —
Графъ, а потомъ король, нѣтъ, что-то мудрено,
И короля добыть вѣдь трудно отъ графини!
Донъ Санхо. Маркизой сдѣлаетъ, мой дорогой маркизъ.
Донъ Матіасъ. Дѣтей такихъ для побѣжденныхъ странъ
Обычай есть беречь, онъ будетъ вицъ-король!
(Донъ Карлосъ возвращается.)
Донъ Карлосъ *(гнѣвно окидывая взоромъ всѣ освѣщенныя окна).*
Ревнивые глаза повсюду стерегутъ
Какъ будто насъ. Потухнули вотъ два!
Какъ медленно идутъ минуты ожиданья!
Кто бъ могъ поторопить медлительное время?
Донъ Санхо. Да, это часто мы за вами повторяемъ.
Донъ Карлосъ. А вамъ во-слѣдъ твердитъ народъ о томъ...
(Послѣднее освѣщенное окно потухаетъ.)
Въ послѣднемъ свѣтъ погасъ.
(Поворачивается къ балкону доньи Соль, все еще темному.)
Проклятое окно,
Когда жъ засвѣтишься? Какъ эта ночь темна!
Приди, о донья Соль, зажгись во тьмѣ звѣздою!
(Къ Рикардо.)
Настала ли, друзья, ужъ полночь?
Донъ Рикардо. Будетъ скоро.
Донъ Карлосъ. Скорѣй, скорѣй! Сейчасъ намъ кончить надо,
Иль тотъ придетъ съ минуты на минуту.
Взгляните: факелъ тамъ и тѣнь ея въ окнѣ!
Такъ чудно никогда и день не загорался.
Мы поспѣшимъ, дадимъ ей знакъ скорѣе,
Она вѣдь ждетъ. Тройной ударъ раздастся
Въ ладони, и тогда, друзья, въ одно мгновенье
Ее мы здѣсь увидимъ. Я боюсь,
Что слишкомъ много насъ, она бъ не испугалась!
Идите трое въ тѣнь и тамъ того схватите...
Раздѣлимте, друзья, влюбленныхъ межъ собой:
Красотку я беру, а вамъ бандитъ на долю.
Донъ Рикардо. Благодаримъ.
Донъ Карлосъ. Когда придетъ онъ, быстро
Вы броситесь къ нему, покинувши засаду,

И рану легкую бандиту нанесете.
Межъ тѣмъ, пока онъ съ духомъ соберется,
Красавицу похитимъ мы, а тамъ
Всѣ вмѣстѣ мы довольно посмѣемся!
Но помните одно: его не убивать.
Онъ храбрый человѣкъ, смерть далеко не шутка!

(Двое изъ вельможъ кланяются и уходятъ. Донъ Карлосъ даетъ имъ уйти, затѣмъ ударяетъ два раза въ ладоши, со вторымъ ударомъ окно отворяется, и донья Соль показывается на балконѣ.)

СЦЕНА II.

Донъ Карлосъ, донья Соль.

Донья Соль *(на балконѣ)*. Эрнани, вы?
Донъ Карлосъ *(въ сторону)*. О дьяволъ! Я молчу.
(Онъ снова ударяетъ въ ладоши.)
Донья Соль. Я къ вамъ сейчасъ иду.
(Она закрываетъ окно, свѣтъ въ окнѣ исчезаетъ. Черезъ мгновеніе маленькая дверка отворяется, и донья Соль выходитъ съ лампой въ рукѣ, на ея плечи накинута мантилья.)
Донья Соль. Эрнани!
(Донъ Карлосъ поспѣшно надвигаетъ шляпу на глаза и быстро направляется къ ней.)
Донья Соль *(роняя лампу)*. Нѣтъ, не онъ...
То не его шаги...
Донъ Карлосъ. Я, донья Соль.
Донья Соль. О Боже!
И голосъ не его... О, Небо! что мнѣ дѣлать!
Куда бѣжать!
Донъ Карлосъ. Нѣтъ голоса другого,
Чтобы звучалъ сильнѣй, чѣмъ мой, любовью...
Знай, я любовникъ твой, любовникъ твой—король!
Донья Соль. Король!
Донъ Карлосъ. Проси меня, приказывай скорѣе!
Къ твоимъ услугамъ все: король и королевство.
Сорвать чьи нѣжныя желаешь ты оковы,
Онъ твой король, онъ грозный повелитель,
Онъ—Карлосъ и твой рабъ.
Донья Соль *(стараясь вырваться изъ его рукъ)*.
На помощь мнѣ, Эрнани!
Донъ Карлосъ. Такой призывъ, онъ ужаса достоинъ
Не у бандита ты въ рукахъ,—у короля!
Донья Соль. Не онъ,—а вы бандитъ! Иль нѣтъ у васъ стыда?
За васъ краснѣю я!—Иль подвиги такіе
Вамъ славу создаютъ? Похитить ночью, силой,
Кого же?—Женщину! Онъ съ вами несравнимъ!
Король! Я говорю, что если бы родились
Мы всѣ, гдѣ быть душа по доблести должна,

И если бы Господь на высотѣ душевной
Намъ жизнь опредѣлялъ на суетной землѣ,
То былъ бы онъ король, а вы, вы—воръ презрѣнный!
Донъ Карлосъ *(стараясь ее обнять)*. Сеньора!
Донья Соль. Мой отецъ, забыли вы, былъ графъ!
Донъ Карлосъ.
Такъ что жъ! Я сдѣлаю васъ тотчасъ герцогиней.
Донья Соль *(отталкивая его)*. Идите прочь... Позоръ...
(Она отскакиваетъ на нѣсколько шаговъ.)
Нѣтъ общаго межъ нами!
За васъ отецъ мой лилъ потоки крови,—
Я дочь его! И слишкомъ я горда,
И слишкомъ высока, наложницей чтобъ стать,
И слишкомъ я низка, чтобъ быть для васъ супругой.
Донъ Карлосъ. Принцесса!
Донья Соль. Межете нести свою любовь
Къ другимъ, такъ много ихъ! А если вы дерзнете
Лишь оскорбить меня, тогда я покажу,
Что женщина во мнѣ старинной гордой крови...
Донъ Карлосъ. Такъ раздѣлите тронъ со мной и санъ,
И королевой вы, императрицей станьте.
Донья Соль. Нѣтъ, это западня, и если вамъ угодно,
Я откровенно вамъ могу одно сказать:
Я съ королемъ своимъ, съ Эрнани, предпочту
Блуждать отвергнутой всѣмъ міромъ и закономъ,
Скрываться круглый годъ и жаждать, голодать,
И жалкую судьбу съ нимъ день за днемъ дѣлить
Войну, печаль, изгнанье, нищету,
Страхъ, отверженіе, чѣмъ стать императрицей.
Когда бъ вы были мой супругъ и императоръ.
Донъ Карлосъ. Какъ счастливъ онъ!
Донья Соль. Онъ бѣденъ, проклятъ даже!..
Донъ Карлосъ.
Проклятымъ, нищимъ быть какъ сладко, когда любятъ!
Я одинокъ, а съ нимъ повсюду тихій ангелъ..
Вы ненавидите меня?
Донья Соль. Да, васъ я не люблю.
Донъ Карлосъ *(быстро схватывая ее)*
Мнѣ дѣла нѣтъ, вы любите ль меня!
Вы будете моей, сильнѣй моя рука!
Вы будете моей, я васъ хочу!.. Увидимъ,
Не даромъ я король Испаніи великой.
Донья Соль *(отбиваясь)*.
О, сжальтесь, государь! Подумайте, король вы!
Вамъ только выбирать маркизу ль, герцогиню ль:
Отвѣтить на любовь всегда онѣ готовы.
А мой отверженный что получилъ отъ неба?
У васъ Кастилія, Наварра, Арагонъ,
Леонъ и Мурсія и десять королевствъ,

У васъ есть Индія, въ ней горы золотыя...
До царства вашего коснуться не посмѣютъ.
Оно такъ велико, что солнце не заходитъ
Въ немъ никогда. И что жъ! когда весь міръ
Во власти вашей, вы—король и повелитель,
Вы дѣвушку несчастную отнять
Хотите у него—все, что имѣетъ онъ!

(Она кидается предъ нимъ на колѣни, онъ старается увлечь ее.)

Донъ Карлосъ. Пойдемъ со мной, я ничего не слышу!
И если, позабывъ его, моей ты станешь,
Бери одно изъ царствъ, какое пожелаешь.

Донья Соль. Нѣтъ! къ чести я своей лишь одного желаю—
Вотъ этотъ ножъ!

(Она выхватываетъ у него изъ-за пояса кинжалъ, онъ отпускаетъ ее и отступаетъ.)

Теперь ни шагу больше.

Донъ Карлосъ. Повѣрь, прелестная, меня не поражаетъ,
Что любимъ мы сильнѣе непокорныхъ!

(Онъ хочетъ сдѣлать шагъ, она поднимаетъ кинжалъ.)

Донья Соль. Одинъ лишь шагъ, себя и васъ убью.

(Онъ снова отступаетъ, она отворачивается и громко кричитъ.)

Эрнани! Я зову! Эрнани!

Донъ Карлосъ. Замолчите!

Донья Соль *(съ поднятымъ кинжаломъ)*.
Одинъ лишь шагъ, все кончится тогда.

Донъ Карлосъ.
Нѣтъ, это черезчуръ, конецъ есть и терпѣнью!
Заставлю силой васъ: со мной изъ свиты трое.

Эрнани *(неожиданно выростая сзади его)*.
Еще, король, забыли одного!

(Король оборачивается и видитъ Эрнани, неподвижно стоящаго въ тѣни сзади него, скрестивъ руки подъ длиннымъ плащомъ, укрывающимъ всю его фигуру. Конецъ его широкой шляпы приподнятъ. Донья Соль вскрикиваетъ, бросается къ нему и обхватываетъ его руками.)

СЦЕНА III.

Донъ Карлосъ, донья Соль, Эрнани.

Эрнани *(оставаясь неподвижно со скрещенными на груди руками. Его горящіе глаза устремлены на короля)*.
Да будетъ Богъ свидѣтелемъ, что дальше
Желалъ бы отъ нея тебя я видѣть, Карлосъ.

Донья Соль. Спаси меня! Спаси, Эрнани, отъ него!

Эрнани. О, ангелъ мой, теперь спокойна будь.

Донъ Карлосъ. Куда жъ друзья мои внезапно всѣ укрылись?
Какъ пропустить могли они вождя бандитовъ!

(Зоветъ.)

Гдѣ Монтерей?..

Эрнани. Король, давно друзья всѣ ваши
Въ рукахъ моихъ друзей. Напрасно призывать
На помощь ихъ изломанныя шпаги!
И если бъ трое къ вамъ пришло изъ нихъ на помощь,
Всѣ шестьдесятъ моихъ явились бы ко мнѣ.
И каждый четверыхъ изъ васъ навѣрно стоитъ!
Такъ кончимъ лучше споръ вдвоемъ на этомъ мѣстѣ.
Вы руку занесли на дѣвушку! Достойно,
Король Кастиліи, и подлеца и вора!

Донъ Карлосъ *(съ презрительной улыбкой)*.
Бандитъ, отъ васъ упрековъ быть не можетъ
Мнѣ, королю!

Эрнани. Онъ, кажется, смѣется!
О, да, я не король! Но если и король
Нанесъ обиду мнѣ, къ тому жъ еще смѣется,
Мой гнѣвъ тогда растетъ и требуетъ расплаты!
Такъ берегитесь же, мой гнѣвъ для всѣхъ страшнѣе,
Чѣмъ перья короля на шлемѣ золоченомъ.
Безумецъ вы, коль есть у васъ надежда.
(Онъ хватаетъ его за руку.)
И въ этотъ грозный часъ вы знаете ль, король,
Что за рука стальная васъ схватила?
Такъ слушайте меня: отецъ мой былъ казненъ,
И къ казни присужденъ онъ вашимъ былъ отцомъ.
Я ненавижу васъ! Мое богатство, имя,
Похищено все вами было, Карлосъ!
Я ненавижу васъ; мы любимъ съ вами оба
Ее одну; сильнѣй я ненавижу васъ.
Я ненавижу васъ, всѣмъ сердцемъ ненавижу!

Донъ Карлосъ. Какъ это хорошо!

Эрнани. Но въ этотъ вечеръ злоба
Была такъ далека! Однимъ сгоралъ желаньемъ,
Однимъ стремленьемъ былъ, одной заботой мучимъ!
Одна она! Спѣшилъ, любовью переполненъ,
И что же вижу я! Безчестно вы хотѣли
Украсть ее. Нѣтъ, не забыть мнѣ васъ!
Вездѣ, всегда, король, вы на моей дорогѣ,
И вотъ я говорю: безумецъ ты, донъ Карлосъ.
Ты самъ въ свои теперь запутался силки.
Бѣжать нельзя, нѣтъ помощи, держу я
Тебя въ своихъ рукахъ: вездѣ ты окруженъ,
И ты одинъ король, когда кругомъ тебя
Твои враги, и злобою сгораютъ!
Что будешь дѣлать ты?

Донъ Карлосъ *(гордо)*. Вамъ спрашивать угодно?

Эрнани. Нѣтъ, не позволю я, чтобъ скрытая рука
Съ тобой покончила, не дамъ своей я мести
Такъ охватить меня... Ну, къ бою, защищайся!
(Онъ выхватываетъ свою шпагу.)

Донъ Карлосъ. Я вашъ король, я повелитель вашъ,
 Зарѣзать можете, но нѣтъ, не поединокъ!
Эрнани. Такъ вспомни, что вчера встрѣчались наши шпаги.
Донъ Карлосъ. Минувшій день, онъ этому не равенъ,
 И я вчера не зналъ, кто былъ передо мной,
 Кто я—не знали вы! Теперь другое дѣло:
 И я извѣстенъ вамъ и вы извѣстны мнѣ!
Эрнани. Да, можетъ быть!
Донъ Карлосъ. Немыслимъ поединокъ!
 Вы можете меня зарѣзать, что жъ, скорѣй!
Эрнани. Ну, что жъ? скажи, ты будешь защищаться?
Донъ Карлосъ. Вы можете убить!

(Эрнани отстраняется. Донъ Карлосъ устремляетъ на него свой орлиный взоръ.)

 Ты думаешь, бандитъ,
 Что безнаказанно врываться въ города
 Позволю я всѣмъ шайкамъ воровскимъ?
 Несчастный человѣкъ, пролившій рѣки крови,
 Злодѣй, замѣшанный въ безчисленныхъ убійствахъ,
 Ты можешь мнѣ еще о чести говорить!
 И мы должны, тобой обманутыя жертвы,
 Концомъ своей побѣдоносной шпаги
 Облагораживать злодѣйскіе ножи...
 О, нѣтъ! Убійство васъ въ своихъ объятьяхъ держитъ,
 Оно ползетъ за вами всюду слѣдомъ!
 Не мнѣ съ тобой, не королю, сражаться.
 Зарѣжь меня!

(Эрнани сумрачно и задумчиво колеблется нѣсколько мгновеній, схвативши̇сь рукой за рукоятку шпаги, потомъ рѣзко поворачивается къ королю и, ударяя о камень, разбиваетъ шпагу на куски.)

Эрнани. Такъ прочь иди скорѣй!
 Насъ лучше встрѣча ждетъ. Иди, иди скорѣе!
Донъ Карлосъ.
 Прекрасно. Къ герцогу я въ замокъ возвращусь.
 Я, вашъ король. Заботой первой будетъ
 Фискала допросить, оцѣнена ли ваша
 Имъ голова.
Эрнани. О, да, я это вѣрно знаю.
Донъ Карлосъ. Вы стали для меня единственной заботой,
 И васъ считаю я измѣнникомъ коварнымъ.
 Всѣ будутъ знать о васъ, преслѣдовать повсюду.
 Я изгоню васъ изъ своихъ владѣній.
Эрнани. Я изгнанъ ужъ давно!
Донъ Карлосъ. Тѣмъ лучше для меня.
Эрнани. Но рядомъ Франція граничитъ съ королевствомъ,
 Вотъ выходъ мнѣ.
Донъ Карлосъ. Я буду императоръ
 Германскій, и оттуда изгоню васъ.

Эрнани. А я назло тебѣ тамъ буду ликовать,
Гдѣ власть твоя кончается: есть много
На свѣтѣ уголковъ такихъ!
Донъ Карлосъ. Когда же свѣтомъ
Всѣмъ завладѣю я...
Эрнани. Въ могилу я сойду.
Донъ Карлосъ. Я ваши замыслы безумные разстрою!
Эрнани. Хромаетъ месть и медленно плетется.
Но все впередъ идетъ, ты это долженъ знать.
Донъ Карлосъ *(полусмѣясь и съ презрѣніемъ)*.
Дотронуться нельзя до женщины, что любитъ
Бандитъ!
Эрнани *(глаза котораго вновь зажглись огнемъ)*.
Молчи ты, римскій цезарь!
Иль ты не чувствуешь, что я тебя держу?
Вѣдь стоитъ лишь одной моей рукѣ сомкнуться,
Твой царственный орелъ, какъ жалкая скорлупка,
Раздавленъ будетъ мной... не вспоминай о прошломъ.
Донъ Карлосъ. Такъ дѣлай же!
Эрнани. Ступай ты прочь скорѣе!
(Онъ снимаетъ свой плащъ и кладетъ королю на плечи.)
Бѣги и надѣвай вотъ этотъ плащъ. Боюсь я,
Что на тебя у насъ готовятся ножи.
Теперь король иди спокойно, месть моя
Отъ всѣхъ другихъ тебѣ щитомъ послужитъ.
Донъ Карлосъ *(укутавшись въ плащъ)*.
Такъ помни жъ: кто со мной хоть разъ такъ говорилъ,
Пусть отъ меня не ждетъ тотъ никогда пощады.

СЦЕНА IV.

Эрнани, донья Соль.

Донья Соль *(хватая Эрнани за руку)*.
Теперь бѣжимъ скорѣй!
Эрнани *(отстраняя ее съ большою нѣжностью)*.
Какъ вамъ еще хватаетъ
И силъ и мужества непобѣдимой быть
Въ моихъ несчастіяхъ, имѣть одно желанье:
Сопровождать меня до самаго паденья,
Итти со мной до горькаго конца?
Какое чистое высокое желанье
Для сердца вѣрнаго! Но видитъ Богъ Великій,
Чтобъ унести съ собой сокровище свое,
Чтобъ тотъ цвѣтокъ сорвать чистѣйшей красоты,
Которому король завидуетъ державный,
Чтобъ донья Соль принадлежала мнѣ,
Чтобъ шла она за мной; жизнь свѣтлую ея
Соединить съ своей, и взять ее съ собою
Безъ униженія, безъ горестныхъ упрековъ,—

Прошелъ тотъ сладкій часъ, прошелъ уже давно,
Теперь не время, нѣтъ! Я вижу эшафотъ,
Онъ предо мной!

Донья Соль. Что говорите вы?

Эрнани. Да, тотъ король, который передъ вами
Осмѣянъ мною былъ, онъ жаждетъ покарать
Меня за то, что мной онъ былъ здѣсь пощаженъ;
Бѣжитъ онъ прочь, достигъ уже дворца,
На помощь онъ зоветъ, сзываетъ стражу, войско,
Лакеевъ всѣхъ, придворныхъ, палачей!

Донья Соль. Эрнани, я боюсь! такъ поспѣшимъ скорѣе!
Мы вмѣстѣ убѣжимъ.

Эрнани. Нѣтъ, вмѣстѣ, минулъ часъ!
Когда тебя впервые я увидѣлъ
Готовою любить всесильною любовью,
Тогда я могъ, отверженный, несчастный,
Тебѣ отдать просторъ моихъ лѣсовъ.
Я могъ найти въ горахъ пріютъ тебѣ надежный,
Гдѣ брызжетъ мой потокъ. Твое мнѣ состраданье
Вливало силы въ грудь. Я хлѣба половину,
Изгнанникъ, могъ тебѣ несчастной предложить
И ложе раздѣлить съ тобой въ тѣни дубравы,
Но казнь мою съ тобой дѣлить я не желаю...
Мнѣ одному она!

Донья Соль. Но вы мнѣ обѣщали!

Эрнани *(падая на колѣни)*.
О, ангелъ мой! и въ это я мгновенье,
Когда во мракѣ смерть ужъ крадется ко мнѣ,
Я объявляю здѣсь, скиталецъ съ тяжкимъ горемъ
Въ истерзанной груди, явившійся на свѣтъ
Въ облитой кровію и мрачной колыбели,
Какъ мраченъ рокъ, висящій надо мной,
Что счастливъ я, и я хочу, чтобъ зависть
Ко мнѣ людей была: вѣдь вы меня любили
И сами вы сказали мнѣ о томъ,
Мое чело проклятое тихонько
Благословили вы.

Донья Соль *(склонившись надъ его головой)*. Эрнани!

Эрнани. Пусть мой жребій
Благословлять я буду до конца
За то, что бросилъ онъ надъ пропастью моею
Такой цвѣтокъ какъ вы!
(Онъ поднимается съ колѣнъ.)
Не вамъ я говорю,
Пусть небо въ этотъ часъ меня святое слышитъ.

Донья Соль. Возьми меня съ собой.

Эрнани Нѣтъ, это преступленье —
Срывать цвѣтокъ, когда стремишься въ пропасть!
Иди, иди! Дышалъ я ароматомъ,

Довольно мнѣ. Начни другую жизнь,
Дни холода со мной забудь и выйди замужъ
За старика. И это я сказалъ!
Я снова въ мракъ иду. Будь счастлива, забудь!

Донья Соль. Нѣтъ, я съ тобой иду. Зачѣмъ не хочешь ты
Дѣлить со мной свой саванъ погребальный?

Эрнани (*принимая ее въ объятія*).
О, дай мнѣ одному бѣжать и умереть.
(*Онъ судорожнымъ движеніемъ отрывается отъ нея.*)

Донья Соль. Эрнани, ты бѣжишь, меня ты покидаешь!
Такъ вотъ тебѣ, безумной, наказанье
За то, что жизнь свою ему ты отдала
За то, что сильно такъ его ты полюбила:
Тебѣ отказано съ нимъ вмѣстѣ умереть.

Эрнани (*возвращаясь*).
Разбойникъ я, изгнанникъ я, погибель...

Донья Соль. Неблагодарный вы!

Эрнани. О, нѣтъ, я остаюсь.
Ты хочешь этого! Приди въ мои объятья!
Я буду здѣсь, пока ты пожелаешь.
Забудемъ ихъ. Садись на этотъ камень.
Глаза мнѣ жжетъ огонь твоихъ очей...
О, пой мнѣ пѣснь, пой, прежде какъ бывало,
Когда глаза твои туманились отъ слезъ!
Мы будемъ счастливы, пей, кубокъ полонъ нашъ!
Нашъ часъ насталъ, а тамъ не все ль равно!
Ты говори со мной. Не правда ли, какъ сладко,
Что любимъ мы, боготворимъ другъ друга!
Какъ сладко быть вдвоемъ, блаженной этой ночью,
Когда все спитъ! Да, на твоей груди
Уснуть и грезить мнѣ... о, счастіе мое,
О, донья Соль, любовь моя!..
(*Звонъ колоколовъ вдали.*)

Донья Соль (*поднимается, взволнованная*). Набатъ!
Ты слышишь ли набатъ!

Эрнани. То свадебный нашъ звонъ.
(*Звонъ колоколовъ увеличивается, растетъ, слышны взволнованные крики, факелы и свѣтъ во всѣхъ окнахъ, на крышахъ и по всѣмъ улицамъ.*)

Донья Соль. Вставай скорѣй, проснулась Сарагосса,
Огни горятъ!

Эрнани (*полулежа*). На нашей свадьбѣ будутъ
Всѣ факелы горѣть.

Донья Соль. Смерть свадьбу торжествуетъ,
Вѣнчаетъ насъ съ тобой она среди могилъ!
(*Лязгъ шпагъ. Крики.*)

Эрнани (*снова опускаясь на каменную скамью*). Уснемъ!

Горецъ (*вбѣгая съ обнаженной шпагой*).
Скорѣй! Алькады, стражи, судьи,

Цѣпями длинными по площадямъ идутъ.
Скорѣй, скорѣй!

(Эрнани встаетъ.)

Донья Соль *(поблѣднѣвъ)*. Ахъ, что ты говоришь!..
Горецъ. На помощь!
Эрнани *(горцу)*. Я готовъ.
Крики *(за сценой)* Бандитамъ смерть!
Эрнани *(горцу)*. За шпаги!
(Донѣ Соль.) Прости!
Донья Соль. И это я виновница всему!
Куда бѣжишь? *(Показывая на дверку.)*
Ко мнѣ, сюда, вотъ дверь открыта!
Эрнани. Прости! Я не могу теперь своихъ оставить!

(Шумъ и крики.)

Донья Соль. Бѣги! ихъ крики мнѣ все сердце разрываютъ

(Удерживая Эрнани.)

Но помни: если ты погибнешь, я умру!
Эрнани *(держитъ ее и хочетъ поцѣловать.)*
Одинъ лишь поцѣлуй!
Донья Соль. Мой мужъ, Эрнани, другъ мой!
Эрнани *(цѣлуя ея волосы)*. То первый поцѣлуй!
Донья Соль. Послѣднiй, можетъ-быть!

(Онъ скрывается, она падаетъ на скамью.)

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствiе третье.—СТАРИКЪ.

Замокъ Сильва въ Арагонскихъ горахъ. Портретная галлерея рода герцоговъ Сильва. Большая зала, украшенiе которой составляютъ портреты въ богатыхъ золотыхъ рамахъ, увѣнчанныхъ герцогскими коронами. Въ глубинѣ высокая готическая дверь. Между каждымъ портретомъ висятъ полные доспѣхи различныхъ вѣковъ.

СЦЕНА I.

Донья Соль, *въ бѣломъ, стоитъ возлѣ стола;* Донъ Рюи Гомецъ де-Сильва *сидитъ на своемъ большомъ дубовомъ герцогскомъ креслѣ.*

Донъ Рюи Гомецъ.
Сегодня, наконецъ, быть-можетъ, черезъ часъ
Моею будешь ты прелестной герцогиней.
Всему конецъ! ужъ дядюшки не будетъ,
И кто-то старика сегодня поцѣлуетъ
Простила ты меня, я былъ неправъ, охотно
Въ томъ признаюсь, мнѣ больно, что заставилъ
Я щечки покраснѣть, какъ побѣлѣли губки!
Поторопился я, сейчасъ и подозрѣнье,
А я не долженъ былъ, не слышавъ, обвинять!

Какъ близоруки мы и какъ несправедливы!
Что изъ того, что я въ твоихъ покояхъ видѣлъ
Двухъ молодыхъ людей? Своимъ глазамъ не вѣрить
Я долженъ былъ. Дитя мое, все старость!

Донья Соль *(неподвижно и серьезно)*.
Ахъ, снова вы о томъ, да кто васъ порицаетъ?

Донъ Рюи Гомецъ *(поднимаясь и идя къ ней)*
Я самъ! Я былъ неправъ, я долженъ былъ бы знать,
Что ты съ твоей душой, что донья Соль не можетъ
Любовниковъ имѣть. Ты благородной крови.

Донья Соль. И скоро, можетъ-быть, ее увидятъ.

Донъ Рюи Гомецъ. Слушай!
Когда влюбленъ и старъ, нельзя владѣть собою!
Бываю я ревнивъ, бываю также золъ...
Все потому, что старъ я. Красота
И молодость въ другихъ и прелесть насъ пугаетъ!
А почему?—Завидуемъ другимъ,
Себя жъ стыдимся мы. Смѣшна любовь хромая!
Она зажжетъ восторгъ, сердечный вспыхнетъ пламень,
Вновь молода душа, а тѣло позабыто!
Когда я пастуха завижу молодого,
Онъ съ пѣснями идетъ, а я—съ своею грезой,
Зеленымъ лугомъ онъ, я—сумрачной аллеей,—
То часто я шепчу: мои сѣдыя стѣны,
Вы, башни старыя, я всѣхъ бы отдалъ васъ,
Я отдалъ бы свои поля, луга, долины,
Безчисленныя, гдѣ мои стада пасутся,
И имя старое и мой высокій титулъ;
Руины всѣ, моихъ всѣхъ древнихъ предковъ.
Что ждутъ меня къ себѣ, за хижину его,
За молодость, за смоляные кудри,
За черные глаза, за то, что тѣмъ же блескомъ,
Какъ у тебя, горятъ они, не угасая,
За то, что можешь ты сказать: о, какъ онъ ближе
Мнѣ, чѣмъ сѣдой старикъ. Какъ вѣрно все я знаю!
Я Сильвою зовусь, но это слишкомъ мало!
Самъ это говорю себѣ... Ты видишь, какъ
Люблю тебя я, ангелъ. Все готовъ я
За молодость отдать, чтобы тебѣ быть равнымъ!
Но что я говорю, о чемъ мечтаю я,
Насколько ближе мнѣ открытая могила?

Донья Соль. Какъ знать!

Донъ Рюи Гомецъ. Но ты повѣрь, что эти сорванцы
Вамъ больше говорятъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ любятъ.
Какъ часто дѣвушка полюбитъ молодого,
Глядишь—едва умретъ, а онъ уже смѣется!
Да, эти быстрыя всѣ птички молодыя,
Съ цвѣтными крыльями и нѣжнымъ щебетаньемъ,
Мѣняютъ каждый годъ любовь, какъ оперенье!

А птицы старыя, ихъ перья полиняли,
Ихъ голосъ не похожъ уже на щебетанье,
Но ихъ крыло вѣрнѣй; оно не такъ красиво,
Надежнѣе за то. Мы твердо, прочно любимъ.
Тяжелъ нашъ шагъ и высохли глаза,
Избороздили лобъ глубокія морщины,
Но на сердцѣ морщинъ не будетъ никогда.
Коль полюбилъ старикъ, должны его жалѣть.
Ахъ! сердце молодо всегда у насъ бываетъ
И можетъ кровію истечь моя любовь—
То не стеклянная блестящая игрушка,
Которая горитъ обманнымъ, лживымъ свѣтомъ...
Моя любовь—она сурова, глубока.
И какъ тверда любовь и друга и отца!
Какъ этотъ тронъ, она изъ вѣкового дуба.
Такъ вотъ какъ я люблю. Люблю тебя, мой другъ,
Какъ любимъ мы зарю, веселые цвѣты,
И небо чистое, прозрачно-голубое!
Желалъ бы видѣть я всегда передъ собой
Тебя, и ясное твое чело и очи,
Твой слышать легкій шагъ... Смѣюся я теперь
И на душѣ моей, какъ будто, вѣчный праздникъ!

Донья Соль. Увы!

Донъ Рюи Гомецъ.
Потомъ, мой другъ, вотъ видишь ли, считаютъ,
Что хорошо, когда, за каплей капля тая,
Уходитъ человѣкъ, споткнувшись о могилу,
Чтобы жена его, невинный, чистый ангелъ,
Его украла бы и плакала, страдая
Надъ древнимъ старикомъ, котораго любить
Могла бы смерть одна, вездѣ сопровождая.
Въ томъ подвигъ есть священный и похвальный
Для сердца вѣрнаго всю посвятить себя
И нѣжить старика больного вплоть до гроба,
Быть-можетъ, не любя казаться страстью полной...
Ты будешь для меня тотъ свѣтлый добрый ангелъ
И съ сердцемъ женщины, чтобъ старику больному
Украсить дней остатокъ и утѣшить...
Ты дочь по возрасту, сестра по состраданью.

Донья Соль. Не мнѣ васъ пережить, вѣрнѣе, можетъ-быть,
За мной пойдете вы. Чтобъ жить—увы!—намъ мало
Быть только молодымъ. Я часто вамъ твердила,
Что старость медленна, спѣшитъ все молодое
И вѣки падаютъ на ихъ глаза, какъ будто
Тяжелымъ камнемъ склепъ закроется могильный!

Донъ Рюи Гомецъ. Ну, для чего, дитя, столь мрачный разговоръ,
Я буду васъ бранить, въ такой веселый день,
Въ священный день... Да какъ вы не готовы!
Когда остался часъ, чтобъ въ церковь намъ итти!

Вы къ свадьбѣ поскорѣй идите одѣваться...
Гдѣ свадебный уборъ? Мгновенья я считаю!

Донья Соль. Всегда успѣю я.

Донъ Рюи Гомецъ. Неправда! *(Входитъ пажъ.)*
Что случилось?

Пажъ. За дверью, герцогъ, здѣсь пришелъ къ вамъ человѣкъ,
Должно-быть, странникъ онъ иль нищій; проситъ васъ
Пріютъ онъ оказать.

Донъ Рюи Гомецъ. Мнѣ все равно, кто онъ!
Вѣдь говорятъ, что счастье къ намъ приходитъ
Незримо вслѣдъ за странникомъ убогимъ.
А что ты не слыхалъ, какіе ходятъ слухи?
Что говорятъ, не пойманъ ли разбойникъ,
Который ужасомъ страну наполнилъ всю?

Пажъ. Все кончено! Ужъ болѣе не страшенъ
Эрнани—горный левъ!

Донья Соль *(въ сторону)*. О, Боже мой!

Донъ Рюи Гомецъ. А? Что ты?

Пажъ. Разсѣяна его вся шайка! Говорятъ,
И самъ король за нимъ погнался слѣдомъ,
И тысяча тому, кто голову Эрнани
Доставитъ, золотыхъ; но, говорятъ, онъ умеръ.

Донья Соль *(въ сторону)*.
Онъ умеръ! Боже мой! Онъ умеръ безъ меня!

Донъ Рюи Гомецъ.
Конецъ бунтовщику, онъ умеръ, слава Богу!
Теперь свободно можемъ ликовать.
Идите жъ, приготовьтесь, донья Соль!
Двойной у насъ сегодня съ вами праздникъ.

Донья Соль *(въ сторону)*. О, въ трауръ бы облечься хорошо!
(Она уходитъ.)

Донъ Рюи Гомецъ *(пажу)*.
Скорѣй неси брильянты, мой подарокъ.
(Онъ снова садится въ кресло.)
Я какъ мадонну уберу ее,
Ея глаза горятъ, и брилліанты тоже.
Падетъ предъ красотою пилигримъ!
Да, кстати, гдѣ же тотъ, который проситъ
Пріютъ у насъ? Веди его сюда!
Да извинись предъ нимъ. Бѣги скорѣе!
(Пажъ кланяется и выходитъ.)
Нельзя же, чтобы гости дожидались.

СЦЕНА II.

Донъ Рюи Гомецъ. Эрнани.

(Эрнани, въ одеждѣ пилигрима, останавливается въ дверяхъ.)

Эрнани. Мой господинъ, да будутъ миръ и счастье
Со всѣми вами.

Донъ Рюи Гомецъ *(привѣтствуя его)*. И тебѣ того же.
Ты, вѣрно, пилигримъ?
(Эрнани входитъ, герцогъ садится въ кресло.
Эрнани *(кланяясь)*. Да.
Донъ Рюи Гомецъ. Путь твой изъ Армиллы?
Эрнани. Нѣтъ, я пришелъ сюда другой дорогой,
Тамъ нынче бой былъ
Донъ Рюи Гомецъ. Съ шайкою того
Изгнанника?
Эрнани. Не знаю ничего я.
Донъ Рюи Гомецъ. Что сталось съ ихъ отчаяннымъ вождемъ,
Съ Эрнани?
Эрнани. Кто онъ? Право я не знаю
Донъ Рюи Гомецъ. Тѣмъ хуже для тебя, когда не знаешь,
Ты, стало-быть, и денегъ не получишь
За выдачу его. Эрнани—это
Мятежникъ противъ короля. Его,
Къ несчастью, слишкомъ долго оставляли
Безъ наказанія. Ты не въ Мадридъ ли
Идешь? Тогда ты можешь тамъ увидѣть,
Какъ онъ на висѣлицу будетъ вздернутъ.
Эрнани. Я не иду въ Мадридъ.
Донъ Рюи Гомецъ. Его теперь
Взять голыми руками просто можно.
Эрнани *(въ сторону)*. Пусть кто-нибудь попробуетъ.
Донъ Рюи Гомецъ. Скажи,
Куда же, добрый странникъ, ты идешь?
Эрнани. Иду я въ Сарагоссу, господинъ.
Донъ Рюи Гомецъ. На богомолье, вѣрно? По обѣту?
Угоднику иль Дѣвѣ Пресвятой?
Эрнани. Такъ точно, господинъ, Пречистой Дѣвѣ.
Донъ Рюи Гомецъ. Обѣты исполнять необходимо,
Необходимо исполнять. А кромѣ
Того, ты что жъ еще въ виду имѣешь?
Иль только хочешь видѣть ликъ святой?
Эрнани Да, видѣть я хочу рядъ факеловъ горящихъ,
Возженныхъ свѣчъ; Пречистой видѣть ликъ,
Сіяющій подъ сумрачнымъ чертогомъ,
Ей поклонюсь и въ путь пойду обратный.
Донъ Рюи Гомецъ. Какъ хорошо! Скажи же, милый братъ,
Какъ звать тебя? Я — Рюи Гомецъ Сильва.
Эрнани *(волнуясь)*. Какъ звать меня?
Донъ Рюи Гомецъ. Ты имя можешь скрыть,
Кому до этого какое дѣло?
Вѣдь ты ко мнѣ пришелъ просить пріюта?
Эрнани. Да, герцогъ.
Донъ Рюи Гомецъ. Братъ, благодарю тебя.
Будь счастливъ твой приходъ; ты будь какъ дома;
А что до имени, ты — гость мой, и довольно.

Кто бъ ни былъ ты, мнѣ все равно и, право,
Когда бъ тебя потребовалъ самъ дьяволъ,
Я бъ и его прогналъ. Запомни: ты — мой гость

(Дверь въ глубинѣ сцены отворяется двумя привратниками. Входитъ донья Соль, въ свадебномъ нарядѣ, за ней пажи, лакеи, двѣ прислужницы, на рукахъ которыхъ на бархатныхъ подушкахъ ларчики изъ кованнаго серебра; онѣ ставятъ все на столъ; въ ларчикахъ богатый головной уборъ, герцогская корона, браслеты, жемчужныя ожерелья и разныя брильянтовыя вещи. Эрнани, потрясенный и взволнованный, не слушая герцога, не сводитъ горящихъ глазъ съ доньи Соль.)

СЦЕНА III.

Тѣ же, донья Соль, *пажи, лакеи и прислужницы.*

Донъ Рюи Гомецъ *(продолжая)*. А вотъ идетъ владычица моя!
Всѣ мысли въ ней мои!
(Онъ идетъ предложить доньѣ Соль руку, она блѣдна и печальна.)
Ну, милая невѣста,
Пойдемте. Гдѣ жъ кольцо, корона золотая?

Эрнани *(громовымъ голосомъ)*.
Кто тысячу изъ васъ желаетъ получить
Здѣсь золотыхъ?
(Всѣ оборачиваются въ изумленiи, онъ разрываетъ платье пилигрима, кидаетъ его къ ногамъ и выходитъ въ своей одеждѣ горца.)
Эрнани я, узнайте!

Донья Соль *(въ сторону съ радостью)*. Онъ живъ!

Эрнани. Я тотъ, кого вездѣ здѣсь ищутъ! *(Къ герцогу.)*
Хотѣли вы узнать, зовусь ли я Дiего
Иль братъ Перѐцъ, такъ знайте жъ: я—Эрнани!
Эрнани я! гораздо громче имя,
И имя грозное, бандитъ, измѣнникъ носитъ.
Вотъ голова моя, она, навѣрно, стоитъ
Довольно золота, чтобъ праздникъ окупить. *(Къ лакеямъ.)*
Ее дарю вамъ всѣмъ, вамъ хорошо заплатятъ
Берите же меня, вяжите руки, ноги!..
Да нѣтъ! Все ни къ чему! Я тяжкой цѣпью скованъ,
Ее мнѣ не разбить!

Донья Соль *(въ сторону)*. Несчастная!

Донъ Рюи Гомецъ. Безумный!
Я вижу, гость мой буйный сумасшедшiй.

Эрнани. Вашъ гость бандитъ.

Донья Соль. Не слушайте его.

Эрнани. Я говорю опять, что я уже сказалъ!

Донъ Рюи Гомецъ. Но тысяча, мой другъ, вѣдь много золотыхъ
Такъ замолчите же, я въ людяхъ не увѣренъ.

Эрнани. Какое дѣло мнѣ! Тѣмъ лучше, коль найдется
Средь нихъ хотя бъ одинъ, который пожелаетъ... *(Къ лакеямъ.)*
Такъ взвѣсьте вы меня, спѣшите, продавайте!

Донъ Рюи Гомецъ *(стараясь заставить его замолчать).*
Да замолчите же, васъ на словѣ поймаютъ!
Эрнани. Скорѣй, скорѣй, друзья! Какой удобный случай!
Измѣнникъ я! Эрнани я! бандитъ!
Донъ Рюи Гомецъ. Да замолчите же!
Эрнани. Эрнани!
Донья Соль *(на ухо Эрнани убитымъ голосомъ).* О, довольно!
Эрнани *(отворачиваясь отъ доньи Соль).*
На свадьбу я попалъ и я хочу вѣнчаться! *(Къ герцогу.)*
Моя невѣста ждетъ, не такъ она прекрасна,
Какъ ваша, но зато, клянусь, она вѣрнѣй.
Моя невѣста—смерть! *(Къ лакеямъ.)*
Чего жъ застыли вы!
Донья Соль *(тихо).* О, сжалься!
Эрнани *(къ лакеямъ).* Тысяча испанскихъ золотыхъ!
Донъ Рюи Гомецъ. Онъ демонъ.
Эрнани *(къ молодому лакею).*
Ну, иди, ты цѣлый кладъ получишь,
Ты будешь не лакей, богатый человѣкъ!
(Къ другимъ лакеямъ, которые остаются неподвижны.)
Идите вы тогда! Колеблетесь? Иль мало
Несчастья мнѣ дано?!
Донъ Рюи Гомецъ. Своею головою
Отвѣтитъ мнѣ, когда кто посягнетъ!..
Пускай Эрнани ты, будь ты гораздо хуже,
Ты все равно мой гость, хранимъ подъ этой кровлей.
Коль съ головы твоей хоть волосъ упадетъ,
Пусть я умру тогда. *(Къ доньѣ Соль.)*
Племянница, готовьтесь!
Моею черезъ часъ вы будете супругой,
Идите вы къ себѣ, а я иду, чтобъ замокъ
Скорѣй вооружить и запереть ворота
(Онъ уходитъ, за нимъ слѣдуютъ всѣ слуги.)
Эрнани *(оглядывая свой поясъ безъ оружія).*
Со мной нѣтъ и ножа! О, какъ же я несчастенъ!
(Донья Соль, послѣ ухода герцога, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ какъ бы слѣдуя за своими дамами, потомъ останавливается и, давъ имъ выйти, возвращается къ Эрнани.)

СЦЕНА IV.

Эрнани, донья Соль.

(Эрнани разсматриваетъ холоднымъ взглядомъ свадебный уборъ, лежащій на столѣ, потомъ поднимаетъ голову и глаза его загораются.)

Эрнани. Я поздравляю васъ; сказать всего не въ силахъ,
Вашъ головной уборъ приводитъ въ восхищенье.
(Онъ подходитъ къ ларчику.)
Вѣнчальное кольцо съ большимъ и рѣдкимъ вкусомъ,

Корона хороша, искусно ожерелье
И рѣдкостный браслетъ, хотя не такъ онъ рѣдокъ,
Какъ женщина съ такимъ коварнымъ сердцемъ!
(Снова разсматривая украшенія.)
Какъ мало дали вы за всѣ свои богатства,
Лишь зернышко любви, да это за безцѣнокъ!
Такъ измѣнить, стыда совсѣмъ не зная,
И послѣ жить! *(Разсматривая ларецъ.)*
Но, можетъ-быть, тогда
И жемчугъ твой поддѣльный и безцѣнный,
И вмѣсто золота сіяетъ мѣдь простая,
Стекло вмѣсто камней, фальшивые брильянты
И всѣ сокровища, рубины и сапфиры!
И радости твои,—поддѣльно все кругомъ...
И если это такъ и сердце твое ложно,
Какъ твой вѣнецъ! Сама ты, герцогиня,
Блестящая для всѣхъ обманомъ позолота!
(Онъ перебираетъ драгоцѣнности.)
Но, нѣтъ, нѣтъ все и вѣрно и прекрасно!
Не могъ бы онъ,—онъ, призракъ изъ могилы,
Въ ошибку впасть, здѣсь все сполна готово.
(Беретъ по очереди драгоцѣнности въ руки.)
Брильянты, серьги здѣсь, какое ожерелье!
Готово все. Руно, корона герцогини...
Какъ благодаренъ я, красавица, за вѣрность!
За преданность, любовь... Какой прекрасный ларчикъ!

Донья Соль *(она подходитъ къ ларцу, перебираетъ драгоцѣнности и выхватываетъ кинжалъ)*.
Вы осмотрѣли все, не добрались до дна лишь!
Да, это тотъ кинжалъ, который я взяла
У короля, когда онъ тронъ мнѣ предлагалъ!
Его отвергла я для васъ, для оскорбленій.

Эрнани *(падая къ ея ногамъ)*.
Печальный ангелъ мой, позволь, чтобъ на колѣняхъ
Отеръ я съ чудныхъ глазъ твои святыя слезы,
И послѣ вмѣсто слезъ ты кровь мою возьми.

Донья Соль *(смягчаясь)*.
Я васъ люблю, Эрнани, васъ прощаю
И чувство къ вамъ одно во мнѣ—любовь.

Эрнани. Простила ты, меня ты любишь! Кто другой,
Кто поступилъ бы такъ, забывши всѣ упреки?
О, какъ бы я желалъ, небесный ангелъ мой,
Знать, гдѣ земли твой легкій шагъ коснулся,
Чтобъ поцѣлуями твои слѣды осыпать.

Донья Соль. Мой милый другъ!

Эрнани. Нѣтъ, ненавистнымъ долженъ
Тебѣ я быть! Но нѣтъ, послушай, молви слово,
Скажи: «тебя люблю», и сердце успокой!

Одинъ лишь разъ скажи, вѣдь часто два-три слова
Изъ женскихъ милыхъ устъ страданья утоляютъ.

Донья Соль *(задумчиво, не слушая его)*.
Какъ, думать, что любовь моя такъ мало помнитъ!
Ее привлечь къ себѣ, изгладивъ въ сердцѣ имя,
Которое въ него ужъ врѣзалось однажды!.

Эрнани. Увы! я клевещу, и на твоемъ ужъ мѣстѣ
Давно бы я усталъ, съ меня бъ довольно было
Безумца буйнаго и мрачнаго глупца,
Который, оскорбивъ, тогда ласкать лишь можетъ.
Сказалъ бы я: «уйди». И ты меня отвергни
И отвернися прочь; благословлять я буду.
Ты такъ была добра, такъ долго ты сносила
Мой грубый нравъ. Я гадокъ, я способенъ
Затмить твой яркій день своею черной ночью!
И есть предѣлъ всему! Ты, ангелъ, такъ чиста,
Твоя душа невинна... Если жъ я
Пороченъ, золъ, твоей вины въ томъ нѣтъ!
Иди за герцога, онъ добръ и родомъ знатенъ,
Алкала по отцу, по матери Олмедо;
Къ тому жъ еще богатство... Будь счастлйва!..
А я! Ты знаешь ли, могу я предложить
Одинъ лишь путь—путь горестей безсчетныхъ...
И будешь видѣть ты потоки слезъ и крови,
Позоръ, изгнаніе, оковы, смерть и ужасъ!
Я ими окруженъ, и это ль ожерелье,
И этотъ ли вѣнецъ тебя достойны будутъ?
Нѣтъ, никогда еще мужъ, полный дикой злобы,
Своей женѣ такихъ подарковъ не дарилъ.
Иди, иди, прошу тебя, за старика!
Тебя достоинъ онъ!.. Да кто повѣрить можетъ,
Что къ головѣ моей, изгнанника, бандита,
Твое прекрасное чело могло бъ склониться?
Кто бъ, увидавъ двоихъ, тебя—спокойной, дивной,
Меня—горячаго и въ бѣшеномъ порывѣ,
Тебя—цвѣтокъ въ тѣни, склоненный и дрожащій,
Меня—грозой суровой опаленнымъ,
Меня—подъ вѣчною опасностью и смертью,—
О, кто бъ сказать дерзнулъ: ихъ жребіи сошлись!
Нѣтъ! Справедливый Богъ тебя создалъ не мнѣ,
И на тебя, мой другъ, я права не имѣю.
Я сердце взялъ твое; украдено оно;
Пусть тотъ его беретъ, кто болѣе достоинъ!
Моей любви къ тебѣ благословенья нѣтъ,
И если я сказалъ, что это жребій твой,
То я солгалъ. Прощай, отмщенье и любовь...
Всему конецъ! Прости, склоняется мой день...
Ненужный, ухожу съ своей двойною грезой!
Я пристыженъ: безсильный отомстить,

Безсиленъ я любить. Зачѣмъ назначенъ я,
Чтобъ въ жизни местью быть, къ любви одной способный?
Прости меня. Бѣги, забудь меня скорѣй!
Вотъ двѣ мольбы мои: не отвергай, быть-можетъ,
Онѣ послѣднія. Я мертвъ, а ты жива,
Не знаю я, зачѣмъ со мною ты должна
Въ могилу вмѣстѣ лечь!

Донья Соль. Неблагодарный!

Эрнани. Крутымъ горамъ я гибель Арагонскимъ,
Галисіи я смерть, я смерть Эстрамадуры!
Несчастье для всего, чѣмъ окруженъ бываю.
Я лучшихъ сыновей отнялъ у васъ сурово;
Сражался съ ними я, всѣ мертвые лежатъ!
Отважные бойцы Испаніи отважной,
Всѣ умерли они, въ горахъ всѣ навзничь пали,
Всѣ смѣло, доблестно окончили свой путь,
И если бъ ихъ глаза открылись на мгновенье,
Сіяло бъ небо имъ безбрежно голубое...
Вотъ жребій тѣхъ, кто сходится со мной!
Иль ихъ судьба завидна такъ тебѣ?..
О донья Соль! бери ты герцога иль адъ,
Иди за короля, все это выше, лучше,
Все, что не я, меня все больше стоитъ.
Нѣтъ у меня друзей, чтобъ вспомнили меня!
Все прочь бѣжитъ, и твой чередъ насталъ,
Я долженъ быть одинъ. Бѣги, оставь заразу
И вѣрою своей не дѣлай ты любовь!..
О, сжалься, уходи изъ-за себя самой...
Ты, можетъ, думаешь, что я къ завѣтной цѣли
Иду, стремлюсь впередъ, отвергнувъ всѣ законы?..
Но нѣтъ, ошиблась ты: невѣдомая сила
Влечетъ меня итти, орудіе слѣпое
Я адскихъ темныхъ силъ, несчастная душа,
Созданье мрака я, куда иду—не знаю,
Но я иду впередъ. Меня толкаетъ что-то
Стремительно летѣть въ моей безумной долѣ...
Я въ пропасть падаю, я ниже все спускаюсь,
Скорѣй, скорѣй лечу, и нѣтъ мнѣ остановокъ...
Мнѣ голосъ говоритъ: «Иди впередъ!» и вижу
Я передъ собой вездѣ все красное кругомъ,
То факеловъ пожаръ, иль крови льютъ ручьи!..
Все на моемъ пути, все бьется, умираетъ;
Несчастье тѣмъ, кто до меня коснется,
Всѣ прочь бѣгутъ... И ты, ты отойди поспѣшно
Отъ роковой моей дороги. Не желая
Тебѣ вредить, я погублю тебя.

Донья Соль. Великій Богъ!

Эрнани. О, мой проклятый демонъ грозенъ,
И счастье для него мое лишь недоступно...

А ты, ты счастіе, но нѣтъ,—не для меня!
Бѣги, ищи другой судьбы себѣ,
Иди! Мнѣ никогда не улыбалось небо,
И никогда оно не улыбнется мнѣ,
А если да, насмѣшка будетъ злая.
Иди за герцога!

Донья Соль. Вамъ неужели мало?
Разбили сердце вы, вамъ надо растоптать?
Не любите меня!

Эрнани. Душа моя и сердце,
Все ты одна. Очагъ, огнемъ горящій,
Мой свѣтъ, мое тепло, во мракѣ чистый лучъ.
Все ты одна! Боишься ты разлуки,
Любимой хочешь быть!

Донья Соль. Я не сержусь на васъ,
Но я умру.

Эрнани. Зачѣмъ же умирать
Изъ-за меня? Возможно ль умереть
Изъ-за такой пустой, ничтожнѣйшей причины?

Донья Соль *(давая волю слезамъ)*.
Вотъ все...

(Она падаетъ въ кресло.)

Эрнани *(садясь подлѣ нея)*.
О, Боже мой, ты плачешь! я виновенъ!
Ахъ, кто бы могъ меня достойно наказать!
Ты снова мнѣ простишь. Кто разсказать бы могъ
Тебѣ о томъ, какъ тяжко я страдаю,
Когда слеза затмитъ огонь твоихъ очей?
О, умерли давно твои друзья, безумный!
Прости, прости меня! Любить бы я желалъ,
Но я любить, мой другъ, какъ видишь, не умѣю...
Не плачь! Скорѣй умремъ съ тобою оба вмѣстѣ!
Но, ахъ! зачѣмъ не мнѣ весь свѣтъ принадлежитъ?
Его бъ тебѣ я далъ! О, какъ несчастенъ я!

Донья Соль. Вы гордый левъ, прекрасный, благородный,
Я васъ люблю любовью безпредѣльной!

Эрнани. Любовь была божественнымъ бы даромъ,
Когда бы умереть отъ страсти черезмѣрной
Могли бы мы.

Донья Соль. Ты повелитель мой!
Люблю! я вся твоя!

(Она роняетъ голову къ нему на плечо.)

Эрнани. Какъ сладокъ былъ бы мнѣ
Ударъ, твоимъ кинжаломъ нанесенный!

Донья Соль *(умоляя)*.
Ахъ, не боитесь вы, что васъ Господь накажетъ
За вашу рѣчь!

Эрнани *(склоняясь къ ея груди)*. Такъ пусть Онъ насъ соединитъ.
Ты хочешь такъ. Я сдѣлалъ все, что могъ,
Я противъ былъ...
(Они остаются въ объятіяхъ другъ друга, влюбленно смотрятъ, ничего не видя и не слыша, какъ бы застывъ въ этомъ взглядѣ. Входитъ донъ Рюи Гомецъ де-Сильва изъ двери въ глубинѣ сцены. Онъ видитъ ихъ и каменѣетъ на порогѣ.)

СЦЕНА V.

Эрнани, донья Соль, донъ Рюи Гомецъ.

Донъ Рюи Гомецъ *(неподвижно, скрестивъ руки, стоитъ у порога)*.
Такъ вотъ мнѣ за пріютъ какая благодарность!
Донья Соль. А! герцогъ! Боже мой!
(Они оба оборачиваются, какъ будто пробужденные.)
Донъ Рюи Гомецъ *(оставаясь недвижимымъ)*.
Такъ вотъ ты чѣмъ мнѣ платишь?
«Иди, мой господинъ, взгляни, стѣна надежна ль,
Закрыты ль хорошо тяжелыя ворота;
Изъ замка своего спѣши устроить крѣпость,
Ищи себѣ доспѣхъ по старымъ арсеналамъ,
Шестидесяти лѣтъ извѣдай тяжесть брани!
И вотъ мы чѣмъ тебѣ тогда за все отплатимъ.
Ты кровь для насъ прольешь, а мы же для тебя...»
Святые неба! Я живу седьмой десятокъ,
Бандитовъ видѣлъ я съ душой ожесточенной;
Дичь палачей я вспугивалъ нерѣдко,
Когда стальной клинокъ изъ ноженъ вынималъ.
Въ свой долгій вѣкъ я видѣлъ и убійцъ,
Предателей встрѣчалъ, лакеевъ вѣроломныхъ,
Дававшихъ ядъ другимъ за праздничнымъ обѣдомъ.
Злодѣевъ видѣлъ я, умершихъ безъ молитвы
И безъ креста; и Борджіа, и Лютеръ,
И Сфорца мнѣ знакомы, но нигдѣ
Подобной гнусности я не встрѣчалъ доселѣ!
Не знаю я, какъ грома не боятся,
Гостепріимство такъ жестоко оскорбивъ.
Нѣтъ, это вѣкъ не мой! Столь черная измѣна
Способна превратить насъ въ камень у порога:
Безпомощный старикъ, упасть уже готовый,
Стоитъ, какъ каменный могильный истуканъ.
Кто этотъ человѣкъ?
(Онъ окидываетъ взоромъ галлерею портретовъ.)
Къ вамъ, что кругомъ внимаютъ
Всѣ Сильва, къ вамъ теперь я обращаюсь!
Простите мнѣ, что передъ вами гнѣвъ мой
Гостепріимство зломъ въ волненіи назвалъ.
Эрнани *(поднимаясь)*. Позвольте, герцогъ, мнѣ...

Донъ Рюи Гомецъ. Ни слова!
(Онъ дѣлаетъ три шага впередъ и снова окидываетъ взоромъ портреты.)
Смерть, проклятье!
Вы, предки древніе, вы, рыцари стальные,
Вы, видящіе все, что шлетъ намъ небо съ адомъ,
Скажите мнѣ, прошу, кто этотъ человѣкъ?
Нѣтъ, не Эрнани онъ, его зовутъ Іудой.
Скажите же вы мнѣ, забывъ обѣтъ молчанья,
Кто онъ такой, и были ль въ ваше время
(Скрестивъ руки.)
Ему подобные? О, нѣтъ, я это знаю.
Эрнани. Позвольте, герцогъ...
Донъ Рюи Гомецъ *(опять обращаясь къ портретамъ)*.
А! еще слова находитъ!..
Но лучше вамъ, чѣмъ мнѣ, его душа видна.
Не слушайте его, обманщикъ онъ лукавый,
Предвидитъ онъ, что кровь проливъ рукою,
Я самъ свой кровъ родной сегодня обагрю,
Что въ сердцѣ я своемъ скрываю въ этой бурѣ
Отмщенія порывъ. Онъ скажетъ: «Я изгнанникъ»,
И Сильва назовутъ, какъ Лара называютъ!
Онъ скажетъ: «Я твой гость», онъ скажетъ: «Вашъ онъ гость»...
Такъ отвѣчайте же, великіе мнѣ предки!
Судите насъ: моя ли въ томъ вина?
Эрнани. Донъ Рюи Гомецъ Сильва, если есть
Подъ небомъ на землѣ высокое чело,
Великодушія исполненное сердце,
Душа, доступная однимъ высокимъ чувствамъ,
Такъ здѣсь она, и это ваша, герцогъ.
Да, предъ тобой виновенъ я безспорно,
И робкихъ нечего искать мнѣ извиненій,
Одно, быть-можетъ, есть—глубоко я несчастенъ!
Да, герцогъ! я хотѣлъ отнять твою жену,
Какъ воръ украсть ее и ложе опозорить.
Поступокъ мой безчестенъ и безславенъ,
Но кровь во мнѣ течетъ, ты хорошо поступишь,
Когда, проливъ ее, свою омоешь шпагу,
Забудешь обо всемъ.
Донья Соль. Онъ не виновенъ, герцогъ!
Моя вина во всемъ, меня одну убейте.
Эрнани. Молчите, донья Соль. Великій этотъ часъ,
Онъ мой! Одинъ! Все пусто впереди,
Одинъ дарованъ часъ, оставьте говорить
Теперь меня. Повѣрь словамъ послѣднимъ!
Клянуся я тебѣ, что лишь одинъ виновенъ,
Она чиста! Ты будь покоенъ, герцогъ,
Я все свое сказалъ, и пусть кинжалъ мнѣ будетъ,
Иль шпаги лезвее наградою достойной!..

А ей ты возврати и вѣру и любовь,
Потомъ вели мой трупъ въ ровъ выбросить скорѣе
И вымыть чисто полъ, гдѣ кровь моя лилась...

Донья Соль. Виновна я одна, его люблю я, герцогъ!

(Донъ Рюи Гомецъ обертывается при этихъ словахъ, весь дрожа, и устремляетъ ужасный взглядъ на донью Соль; она падаетъ предъ нимъ на колѣни.)

Простите! да! но я его люблю!

Донъ Рюи Гомецъ. Вы любите его! *(Къ Эрнани.)*
Дрожи!..

(Снаружи слышны звуки трубы, входитъ пажъ. Къ пажу.)

Скажи, что тамъ за шумъ?

Пажъ. То самъ король пришелъ съ большимъ отрядомъ.
Вы слышите трубу? трубитъ его глашатай.

Донья Соль. О, Боже мой, король! Вотъ онъ—ударъ послѣдній!

Пажъ *(герцогу)*. Онъ требуетъ, чтобъ вы ворота отворили
И дали бы отвѣтъ, зачѣмъ закрыли ихъ.

Донъ Рюи Гомецъ. Открыть ихъ королю!

(Пажъ кланяется и выходитъ.)

Донья Соль. Увы, погибъ Эрнани!

(Донъ Рюи Гомецъ идетъ къ крайнему портрету, на которомъ онъ самъ изображенъ. Онъ нажимаетъ пружину, портретъ открывается, какъ дверь; виденъ маленькій тайникъ въ стѣнѣ. Онъ оборачивается къ Эрнани.)

Донъ Рюи Гомецъ. Сюда иди скорѣй!

Эрнани. Мнѣ голову руби!
Она твоя, твой плѣнникъ я, добыча!

(Онъ входитъ въ тайникъ. Донъ Рюи снова нажимаетъ пружинку, тайникъ закрывается и портретъ становится на свое мѣсто.)

Донья Соль *(герцогу)*. О, сжальтесь вы надъ нимъ!

Пажъ *(входя)*. Король идетъ сюда!

(Донья Соль поспѣшно опускаетъ свое покрывало. Дверь отворяется двумя привратниками, входитъ донъ Карлосъ въ боевыхъ доспѣхахъ во главѣ точно такъ же вооруженной свиты и солдатъ, вооруженныхъ арбалетами, мушкетами и бердышами.)

СЦЕНА VI.

Донъ Рюи Гомецъ, донья Соль, *съ опущеннымъ покрываломъ*, донъ Карлосъ, свита.

(Донъ Карлосъ медленно идетъ, лѣвая его рука на эфесъ шпаги, правая на груди, онъ устремляетъ подозрительный и гнѣвный взоръ на стараго герцога. Герцогъ идетъ ему навстрѣчу и привѣтствуетъ его съ глубокимъ почтеніемъ. Молчаніе. Страхъ и ожиданье на лицахъ окружающихъ. Наконецъ король останавливается передъ герцогомъ и сурово поднимаетъ голову.)

Донъ Карлосъ.
Скажи, мой милый другъ, что въ замкѣ приключилось,
Что дверь твоя для всѣхъ такъ глухо заперта?

Я думалъ, что твоя сильнѣй покрылась шпага
Сырою ржавчиной. Не зналъ я, что она
Такъ быстро заблеститъ, когда къ тебѣ съ привѣтомъ
Прибудемъ мы съ тобою повидаться.

(Донъ Рюи Гомецъ хочетъ говорить, но король останавливаетъ его повелительнымъ жестомъ.)

Немного поздно сталъ играть ты молодого!
Иль, можетъ-быть, у насъ чалмы на головахъ?
Я Боабдилъ, Магомъ—иль Карлосъ? Отвѣчай!
Чтобъ предо мной спѣшить закрыть ворота
И мостъ поднять? *(Къ свитѣ.)* Возьмите всѣ ключи!

Донъ Рюи Гомецъ *(склоняясь)*. Я, государь...

Донъ Карлосъ *(къ свитѣ)*. Займите двери всѣ!

(Два офицера выходятъ, другіе строятъ солдатъ тройной цѣпью вокругъ залы отъ короля до главныхъ дверей. Донъ Карлосъ, обращаясь къ герцогу.)

А! будите вы вновь забытыя измѣны!
Вы вотъ какъ, герцогъ! Знайте жъ, что король
Поступитъ, какъ король. Сквозь горы я пройду
И въ гнѣздахъ вашихъ я рукой вооруженной
Всѣхъ перебью владѣтельныхъ вассаловъ.

Донъ Рюи Гомецъ.

Но Сильва, государь, всегда вамъ были вѣрны.

Донъ Карлосъ *(перебивая его)*.

Прочь отговорки всѣ! Отвѣть мнѣ, или тотчасъ
Одиннадцать твоихъ съ землей сравняю башенъ.
Потушенъ мной пожаръ, одна сверкаетъ искра,
Бандиты умерли, одинъ ихъ вождь остался...
И кто жъ его укрылъ?—Тобою спрятанъ онъ.
И кто! Эрнани самъ, измѣнникъ, отравитель!
Онъ, герцогъ, здѣсь! Тобой онъ въ замкѣ скрытъ!

Донъ Рюи Гомецъ Вы правы, государь.

Донъ Карлосъ. Прекрасно! Я желаю,
Чтобъ ты мнѣ голову тотчасъ злодѣя выдалъ,
Иль я возьму твою. Ты слышишь ли, мой другъ?

Донъ Рюи Гомецъ *(склоняясь)*.

Коль дѣло только въ томъ, вы будете, король,
Довольны мной, исполню приказанье.

(Донья Соль закрываетъ лицо руками и падаетъ въ кресло.)

Донъ Карлосъ *(обрадованный)*.

Такъ ты смиряешься! Иди тогда, бѣги!
И плѣнника ищи скорѣе моего.

(Герцогъ, скрестивъ руки, склоняетъ голову и нѣсколько мгновеній находится въ задумчивости. Король и донья Соль смотрятъ на него, волнуемые различными чувствами. Наконецъ герцогъ поднимаетъ голову, идетъ къ королю, беретъ его за руку и медленными шагами ведетъ къ самому древнему портрету, которымъ начинается съ правой стороны галлерея.)

Донъ Рюи Гомецъ *(указывая на портретъ).*
Вотъ старшій Сильва здѣсь, родоначальникъ, предокъ,
Великій человѣкъ, донъ Сильвіусъ. Онъ былъ
Три раза консуломъ въ великомъ Римѣ избранъ!
(Переходя къ слѣдующему портрету.)
А вотъ самъ Гальцеранъ де-Сильва, Сидъ второй;
Близъ Торо въ честь него воздвигнута часовня,
Въ ней тысяча свѣчей горитъ, не угасая:
Освободилъ Леонъ отъ подати въ сто дѣвъ.
(Переходя далѣе.)
Донъ Блазъ: самъ по себѣ отправился въ изгнанье,
За то, что далъ совѣтъ плохой онъ королю.
(Переходя далѣе.)
Вотъ Кристобаль: въ сраженьи Аскалонскомъ,
Когда пѣшкомъ король донъ Санхо убѣгалъ,
На бѣлое перо удары всѣ летѣли,
Онъ крикнулъ: «Кристобаль!»—ему коня тотъ отдалъ,
Себѣ же взялъ перо!
(Переходя далѣе.)
Донъ Хорге: заплатилъ онъ
Одинъ за короля Рамиро выкупъ...
Донъ Карлосъ *(скрестивъ руки и окидывая взоромъ герцога съ головы до ногъ).*
Вотъ какъ!
Донъ Рюи Гомецъ, я смотрю и удивляюсь.
Ну, продолжайте же!
Донъ Рюи Гомецъ *(переходя къ другому).*
Вотъ Рюи Гомецъ Сильва,
Святого Якова магистръ и Калатравы.
Доспѣхи ратные его намъ не подъ силу!
Онъ триста взялъ знаменъ и въ тридцати сраженьяхъ
Былъ побѣдителемъ. Онъ взялъ для короля
Мотриль и Антекверъ, Суецъ, Нихаръ, и умеръ
Самъ въ нищетѣ.—Поклонъ ему, король!
(Онъ отдаетъ поклонъ, снимая шляпу, и переходитъ къ слѣдующему портрету. Король, скрестивъ руки, слушаетъ его въ нетерпѣніи и гнѣвѣ.)
А рядомъ Жиль: то сынъ его почтенный,
И на слово его всѣ люди полагались,
Какъ на слово владыки короля.
(Переходя далѣе.)
Вотъ донъ Гаспаръ Мендоза—наша честь.
Всѣ лучшіе роды, всѣ знаютъ родъ де-Сильва:
Боятся Сандовали насъ и съ нами жъ
Роднятся; насъ Манрикве ненавидятъ,
А Лара завистью сгораютъ къ намъ давно;
Алькастра во враждѣ. Всѣхъ герцоговъ мы выше,
И родомъ мы равны испанскимъ королямъ.
Донъ Карлосъ. Вы насмѣхаетесь!

Донъ Рюи Гомецъ *(переходя къ другимъ портретамъ).*
Вотъ Васко: «Мудрымъ» прозванъ.
Донъ Іохимъ, народомъ прозванъ «Сильнымъ».
Остановилъ Замэта съ сотней мавровъ
Совсѣмъ одинъ. Я къ лучшимъ подхожу.

(Замѣтивъ гнѣвный жестъ короля, онъ пропускаетъ цѣлый рядъ портретовъ и переходитъ тотчасъ къ тремъ послѣднимъ, налѣво отъ зрителей.)

Вотъ доблестный мой дѣдъ, онъ шестьдесятъ лѣтъ прожилъ
И клятву, данную евреямъ даже, помнилъ.

(Указывая на предпослѣдній.)

А тотъ старикъ, священное чело,
Былъ мой отецъ. Великій человѣкъ,
Хоть и послѣдній онъ. Когда попался въ плѣнъ
Въ Гренаду графъ Альваръ Хиронъ, его пріятель,
Отецъ отрядъ вооружилъ огромный,
Изъ камня высѣкъ онъ статую графъ-Альвара,
Повезъ ее съ собой, поклявшись до тѣхъ поръ
Не отступать назадъ, пока не повернетъ
Статуя тылъ врагамъ и въ бѣгство обратится.
Сразился онъ, пришелъ на помощь графу
И спасъ его!

Донъ Карлосъ. Скажи, гдѣ плѣнникъ мой?

Донъ Рюи Гомецъ.
— Да, этотъ человѣкъ былъ Гомецъ Сильва,—
Всѣ говорятъ, когда героевъ этихъ видятъ...

Донъ Карлосъ. Гдѣ плѣнникъ мой? Сейчасъ его мнѣ выдай!

Донъ Рюи Гомецъ. *(Онъ дѣлаетъ глубокій поклонъ королю, беретъ его за руку и ведетъ къ послѣднему портрету, который служитъ входомъ въ тайникъ, гдѣ спрятанъ Эрнани. Донья Соль слѣдитъ за нимъ полными тревоги глазами. Всѣ окружающіе молчатъ въ ожиданіи.)*

А это мой портретъ. Благодарю, донъ Карлосъ!
Хотите вы, чтобъ всѣ мои потомки,
Увидя здѣсь меня, сказали: «вотъ достойный
Потомокъ доблестныхъ и древнихъ предковъ:
Измѣнникомъ онъ былъ и гостя своего
Онъ продалъ голову». Благодарю, донъ Карлосъ!

(На лицѣ доньи Соль видна радость. Среди окружающихъ пробѣгаетъ шопотъ изумленья. Смущенный король въ гнѣвѣ отходитъ, нѣсколько мгновеній онъ стоитъ молча, съ дрожащими губами, глаза его сверкаютъ.)

Донъ Карлосъ. Твой замокъ мнѣ мѣшаетъ, старый герцогъ,
Разрушу я его!

Донъ Рюи Гомецъ. И я разрушенъ буду.

Донъ Карлосъ. Сравняю я съ землей твои всѣ башни, герцогъ,
А землю распашу и коноплей засѣю
За дерзость наглую.

Донъ Рюи Гомецъ. Пусть конопля растетъ,
Гдѣ прежде замокъ мой старинный возвышался,
Пусть поле стелется! Не запятнаю я
Свой древній славный родъ такимъ пятномъ кровавымъ.
(Обращаясь къ портретамъ.)
Не правда ли? отвѣтьте мнѣ!

Донъ Карлосъ. Но, герцогъ,
Та голова моя! Вѣдь ты жъ мнѣ обѣщалъ!

Донъ Рюи Гомецъ. Я обѣщалъ, король, иль ту или другую.
(Обращаясь къ портретамъ.)
Не правда ли, вы всѣ? *(Показывая на свою голову.)*
Я эту отдаю! *(Королю.)*
Берите же ее.

Донъ Карлосъ. Не выгодно мнѣ, герцогъ.
Мнѣ голова нужна другая, молодая.
Мнѣ надо, чтобъ палачъ ее поднялъ на воздухъ
И, отрубивши, могъ за волоса схватить.
Къ чему же мнѣ твоя! Палачъ за что возьмется?

Донъ Рюи Гомецъ.
Прошу васъ, государь, нельзя ль безъ оскорбленій!
Мое чело прекрасно до сихъ поръ.
И думается мнѣ, оно дороже стоитъ,
Чѣмъ голова измѣнника. Давно ли
Противна стала вамъ вдругъ Сильвы голова?

Донъ Карлосъ Отдай Эрнани намъ.

Донъ Рюи Гомецъ. Король, я вамъ сказалъ!

Донъ Карлосъ *(къ свитѣ)*.
Ищите же вездѣ! Всѣ башни, погреба,
Пусть ничего у васъ не ускользнетъ отъ взора.

Рюи донъ Гомецъ.
Напрасно. Замокъ мой, онъ такъ же твердъ и вѣренъ,
Какъ я. Одинъ мою онъ тайну знаетъ,
И оба съ нимъ ее мы свято сохранимъ.

Донъ Карлосъ. Но я король!

Донъ Рюи Гомецъ. Пока не сроютъ замокъ,
Пока меня, король, могила не сокроетъ,
Вамъ не найти его!

Донъ Карлосъ. И просьбы и угрозы—
Все тщетно. Выдай намъ скорѣй бандита, герцогъ!
Иль голова твоя и замокъ! Все разрушу.

Донъ Рюи Гомецъ. Я разъ сказалъ.

Донъ Карлосъ. Я взять хотѣлъ одну,
Теперь двѣ головы возьму, безумный герцогъ.
(Къ герцогу Алькалѣ.)
Со стражей герцога возьмите подъ арестъ.

Донья Соль *(скидывая покрывало, бросается между королемъ, герцогомъ и стражей.)*

Король, донъ Карлосъ, вы... безчестный вы король!

Донъ Карлосъ. Великій Богъ! что вижу? донья Соль!

Донья Соль. Нѣтъ! не испанецъ вы ни сердцемъ ни душою!

Донъ Карлосъ *(смѣшавшись)*. Синьора, вы суровы къ королю!

(Онъ подходитъ къ доньѣ Соль и тихо говоритъ.)

Такъ знайте, этотъ гнѣвъ мнѣ вложенъ въ сердце вами.
Едва васъ человѣкъ своей рукой коснется,
Тотчасъ становится онъ ангелъ или дьяволъ!
Коль ненавидятъ насъ, становимся мы злобны.
А захотѣли бъ вы, тогда другое дѣло,
И былъ бы я великъ, я былъ бы левъ Кастильи!
Вашъ гнѣвъ меня невольно тигромъ сдѣлалъ:
Озлобленъ онъ теперь, рыканье раздается...
Молчите же.

(Донья Соль кидаетъ на него взглядъ. Онъ склоняется передъ ней.)

Но нѣтъ! вамъ повинуюсь я.

(Онъ оборачивается къ герцогу.)

Прощаю твердость я твою, мой старый другъ!
Будь вѣренъ ты гостямъ, невѣренъ королю,
Я извиняю все; тебя я выше, герцогъ.
Но я племянницу твою беру залогомъ.

Донъ Рюи Гомецъ. Одну ее!

Донья Соль *(недоумѣвая)*. Какъ, государь, меня?

Донъ Карлосъ. Да, васъ!

Донъ Рюи Гомецъ. Чего жъ еще, вотъ славный побѣдитель!
Вотъ милосердіе! Онъ голову щадитъ,
А сердце раздавилъ. Достойная пощада!

Донъ Карлосъ. Ну, выбирай тогда: измѣнникъ—иль она!
Одно изъ двухъ!

Донъ Рюи Гомецъ. О, вы, король, всевластны!

(Донъ Карлосъ подходитъ къ доньѣ Соль, чтобы взять ее съ собой, она кидается къ герцогу.)

Донья Соль. Спасите же меня! *(Она останавливается, въ сторону.)*
Несчастная! О, Боже!
Иль дяди голова, или его, нѣтъ! нѣтъ!

(Королю.)

За вами я иду.

Донъ Карлосъ *(въ сторону)*. Вотъ мысль! Моя побѣда!
Сдаваться надобно, прелестная инфанта!

(Донья Соль твердыми шагами идетъ къ ларчику, открываетъ его, беретъ кинжалъ и прячетъ его у себя на груди. Донъ Карлосъ идетъ къ ней и подаетъ ей руку.

Донъ Карлосъ *(доньѣ Соль)*. Что взяли вы съ собой?

Донья Соль. Такъ, ничего, король.

Донъ Карлосъ. Подарокъ?

Донья Соль. Да.

Донъ Карлосъ. Увидимъ мы?

Донья Соль. Конечно!

(Она даетъ ему руку и готова слѣдовать за нимъ. Донъ Рюи Гомецъ, который неподвижно стоялъ, погруженный въ свои мысли, вскрикиваетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ.)

Донъ Рюи Гомецъ. О, донья Соль, ко мнѣ! О, небо и земля!
О, донья Соль! Вы, стѣны вѣковыя,
На помощь мнѣ! Предъ вами человѣкъ
Безъ состраданія! Разрушьтесь, раздавите!
(Онъ бѣжитъ къ королю.)
Оставь мое дитя одно лишь у меня!

Донъ Карлосъ *(освобождая руку доньи Соль)*.
Тогда мой плѣнникъ гдѣ?

(Герцогъ склоняетъ голову. Онъ въ страшномъ возбужденіи. Донья Соль слѣдитъ за нимъ острымъ взглядомъ.)

Донъ Рюи Гомецъ. О, сжальтесь! О, вы всѣ!..

(Онъ дѣлаетъ шагъ къ тайнику. Донья Соль слѣдитъ за нимъ глазами, онъ обращается къ портретамъ.)

Сокройтесь всѣ скорѣй, вашъ взоръ меня смущаетъ!

(Онъ шатаясь, направляется къ своему портрету, потомъ опять обращается къ королю.)

Его желаешь ты?

Донъ Карлосъ. Да.
(Герцогъ дрожа поднимаетъ руку къ пружинѣ.)

Донья Соль. Боже мой!

Донъ Рюи Гомецъ. Нѣтъ, нѣтъ!
(Онъ бросается на колѣни передъ королемъ.)
О, сжалься и возьми ты голову мою!

Донъ Карлосъ. Твою племянницу!

Донъ Рюи Гомецъ *(поднимаясь)*. Бери ее тогда!
Мнѣ честь мою оставь!

Донъ Карлосъ *(схватывая руку дрожащей доньи Соль)*.
Прощай, упрямый герцогъ!

Донъ Рюи Гомецъ.
Да сохранитъ васъ Богъ! Простите, до свиданья!

(Онъ выходитъ на авансцену, задыхаясь, стоитъ неподвижно, ничего не слыша и не видя. Глаза его устремлены въ одну точку, руки скрещены на высоко поднимающейся отъ волненія груди. Тѣмъ временемъ король уходитъ съ доньей Соль, и вся свита, всѣ вельможи выходятъ за ними медленно другъ за другомъ, переговариваясь вполголоса между собой.)

Донъ Рюи Гомецъ *(въ сторону)*.
Пока уходишь ты изъ моего жилища,
Довольный, радостный, я чувствую, какъ вѣрность
Старинная моя отходитъ прочь навѣки,
Она бѣжитъ изъ плачущаго сердца!..

(Онъ поднимаетъ глаза, озирается и видитъ, что остался одинъ. Онъ быстро направляется къ стѣнѣ, снимаетъ двѣ шпаги, мѣритъ ихъ и кладетъ на столъ. Сдѣлавъ это, онъ идетъ къ портрету, нажимаетъ пружину и дверь открывается.)

СЦЕНА VII.

Донъ Рюи Гомецъ, Эрнани

Донъ Рюи Гомецъ. Иди! *(Эрнани появляется на порогѣ тайника. Донъ Рюи Гомецъ показываетъ ему на шпаги.)*
И выбирай. Покинулъ Карлосъ замокъ.
Теперь съ тобой намъ надо кончить счетъ.
Ну, выбирай себѣ и къ бою становись!
Скорѣй! скорѣй! твоя рука дрожитъ!

Эрнани. Какъ, поединокъ! Нѣтъ, нельзя съ тобой мнѣ драться.

Донъ Рюи Гомецъ. Какъ! Почему? Иль капли благородства
Нѣтъ у тебя въ крови? Да что до благородства,
Кто бъ ни былъ ты, мнѣ все равно, скорѣй!

Эрнани. Старикъ...

Донъ Рюи Гомецъ. Ты, молодой, убей иль самъ умри!

Эрнани. Я умереть хочу. Я противъ былъ желанья
Спасенъ тобой, старикъ. Тебѣ принадлежитъ
И жизнь моя. Возьми ее обратно.

Донъ Рюи Гомецъ. Ты хочешь самъ? *(Обращаясь къ портретамъ.)*
Вы видите! *(Къ Эрнани.)*
Молись.

Эрнани. Къ тебѣ летитъ моя послѣдняя молитва!

Донъ Рюи Гомецъ. Не мнѣ молись! Молись скорѣе Богу.

Эрнани. О, нѣтъ, тебѣ! Пускай кинжалъ иль шпага
Сразятъ меня, но сжалься надо мной,
Доставь послѣднюю мнѣ радость въ горькой жизни,
Позволь увидѣть мнѣ ее передъ концомъ!

Донъ Рюи Гомецъ. Ее увидѣть!

Эрнани. Нѣтъ, хотя бъ услышать голосъ
Послѣднiй разъ, одинъ лишь только разъ!

Донъ Рюи Гомецъ. Ее услышать!

Эрнани. Да! Тебя я понимаю,
И скупость всю твою; но молодость моя,
Она теперь уже въ объятьяхъ смерти.
Прости меня, старикъ, и если хочешь ты,
Пусть не увижу я, а слышать только буду,
И нынче къ вечеру свою окончу жизнь...
Лишь услыхать ее, пойми, одно желанье...
О, какъ бы радъ я былъ свою окончить жизнь,
Когда бъ позволилъ ты, предъ тѣмъ, какъ мiръ покинуть,
Чтобы душа моя въ глазахъ ея узнала
Сама себя. Я не скажу ни слова,
Пусть будетъ при тебѣ. я буду твой потомъ!

Донъ Рюи Гомецъ *(показывая на все еще открытый тайникъ)*.

О, Боже! Неужель тайникъ мой такъ глубокъ,
Такъ глухъ и нѣмъ? Онъ ничего не слышалъ!

Эрнани. Да, герцогъ, ничего совсѣмъ я не слыхалъ

Донъ Рюи Гомецъ.

Я долженъ былъ отдать тебя—иль донью Соль!

Эрнани. Кому?

Донъ Рюи Гомецъ. Донъ Карлосу!

Эрнани. Безумный ты старикъ!
Онъ любитъ донью Соль!

Донъ Рюи Гомецъ. Онъ любитъ!

Эрнани. Любитъ онъ,
И онъ соперникъ нашъ, и отнялъ онъ ее.

Донъ Рюи Гомецъ. Проклятіе ему! О! гдѣ мои вассалы?!
Всѣ на коней, впередъ! Преслѣдовать злодѣя!

Эрнани. Послушай! Мщеніе, когда оно глубоко,
Такъ не гремитъ. Я твой. Меня убить ты можешь,
Но, хочешь, буду я твоимъ отмщеньемъ злобнымъ
За попранную честь, за все, за все?
О, согласись! о, сдѣлай эту милость!
Когда къ твоимъ ногамъ, прося, припасть я долженъ,
Я поцѣлую ихъ! Идемъ вдвоемъ съ тобою
За королемъ: твоей рукой я буду,
Тебя я отомщу, убей меня потомъ!

Донъ Рюи Гомецъ. И ты тогда мнѣ сдашься, какъ сегодня?

Эрнани. Да, герцогъ.

Донъ Рюи Гомецъ. Чѣмъ клянешься?

Эрнани. Головой
Я своего отца.

Донъ Рюи Гомецъ. Захочешь ли ты самъ
Когда-нибудь припомнить обѣщанье?

Эрнани *(подавая ему рогъ, который онъ отвязываетъ отъ пояса)*.

Гакъ вотъ бери тогда мой рогъ призывный,
Что бъ ни было со мной, когда захочешь ты,
Гдѣ бъ ни былъ я, и ночью или днемъ,
Когда подумаешь, что пробилъ часъ мой смертный,
Труби въ мой рогъ. Окончено все будетъ.

Донъ Рюи Гомецъ *(протягивая ему руку)*.

Дай руку мнѣ.

(Они подаютъ другъ другу руки. Герцогъ, обращаясь къ портретамъ.)

Вы всѣ свидѣтелями будьте!

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе четвертое.—МОГИЛА.

Подземелье въ Ахенѣ, гдѣ находится могила Карла Великаго. Обширный склепъ ломбардской архитектуры. Направо могильный склепъ Карла Великаго съ маленькой бронзовой дверью. Дверь низкая и наверху полукруглая. Одинъ свѣтильникъ съ потолка освѣщаетъ надпись: «Carolus Magnus». Ночь. Конца подземелья не видно. Взоръ теряется среди сводовъ, лѣстницъ и колоннъ, погруженныхъ въ сумракъ.

СЦЕНА I.

Донъ Карлосъ, донъ Рикардо де-Рохасъ, графъ Казапальма, *у него въ рукѣ фонарь. Всѣ въ широкихъ плащахъ и опущенныхъ шляпахъ.*

Донъ Рикардо *(со шляпой въ рукѣ).* Здѣсь.
Донъ Карлосъ. Здѣсь сберется эта шайка!
Какъ мнѣ хотѣлось бы ихъ всѣхъ въ рукахъ держать!
Такъ вотъ курфирстъ гдѣ Трирскій отыскалъ.
Укромный уголокъ! Удачно выбралъ.
Ихъ мрачный заговоръ ютится въ катакомбахъ,
И какъ удобно имъ о плиты гробовыя
Точить свои ножи. Игра ихъ велика,
И ставка тутъ о головѣ идетъ,
И выборъ ихъ хорошъ для этакаго дѣла—
Могильный склепъ! Имъ близокъ будетъ путь.
(Къ дону Рикардо.)
Далеко подъ землей идутъ пещеры эти?
Донъ Рикардо. До замка вплоть.
Донъ Карлосъ. Да больше и не надо.
Донъ Рикардо. До Альтенгеймскаго идутъ монастыря,
Вотъ съ этой стороны...
Донъ Карлосъ. Гдѣ Лотаря извелъ
Рудольфъ. Теперь тебя еще разъ попрошу я
Назвать ихъ имена, обиды, гдѣ, когда...
Донъ Рикардо. Сначала Гота.
Донъ Карлосъ. Да! Я знаю, храбрый герцогъ,
Хотѣлъ бы увидать германца на престолѣ
Германскомъ онъ.
Донъ Рикардо. Принцъ Гоэнбургъ.
Донъ Карлосъ. Навѣрно
Скорѣй пойдетъ онъ даже въ адъ съ Францискомъ,
Чѣмъ въ рай со мной!
Донъ Рикардо. Донъ Жиль Телецъ Хиронъ.
Донъ Карлосъ. Телецъ Хиронъ! Святая Богоматерь!
Какъ, онъ на своего, измѣнникъ, короля
Вдругъ поднялся?
Донъ Рикардо. Засталъ васъ у жены
Однажды вечеромъ, какъ разъ когда барономъ
Его вы сдѣлали. За честь подруги нѣжной
Пришелъ онъ мстить.

Донъ Карлосъ. Вѣдь это все равно,
Что на отечество войной онъ поднялся!
Еще кто?
Донъ Рикардо. Говорятъ—епископъ Васкецъ.
Донъ Карлосъ.
Быть-можетъ, тоже мститъ за честь супруги?
Донъ Рикардо. Потомъ Гузманъ де-Лара. Недоволенъ
Онъ тѣмъ, что обойденъ былъ орденомъ на шею!
Донъ Карлосъ. Гузманъ де-Лара! О, когда лишь орденъ
Желаетъ онъ, такъ онъ его получитъ!
Донъ Рикардо.
И герцогъ Лютцельбургъ; всѣ говорятъ, что онъ...
Донъ Карлосъ.
О, герцогъ Лютцельбургъ, онъ очень ужъ зазнался!
Донъ Рикардо. Хуанъ Харо—Асторгу онъ желаетъ.
Донъ Карлосъ. Работу палачамъ Харо всегда давали.
Донъ Рикардо. Вотъ всѣ.
Донъ Карлосъ. О, нѣтъ, здѣсь многихъ нѣтъ головъ.
Здѣсь только семь. Мой счетъ гораздо больше.
Донъ Рикардо. Ахъ, государь, я пропустилъ бандитовъ,
Которымъ платитъ Франція иль Триръ.
Донъ Карлосъ.
Ты пропустилъ людей, лишенныхъ предразсудковъ,
Людей, чей ножъ всегда готовъ исполнить волю
Того, кто платитъ имъ: и стремится къ деньгамъ онъ,
Какъ стрѣлка къ полюсу!
Донъ Рикардо. Я, впрочемъ, различилъ
Пришедшихъ новыхъ двухъ товарищей отважныхъ:
Одинъ сѣдой старикъ и юноша другой.
Донъ Карлосъ. Ихъ имена?
(Донъ Рикардо пожимаетъ плечами, показывая, что не знаетъ.)
Года?
Донъ Рикардо. Одинъ лѣтъ двадцати.
Донъ Карлосъ. Какъ жаль!
Донъ Рикардо. Другой старикъ, шестидесяти лѣтъ,
Никакъ не менѣе.
Донъ Карлосъ. Одинъ еще не дожилъ,
Другой ужъ пережилъ свои года. Тѣмъ хуже.
Я палачамъ надъ ними помогу.
Крамольникамъ не думаю, чтобъ мечъ мой
Пріятенъ былъ; его отдамъ я палачу,
Когда его топоръ притупится рубить.
Я, графъ, готовъ, чтобъ сдѣлать имъ почетъ,
И мантію свою пурпурную отдать
Завѣсить эшафотъ. Но буду ли еще
Я императоромъ?
Донъ Рикардо. Курфирсты засѣдаютъ
Какъ разъ теперь.

Донъ Карлосъ. Да, правда. Но какъ знать,
Франциска выберутъ, иль своего саксонца—
Ихъ Фридриха Премудраго. Правъ Лютеръ,
Все плохо на землѣ. Для выборщиковъ глупыхъ
Нѣтъ доводовъ иныхъ, лишь золото одно!
Саксонецъ-еретикъ, какой-то графъ подлунный;
Безсмысленный глупецъ, архіепископъ Трирскій;
Король Богеміи—тотъ за меня, я знаю.
Владѣльцы Гессенскіе—тѣ еще ничтожнѣй,
Чѣмъ земли ихъ! Младенцы, идіоты,
И старики развратные. Коронъ
Обиліе кругомъ, но гдѣ головъ найти?
Все карлики кругомъ, которыхъ бы я могъ,
Какъ Геркулесъ, унесть, окутавъ шкурой львиной!
А если бы они покинули плащи,
Ихъ были бъ головы еще, пожалуй, меньше,
Чѣмъ Трибулэ. Три голоса мнѣ надо,
Мнѣ ихъ недостаетъ. Я отдалъ бы Толедо
И съ Саламанкой Гентъ, три города на выборъ,
Лишь за три голоса. Ты понялъ ли меня?
Мнѣ надо ихъ, мой вѣрный другъ, Рикардо!
Одно изъ царствъ моей Кастиліи богатой,
Иль Фландріи я отдалъ бы, но, впрочемъ,
Чтобъ послѣ взять обратно ихъ, конечно.

(Донъ Рикардо дѣлаетъ глубокій поклонъ королю и надѣваетъ шляпу.)

Вы почему надѣли вашу шляпу?

Донъ Рикардо. Мой государь мнѣ *ты* сейчасъ сказалъ.
(Снова кланяясь.)
Я сталъ испанскій грандъ.

Донъ Карлосъ *(въ сторону)*. Онъ жалокъ мнѣ!
Онъ мелочно честолюбивъ, подкупенъ.
О, родъ людской, какъ черезъ наши мысли
Свою онъ цѣль всегда преслѣдуетъ упорно.
Задворки, заднiй дворъ, гдѣ клянчатъ безъ стыда,
И гдѣ король всѣмъ алчущимъ бросаетъ
Величья своего ничтожнѣйшія крохи. *(Мечтательно.)*
Великій Богъ одинъ великъ, да императоръ,
И папа: короли и герцоги, все это
Не стоитъ ничего!

Донъ Рикардо. Надѣюсь я, король,
Что выборъ ихъ на васъ, навѣрное, падетъ.

Донъ Карлосъ *(въ сторону)*.
Король? О, да, король! Несчастье мнѣ во всемъ:
А если королемъ остаться суждено?

Донъ Рикардо *(въ сторону)*.
Ты будешь или нѣтъ, а я испанскій грандъ!

Донъ Карлосъ. Какъ извѣстятъ они, что выборъ состоялся,
Что избранъ императоромъ такой-то?

Донъ Рикардо. Услышимъ выстрѣлы: когда саксонскій герцогъ,
Всего одинъ; два выстрѣла французу;
Три выстрѣла, коль избранъ нашъ король.
Донъ Карлосъ. А эта донья Соль! И сердитъ и волнуетъ
Она меня. Графъ, если избранъ буду,
Бѣги сейчасъ же къ ней. Быть-можетъ, пожелаетъ,
Хоть цезаря она!
Донъ Рикардо *(улыбаясь)*. Король великодушенъ!
Донъ Карлосъ *(надменно перебивая его)*.
И чтобъ молчать о томъ! Еще я не сказалъ,
Какъ я хочу, чтобъ думали другіе!
Когда жъ узнаемъ мы, кто избранъ ими будетъ?
Донъ Рикардо. Пожалуй, черезъ часъ, никакъ уже не позже.
Донъ Карлосъ. Ахъ, эти голоса! Три голоса мнѣ нужно!
Но мы тѣмъ временемъ раздавимъ эту шайку,
А тамъ узнаемъ мы, кто избранъ на престолъ.
(Онъ считаетъ по пальцамъ и топаетъ ногой.)
И все жъ недостаетъ трехъ голосовъ! Они!
И только лишь отъ нихъ избраніе зависитъ.
Однако, заглянулъ въ грядущее Агриппа:
Тринадцать яркихъ звѣздъ въ небесномъ океанѣ
Онъ увидалъ къ моей звѣздѣ летящихъ
Отъ сѣвера. О, да, я буду императоръ!
Но говорятъ еще, что Жанъ Тритэмъ, гадая,
Франциску Первому давно тронъ предсказалъ!
Не лучше ль было бъ звономъ рѣзкимъ стали
Судьбу мою мнѣ раньше разъяснить?
И предсказанія всѣхъ мудрыхъ колдуновъ
Скорѣй идутъ къ концу, побѣды достигая,
Когда войска стоятъ, и пушки, пики, копья,
Пѣхота, конница, труба и барабаны
Указываютъ путь хромающей судьбѣ
Да, съ этой бабкою она скорѣй родитъ.
Кто будетъ правъ, Корнелій иль Тритэмъ?
(Къ дону Рикардо.)
Ступай отсюда прочь. Сейчасъ должны прійти
Всѣ заговорщики. Да! ключъ гдѣ отъ могилы?
Донъ Рикардо *(подавая ключъ королю)*.
Вы вспомните потомъ, великій государь,
О графѣ Лимбургѣ, ея верховномъ стражѣ:
Онъ мнѣ довѣрилъ ключъ, чтобъ вамъ пріятнымъ быть.
Донъ Карлосъ *(отпуская его)*.
Смотри, исполни все, что я тебѣ сказалъ.
Донъ Рикардо *(склоняясь)*. Тотчасъ же, государь.
Донъ Карлосъ. Три выстрѣла мнѣ надо!
(Донъ Рикардо кланяется и уходитъ. Карлосъ остается одинъ и погружается въ глубокую задумчивость. Онъ скрещиваетъ руки и низко склоняетъ голову на грудь. Потомъ онъ какъ бы пробуждается и обращается къ могилѣ.)

СЦЕНА II.

Донъ Карлосъ *(одинъ)*.

Прости, великій Карлъ, безмолвные здѣсь своды
Торжественною бы должны звучать лишь рѣчью.
Ты гнѣвно слушаешь ничтожныя всѣ распри,
Что мы несемъ съ собой къ твоей глухой могилѣ.
Такъ, здѣсь великій Карлъ! Какъ можетъ черный гробъ,
Самъ не распавшись въ прахъ, держать его въ объятьяхъ,
Тѣнь столь великую? Ты здѣсь ли, грозный геній?
Создатель міра здѣсь! Какъ могъ ты, великанъ,
Улечься здѣсь своимъ могучимъ ростомъ?
Картина дивная и можетъ умъ плѣнить:
Европа до него... и чѣмъ ее онъ сдѣлалъ!
Два повелителя въ строеніи огромномъ,
Два только избранныхъ превыше королей,
Маркизовъ, герцоговъ, владѣтельныхъ бароновъ,
Которые всегда наслѣдуютъ другъ другу;
Но у народа два лишь избранныхъ бываютъ:
Святой отецъ и римскій императоръ!
И все идетъ впередъ, случайность поправляетъ,
Собой другой, никѣмъ не жданный случай,
И въ томъ движеніи причина равновѣсья.
Всѣ избиратели и принцы и вельможи
И кардиналы всѣ, въ своихъ пурпурныхъ тогахъ.
Двойной сенатъ, что потрясаетъ землю,
То все одинъ парадъ. Богъ правитъ какъ желаетъ.
Когда родится мысль и явится на свѣтъ,
Согласно времени, она впередъ стремится
И образъ, наконецъ, людской ужъ принимаетъ;
Сердца въ ея плѣну, глубокой бороздою
Проходитъ слѣдъ ея по пламеннымъ умамъ;
И пусть какой-нибудь король-властитель,
Поправъ ее пятой, не дастъ ей молвить слова.—
Она сама войдетъ когда-нибудь въ собранье,
И повелители увидятъ надъ собой
Порабощенную когда-то мысль, сурово
Ступающей по ихъ вѣнцамъ побѣднымъ,
Вдругъ возродившейся, съ державою въ рукѣ,
Или съ тіарою на доблестномъ челѣ.
Да, въ этомъ мірѣ все два слова обнимаютъ:
Святой отецъ и римскій императоръ.
Все на землѣ для нихъ, они всему причина,
Въ нихъ скрыта высшая, таинственная сила.
И небо имъ двоимъ, что власть всю даровало,
Готовитъ на землѣ чудесный, дивный праздникъ,
Изъ королей и ихъ безчисленныхъ народовъ.
И лишь вдвоемъ, гдѣ громъ глухой грохочетъ,
За праздничнымъ столомъ, которымъ міръ имъ служитъ

Сидятъ они одни, надъ всѣмъ повелѣвая.
Какъ пахари они надъ полосой своею,
Трудятся двое, все вдвоемъ рѣшаютъ...
За дверью короли; они къ окну прильнули,
Вдыхая ароматъ отъ яствъ на ихъ столѣ,
И тянутся впередъ, чтобъ только видѣть ихъ!
Подъ ними міръ ступенями идетъ,
И вокругъ нихъ однихъ все собрано бываетъ.
Они и строятъ все, они жъ и разрушаютъ.
Одинъ порветъ, другой совсѣмъ отрѣжетъ,
И правда вся—одинъ, другой—вся сила.
Для нихъ—все въ нихъ, и оба существуютъ,
Затѣмъ что такъ хотятъ. Когда они вдвоемъ
Изъ своего святилища выходятъ
Одинъ весь въ пурпурѣ, другой весь бѣлоснѣжный,
То міръ волнуется, въ тревогѣ повторяя:
«Предъ нами Бога двѣ великихъ половины,
То папа самъ и римскій императоръ!»
Быть императоромъ! о, слово императоръ!
И имъ не быть, когда въ груди есть мощѣ!
О, какъ тотъ счастливъ былъ, кто въ этой спитъ могилѣ,
О, какъ великъ онъ былъ! Тогда въ былое время
Еще торжественнѣй!.. Нѣтъ! папа, императоръ
Не люди ужъ они—апостолъ Петръ и Цезарь!
Сошлися въ нихъ двѣ Рима половины,
Соединилися въ таинственный союзъ
Они вдвоемъ даютъ народамъ міра душу,
Они своей рукой могучею мѣшаютъ
Народы, племена, чтобъ обновить Европу,
И, все смѣшавъ, изъ бронзы выливаютъ
Наслѣдье римское!.. Какой высокій жребій!—
А между тѣмъ, вѣдь вотъ его могила!
И неужель такъ все ничтожно, преходяще
И мы туда жъ идемъ?..—Какъ! быть державнымъ княземъ,
Быть императоромъ, быть королемъ, мечемъ быть,
Закономъ быть, гигантомъ быть, подножьемъ
Которому Германія служила!
И титулъ цезаря, и имя Карлъ Великій...
Онъ выше былъ вождя Аттилы, Ганнибала!
Онъ былъ, какъ міръ, великъ—и что жъ!—сокрылся здѣсь!
Такъ воздвигайте же вы царство міровое,
Чтобъ послѣ увидать пыль праха короля!
Волнуйте землю всю смятеніемъ и шумомъ,
Впередъ, впередъ, возвысьте, стройте царство.
И никогда нигдѣ не говорите: будетъ!
И мощною своей, широкою рукою
Воздвигните одни вы міровое зданье...
А знаете ли вы, что ждетъ въ грядущемъ васъ,
И что останется одинъ вотъ этотъ камень,

И буквы стертыя, что дѣти разбираютъ,
Учась читать, картавя, по слогамъ?
Такъ вотъ каковъ конецъ всему бываетъ!..
Но что за дѣло мнѣ! Имперію мнѣ дайте!
Ея касаюсь я, она подъ силу мнѣ!
Она вся для меня! Мнѣ что-то говоритъ:
«Ее получишь ты!» Я получу! О, если бъ
Ее я получилъ! Быть тѣмъ, кто начинаетъ!
Стоять тамъ на верху спирали безконечной,
Быть одному въ главѣ безчисленныхъ народовъ!
Быть высшей точкою возвышеннаго свода,
Пятой своей ступать на королей великихъ
А тамъ внизу подъ ними феодалы,
Потомъ епископы, аббаты и бароны,
Потомъ солдаты тамъ и клерки, а за ними
Вдали отъ насъ, въ тѣни, на днѣ глубокой бездны
Народъ!—Народъ, толпа—то море: громкій крикъ,
Стенанье, плачъ, иль горькій смѣхъ порою;
Печаль и жалоба, которую, услышавъ,
Колеблется земля, и эхо, повторяя,
Несчетно разъ доноситъ къ намъ ее,
Какъ барабанный бой! Народъ—пчелиный рой,
Торговля шумная на рынкахъ, башни, стѣны,
Колокола церквей, звенящіе набатомъ!—

(Мечтательно.)

Народъ—подножіе огромной пирамиды,
Которая пятой на полюсы ступила;
Народъ, безбрежное, живое море волнъ
Струится вкругъ нея и волнами своими
Качаетъ и трясетъ, какъ корабли на морѣ,
И бурею своей онъ съ мѣста все сдвигаетъ
И трономъ королей играетъ какъ скамьями!
И бросивъ короли неравную борьбу,
Свои глаза съ мольбой возводятъ, плача, къ небу.
Глядите внизъ! Народъ—что океанъ бездонный,
Волна кипучая, смятенье безъ конца,
И только брось въ нее что, все зашевелится!
Волна, волна, она колеблетъ тронъ,
Могилу ласково баюкаетъ, качая.
Народъ—зеркальная поверхность, гдѣ король
Лишь изрѣдка себя въ красивомъ видѣ видитъ.
И если поглядѣть въ народную пучину,
На днѣ ея погибшихъ сколько царствъ,
Разбитыхъ кораблей приливомъ и отливомъ,
Забытыхъ, сломанныхъ, тѣснившихъ ихъ когда-то...
И править этимъ всѣмъ! взойти на эту высь!
Что дѣлать мнѣ, чѣмъ стану я великъ?
Кто будетъ мой законъ, совѣтникомъ кто будетъ?

(Онъ опускается передъ гробницей на колѣни.)

Будь ты, Великій Карлъ! Всесильному возможно
Поставить насъ съ тобой вдвоемъ другъ противъ друга.
Пролей ты въ сердце мнѣ изъ глубины могилы
Великодушіе, величье, красоту.
О, научи меня твоей великой тайнѣ,
Открой какъ побѣждать, какъ править побѣжденнымъ.
Но если же ты мнѣ не скажешь ничего,
Дозволь хоть къ твоему челу въ тиши склониться
И изучить его, какъ міръ мы изучаемъ;
Дай на свободѣ мнѣ измѣрить великана.
Здѣсь на землѣ, о Карлъ, твой прахъ одинъ великъ,
И вмѣсто тѣни пусть онъ мнѣ даетъ совѣтъ!
(Онъ подноситъ ключъ къ замку.)
Войдемъ.
(Онъ отступаетъ.)
О Боже! если вдругъ его услышу шопотъ?
О, если онъ возсталъ и тихо ходитъ тутъ?
О, если въ страхѣ я, какъ старецъ, посѣдѣю?
Но все жъ войдемъ. *(Слышенъ шумъ шаговъ.)*
Идутъ! Кто смѣетъ въ этотъ часъ
Другой, кромѣ меня, тревожить эту тѣнь?
Кто тамъ идетъ? *(Шумъ приближается.)*
А! я забылъ совсѣмъ,
Мои убійцы тамъ, они сюда идутъ.
Войдемъ!
(Онъ открываетъ входъ въ склепъ, который закрывается за нимъ. Входитъ много народа, тихо ступая, въ закрытыхъ плащахъ и опущенныхъ шляпахъ.)

СЦЕНА III.

Заговорщики.

(Они подходятъ другъ къ другу, берутся за руки и перекидываются отрывочными словами тихимъ голосомъ.)

Первый заговорщикъ *(съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ)*.
Ad augusta.
Второй заговорщикъ. Per angusta.
Третій заговорщикъ. Святые насъ хранятъ.
Первый заговорщикъ. Да сохранитъ насъ Богъ.
(Шумъ шаговъ во мракѣ.)
Второй заговорщикъ. Кто тамъ идетъ?
Голоса во мракѣ. Ad augusta.
Второй заговорщикъ. Per angusta.
(Входятъ новые заговорщики. Шумъ шаговъ.)
Первый заговорщикъ *(третьему)*.
Гляди, тамъ кто-то вновь сюда идетъ.
Третій заговорщикъ. Кто тамъ?
Голоса во тьмѣ. Ad augusta.

Третій заговорщикъ. Per angusta.

(Входятъ новые заговорщики, которые мѣняются знаками съ прочими.)

Первый заговорщикъ.
Мы всѣ здѣсь собрались. Ты, Гота, начинай,
Намъ обвиненіе прочти. Друзья, ждетъ свѣта
Нависшій мракъ.

(Всѣ заговорщики садятся полукругомъ по могиламъ. Первый проходитъ передъ ними, и каждый изъ нихъ зажигаетъ объ его факелъ восковую свѣчу, держа ее въ рукѣ. Затѣмъ первый заговорщикъ садится въ серединѣ полукруга на могилу, которая выше другихъ.)

Герцогъ Гота *(поднимаясь)*.
Друзья! Король испанскій донъ Карлосъ,
По матери иноплеменникъ чуждый,
Къ священной тянется имперіи.

Первый заговорщикъ. Могила
Его ждетъ впереди.

Герцогъ Гота *(кидая свою свѣчу на полъ и давя ее ногой)*.
Да будетъ попранъ онъ, какъ попранъ этотъ факелъ!

Всѣ. Да будетъ такъ!

Первый заговорщикъ. Смерть Карлосу!

Герцогъ Гота. Погибель!

Всѣ. Стереть съ лица земли!

Донъ Хуанъ де-Харо. Его отецъ германецъ.

Герцогъ Лютцельбургъ. А мать его испанкою была.

Герцогъ Гота. А Карлосъ, онъ ужъ больше не испанецъ,
И не германецъ, нѣтъ! Да будетъ смерть ему!

Одинъ изъ заговорщиковъ.
А что, друзья, когда сейчасъ собраньемъ
Вдругъ избранъ будетъ онъ?

Первый заговорщикъ. Не будетъ никогда!

Донъ Жиль Теле Хиронъ.
Такъ что жъ? когда мы голову снесемъ,
То вмѣстѣ съ ней погибнетъ и корона!

Первый заговорщикъ.
Нѣтъ, если онъ имперію получитъ,
Священенъ станетъ онъ. Одинъ лишь можетъ Богъ
Тогда его Своимъ перстомъ коснуться.

Герцогъ Гота.
Вѣрнѣй бы кончить съ нимъ, пока еще не избранъ.

Первый заговорщикъ. Его не изберутъ.

Всѣ. Онъ царства не получитъ!

Первый заговорщикъ.
А сколько нужно рукъ, чтобъ въ гробъ его низвергнуть?

Всѣ. Одна рука.

Первый заговорщикъ. Ударовъ сколько нужно?

Всѣ. Одинъ ударъ.

Первый заговорщикъ. Кто нанесетъ его?

Всѣ. Мы всѣ!

Первый заговорщикъ.

Но жертва намъ вѣдь можетъ измѣнить,
Тамъ императора творятъ, а мы жреца.
Такъ кинемъ жребій всѣ.

(Всѣ заговорщики пишутъ свои имена на листкахъ, потомъ опускаютъ ихъ въ одну изъ могильныхъ урнъ. Затѣмъ первый говоритъ.)

Помолимся.

(Всѣ становятся на колѣни. Первый заговорщикъ встаетъ и произноситъ.)

Пусть вѣритъ
Избранникъ въ Бога нашъ, какъ римлянинъ ударитъ,
И какъ еврей умретъ! И съ твердостью снесетъ
Всѣ пытки страшныя, пусть пѣньемъ онъ отвѣтитъ
Свирѣпымъ палачамъ и хохотомъ огню,
Да будетъ сила въ немъ убить и претерпѣть!

(Онъ вынимаетъ жребій изъ урны.)

Всѣ. Чей жребій, имя чье?

Первый заговорщикъ *(громкимъ голосомъ)*. Эрнани!

Эрнани *(выходя изъ толпы заговорщиковъ)*. Жребій мой!
Я выигралъ. Въ моихъ рукахъ теперь
Отмщеніе. Какъ долго я стремился...

Донъ Рюи Гомецъ *(пробираясь сквозь толпу и отводя Эрнани въ сторону)*.
Прошу тебя, отдай мнѣ твой ударъ!

Эрнани. О, нѣтъ, онъ мой! Отбросьте вашу зависть
Къ моей судьбѣ. Мнѣ въ первый разъ она
Улыбку подарила. Не мѣшайте.

Донъ Рюи Гомецъ.
Ты бѣденъ, у тебя совсѣмъ нѣтъ достоянья,
Я все отдамъ тебѣ, и замки и деревни,
Все за ударъ, отдай его мнѣ, другъ!

Эрнани. Нѣтъ, не отдамъ

Герцогъ Гота. Старикъ, въ твоей рукѣ ужъ нѣтъ
Той вѣрности.

Донъ Рюи Гомецъ. Зато мой силенъ духъ,
И по худымъ ножнамъ не судятъ о клинкѣ.

(Къ Эрнани.)

Ты мнѣ принадлежишь.

Эрнани. Да, жизнь свою я отдалъ
Вамъ, это такъ; но жизнь его—моя.

Донъ Рюи Гомецъ *(срывая рогъ съ своего пояса)*.
Ну, такъ возьми жъ свой рогъ, его я отдаю.

Эрнани. Что! жизнь? На что она? Я мщеніемъ сгораю.
И въ первый разъ судьба со мной въ согласьи.
Я мститель за отца... а можетъ-быть, и больше!
Ее ты мнѣ отдашь?

Донъ Рюи Гомецъ. Нѣтъ! никогда! Свой рогъ
Возьми!

Эрнани. О, нѣтъ!
Донъ Рюи Гомецъ. Одумайся, ребенокъ!
Эрнани. Оставьте, герцогъ, мнѣ мой вынувшійся жребій.
Донъ Рюи Гомецъ.
Такъ будь же проклятъ ты, что радости лишилъ
Меня послѣдней.
(Онъ снова суетъ рогъ за поясъ.)
Первый заговорщикъ *(къ Эрнани).*
Братъ, пока не избранъ Карлосъ,
Его бы вотъ теперь и надо подстеречь.
Эрнани. Не безпокойтесь, я давно и твердо знаю,
Какъ отправлять людей до времени въ могилу.
Первый заговорщикъ.
Пусть на измѣнника падетъ измѣна карой.
А съ нами Богъ. Мы, графы и бароны,
Коль этотъ, не убивъ, погибнетъ самъ, клянемся,
Что будемъ мы поочереди всѣ
Не уклоняяся, удары наносить
Донъ Карлосу: онъ долженъ умереть.
Всѣ *(выхватывая шпаги).* Клянемся всѣ!
Герцогъ Гота *(первому заговорщику).*
На чемъ клянемся мы?
Донъ Рюи Гомецъ *(поворачивая шпагу и, держа ее за лезвее, поднимаетъ надъ головой).*
Вотъ крестъ, друзья, на немъ мы поклянемся!
Всѣ *(поднимая шпаги).*
И пусть погибнетъ онъ, умретъ безъ покаянья!
(Слышенъ далекій пушечный выстрѣлъ. Всѣ останавливаются въ молчаніи. Дверь гробницы слегка пріотворяется. Донъ Карлосъ, совершенно блѣдный, появляется на порогѣ. Онъ слушаетъ. Второй выстрѣлъ. Третій выстрѣлъ. Онъ распахиваетъ дверь могилы, но, не дѣлая ни шага, остается неподвижно на порогѣ.)

СЦЕНА IV.

Заговорщики, донъ Карлосъ; потомъ донъ Рикардо, свита, стража; король богемскій, герцогъ баварскій; потомъ донья Соль.

Донъ Карлосъ.
Идите дальше всѣ! Васъ слышитъ императоръ.
(Всѣ факелы сразу гаснутъ. Глубокое молчаніе. Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, ступая во мракъ. Такъ темно, что едва можно различить смущенныхъ и неподвижныхъ заговорщиковъ.)
Молчаніе и ночь! Весь скрылся, показавшись,
Во мракѣ рой. Иль думаете вы,
Что это все пройдетъ, развѣется какъ сонъ,
Что я приму васъ всѣхъ за изваянья?
Я слышалъ вашу рѣчь, вы громко говорили!
Карлъ Пятый здѣсь! Такъ поднимите жъ всѣ

Вы головы свои склоненныя. Разите!
Скорѣй! впередъ! Я жду, посмѣете ли вы?
Нѣтъ, ваши всѣ огни, сверкавшіе во мракѣ,
Дыханьемъ я своимъ мгновенно потушилъ.
Смотрите же теперь и обратите взоръ
Безумный свой: коль я тушить умѣю
Такъ много факеловъ, зажечь могу и больше.

(Онъ ударяетъ стальнымъ ключомъ по бронзовой двери гробницы. По данному сигналу, вся глубина подземелья наполняется солдатами съ факелами въ рукахъ и въ вооруженіи. Во главѣ ихъ герцогъ Алькала, маркизъ Альмуньянъ.)

Летите, соколы, въ моихъ рукахъ гнѣздо;
Съ добычей я.
(Къ заговорщикамъ.)
Теперь я освѣщаю
Могильный склепъ. Вы видите ли ихъ?
(Къ солдатамъ.)
Идите всѣ! на мѣстѣ преступленья
Я ихъ поймалъ.

Эрнани. Я радъ, что вышло такъ.
Одинъ онъ мнѣ казался столь великимъ...
Великій Карлъ, я думалъ предо мною,—
Онъ только Пятый Карлъ, не болѣе того.

Донъ Карлосъ *(герцогу Алькала)*.
Испанскій коннетабль! Кастильскій адмиралъ!
Сюда! сюда! обезоружьте ихъ.
(Заговорщиковъ окружаютъ и обезоруживаютъ.)

Донъ Рикардо *(забѣгая и кланяясь до земли)*. О государь!

Донъ Карлосъ. Тебя алькадомъ назначаю
Я своего дворца.

Донъ Рикардо. Предъ вами, повелитель,
Два избирателя палаты золотой;
Пришли привѣтствовать священное величье.

Донъ Карлосъ. Такъ пусть войдутъ.
(Тихо къ Рикардо.)
А донья Соль?

(Рикардо кланяется и выходитъ. Входятъ съ факелами и барабаннымъ боемъ курфирсты—король богемскій и герцогъ баварскій, въ золотыхъ мантіяхъ и съ коронами на головахъ. Ихъ окружаетъ многочисленная свита германскихъ вельможъ, они несутъ имперское знамя, двуглаваго орла, въ серединѣ котораго испанскій гербъ. Солдаты, выстраиваясь, образуютъ шпалеры, между которыми проходятъ два курфирста къ императору. Они привѣтствуютъ его глубокимъ поклономъ. Онъ отвѣчаетъ имъ, поднимая свою шпагу.)

Герцогъ баварскій. Карлъ, римскій императоръ,
Священное величество! Въ рукахъ
У васъ весь міръ теперь! Вы нынѣ императоръ,
Вамъ тронъ принадлежитъ, къ которому стремятся

Всѣ короли. Саксонскій герцогъ Фридрихъ,
Сначала избранъ былъ, но онъ раздумалъ
И самъ не захотѣлъ. Придите жъ и возьмите
Корону вы, а съ нею цѣлый міръ.
Имперія священная свой мечъ
Вручаетъ вамъ и мантіей своей
Васъ облекаетъ. Цезарь вы теперь.

Донъ Карлосъ.
Благодарить явлюсь я самъ сейчасъ собранье.
Идите же теперь. Спасибо, братъ богемскій,
Благодарю, баварскій герцогъ, васъ.
Я самъ сейчасъ иду. Ступайте же, друзья.

Король богемскій. Друзьями, Карлъ, звалися наши дѣды,
Отецъ любилъ отца, и ихъ отцы любили
Великой дружбою другъ друга. Карлъ, ты молодъ,
И можешь встрѣтить ты сомнѣнья! Хочешь ты,
Чтобъ братомъ былъ тебѣ среди другихъ я братьевъ?
Тебя ребенкомъ зналъ и не могу забыть...

Донъ Карлосъ. Король Богеміи, берешься слишкомъ много
Со мной ты разсуждать.

(Онъ даетъ ему поцѣловать свою руку, такъ же, какъ и герцогу баварскому, затѣмъ отпускаетъ обоихъ курфирстовъ, которые дѣлаютъ ему глубокій поклонъ.)

Идите же теперь.

(Курфирсты въ сопровожденіи свиты уходятъ.)

Толпа. Виватъ! Виватъ!

Донъ Карлосъ *(въ сторону)*.
И вотъ, удачно миновавъ
Всѣ затрудненья, цезаремъ я сталъ.
Не Фридриха избрали, а меня.

(Входитъ донья Соль въ сопровожденіи Рикардо.)

Донья Соль. Солдаты! Боже мой! что вижу! императоръ!
Эрнани!

Эрнани. Донья Соль!

Донъ Рюи Гомецъ *(сбоку, около Эрнани, въ сторону)*.
Меня она не видитъ!

(Донья Соль бросается къ Эрнани, но онъ заставляетъ ее отступить презрительнымъ взоромъ.)

Эрнани. Сеньора!..

Донья Соль *(выхватывая кинжалъ, спрятанный на груди)*.
Мой кинжалъ еще при мнѣ остался.

Эрнани *(простирая ей свои объятья)*.
Мой милый другъ!

Донъ Карлосъ. Молчите всѣ, довольно!

(Обращаясь къ заговорщикамъ.)

Тверда ль у васъ душа? Урокъ я міру долженъ
Сегодня дать. Ты, Лара кастильянецъ,
Саксонецъ Гота, всѣ, зачѣмъ сюда пришли вы?

Эрнани *(дѣлая шагъ впередъ)*.
Зачѣмъ пришли сюда? причина такъ проста!
Лишь вспомни приговоръ, постигшій Валтасара,
И цезарю пришли мы должное воздать.
Донъ Карлосъ. Довольно!
(Къ дону Рюи Гомецу.)
Какъ! и ты измѣнникъ, Сильва?
Донъ Рюи Гомецъ.
Кто измѣнилъ изъ насъ—не знаю, государь!
Эрнани *(обращаясь къ заговорщикамъ)*.
Въ его теперь рукахъ все, что всегда желалъ онъ:
И наши головы и титулъ «императоръ»!
(Къ императору.)
Васъ мантія стѣсняла короля:
Цвѣтъ голубой!—вамъ пурпуръ нуженъ яркій:
На немъ вѣдь кровь бываетъ не видна.
Донъ Карлосъ *(къ дону Рюи Гомецу)*.
Кузенъ мой Сильва, за измѣну вашу
Изъ списковъ вычеркнуть баронство ваше надо!
Вы государственной измѣной запятнали
Себя, донъ Рюи!
Донъ Рюи Гомецъ. А король Родриго
Себѣ самъ создалъ графа Юліана.
Донъ Карлосъ *(къ герцогу Алькалѣ)*.
Берите среди нихъ, кто только графъ иль герцогъ,
А остальныхъ...
(Донъ Рюи Гомецъ, герцогъ Лютцельбургъ, герцогъ Гота, донъ Хуанъ де Харо, донъ Гузманъ де Лара, донъ Телецъ Хиронъ, баронъ Гоэнбургъ отдѣляются отъ толпы заговорщиковъ, въ которой остается Эрнани. Герцогъ Алькала окружаетъ ихъ стражей.)
Донья Соль *(въ сторону)*. Спасенъ!
Эрнани *(выходя изъ толпы заговорщиковъ)*.
Пусть и меня считаютъ!
Я требую того, когда до смерти дѣло
Коснулось здѣсь. Пастухъ Эрнани темный
Безъ наказанія остался бы затѣмъ,
Что онъ не входитъ въ счетъ людей вельможныхъ,—
Чтобъ умереть, здѣсь надо знатнымъ быть.
Тогда откроюсь я. Господь тебѣ далъ скиптръ,
Меня же создалъ герцогомъ Сегорбскимъ;
Кардонскій герцогъ я, маркизъ Монрой,
Графъ Альбатера, виконтъ Горъ, я счета
Безчисленнымъ владѣніямъ своимъ
Не вѣдаю. Хуанъ я Арагонскій,
Изгнанникъ, сынъ убитаго отца
Твоимъ отцомъ, король кастильскій Карлосъ!
И между двухъ родовъ убійство встало.
У васъ есть эшафотъ, у насъ кинжалъ есть вѣрный.

Но волей Бога я по крови знатный герцогъ.
Изгнаніе меня преобразило въ горца,
Но я напрасно мечъ свой закалялъ
Въ горахъ крутыхъ и въ бѣшеныхъ потокахъ.
(Къ другимъ заговорщикамъ.)
Накроемтесь, друзья: испанскіе мы гранды!
(Всѣ испанцы надѣваютъ шляпы. Эрнани къ Карлосу.)
Да, наши головы имѣютъ право
Накрытыми упасть къ твоимъ ногамъ.
(Къ арестованнымъ.)
Вы, Сильва, Харо, Лара, громкихъ титловъ
Носители, дорогу мнѣ скорѣй!
Я среди васъ имѣю право быть,
Затѣмъ, что я Хуанъ де-Арагонъ.
(Къ заговорщикамъ и къ стражѣ.)
Я—Арагонъ! Король, лакеи, палачи!
Коль малъ вашъ эшафотъ, постройте больше новый.
(Онъ идетъ присоединиться къ арестованнымъ.)

Донья Соль. О Небо!

Донъ Карлосъ. Я забылъ давно прошедшій случай.

Эрнани. Кто страждетъ, оскорбленъ, въ томъ память крѣпче:
Обидчикъ забываетъ объ обидѣ,
Которую другому онъ нанесъ,
У потерпѣвшаго жъ все ноетъ сердце
И проситъ мщенія.

Донъ Карлосъ. Но титулъ мой
Таковъ, какого на землѣ нѣтъ выше;
Помимо этого, я сынъ отцовъ,
Рубившихъ вашимъ головы отцамъ.

Донья Соль *(бросаясь передъ императоромъ на колѣни)*.
Простите, государь! о, сжальтесь, государь!
Убейте насъ вдвоемъ иль будьте милосердны!
Я, государь, люблю, и онъ любовникъ мой,
Мой мужъ! я имъ дышу, я вся дрожу отъ страха!
Убейте насъ вдвоемъ, о, сжальтесь надо мною!
Молю объ этомъ васъ у вашихъ ногъ.
Его люблю, онъ мой, какъ вамъ принадлежитъ
Имперія, о, сжальтесь, государь!
(Донъ Карлосъ неподвижно смотритъ на нее.)
Какая мысль пришла вамъ роковая?

Донъ Карлосъ. Такъ поднимитесь же, Сегорбы герцогиня,
Вставайте же, графиня Альбатера,
Маркиза де-Монрой...
(Къ Эрнани.)
Есть титулы другіе?
Скажи ихъ, донъ Хуанъ.

Эрнани. Кто говоритъ? Король?

Донъ Карлосъ. Нѣтъ, императоръ.

Донья Соль *(поднимаясь)*. Боже!

Донъ Карлосъ *(указывая на нее Эрнани).*
Твоя супруга, герцогъ.
Эрнани *(обнимаетъ донью Соль, поднявъ глаза къ небу).*
Богъ справедливъ!
Донъ Карлосъ *(къ дону Рюи Гомецу).*
Твоя, я знаю, гордость
Завистлива, но могутъ Арагоны
Себѣ брать женъ изъ рода Сильва.
Донъ Рюи Гомецъ *(сумрачно).* Нѣтъ,
Не гордость здѣсь.
Эрнани *(глядя съ любовью на донью Соль и держа ее въ своихъ объятіяхъ).*
Прочь ненависть уходитъ!
Донъ Рюи Гомецъ *(въ сторону, глядя на нихъ).*
Дать волю гнѣву? Нѣтъ! Безумная любовь!
Ты жалокъ будешь имъ, старикъ ревнивый!
Ты, старая испанца голова,
Гори безъ пламени, таи въ себѣ любовь,
Дай сердцу своему изныть безъ словъ!
Ни крика, ничего! Они смѣяться станутъ.
Донья Соль *(въ объятіяхъ Эрнани).* О герцогъ мой!
Эрнани. Въ моей душѣ царитъ
Одна любовь.
Донья Соль. О, счастіе безъ мѣры!
Донъ Карлосъ *(въ сторону, держа одну руку на груди).*
О, успокойся сердце молодое!
Оставь безуміе, разсудку уступи,
Его давно-давно ты притѣсняло.
Увы, твоя любовь, владычицы твои—
Теперь Германія, Испанія твоя
И Фландрія.
(Пристально глядя на знамя.)
Подобенъ императоръ
Орлу, товарищу его, и вмѣсто сердца
Въ груди его лишь щитъ.
Эрнани. А правда, что вы цезарь!
Донъ Карлосъ. Какъ весь твой родъ, ты сердцемъ благороденъ.
Достоинъ ты его.
(Указывая на донью Соль.)
Ты и ея достоинъ.
Стань предо мною на колѣни, герцогъ!
(Эрнани становится на колѣни, донъ Карлосъ снимаетъ съ своей шеи Золотое Руно и надѣваетъ на шею Эрнани.)
Возьми его.
(Донъ Карлосъ вынимаетъ свою шпагу и три раза ударяетъ его ею по плечу.)
Будь вѣренъ мнѣ. Тебя
Я рыцаремъ предъ всѣми объявляю.
(Онъ поднимаетъ его и цѣлуетъ.)

Но у тебя есть лучшее отличье,
Какого я въ своей высокой долѣ
Не вѣдаю, лишенъ. Я разумѣю
Двѣ любящія женскія руки.
Ты будешь счастливъ впредь, а я? Я императоръ.

(Къ заговорщикамъ.)

Именъ я вашихъ больше ужъ не помню,
Забыта ненависть, забытъ и гнѣвъ.
Идите всѣ, я васъ прощаю всѣхъ!
Такой урокъ я долженъ міру дать.
И Карлу Первому испанскому не даромъ
Наслѣдуетъ Карлъ Пятый императоръ:
Изъ католическаго короля простого
Священный римскій кесарь получился
И предъ Европой сирою предсталъ.

(Заговорщики падаютъ на колѣни.)

Заговорщики.
Да здравствуетъ нашъ Карлъ! Честь, слава Карлу!

Донъ Рюи Гомецъ *(къ Карлосу)*. Лишь я приговоренъ!

Донъ Карлосъ. И я!

Донъ Рюи Гомецъ *(въ сторону)*. Но только я—
Я не простилъ, какъ ты.

Эрнани. Кто насъ такъ измѣнилъ?

Всѣ *(солдаты, заговорщики, гранды)*.
Да здравствуетъ Карлъ Пятый императоръ,
Да здравствуетъ Германія!

Донъ Карлосъ *(обращаясь къ могилѣ)*. И слава
Тебѣ, Великій Карлъ. Оставьте насъ вдвоемъ.

(Всѣ уходятъ.)

СЦЕНА V.

Донъ Карлосъ *(одинъ, склоняясь передъ могилой)*.
Доволенъ ли ты мной? Достойно ль я отбросилъ
Всѣ мелкія мои заботы короля?
Скажи, Великій Карлъ, могучій императоръ,
Что сталъ ли я другимъ, могу ли я поставить
Пернатый шлемъ свой рядомъ съ митрой Рима?
Могу ль я до судьбы коснуться мировой,
Достаточно ли твердъ мой шагъ, чтобы ступить
Тропинкой узкою, руинами вандаловъ
Усѣянную сплошь, что проторилъ ты намъ
Тяжелою стопой, въ созданіяхъ широкихъ?
Твоимъ ли пламенемъ мой факелъ загорѣлся?
Я понялъ ли твой гласъ, вѣщавшій изъ могилы?
О, да, я былъ одинъ, потерянъ, одинокъ,
Передъ имперіей, предъ міромъ безпредѣльнымъ,
Который мнѣ грозилъ, крамолу создавая.

Я долженъ заплатить отцу святому долгъ,
И покарать датчанъ, а тамъ потомъ
Венецья, Лютеръ, Солиманъ, Францискъ
И тысячи завистливыхъ кинжаловъ,
Сверкающихъ въ тѣни, къ работѣ ужъ готовыхъ.
Такъ много тайныхъ скалъ и темныхъ козней
Безчисленныхъ враговъ, и множество народовъ,
Изъ коихъ каждый можетъ ввергнуть въ ужасъ
Десятка два правителей, а я
Одинъ назначенъ ими управлять.
И я тебя спросилъ, воззвавъ къ тебѣ:
«Съ чего начать?» и ты отвѣтилъ мнѣ: «Мой сынъ,
Начни съ великодушнаго поступка».

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе пятое.—СВАДЬБА.

Сарагосса. Терраса арагонскаго дворца. Въ глубинѣ видны перила лѣстницы, спускающейся въ садъ. Направо и налѣво двери, выходящія на террасу, окруженную балюстрадой, поддерживаемой двумя рядами мавританскихъ аркадъ, сквозь которыя виднѣется садъ, съ фонтанами, бьющими въ тѣни, съ рощицами, въ которыхъ мелькаютъ огоньки, а въ самой глубинѣ видны готическіе и арабскіе выступы дворца, красиво иллюминованнаго. Ночь. Слышенъ далекій бой барабановъ. Маски, домино парами, въ одиночку или группами, проходятъ по террасѣ. На авансценѣ группа вельможъ, громко разговариваетъ, держа маски въ рукѣ. Смѣются.

СЦЕНА I.

Донъ Санхо Санхецъ де Цунига, *графъ Монтерей*, донъ Матіасъ Центуріонъ, *маркизъ Алмуньянъ*, донъ Рикардо де Рохасъ, *графъ Казапальма*, донъ Францискъ де Сотомайоръ, *графъ де Вилалказаръ*, донъ Гарсія Суарецъ де Карвахаль, *графъ де Пеньялверъ*.

Донъ Гарсія. Здоровье молодыхъ! Да здравствуетъ веселье!
Донъ Матіасъ *(глядя на балконъ)*.
И Сарагосса вся сегодня на балконахъ.
Донъ Гарсія. Отлично дѣлаетъ; не видывали свадьбы
Мы веселѣй пока; вездѣ огни горятъ,
Прелестна эта ночь, прелестны молодые!
Донъ Матіасъ. Добръ императоръ!
Донъ Санхо. Помните, маркизъ,
Когда мы вмѣстѣ шли, чтобъ захватить ее,
Кто бъ думать могъ изъ насъ, что кончится все такъ?
Донъ Рикардо *(перебивая)*. Я также съ вами былъ.
(Обращаясь къ другимъ.)
Послушайте, друзья:
Три воздыхателя, бандитъ, добыча казни,
И герцогъ, и король, вели всѣ трое вмѣстѣ

Осаду сердца дѣвушки прекрасной
И добивались всѣ ея любви.
И кто же побѣдилъ? Бандитъ!
Донъ Франциско. Не удивляюсь.
И счастье и любовь у насъ, какъ и вездѣ,
Игра въ поддѣланныя кости. Кто
Словчился, тотъ и взялъ.
Донъ Рикардо. Свое я счастье добылъ,
Присутствуя при этой канители.
Сперва былъ сдѣланъ графомъ, вскорѣ грандомъ,
Потомъ алькадомъ царскаго дворца.
По крайней мѣрѣ, проскучалъ недаромъ.
Донъ Санхо. Вся ваша тайна въ томъ, всегда быть на пути
У короля...
Донъ Рикардо. Всегда указывалъ я только
На дѣйствія мои и на мои права.
Донъ Гарсія.
Разсѣянность его пошла вамъ въ пользу.
Донъ Матіасъ. А герцогъ старый что? Сколачиваетъ гробъ?
Донъ Санхо. Не смѣйтесь такъ, маркизъ, онъ гордая душа.
Шестидесяти лѣтъ влюбился въ донью Соль.
Онъ былъ ужъ сѣдъ, но въ день весь побѣлѣлъ.
Донъ Гарсія. Не появлялся онъ ужъ больше въ Сарагоссѣ?
Донъ Санхо. А вы желали бы, чтобъ гробъ его стоялъ
На свадьбѣ?
Донъ Франциско. Ну, чѣмъ занятъ императоръ?
Донъ Санхо. Сегодня грустенъ онъ, его тревожитъ Лютеръ.
Донъ Рикардо. Что за предметъ, достойный для тревоги
И для заботъ? Какъ быстро бъ я съ нимъ кончилъ,
При помощи двухъ-трехъ жандармовъ нашихъ.
Донъ Матіасъ. И Солиманъ его глубоко безпокоитъ.
Донъ Гарсія.
А! Лютеръ, Солиманъ, Нептунъ, Юпитеръ, дьяволъ!
Что мнѣ до нихъ! Здѣсь женщины прекрасны,
И рѣдкій маскарадъ, и тысячу сказалъ
Я всякихъ глупостей.
Донъ Санхо. А въ томъ вся суть.
Донъ Рикардо. И Гарсія вѣдь правъ. На праздникѣ совсѣмъ
Себя другимъ я чувствую. Когда
Надѣну маску я, мнѣ кажется, смѣнилъ я
И голову свою. Не правда ли, друзья?
Донъ Санхо (*тихо дону Матіасу*).
Должно-быть, для него что день, то новый праздникъ.
Донъ Франциско (*показывая на дверь налѣво*).
Не правда ль, тамъ покои новобрачныхъ?
Донъ Гарсія (*дѣлая движеніе головой*).
Увидимъ скоро ихъ.
Донъ Франциско. Вы думаете такъ?
Донъ Гарсія. Конечно, да!

Донъ Франциско. Тѣмъ лучше, вѣдь она
Красива такъ.
Донъ Рикардо. Какъ императоръ добръ!
Прощенъ измѣнникъ, бунтовщикъ Эрнани,
Руно онъ получилъ на шею Золотое,
Женатъ! Когда моя была бы воля,
Онъ получилъ бы каменное ложе,
Ну, а она пуховую постель!
Донъ Санхо *(тихо дону Матіасу)*.
Какъ разорвалъ бы я своимъ клинкомъ стальнымъ
Одежду графскую, скроенную такъ плохо,
Сеньора дутаго, набитаго до верху
Совѣтами, достойными жандарма!
Донъ Рикардо *(подходя)*. О чемъ здѣсь говорятъ?
Донъ Матіасъ *(тихо дону Санхо)*.
Вы здѣсь не ссорьтесь, графъ.
(Дону Рикардо.)
Онъ говорилъ сонетъ Петрарки къ своей милой.
Донъ Гарсія. Замѣтили ли вы среди цвѣтовъ и дамъ,
Межъ пестрыхъ, блещущихъ нарядовъ дорогихъ,
Одинъ стоитъ подъ маскою, весь черный,
Какъ будто бы пятно въ веселомъ маскарадѣ?
Донъ Рикардо. Да, чортъ возьми!
Донъ Гарсія. Но кто это такой?
Донъ Рикардо. Но ростъ его и видъ... донъ Пранказіо это.
Морской онъ генералъ.
Донъ Франциско. Нѣтъ.
Донъ Гарсія. Маски не снималъ онъ.
Донъ Франциско.
Нѣтъ, нѣтъ, не онъ! Навѣрно герцогъ Сома,
Онъ хочетъ на себя вниманье обратить,
И больше ничего.
Донъ Рикардо. Нѣтъ, герцогъ говорилъ
Сейчасъ со мной.
Донъ Гарсія. Такъ кто жъ это такой?
Глядите! онъ идетъ.
(Входитъ черное домино, которое медленно черезъ террасу проходитъ въ глубину. Всѣ провожаютъ его глазами.)
Донъ Санхо. Когда бы мертвецы
Могли ходить, таковъ ихъ былъ бы шагъ.
Донъ Гарсія *(подбѣгая къ черному домино)*.
Скажи мнѣ, маска славная...
(Черное домино оборачивается и останавливается. Гарсія отступаетъ.)
Клянусь,
Въ его глазахъ внезапно вспыхнулъ пламень!
Донъ Санхо. Коль дьяволъ здѣсь, найдетъ съ кѣмъ говорить.
(Онъ идетъ къ домино, которое все стоитъ неподвижно.)
Злой духъ, изъ ада ль ты явился къ намъ сюда?

Маска. Я не оттуда, а иду туда.

(Онъ снова идетъ и скрывается за лѣстницей. Всѣ провожаютъ его испуганными взорами.)

Донъ Матіасъ. И голосъ у него какъ будто гробовой,
Могильный гласъ.

Донъ Гарсія. Что можетъ напугать
Въ иномъ насъ мѣстѣ, на пиру смѣшно лишь.

Донъ Санхо. Плохая шутка.

Донъ Гарсія. Если Люциферъ
Предъ тѣмъ, чтобъ въ адъ итти, пришелъ смотрѣть,
Какъ здѣсь танцуемъ мы... такъ будемъ танцовать!

Донъ Санхо. Я поручусь, что это просто шутка

Донъ Матіасъ. Мы завтра все узнаемъ.

Донъ Санхо *(дону Матіасу)*. Поглядите,
Что сталось съ нимъ?

Донъ Матіасъ *(у балюстрады террасы)*.
Онъ съ лѣстницы спустился,
И больше ничего.

Донъ Санхо. Смѣшная очень шутка! *(Задумчиво.)*
Но странная...

Донъ Гарсія *(проходящей дамѣ)*. Идемте этотъ танецъ
Со мной, маркиза. *(Онъ кланяется и предлагаетъ ей руку.)*

Дама. Нѣтъ, мой милый графъ, нельзя,
Вы знаете, мой мужъ слѣдитъ всегда за мною,
Когда я съ вами...

Донъ Гарсія. Что жъ, одной причиной больше
Намъ съ вами танцовать: смотрѣть на насъ онъ будетъ,—
Ему занятіе и даже развлеченье!

(Дама даетъ ему руку, и они выходятъ.)

Донъ Санхо *(задумчиво)*. Нѣтъ это странно.

Донъ Матіасъ. Тише! молодые!

(Входитъ Эрнани подъ руку съ доньей Соль. Донья Соль въ великолѣпномъ вѣнчальномъ нарядѣ. Эрнани весь въ черномъ бархатѣ съ орденомъ Золотого Руна на шеѣ. За ними толпа замаскированныхъ, дамъ и мужчинъ, образующихъ ихъ свиту. Два аллебардщика въ богатыхъ ливреяхъ слѣдуютъ за ними и четыре пажа предшествуютъ имъ. Всѣ становятся въ рядъ и кланяются, когда они проходятъ. Играютъ трубы.)

СЦЕНА II.

Тѣ же, Эрнани, донья Соль, свита.

Эрнани *(привѣтствуя всѣхъ)*. Друзья мои!

Донъ Рикардо *(подходя и кланяясь)*.
Всѣхъ насъ сегодня озарило
Своимъ лучомъ твое, мой герцогъ, счастье.

Донъ Франциско *(любуясь доньей Соль)*.
Святой Іосифъ! Онъ ведетъ съ собой Венеру!

Донъ Матіасъ. Клянусь, въ такой счастливый день
Еще стократъ счастливѣй ночь.
Донъ Франциско *(показывая дону Матіасу на брачные покои)*.
Что только будетъ тамъ!.. Когда бы стать вдругъ феей,
И видѣть все, какъ дверь они запрутъ,
И всѣ огни погаснутъ... Вотъ занятно!
Донъ Санхо *(къ дону Матіасу)*.
Ужъ поздній часъ, не время ль уходить?
(Всѣ подходятъ привѣтствовать молодыхъ и затѣмъ уходятъ, одни въ двери, другіе по лѣстницѣ въ глубинѣ.)
Эрнани *(провожая ихъ)*. Да сохранитъ васъ Богъ.
Донъ Санхо *(остается послѣднимъ и жметъ ему руку)*.
Мы счастья вамъ желаемъ. *(Онъ выходитъ.)*
(Эрнани и донья Соль остаются одни. Шумъ шаговъ и голоса удаляются и смолкаютъ. Въ началѣ послѣдующей сцены постепенно смолкаютъ трубы, и огни удаляются. Понемногу воцаряются ночь и тишина.)

СЦЕНА III.

Эрнани, донья Соль.

Донья Соль. Вотъ, наконецъ, и всѣ они ушли.
Эрнани *(стараясь обнять ее)*. Любовь
Моя!
Донья Соль *(краснѣетъ, отступая)*
Мнѣ кажется, что поздно.
Эрнани. Ангелъ мой,
Вдвоемъ чтобъ быть всегда намъ слишкомъ поздно.
Донья Соль. Меня измучилъ шумъ. Не правда ли, мой другъ
Вся эта суета смущаетъ только счастье?
Эрнани. Да, ты права. Предметъ серьезный—счастье.
Чтобъ врѣзаться, ему сердца изъ бронзы нужны,
И долго ихъ оно испытываетъ прежде.
А радости, ему въ лицо цвѣты бросая,
Пугаютъ лишь его; его улыбка къ смѣху
Не такъ близка, какъ къ горестнымъ рыданьямъ.
Донья Соль. Въ твоихъ глазахъ улыбка—ясный день.
(Эрнани пытается ее увлечь къ двери. Она краснѣетъ.)
Сейчасъ.
Эрнани. О, рабъ я твой! Здѣсь оставайся, ангелъ!
Я рабъ твой: дѣлай все, что лишь тебѣ угодно,
Я ничего не требую. Ты знаешь,
Что дѣлаешь. Что дѣлаешь, все благо.
Смѣяться буду я, коль хочешь, пѣть я буду.
Моя душа горитъ, вели вулкану гаснуть,
Закроетъ онъ жерло и пламя все затушитъ,
И на его краяхъ луга зазеленѣютъ
И зацвѣтутъ цвѣты. Ужъ скованъ богатырь,
И самъ вулканъ сталъ рабъ. А что тебѣ за дѣло,

Что сердце у него облито лавой жгучей?
Цвѣтовъ тебѣ угодно, и прекрасно,
И надо, чтобъ вулканъ, сожженный весь внутри,
Твои глаза цвѣтами утѣшалъ!

Донья Соль. О, какъ ты добръ ко мнѣ, Эрнани, дорогой,
Къ своей подругѣ слабой!

Эрнани. Какъ—Эрнани?
О, никогда меня такъ больше не зови
Пожалуйста. Ты мнѣ напоминаешь,
О чемъ забылъ давно. Я знаю, что когда-то
Во мнѣ существовалъ Эрнани, взоръ его
Подобно острому мечу сверкалъ,
Былъ мрака человѣкъ, былъ дикихъ горъ изгнанникъ,
И *месть* на немъ вездѣ написана была,
Проклятье за собой всегда и всюду влекъ онъ!
Но я его теперь не знаю. Я люблю
Цвѣты, луга и пѣсню соловья.
Хаунъ я Арагонъ, супругъ я доньи Соль,
И счастливъ я.

Донья Соль. Я тоже.

Эрнани. Мнѣ нѣтъ дѣла
До тѣхъ лохмотьевъ, что, входя, я сбросилъ
Тамъ, у дверей. И я теперь вернулся
Въ покинутый дворецъ, а на порогѣ ангелъ
Меня ужъ ждалъ. Вошелъ и вновь воздвигъ колонны,
Разбитыя во прахъ. Зажегъ огонь я снова.
Съ заросшаго двора я выпололъ траву,
Теперь я радость весь, исполненъ я любви!
Пусть возвратятся мнѣ гербы и башни, стѣны,
И шлемъ мой съ перьями и мѣсто на совѣтѣ
Кастиліи. Приди въ мои объятья!
Ты покраснѣла вся, опущенъ нѣжный лобъ...
Пусть будемъ мы вдвоемъ, забудемъ весь мы міръ.
Все прошлое прошло, я ничего не видѣлъ,
Я ничего нигдѣ не дѣлалъ, не сказалъ.
Жизнь начинаю вновь, стираю, забываю!
Безумье ль то, иль мудрость—все равно,
Но ты моя! люблю тебя безумно,
Ты достояніе мое.

Донья Соль *(разсматривая Золотое Руно)*.
А какъ красиво
На черномъ бархатѣ! Какая прелесть!

Эрнани. Руно такое вы на королѣ видали.

Донья Соль. Я не замѣтила. До всѣхъ другихъ
Мнѣ дѣла нѣтъ. Да, бархатъ ли, другая ль
Матерія? О, нѣтъ, твоя, мой герцогъ, шея
Такъ къ ордену идетъ. Какъ благороденъ ты,
Какъ ты великъ! *(Онъ хочетъ увлечь ее.)*
О, подожди немного,

Одно мгновеніе. Ты видишь—это радость,
А плачу я. Гляди, какъ ночь прекрасна!
Мой герцогъ, я прошу, одно мнѣ дай мгновенье,
Дай время подышать и наглядѣться только.
Утихло все кругомъ, погаснули огни,
Замолкла музыка. Одна лишь ночь и мы.
Она привѣтствуетъ насъ чудно. Правда, герцогъ?
Когда заснули всѣ, природа въ полуснѣ
Глядитъ на насъ, какъ будто бы влюбленно.
Ни облачка на темно-синемъ небѣ!
Все, какъ и мы, покой кругомъ вкушаетъ.
Иди дышать со мной: весь воздухъ напоенъ
Дыханьемъ нѣжныхъ розъ. Гляди! Огней нѣтъ, шума.
Все смолкло. Поднялась луна надъ горизонтомъ.
Ты говорилъ со мной и свѣтъ ея дрожащій
Мнѣ съ голосомъ твоимъ вливался прямо въ сердце,
И я была такъ радостна, спокойна.
О, милый мой, я въ эту бы минуту
Желала умереть!

Эрнани. Кто не забудетъ все
Подъ голосъ твой небесный? Рѣчь твоя,
То—пѣснь и въ ней исчезло все земное!
А я—пловецъ, волной рѣки несомый,
Который вдаль скользитъ въ вечерній лѣтній часъ,
А передъ нимъ бѣгутъ цвѣтущія равнины,
И мысль его летитъ, тобой увлечена.

Донья Соль. Но нѣтъ, молчаніе какъ будто слишкомъ мрачно,
И царственный покой ужъ слишкомъ сталъ глубокъ.
Скажи, ты бъ не хотѣлъ, чтобъ тамъ, въ той глубинѣ,
Звѣзда зажглась, иль голосъ чудно нѣжный
Вдругъ раздался, внезапно зазвучавъ?

Эрнани *(улыбаясь)*.
Причудница моя! Мы только что бѣжали
Отъ блеска факеловъ и пѣсенъ!

Донья Соль. То былъ балъ.
Но птичка пѣвчая, поющая въ поляхъ,
Иль соловей, въ тѣни укрывшійся въ кустахъ,
Иль флейта дальняя? Вѣдь музыка нѣжна,
Она въ самой душѣ гармонію рождаетъ,
И словно дивный хоръ звучатъ въ ней голоса
И радостно въ отвѣтъ ликуютъ дивнымъ звукамъ.
Какъ было бъ хорошо!

(Слышенъ звукъ далекаго рога.)

Услышалъ Богъ меня!

Эрнани *(содрогаясь, въ сторону)*.
Увы, несчастная!

Донья Соль. Меня услышалъ ангелъ,
Хранитель-ангелъ мой!

Эрнани *(съ горечью)*. Да, какъ же, ангелъ.
(Снова слышенъ звукъ рога. Эрнани въ сторону.)
Еще!
Донья Соль *(смѣясь)*. О, донъ Хуанъ, я узнаю вашъ рогъ!
Эрнани. Не правда ли?
Донья Соль. Наполовину вѣрно.
Участникъ вы въ далекой серенадѣ?
Эрнани. Участникъ—да, ты вѣрно угадала!
Донья Соль. Балы несносны мнѣ. О, какъ люблю въ глубокомъ
Когда лѣсу звучитъ призывный рогъ далеко!
Къ тому же вашъ тотъ рогъ, какъ будто бы вашъ голосъ.
(Рогъ слышенъ снова.)
Эрнани *(въ сторону)*.
То тигръ рычитъ, во тьмѣ добычу поджидая.
Донья Соль. О, донъ Хуанъ, гармонія мнѣ сердце
Наполнила весельемъ
Эрнани *(грозно поднимается)*.
Нѣтъ! зовите
Эрнани вы меня! Эрнани называйте.
Я съ этимъ именемъ проклятымъ не покончилъ!
Донья Соль. Какъ, что еще?
Эрнани. Старикъ!
Донья Соль. Какой ужасный взоръ!
О, что случилось?
Эрнани. Тамъ старикъ въ тѣни хохочетъ!
Иль вы не видите?
Донья Соль. Да что съ тобой? ты бредишь!
Какой старикъ?
Эрнани. Старикъ!
Донья Соль *(падая на колѣни)*. Молю я на колѣняхъ,
Какая тайна такъ тебя, мой другъ, терзаетъ?
Скажи скорѣе!
Эрнани. Я далъ клятву!
Донья Соль. Клятву далъ?
(Она внимательно слѣдитъ за всѣми его движеніями. Онъ вдругъ останавливается и проводитъ рукой по лбу.)
Эрнани *(въ сторону)*.
Что ей сказать? Ее жалѣть мнѣ надо. *(Громко.)*
Я? ничего. О чемъ я говорилъ?
Донья Соль. Вы говорили мнѣ...
Эрнани. Нѣтъ, умъ мой помутился
Я боленъ, такъ, немного, не пугайся.
Донья Соль. Не надо ли чего, скажи! служить я рада!
(Рогъ снова начинаетъ трубить.)
Эрнани *(въ сторону)*.
Онъ хочетъ, хочетъ онъ! я клятву далъ ему!
(Ощупывая свой поясъ, на которомъ нѣтъ ни шпаги ни кинжала.)

Нѣтъ ничего! Я долженъ бы ужъ кончить!
Ахъ!
Донья Соль. Что съ тобою? очень ты страдаешь?
Эрнани. Да, рана старая, я думалъ, что закрылась,
А вновь она болитъ. *(Въ сторону.)*
Я удалю ее. *(Громко.)*
Послушай, милый другъ, въ былые горя дни
Всегда съ собой носилъ одинъ я ларчикъ...
Донья Соль. Ахъ, знаю я, о чемъ ты говоришь!
Ну, что же, хочешь ты?
Эрнани. Флаконъ въ немъ съ элексиромъ.
Я думаю, онъ можетъ мнѣ помочь
Въ поднявшейся несносно-жгучей боли.
Сходи за нимъ.
Донья Соль. Иду, мой герцогъ.
(Она уходитъ въ дверь, ведущую въ брачные покои.)

СЦЕНА IV.

Эрнани *(одинъ)*.
Такъ вотъ чѣмъ кончилось блеснувшее мнѣ счастье!
Вотъ перстъ моей судьбы, что чертитъ на стѣнѣ
Какъ горько жребiй мой смѣется надо мною.
(Онъ впадаетъ въ глубокую мучительную задумчивость. Потомъ рѣзко оборачивается.)
Ну, что жъ?.. Но все молчитъ.
Никто нейдетъ. О, єсли бъ
Ошибся я!
(На верхней ступени лѣстницы появляется черное домино. Эрнани останавливается окаменѣлый.)

СЦЕНА V.

Эрнани, маска.

Маска. «Бери вотъ этотъ рогъ призывный,
Что бъ ни было со мной, когда захочешь ты,
Гдѣ бъ ни былъ я, и ночью или днемъ,
Когда подумаешь, что пробилъ часъ мой смертный.
Труби. Тогда окончено все будетъ.
При договорѣ томъ свидѣтелями были
Лишь мертвые. Ну, что жъ, окончено ли все?
Эрнани *(тихо)*. Да, это онъ!
Маска. Придя къ тебѣ въ жилище,
Я говорю: теперь настало время,
Мой часъ пришелъ. Тебя я нахожу.
Ты не спѣшишь.
Эрнани. Скажи, чего желаешь ты?
Что сдѣлаешь со мной?

Маска. Ты можешь выбирать
Кинжалъ иль ядъ. Что нужно я принесъ.
Мы вмѣстѣ прочь уйдемъ.
Эрнани. Ну что жъ.
Маска. Молится будемъ?
Эрнани. Мнѣ все равно.
Маска. Что выбираешь ты?
Эрнани. Ядъ.
Маска. Хорошо. Давай твою мнѣ руку.
(Онъ подаетъ Эрнани бокалъ. Тотъ принимаетъ его, блѣднѣя.)
Пей, чтобы кончилъ я.
(Эрнани подноситъ бокалъ ко рту, потомъ отстраняетъ его.)
Эрнани. О, сжалься, лишь до завтра!—
Когда въ тебѣ осталось, герцогъ, сердце
Или душа; когда не призракъ ты,
Изъ пламени горящаго пришедшій;
Когда ты не мертвецъ проклятый и не тѣнь,
Когда не дьяволъ ты, и Богъ не наложилъ
На грѣшный лобъ печати: «никогда!»
Коль знаешь ты, что счастье высшее—любовь,
Любовь взаимная... и молодость и радость,
Возможный бракъ... О, герцогъ, если только
Когда-нибудь любимая тобой
Въ твоихъ объятіяхъ подруга трепетала,
О, подожди до завтрашняго дня,
Ты завтра вновь придешь!
Маска. Какъ простъ, кто говоритъ
Мнѣ такъ. Да, завтра! Завтра! Ты
Смѣешься надо мной. Сегодня утромъ рано
Твой колоколъ ударитъ похоронный!
Что сталъ бы дѣлать я сегодняшнюю ночь?
Я умеръ бы! А кто пришелъ бы за тобой,
И кто бъ унесъ тебя? Мнѣ одному итти въ могилу!
Нѣтъ, юноша! За мной, за мной итти ты долженъ
Эрнани. Такъ нѣтъ же! Отъ тебя освобождаюсь,
Проклятый дьяволъ, я! Тебѣ не повинуюсь.
Маска. Я такъ и думалъ. Что жъ, прекрасно. Отвѣчай!
Ты клялся мнѣ! Но вздоромъ, пустякомъ,
Лишь головой отца! О, трудно помнить,
Возможно и забыть. Вѣдь юность такъ легка!
Эрнани. Отецъ мой!.. Мой отецъ! Разсудокъ я теряю!
Маска. Измѣнникъ клятвѣ ты, клятвопреступникъ,
И больше ничего.
Эрнани. О, герцогъ!
Маска. Если
И старшіе роды испанскіе играютъ
Своею клятвою, что жъ больше дѣлать?
(Онъ дѣлаетъ шагъ, чтобы уйти.)

Эрнани. Нѣтъ!
Не уходи.
Маска. Тогда...
Эрнани. Безжалостный старикъ!
(Онъ беретъ бокалъ.)
Уйти теперь, у самой двери рая!
(Донья Соль возвращается, не видя маски, которая стоитъ въ тѣни.)

СЦЕНА VI.

Тѣ же, донья Соль.

Донья Соль. Я не нашла ларца.
Эрнани. О, Боже мой, она!
И въ этотъ мигъ!
Донья Соль. Что съ нимъ? Его пугаю я,
Отъ словъ моихъ онъ весь затрепеталъ!
Что держишь ты въ рукѣ? Какое подозрѣнье!
Что держишь ты въ рукѣ? Отвѣть мнѣ!
(Домино подходитъ и сбрасываетъ маску. Она вскрикиваетъ и узнаетъ дона Рюи.)
Это ядъ!
Эрнани. Великій Богъ!
Донья Соль *(къ Эрнани)*. Что сдѣлала тебѣ я?
Какая тайна мрачная здѣсь скрыта?
Обманывали вы!
Эрнани. Я долженъ былъ молчать!
Я обѣщалъ ему, когда имъ былъ спасенъ,
Самъ умереть. И Арагонскій герцогъ долженъ
Спѣшить уплатой долга дону Сильвѣ.
Донья Соль. Вы не его теперь, вы мой! И что за дѣло
До клятвъ другихъ. *(Къ дону Рюи Гомецъ.)*
Любовь вдохнула силы
Мнѣ въ грудь. Его я защищу отъ васъ
И ото всѣхъ!
Донъ Рюи Гомецъ *(неподвижно)*.
Укрой его отъ клятвы,
Коль можешь ты.
Донья Соль. Отъ клятвы? Отъ какой?
Эрнани. Я клятву далъ.
Донья Соль. О, нѣтъ, не связанъ ею ты!
Того не можетъ быть! Безумье! Преступленье!
Донъ Рюи Гомецъ. Иди!
(Эрнани хочетъ итти, донья Соль его удерживаетъ.)
Эрнани. Оставьте, донья Соль. Я слово далъ.
На небѣ мой отецъ. И герцогъ правъ:
Въ его я власти.
Донья Соль *(къ дону Рюи Гомецу)*. Нѣтъ, ужъ лучше бы вы шли
Къ тигрицѣ въ логово отнять ея тигренка,
Чѣмъ у меня мою любовь отнять!

Вы знаете ль, кто я? Я донья Соль, такъ долго
Изъ жалости къ годамъ и сѣдинамъ почтеннымъ
Игравшая дочь робкую покорно,
Невинную и кроткую. Теперь
Вы видите ль, какъ взоръ горитъ, блеститъ слезами?
Онъ гнѣва полнъ. *(Она выхватываетъ кинжалъ.)*
Вы видите ль кинжалъ?
Безумный вы старикъ! Иль не боитесь вы
Той стали, что грозилъ вамъ гнѣвный взоръ сейчасъ?
Такъ берегитесь же. Изъ вашего я рода,
Вы это помните. Послушайте меня,
Я вамъ не дочь. О, дядя! Ждетъ бѣда васъ,
Коль руку занести вы на него
Осмѣлитесь.
(Она кидаетъ кинжалъ и падаетъ на колѣни передъ герцогомъ.)
Но нѣтъ, я падаю къ ногамъ,
О, сжальтесь надо мною! О пощадѣ
Я васъ молю! Я женщина вѣдь только
И я слаба, и рушатся всѣ силы
Въ моей душѣ. Легко разбить меня!
Я здѣсь у вашихъ ногъ! Я васъ молю,
О, сжальтесь вы надъ нами!
Донъ Рюи Гомецъ. Донья Соль...
Донья Соль. Простите! Мы испанки горячи,
И горе выражаемъ въ рѣчи рѣзкой,
Вы это знаете. Вы не были вѣдь злымъ!
О, сжальтесь, вы меня убьете, если только
Коснетесь вы его. О, дядя, пожалѣйте!
Я такъ его люблю!
Донъ Рюи Гомецъ *(мрачно)*. Да, любите вы слишкомъ!
Эрнани. Ты плачешь!
Донья Соль. Нѣтъ! Я не хочу, чтобъ умеръ ты,
Моя любовь! О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу!
(Къ дону Рюи.)
О, сжальтесь вы, и васъ любить я буду.
Донъ Рюи Гомецъ.
Остатками любви иль дружбы, даже меньше,
Вы жажду утолить, которой я сгораю,
Надѣетесь? *(Показывая на Эрнани.)*
О, нѣтъ! Онъ, онъ одинъ, онъ все!
А мнѣ останется одно лишь состраданье!
Что съ вашей дружбою мнѣ дѣлать? О проклятье!
Онъ будетъ все имѣть, тронъ, сердце и любовь,
И буду получать я подаянье!
И если на мои безумныя желанья
Вы слово бросите, такъ это онъ вамъ скажетъ:
Скажи ему и этого довольно!—
Въ душѣ своей безмолвно проклиная
Несчастнаго просящаго, кому

Онъ долженъ выплеснуть остатокъ изъ фіала,
Который пьетъ. Позоръ и поношенье!
Необходимъ конецъ. Пей!

Эрнани. Слово далъ я,
Сдержать его я долженъ.

Донъ Рюи Гомецъ. Поскорѣй!

(Эрнани подноситъ бокалъ къ губамъ, донья Соль бросается къ нему.)

Донья Соль. О, подожди еще! Послушайте меня!

Донъ Рюи Гомецъ. Ужъ гробъ разверстъ и не могу я ждать!

Донья Соль. Одно мгновенье! О дядя! герцогъ! донъ Хуанъ!
Ахъ, оба вы, жестоки такъ. Чего
Хочу отъ васъ? Лишь одного мгновенья!
Вотъ все, о чемъ я умоляю васъ!
Несчастной женщинѣ даютъ же, наконецъ,
Сказать о томъ, что въ сердцѣ накопилось!..
О, дайте мнѣ сказать!

Донъ Рюи Гомецъ *(къ Эрнани)*. Я тороплюсь!

Донья Соль.
Меня дрожать заставили вы оба!
Скажите мнѣ, что сдѣлала я вамъ?

Эрнани. Ахъ! крикъ ея мнѣ сердце рветъ на части!

Донья Соль *(все отводя его руку)*.
Мнѣ много, много нужно вамъ сказать.

Донъ Рюи Гомецъ *(къ Эрнани)*. Ты долженъ умереть.

Донья Соль *(повиснувъ на рукѣ Эрнани)*.
О, донъ Хуанъ, когда
Скажу я все, ты дѣлай что захочешь.
(Она вырываетъ у него бокалъ.)
Онъ мой!

(Она подноситъ бокалъ къ глазамъ Эрнани и изумленнаго старика.)

Донъ Рюи Гомецъ. Разъ съ двумя женщинами долженъ
Имѣть я дѣло здѣсь, то я пойду
Въ иное мѣсто за величьемъ духа.
Отлично ты отцомъ своимъ клянешься!
Иду къ нему сказать, какъ держишь клятвы ты!
Прощай...

(Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, Эрнани удерживаетъ его.)

Эрнани. Нѣтъ, герцогъ! стой, остановись!
(Къ доньѣ Соль.)
Увы, тебя, мой другъ, я заклинаю,
Ты хочешь ли меня увидѣть вѣроломнымъ
Обманщикомъ, поправшимъ святость клятвы?
Ты хочешь ли, чтобъ я ступалъ вездѣ съ измѣной,
Начертанной на лбу? Отдай мнѣ этотъ ядъ!
О, сжалься надо мной! Во имя умоляю
Любви моей, безсмертья нашихъ душъ!..

Донья Соль *(сумрачно)*. Ты хочешь?
(Она пьетъ.)
На, возьми!

Донъ Рюи Гомецъ *(въ сторону)*. Такъ для нея былъ ядъ!
Донья Соль *(подавая Эрнани наполовину выпитый бокалъ)*.
Бери же, говорю!
Эрнани *(къ дону Рюи)*. Ты видишь ли ее,
Старикъ злосчастный!
Донья Соль. Вотъ, не жалуйся, тебѣ
Твою всю долю я оставила.
Эрнани *(беря бокалъ)*. О, Боже!
Донья Соль. Ты не оставилъ бы моей мнѣ доли!
Въ твоей груди нѣтъ преданнаго сердца
Супруги-христіанки. Ты любить не можешь,
Какъ любитъ Сильва. Выпила я первой,
Теперь спокойна я. Пей, если хочешь.
Эрнани. О, что ты сдѣлала!
Донья Соль. Ты самъ того хотѣлъ!
Эрнани. Ужасна эта смерть!
Донья Соль. Нѣтъ, почему, мой другъ!
Эрнани. Ведетъ насъ въ гробъ любовный нашъ напитокъ.
Донья Соль. Вѣдь этой ночью спать вдвоемъ намъ предстояло,
Не все ль равно у насъ какое ложе будетъ?
Эрнани. Отецъ! ты мстишь, что я забылъ тебя!
(Онъ подноситъ бокалъ къ губамъ.)
Донья Соль *(бросаясь на него)*.
О Небо! Что за боль! О, дальше брось напитокъ
Скорѣе отъ себя! Теряю я разсудокъ!
Увы! Мой донъ Хуанъ, тотъ страшный ядъ...
Ахъ, онъ живой. Онъ въ сердце проникаетъ,
Свирѣпую рождая гидру въ немъ,
И въ тысячу зубовъ она его рветъ, гложетъ...
О, что это? огонь! Не пей, страданья страшны!
Эрнани *(къ дону Рюи)*. И выбрать ты не могъ другого яда ей,
Жестокая душа!
(Онъ пьетъ и бросаетъ бокалъ.)
Донья Соль. Что сдѣлалъ ты?
Эрнани. А ты?
Донья Соль. Приди ко мнѣ въ объятья,
Мой дорогой, мой другъ!
(Они садятся другъ подлѣ друга.)
Страданія ужасны!
Эрнани. Нѣтъ!
Донья Соль. Свадебная наша ночь настала.
Скажи, блѣдна я для невѣсты?
Эрнани. Ахъ!
Донъ Рюи Гомецъ. Судьба исполнилась.
Эрнани. Она страдаетъ
Передо мной, и долженъ видѣть я!
Донья Соль. О, успокойся, мнѣ теперь уже стало легче.
Къ сіяньямъ новымъ мы откроемъ наши крылья
И полетимъ вдвоемъ. Полетомъ ровнымъ вмѣстѣ

Мы въ лучшій міръ поднимемся съ тобой.
Одинъ лишь поцѣлуй.

(Они цѣлуются.)

Донъ Рюи Гомецъ. О, горе мнѣ!

Эрнани *(слабѣющимъ голосомъ)*.

Я благодарность шлю святому Небу
За жизненный мой путь, который шелъ надъ бездной
Средь сонма призраковъ, сопутствовавшихъ мнѣ,
И за конецъ, дарованный мнѣ Небомъ:
Уснуть, склонясь къ тебѣ, твою цѣлуя руку!

Донъ Рюи Гомецъ. Какъ счастливы они!

Эрнани *(все болѣе слабѣющимъ голосомъ)*.

Идемъ, о донья Соль...
Покрылось мракомъ все. Скажи мнѣ, ты страдаешь?

Донья Соль *(столь же слабымъ голосомъ)*.

Нѣтъ, ничего, страданья миновали

Эрнани. Ты видишь ли, огни блестятъ во мракѣ?

Донья Соль. Не вижу ихъ еще

Эрнани *(со вздохомъ)*. Да... вотъ они... *(Падаетъ.)*

Донъ Рюи Гомецъ *(поднимая его голову, которая вновь падаетъ)*.

Онъ мертвъ.

Донья Соль *(кидаясь къ нему)*.

Онъ умеръ! Нѣтъ, мы спимъ. Онъ вѣрный мой супругъ.
Ты видишь, любимъ мы другъ друга, здѣсь мы оба.
То наша ночь, нашъ бракъ... *(Гаснущимъ голосомъ.)*
Его не троньте,
Мендозскій герцогъ, онъ усталъ и спитъ.

(Она поворачиваетъ къ себѣ лицо Эрнани.)

Моя любовь! Ты обернись ко мнѣ.
Вотъ такъ, вотъ такъ! О, ближе, ближе, ближе!..

(Она падаетъ.)

Донъ Рюи Гомецъ. Мертва она! О, проклятъ я навѣки!

(Убиваетъ себя.)

КОНЕЦЪ.

ЭМИ РОБСАРТЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дудлей, графъ Лейчестеръ.
Ричардъ Варней
Сэръ Гью Робсартъ
Флиббертиджиббетъ.
Аласко.
Лордъ Суссексъ.
Лордъ Шрьюсбери.
Фостеръ.
Елизавета, королева англійская.
Эми Робсартъ.
Дженнета.
Вельможи, дамы, стража, пажи.

Дѣйствіе первое.

Большая готическая комната. Въ глубинѣ стеклянная дверь. Направо открытое окно. На той же сторонѣ кресло съ двойнымъ сидѣньемъ, украшенное двумя графскими коронами. Внизу кресло задрапировано бархатомъ, такъ что ножекъ не видно. Столъ съ витыми ножками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ Лейчестеръ и Варней.

Они входятъ, разговаривая. Лейчестеръ ставитъ на столъ желѣзную шкатулочку.

Лейчестеръ. Варней, ты правъ, хотя твои совѣты, можетъ-быть, и не вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что мнѣ подсказываетъ моя собственная совѣсть. Сегодня объявить королевѣ о моемъ бракѣ съ Эми Робсартъ никакъ нельзя. Елизавета оказываетъ мнѣ высокую честь своимъ посѣщеніемъ Кенильвортскаго зáмка. Черезъ нѣсколько часовъ она будетъ здѣсь и привезетъ въ своей свитѣ моего соперника, скорѣе даже, моего врага, графа Суссекса. Она, видишь ли, устраиваетъ наше съ нимъ примиреніе.

Варней. Королева-дѣвственница, какъ ее называютъ, не особенно жалуетъ тѣхъ изъ добивающихся ея благосклонности, которые еще больше, чѣмъ она сама, способны подчиняться закону любви. Признаться, что ни ваше сердце, ни ваша рука уже не свободны—значитъ пропустить графа Суссекса впередъ...

Лейчестеръ *(перебиваетъ его нетерпѣливо).* Говорятъ тебѣ, Ричардъ, я поступлю по твоему желанію, потому что къ этому меня вынуждаетъ затруднительное положеніе. И все-таки моя душа полна тревоги и опасеній. Что значатъ королевскія милости въ сравненіи съ семейнымъ счастьемъ? Что мнѣ немилость Елизаветы въ сравненіи съ любовью Эми?

Варней. Жаль, что миледи не слышитъ вашихъ словъ, а то сердце ея наполнилось бы умиленіемъ.

Лейчестеръ. Милая Эми!

Суссексъ. А если бы Суссексъ услыхалъ эти влюбленные вздохи графа Лейчестера, такъ у него сердце запрыгало бы отъ радости и надежды.

Лейчестеръ. Ахъ, этотъ Суссексъ!.. Говорятъ же тебѣ, я рѣшился молчать. Но если королева сама, помимо насъ, узнаетъ то, что ты заставляешь меня скрывать отъ нея?

Варней. Не безпокойтесь, милордъ. Эта часть Кенильвортскаго замка представляетъ собою развалины. Въ нее никто не подумаетъ заглянуть. Отъ новаго замка она удалена достаточно и считается необитаемою. И дѣйствительно, если бы тамъ не скрывалась таинственная голубка вашего сіятельства, то можно бы было сказать, что тамъ живутъ одни совы, да еще нашъ старый и противный привратникъ Фостеръ.

Лейчестеръ. Хорошо, Варней, теперь ты уйди, оставь меня. Сходи и посмотри, все ли готово къ пріему королевы. А мнѣ нужно побесѣдовать съ астрологомъ.

Варней *(прикидываясь удивленнымъ).* Такъ вы, милордъ, выписали сюда Аласко?

Лейчестеръ. Онъ здѣсь со вчерашняго дня и запертъ наверху въ потайной комнатѣ. Пошли ему какой-нибудь ѣды, Варней, а я разспрошу его про одинъ гороскопъ.

Варней. Слушаю, милордъ.

(Кланяется и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Лейчестеръ *одинъ.*

Лейчестеръ *(подходитъ медленными шагами къ окну).* На небѣ ни единаго облачка. Ахъ, если правда, что наша судьба зависитъ отъ звѣздъ, сіяющихъ надъ нашими головами, то никогда еще во всю мою жизнь не было мнѣ такъ необходимо выяснить ихъ вліяніе, какъ теперь, въ эту минуту: мой земной путь такъ неясенъ, такъ подернутъ мракомъ. *(Садится къ столу, открываетъ желѣзную шкатулку и достаетъ изъ нея пергаментъ, покрытый кабалистическими знаками).* Не могу никакъ глазъ оторвать отъ таинственныхъ знаковъ, которые тутъ начерталъ Аласко. Дѣйствительно ли можно довѣриться ихъ горделивымъ предсказаніямъ? Что сказала бы Англія, если бы знала, что благородный графъ Лейчестеръ, всемогущій любимецъ Елизаветы, пытается, словно малый ребенокъ, прочесть свою судьбу въ ка-

балистическомъ чертежѣ астролога?.. Впрочемъ, не я первый, не я послѣдній. Такой же точно слабости поддавались рѣшительно всѣ честолюбцы. Для простыхъ смертныхъ не существуетъ никакихъ гороскоповъ. Самъ Цезарь, прежде чѣмъ перейти Рубиконъ, нѣсколько разъ посылалъ спрашивать галльскихъ предсказательницъ. *(Подходитъ къ стѣнѣ въ глубинѣ сцены, отворяетъ низкую потайную дверь и, безпокойно оглядѣвшись кругомъ, осторожно зоветъ.)* Аласко! Деметріусъ Аласко!

(По узкой, темной лѣстницѣ спускается небольшого роста старикъ. На немъ широкая сѣрая одежда. У него совершенно лысая голова, бѣлая борода и черныя брови.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Лейчестеръ и Аласко.

Аласко. Я къ вашимъ услугамъ, милордъ.

Лейчестеръ *(показывая ему пергаментъ)*. Подумай, старикъ, ты знаешь ли, что тутъ у тебя изображены черезчуръ смѣлыя мечты? Небо въ эту ночь было безоблачно, и ты могъ въ немъ читать какъ въ открытой книгѣ. Вѣдь звѣзды, не правда ли, совсѣмъ не подтвердили твоихъ опрометчивыхъ предсказаній? Скажи, вѣдь такъ?

Аласко. Напротивъ, сынъ мой, я вновь по вашей звѣздѣ увидѣлъ то самое, что она мнѣ разъ уже открыла. Графъ Лейчестеръ, твое честолюбіе велико, но и судьба тебѣ предстоитъ еще болѣе великая.

Лейчестеръ. Значитъ, ты дѣйствительно прозрѣлъ сквозь таинственный мракъ мое будущее?

Аласко. Ну, да. Неужели опять повторять? Да, я видѣлъ тронъ. И какой тронъ! Первый тронъ въ мірѣ!

Лейчестеръ. Старикъ, хорошо ли ты взвѣсилъ свои слова?

Аласко. Вы требуете правды отъ меня, милордъ. Я знаю, что порой небезопасно высказывать ее сильнымъ міра сего...

(Въ эту минуту Лейчестеръ встрѣчаетъ фальшивый и проницательный взглядъ Аласко. Графъ быстро подноситъ руку къ кинжалу.)

Лейчестеръ. Негодяй! Ты хочешь обмануть меня! Клянусь честью моихъ предковъ, ты смѣешься надо мной! Такъ знай: ты дорого заплатишь за свою безстыдную насмѣшку!

Аласко. Тотъ не насмѣхается, чей взоръ устремленъ на небо, а ноги стоятъ на краю могилы. Слушай, сынъ мой. Сегодня апрѣльское полнолуніе по великому халдейскому кругу. Мнѣ было открыто, что въ этотъ день вашъ недостойный слуга подвергнется смертельной опасности, но выйдетъ изъ нея цѣлъ и невредимъ. Я старъ, я слабъ и беззащитенъ, а вы молоды и сильны, и вооружены; но во мнѣ больше, чѣмъ въ васъ, вѣры въ двойное предсказаніе: ваша звѣзда не обманула насъ,—меня вы не убьете.

Лейчестеръ. О, докажи мнѣ... докажи, что я не одураченъ обманщикомъ!..

Аласко. Доказать? Такъ вотъ же: я предрекъ вамъ царственную будущность, но мнѣ небезызвѣстно, какія тому препятствія противуставитъ ваше прошлое.

Лейчестеръ. Что такое? Какія препятствія? Что хочешь ты сказать? Кто тебѣ сказалъ?

Аласко. Вспомни, сынъ мой, что вчера ты приказалъ схватить меня, какъ дикаго звѣря, въ моемъ невѣдомомъ убѣжищѣ. Въ повозкѣ, закрытой отъ нескромныхъ взглядовъ, перевезли меня въ твой замокъ, удаленный отъ всѣхъ человѣческихъ жилищъ. Въ теченіе двадцати четырехъ часовъ я голоса живого не слыхалъ и, лишенный пищи, питья и сна, какъ то предписано кабалистическимъ закономъ, всю ночь изъ этой узкой башни проникалъ моими тусклыми глазами въ смыслъ этой книги безъ страницъ. Теперь спросите же себя и сами обсудите, могъ ли я узнать какими-либо средствами людскими, что не пустынна эта башня, какъ это думаютъ, что въ ней скрыта отъ свѣта обитательница...

Лейчестеръ. Боже! Стой! Молчи!.. Онъ правъ. Какъ могъ онъ узнать?..

Аласко *(достаетъ съ своей груди пергаментъ и, повидимому, внимательно его разсматриваетъ)*. Неправильность въ расположеніи созвѣздій означаетъ, что молодая дѣвушка, хотя принадлежитъ къ почтенному семейству, по роду много ниже высоко-знаменитаго графа. И, все-таки, пересѣченіе линій указываетъ на законный бракъ, въ тайнѣ скрываемый отъ всѣхъ, какъ это видно изъ близости туманнаго пятна Хормиты. Бракъ этотъ несомнѣнно будетъ уничтоженъ, такъ какъ блѣдная звѣзда молодой леди исчезнетъ въ горящихъ ярко волосахъ большой полуденной кометы, влекущей за собою въ вихрѣ бѣга чудную звѣзду знаменитаго графа. Комета же собой изображаетъ...

Лейчестеръ. Изображаетъ что?.. Да говори же, несчастный, говори...

Аласко. Вы, ваша милость, требуете этого?

Лейчестеръ. Больше того, я приказываю.

Аласко. Я всего только безсильный старикъ... Что говоритъ вамъ мой языкъ, то не моимъ умомъ измышлено.

Лейчестеръ. Да говори же, говори же ты наконецъ!

Аласко. Большая, короною увѣнчанная, комета изображаетъ превознесенную надъ всѣми царственную женщину, которая должна прибыть съ полуденной стороны.

Лейчестеръ. Что онъ говоритъ? Старикъ, что кроется въ твоихъ таинственныхъ словахъ? Кто, кто она, скажи, кто эта царственная женщина?

Аласко. Графу Лейчестеру не безызвѣстны геральдическіе знаки, и онъ сумѣетъ распознать особу по коронѣ.

Лейчестеръ. О, небесныя силы!

Аласко. Державная особа несетъ сюда зародышъ въ ея сердцѣ нѣжныхъ чувствъ... Эти чувства могутъ стать опредѣленнѣе, окрѣпнуть... И, можетъ-быть... Неужели устоитъ любовь предъ честолюбіемъ? Отъ руки, дающей скипетръ, никто не въ силахъ отказаться... Владѣлецъ этого замка не знаетъ препятствій и задержекъ на пути, ведущемъ къ почестямъ...

Лейчестеръ *(растерянно)*. Довольно, старикъ, довольно! Ты говоришь мнѣ о будущемъ, и голосъ твой смущаетъ мою душу, какъ укоръ совѣсти!

Аласко. Если ваша милость

Лейчестеръ. Довольно, говорю. *(Послѣ паузы.)* Аласко, если жизнь тебѣ дорога, то никогда не забывай, что тотъ, кому дано все знать, долженъ обо всемъ умѣть молчать. За твои слова я щедро заплачу тебѣ, а за молчанье заплачу еще щедрѣе. *(Бросаетъ ему кошелекъ съ золотомъ. Входитъ Варней въ сопровожденіи слуги, несущаго корзину съ провизіей. Слуга ставитъ корзину и удаляется.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лейчестеръ, Аласко и Варней.

Варней. Ваши приказанія исполнены, милордъ. Въ замкѣ Кенильвортъ все готово къ пріему ея величества королевы.

Лейчестеръ. Хорошо. Я пойду переодѣться и сейчасъ же возвращусь, чтобы исполнить милое желанье, выраженное мнѣ хозяйкой этого замка. А вы, Варней, позаботьтесь объ Аласко. Окажите ему уваженіе, къ которому обязываютъ насъ его годы и познанія.

(Варней кланяется, Лейчестеръ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Аласко и Варней.

Варней *(смотритъ на Аласко и смѣется)*. Что, старое исчадье ада, тебѣ удалось-таки обмануть моего и твоего господина? Королевскій левъ Англіи запутался въ твоихъ сѣтяхъ, лисица?

Аласко. Вы могли бы, сынъ мой, выражаться почтительнѣе. Мои знанія...

Варней *(прерываетъ его)*. Твои знанія!.. Сбрось маску передо мной; я хорошо вѣдь знаю твое лицо! Посмѣй-ка мнѣ сказать, что, въ самомъ дѣлѣ, ты по звѣздамъ прочелъ тѣ поразительныя тайны, которыя сейчасъ высказывалъ графу.

Аласко. По крайней мѣрѣ, таинственныя средства...

Варней. Да, да, пергаментъ, который мой ловкій посланный сунулъ тебѣ въ руку вчера вечеромъ, какъ только ты пріѣхалъ.

Аласко. А! Такъ это вашъ посланный тотъ молодой человѣкъ, что говорилъ со мной въ потемкахъ? Кто онъ такой? Его голосъ какъ будто мнѣ знакомъ.

Варней. Это пажъ, котораго самъ чортъ послалъ ко мнѣ на службу. А ты, все-таки, хорошо сумѣлъ воспользоваться доставленными имъ свѣдѣніями.

Аласко. А почему же и не воспользоваться, когда это дало мнѣ возможность сохранить драгоцѣнное время и съ большою пользой употребить его на раскрытіе тайнъ природы, на завоеваніе міровыхъ познаній. Еще одинъ шагъ, и я проникну въ самыя глубины лабораторіи мірозданія, я буду держать въ своихъ рукахъ сѣмя золота! И тогда наступитъ моя очередь быть господиномъ, наглый фаворитъ фаворита!

Варней. Ну, вотъ что, господинъ Аласко, не будемъ лучше ссориться. Я, видите ли, такъ вѣрю въ ваши знанія, что если бы утратилъ ваше доброе расположеніе, то ничего не сталъ бы ѣсть, кромѣ свѣжихъ яицъ.

Аласко. Не зазнавайся и не воображай, что я стану тратить на тебя мои снадобья! Не думай, что изъ-за твоей негодной жизни я буду изводить дивные элексиры изъ самыхъ рѣдкихъ растеній и изъ самыхъ чистыхъ минераловъ,—элексиры, состоящіе изъ такихъ драгоцѣнныхъ эссенцій, что всѣхъ владѣній какого-нибудь Лейчестера не достанетъ на покупку одного флакона. Будь спокоенъ, Варней! Хотя, правда, изъ твоего тѣла можно добыть больше яда, чѣмъ изъ ехидны, а все же ты не стóишь одной капли моихъ отравъ.

Варней. Вотъ первое разумное слово изъ всего, что ты мнѣ говорилъ до сихъ поръ.

Аласко. Что же касается тайнъ твоего господина, то, если бы я только захотѣлъ, то открыть ихъ было бы для меня нисколько не труднѣе, чѣмъ узнать твои собственныя тайны, Ричардъ Варней!

Варней. Мои тайны? На самомъ дѣлѣ, ихъ открыть очень нетрудно: у меня ихъ нѣтъ.

Аласко. Въ самомъ дѣлѣ?.. Секретный бракъ Лейчестера тебѣ такъ страстно хочется расторгнуть—только для его пользы, говоришь ты?—только для того, чтобы не встрѣтилось задержки въ его блестящей карьерѣ?

Варней. Ну, не совсѣмъ; немножко, можетъ-быть, и для того, чтобы смѣнить ливрею графскаго конюшаго на плащъ королевскаго придворнаго.

Аласко. И только для того, увертливый Варней?.. Прикрываясь твоимъ именемъ, блестящій графъ Лейчестеръ нашелъ возможность сблизиться съ красавицею Эми Робсартъ; прячась за тобою, онъ хотѣлъ ее завлечь, и самъ увлекся ею, сдѣлалъ Эми Робсартъ своею женой. Для стараго рыцаря Гью Робсарта—человѣкъ, похитившій его дочь, не Дудлей, а Варней.

Варней. Секреты эти, проницательный Аласко, ты слышалъ лично отъ меня.

Аласко. Да, но есть еще другіе, которые прочелъ я по твоимъ глазамъ. Разыгранную тобою комедію ты принялъ въ серьезъ, государь мой, и въ Эми Робсартъ ты самъ влюбленъ.

Варней *(насильственно смѣется)*. Я?.. А это забавно, право!

Аласко. Ты любишь Эми Робсартъ! И хлопочешь ты развести ее съ графомъ въ надеждѣ, что когда-нибудь она можетъ достаться его конюшему.

Варней. Молчи!.. Кто могъ сказать тебѣ это? Вѣдь не графиня же?.. Она слишкомъ горда!

Аласко. Твое смущеніе доказываетъ мнѣ, что я не ошибся. Что, если бъ графъ узналъ, какъ его конюшій во зло употребляетъ его довѣріе?..

Варней. А что, если бъ графъ узналъ, какъ астрологъ пользуется его довѣрчивостью?.. Полно, полно, Аласко, останемтесь-ка лучше добрыми друзьями! Для обоихъ это будетъ безопаснѣй. *(Приближается къ нему.)* Послушайте. Ваша лабораторія въ Пельгэмѣ взлетѣла на воздухъ, какъ адскій кратеръ. Вы знаете, у насъ въ помѣстьи Кумноръ есть въ десять разъ лучшая лабораторія, въ которой вы найдете печи и звѣздные шары, оставленные прежнимъ пріоромъ. Тамъ вы могли бы въ полное ваше удовольствіе плавить, амальгамировать, перегонять, выпаривать, закаливать до тѣхъ поръ, пока зеленый драконъ не превратится въ золотого гуся...

Аласко. Ладно. И чтобы получить эту прекрасную лабораторію, что мнѣ нужно будетъ дѣлать?

Варней. Вамъ нужно будетъ дѣлать то, что я скажу, и молчать про то, что я буду дѣлать.

Аласко. Хорошо. Но, прежде всего, отвѣтьте, долго ли намѣрены вы держать меня взаперти въ этой пустой башнѣ? Не люблю я оставаться тамъ по ночамъ наединѣ съ совами и летучими мышами.

Варней. Это что же значитъ? Ужъ не труситъ ли колдунъ, ужъ не боится ли онъ, какъ ребенокъ, потемокъ и одиночества? Ты не дѣлаешь еще пока золота, Аласко, и тебѣ нечего бояться воровъ. Что же касается злыхъ духовъ, то имъ слѣдовало бы на этомъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, оставить тебя въ покоѣ.

Аласко. Кромѣ этого свѣта, есть міръ иной! И этою самою ночью я видѣлъ...

Варней. Что ты видѣлъ? Своего патрона—сатану съ рогами въ двѣнадцать локтей длины и съ хвостомъ, извивающимся столькими же оборотами, сколько ихъ въ винтовой лѣстницѣ старой колокольни св. Павла въ Лондонѣ?

Аласко. Не смѣйся, Варней, и тише говори. Да, нынѣшнею ночью, ровно въ полночь, я видѣлъ привидѣніе.

Варней. Ужъ не принимаешь ли ты меня за Лейчестера, Аласко?

Аласко. Тише, говорю я тебѣ! Варней, въ послѣднее время былъ у меня подручный, ученикъ...

Варней. Да, помощникъ тебѣ въ твоихъ штукахъ.

Аласко. Да помолчи!.. Странное то было существо, своенравное и хитрое: уменъ, какъ дьяволъ, ловокъ и проворенъ, точно сильфъ, похожъ скорѣе на ребенка, чѣмъ на человѣка,

и на бѣсенка больше, чѣмъ на дитя. Его звали Флиббертиджиббетъ.

Варней. И имя-то приличное бѣсенку.

Аласко. Глазами всюду такъ и шнырялъ и страшно былъ смѣтливъ... провѣдалъ кое-какіе изъ моихъ секретовъ...

Варней. Неосторожно поступилъ.

Аласко. Необходимо было съ нимъ разстаться. Я покинулъ Пельгэмъ и оставилъ въ его распоряженіи мою лабораторію, реторты, мою печь... а въ этой печи, въ потаенномъ уголкѣ, я, кажется, забылъ маленькій боченокъ пороху!

Варней. Неосмотрительность довольно ловкая!

Аласко. Черезъ два дня я узналъ про взрывъ моей лабораторіи. Мой бѣдный ученикъ, навѣрное, погибъ при этомъ.

Варней. Бѣдный ученикъ унесъ, по крайней мѣрѣ, съ собой въ могилу всѣ твои секреты.

Аласко. Да, но только онъ принесъ ихъ оттуда обратно. Ричардъ, сегодня ночью онъ... или, вѣрнѣе тѣнь явилась мнѣ подъ темнымъ сводомъ башни!

Варней. Можетъ ли это быть? И что же онъ тебѣ сказалъ?

Аласко. Ужаснѣйшія вещи, извѣстныя только аду, смерти и ему. Онъ укорялъ меня за то, что называлъ своимъ убійствомъ. Отъ страха я почти лишился чувствъ...

Варней. Въ какомъ же видѣ являлась тѣнь Флиббертиджиббета?

Аласко. Въ видѣ молодого демона огненнаго цвѣта. На концѣ его черныхъ роговъ блестѣлъ какъ будто фосфорическій свѣтъ.

Варней *(въ сторону)*. Я убѣжденъ, что это мой отчаянный комедіантикъ.

Аласко. Ну, что, Ричардъ, какого мнѣнья вы объ этомъ странномъ привидѣніи?

Варней. Не было ли оно скорѣе сномъ, чѣмъ привидѣніемъ?

Аласко *(качая головой)*. Нѣтъ, нѣтъ, Варней! Въ наши дѣла, я это чувствую, вмѣшались адскія силы. Намъ надо быть очень и очень осторожными, вотъ что!

Варней. Тѣмъ болѣе причинъ, милѣйшій мой, чтобы мы были въ согласіи. Не отъ меня зависитъ освободить тебя тотчасъ же. Но, подъ рукой, я могу посовѣтовать это Лейчестеру. Ты мнѣ помогай, я помогу тебѣ. Графъ сейчасъ придетъ; онъ не долженъ заставать насъ вмѣстѣ. Будь вѣренъ нашему союзу, я такъ же буду поступать. Ну, рѣшено?

Аласко. Рѣшено.

(Подаютъ другъ другу руки.)

Варней. Засимъ прощай, милѣйшій мой Аласко. *(Въ сторону.)* И чортъ тебя возьми, проклятый отравитель!

Аласко. До свиданья, дорогой мой Варней. *(Въ сторону.)* Громъ чтобъ разразилъ тебя, подлѣйшій негодяй!

(Варней уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аласко *одинъ, потомъ* Флиббертиджиббетъ.

Аласко. Вотъ безсовѣстный человѣкъ, даже въ адъ не вѣритъ!

(За сценой слышенъ пронзительный голосъ.)

Голосъ. Добообіусъ!

Аласко *(вздрагивая)*. Боже! кто зоветъ меня этимъ именемъ?

Голосъ. Докторъ Добообіусъ!

Аласко. О, небо! Это имя, подъ которымъ я осужденъ?.. И опять голосъ Флиббертиджиббета!

Голосъ. Самъ Флиббертиджиббетъ.

Аласко *(закрывая лицо руками)*. Что же это? Среди дня теперь! О, пощадите, пощадите!

Голосъ. Пощадить?.. Съ однимъ условіемъ.

Аласко. Съ какимъ? Скажи, чего ты хочешь отъ меня?

(Флиббертиджиббетъ вскакиваетъ въ открытое окно; онъ одѣтъ въ костюмъ чорта огненнаго цвѣта.)

Флиббертиджиббетъ. Я хочу... хочу кусокъ вотъ этого хлѣба и глотокъ вина.

Аласко *(удивленно поднимаетъ голову)*. Что за рѣчи для привидѣнія! *(Смотритъ на Флиббертиджиббета, доставшаго изъ корзины бутылку вина и жадно начавшаго ѣсть хлѣбъ.)* Такъ ты не умеръ, стало-быть?

Флиббертиджиббетъ *(ѣстъ)*. Конечно, умеръ... отъ голода и жажды.

Аласко *(трогая его)*. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ живъ, бѣдняжечка Флиббертиджиббетъ!

Флиббертиджиббетъ. Живъ не по твоей винѣ, я думаю, добрѣйшій мой наставникъ! И ничего бы не желалъ я такъ, какъ въ свою очередь уморить тебя со страха. Но вотъ почти восемнадцать часовъ, какъ призракъ ничего не ѣлъ, и его молодой аппетитъ не могъ терпѣть долѣе. Всѣмъ жить хочется, даже привидѣніямъ.

Аласко *(въ сторону)*. Живъ!.. Не знаю, право, ужъ не больше ли онъ мнѣ по вкусу былъ выходцемъ изъ могилы. *(Громко.)* Такъ ты спасся во время взрыва? Какимъ чудомъ?

Флиббертиджиббетъ. Совсѣмъ не чудомъ, а ловкостью. Я умудрился открыть вашъ подкопъ, дорогой учитель, и постарался отойти подальше отъ него, когда его взорвало.

Аласко. Клянусь тебѣ, дитя мое...

Флиббертиджиббетъ. Оставьте лучше ваши клятвы; я васъ знаю. Кромѣ того, я знаю ваши тайны, а потому вы меня боитесь, а я васъ не боюсь.

Аласко *(въ сторону)*. Проклятый негодяй! *(Вслухъ.)* Милый мой Флиббертиджиббетъ, оставимъ прошлое!.. Увѣряю тебя, я искренно радъ, что встрѣтилъ тебя живого. Скажи мнѣ, зачѣмъ ты очутился здѣсь?

Флибертиджиббетъ. Я полагаю, затѣмъ, чтобы содѣйствовать темнымъ планамъ вашего сообщника Варнея относительно таинственной особы, которую тутъ прячутъ. Хорошъ и этотъ Варней! Его игру я тоже начинаю понимать.

Аласко. Но что же это за странный на тебѣ костюмъ?

Флибертиджиббетъ. Ремесло колдуна становится опаснымъ, я и сдѣлался комедiантомъ. Теперь я нахожусь въ труппѣ, приглашенной играть на празднествахъ, которыя графъ Лейчестеръ даетъ королевѣ. Я играю чертей и бѣсенятъ въ маскарадахъ Шекспира и Марло и ношу костюмъ моего амплуа, чтобы отличаться отъ дворянъ.

Аласко *(въ сторону)*. Обезьяна! *(Вслухъ.)* Доволенъ ли ты, по крайней мѣрѣ, своимъ новымъ ремесломъ?

Флибертиджиббетъ. Гмъ... Не особенно! Надоѣдаетъ повторять все однѣ и тѣ же фразы, продѣлывать однѣ и тѣ же гримасы. Отъ природы я любопытенъ и люблю свободу. Мнѣ бы хотѣлось играть роль по-настоящему и принимать участiе въ дѣйствительной интригѣ. Я чую ее здѣсь, и мнѣ она кажется довольно темною и очень занимательною. Вотъ почему я не отклонилъ предложенiя вашего Варнея, рѣшивши, впрочемъ, принимать въ его затѣяхъ лишь такое участiе, какое самъ найду для себя пригоднымъ.

Аласко. Не хочешь ли вернуться ко мнѣ?

Флибертиджиббетъ. Почему бы и не вернуться? Только на такихъ же условiяхъ и съ тою же оговоркой, — предупреждаю васъ объ этомъ.

Аласко. Какъ хочешь. Самому мнѣ нужно было бы знать про эту таинственную особу, какъ ты ее называешь, и про милорда Лейчестера побольше того, что угодно Варнею мнѣ сказать.

Флибертиджиббетъ. Да, чтобы помогать вамъ составлять ваши гороскопы, понимаю.

Аласко. Графъ и эта дама черезъ нѣсколько минутъ будутъ здѣсь. Если бы ты могъ...

Флибертиджиббетъ. Подслушать ихъ разговоръ и передать вамъ? Превосходно! Я и самъ былъ бы очень радъ подслушать бесѣду голубки съ соколомъ.

Аласко *(оглядывается кругомъ)*. Тебѣ надо только куда-нибудь спрятаться...

Флибертиджиббетъ. Да, вотъ графское кресло здѣсь, точно нарочно, для того поставлено.

Аласко. Такъ торопись же, я слышу, что сюда идутъ. *(Помогаетъ Флиббертиджиббету спрятаться подъ большое кресло. Въ сторону.)* Если бы его нашли тутъ и повѣсили на водосточномъ жолобѣ замка! Тогда бы я свободно вздохнулъ.

Флибертиджиббетъ *(подъ кресломъ)*. Идутъ. Скрывайтесь, докторъ Добообiусъ.

Аласко. Не называй ты меня этимъ именемъ!

Флибертиджиббетъ. Ладно! Змѣя перемѣнила, стало-быть, кожу. *(Аласко уходитъ въ башню.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Лейчестеръ, *закутанный въ плащъ*, Эми, Флиббертиджиббетъ.
(Графиня входитъ, опираясь на руку графа.)

Эми. Какъ вы добры, что исполнили ваше обѣщаніе, уступили моему капризу и, прежде чѣмъ явиться къ королевѣ, пришли показаться вашей затворницѣ въ придворномъ костюмѣ! Позвольте же мнѣ самой снять съ васъ плащъ.

Лейчестеръ *(улыбаясь)*. И вы, Эми, такая же, какъ всѣ женщины? Шелкъ, брилліанты, перья больше значатъ для васъ, чѣмъ самъ тотъ, кого они украшаютъ?

(Онъ слегка сопротивляется графинѣ, снимающей съ него плащъ. На Лейчестерѣ парадный костюмъ и ордена. Костюмъ весь бѣлый, бѣлая обувь, бѣлый атласный камзолъ, бѣлый кожаный поясъ, вышитый серебромъ; на бѣломъ бархатномъ, вышитомъ серебромъ, короткомъ плащѣ звѣзда ордена Подвязки.)

Эми. Эми вамъ доказала, кажется, милый графъ, что знатнаго вельможу, сану котораго принадлежитъ этотъ блестящій костюмъ, она не можетъ любить больше незнакомца, извѣщавшаго ее звукомъ рога о своемъ пріѣздѣ и являвшагося къ ней въ простомъ темномъ плащѣ въ лѣсахъ Девона.

Лейчестеръ. Правда, правда, дорогая моя, милая.

Эми. Теперь, мой лордъ и господинъ, садитесь тутъ, какъ человѣкъ, передъ которымъ всѣ остальные люди должны преклоняться.

(Она подводитъ графа къ большому креслу. Онъ садится на него.)

Лейчестеръ. Садись же и ты на свое мѣсто рядомъ со мною.

Эми. *(садится на табуретъ противъ графа)*. Вотъ и я на своемъ мѣстѣ.

Лейчестеръ. Твое мѣсто рядомъ со мной.

Эми. Нѣтъ,—у ногъ твоихъ. Оставь меня тутъ, мой милый лордъ. Мнѣ лучше такъ, мнѣ хорошо здѣсь. *(Смотритъ на него.)* Какъ изящно все на васъ и какъ великолѣпно!.. Что значитъ эта шитая полоска, которая вамъ стягиваетъ ногу подъ колѣномъ?

Лейчестеръ *(улыбаясь)*. Полоска эта, какъ ты ее называешь, это и есть та англійская Подвязка, носить которую гордится самъ король. А это вотъ звѣзда того же ордена. Ты слышала, какъ Эдуардъ и леди Сальсбюри...

Эми *(улыбаясь и опуская глаза)*. Да, я знаю... я знаю, какъ изъ дамской подвязки король Эдуардъ сдѣлалъ первый англійскій рыцарскій орденъ.

Лейчестеръ. Я имѣлъ честь получить его вмѣстѣ съ герцогомъ Норфолькомъ, маркизомъ Нортгамптономъ и герцогомъ Рутландомъ. Я былъ саномъ ниже этихъ трехъ благородныхъ лордовъ; но тотъ, кто хочетъ возвышаться, долженъ начинать съ первой ступени.

Эми. А что такое эта богато изукрашенная цѣпь, внизу которой прикрѣплена какая-то вещица, похожая на подвѣшеннаго барашка?

Лейчестеръ. Это тоже знакъ высокаго ордена, принадлежавшаго когда-то бургундскому владѣтельному дому,—знакъ ордена Золотаго Руна. Съ нимъ связаны величайшія преимущества: самъ король испанскій, наслѣдникъ бургундскаго дома, не имѣетъ права, безъ согласія и участія капитула, судить кавалера этого ордена.

Эми. А это еще что за цѣпь, такая блестящая, какой она страны?

Лейчестеръ. Это орденъ святаго Андрея, возстановленный Іаковомъ, послѣднимъ королемъ Шотландіи. Онъ мнѣ былъ пожалованъ въ то время, когда предполагали, что юная вдовствующая королева Франціи и Шотландіи, несчастная Марія Стюартъ, не откажетъ въ своей рукѣ англійскому барону. Не лучше ль, впрочемъ, быть свободнымъ графомъ Англіи, чѣмъ съ женщиной раздѣлять королевскую власть надъ унылыми скалами сѣвера?

Эми. Я такъ же думаю, какъ благородный мой Лейчестеръ. И что меня касается, такъ я всегда бы предпочла бракъ съ Дудлеемъ замужеству съ кѣмъ бы ни было изъ земныхъ королей. *(Лейчестеръ вздыхаетъ.)* Что съ тобой, мой господинъ? Неужели ты думаешь, что любовь королевы могла бы быть нѣжнѣе, пламеннѣе любви твоей Эми?

Лейчестеръ *(цѣлуя ее въ лобъ)*. О, нѣтъ, нѣтъ! И ничто не вырветъ тебя изъ моихъ объятій, ничто въ мірѣ! Жена моя! моя любимая супруга!

Эми. Да, твоя жена... И, по закону, дѣйствительно, ты въ правѣ прижимать къ этой славной груди, украшенной первыми знаками рыцарства Европы, дочь безвѣстнаго деревенскаго дворянина. Но когда же я сдѣлаюсь твоею женой передъ всѣми людьми, какъ я твоя супруга передъ Богомъ?

Лейчестеръ. Сейчасъ же, какъ только это мнѣ возможно будетъ, милое мое дитя. *(Онъ встаетъ.)* Теперь твое желаніе исполнено, и, несмотря на все счастье быть съ тобою вмѣстѣ, я долженъ съ тобой проститься.

Эми. Еще минуту... еще только одну минуту! Если я прошу объявить меня твоею супругой, надѣюсь, ты не подумаешь. что это я дѣлаю изъ честолюбія и тщеславія... Правда, я очень бы гордилась честью быть признанною супругой знатнѣйшаго изъ лордовъ Англіи. Но я думаю, Дудлей, больше о моемъ несчастномъ отцѣ. Каково ему теперь? Что съ нимъ? Каково было его отчаянье въ тотъ день, когда онъ проснулся, и его не встрѣтилъ мой обычный поцѣлуй? Бѣдный, бѣдный мой отецъ! Повѣрилъ ли онъ, могъ ли онъ повѣрить, что этотъ Варней, вашъ конюшій, меня похитилъ и обольстилъ?.. О, эта мысль мнѣ не даетъ покоя! Тебя не знаетъ онъ, мой Лейчестеръ, и если онъ не могъ подумать, что дочь его унизится до Варнея, то никогда не могъ онъ и мечтать, что ей суждено возвыситься до тебя. Мой дорогой, мой люби-

мый! освободи меня отъ данной клятвы, позволь мнѣ, наконецъ, пойти къ нему и успокоить, позволь мнѣ вернуть старику его любимое дитя, вернуть законною супругой славнѣйшаго изъ лордовъ Англіи.

Лейчестеръ. Да, Эми, да... настанетъ время, исполнится и это. Повѣрь, не меньше твоего желалъ бы приблизить этотъ день. Какая будетъ радость, когда я получу возможность утѣшить старость своего отца, и, откинувши честолюбивыя заботы и тревоги, буду проводить счастливые дни у твоихъ ногъ, у ногъ очаровательнѣйшей женщины и обожаемой супруги! Увы, теперь мы должны еще подождать и жить пока только надеждой.

Эми. Но почему же? Что препятствуетъ исполнить вамъ желаніе ваше, какъ вы говорите, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнить то, къ чему обязываетъ насъ и человѣческій и божескій законъ? А если бъ только вы немножко захотѣли, никто бы не посмѣлъ вамъ помѣшать. Вы достаточно могущественны для того, чтобы оказать поддержку своему вполнѣ законному желанію.

Лейчестеръ. Легко вамъ говорить такъ, Эми! Вамъ незнакома жизнь при дворѣ, не знаете вы требованій сана, не знаете обязанностей, налагаемыхъ на насъ самымъ этимъ могуществомъ! И вы какъ разъ объ этомъ просите меня въ тотъ день, когда я вамъ хотѣлъ сказать, чтобы вы прятались больше, чѣмъ когда-нибудь. Не знаете вы развѣ, что сегодня, вотъ сейчасъ, я принимаю въ этомъ замкѣ королеву?

Эми. Королеву?.. На что же лучше случая объявить ей о нашэмъ бракѣ?

Лейчестеръ. Что вы говорите, несчастное дитя? Вы не имѣете понятія о томъ, насколько непрочна и своенравна милость государей. Такое объявленіе погубитъ насъ обоихъ. Довѣрься мнѣ, моя возлюбленная Эми. Настанетъ время болѣе счастливое, а если нѣтъ, то я его сумѣю поторопить. А до тѣхъ поръ не отравляй прощанья нашего такою просьбой, исполнить которую мнѣ запрещаетъ моя забота о тебѣ самой.

(Онъ встаетъ обнять Эми и отодвигаетъ кресло, при чемъ открывается присутствіе Флиббертиджиббета.)

Лейчестеръ *(увидавши его)*. Это что? *(Вырывается изъ объятій Эми и кидается на одѣтаго бѣсомъ.)* Что дѣлаетъ тутъ этотъ негодяй?

Флиббертиджиббетъ *(смѣло поднимая голову)*. Вы видите, мой милостивый господинъ, я присутствовалъ инкогнито, какъ ревнивый Одрагональ, при разговорахъ красавца Меріандра съ красавицею Индамирой. Я слушалъ.

Лейчестеръ. Да? Ну, такъ за это твое слушанье ты расплатишься ушами!

Флиббертиджиббетъ. Очень вѣроятно.

Лейчестеръ. Кто ты?

Флиббертиджиббетъ. Что будетъ вамъ угодно: мертвецъ или живой. Мертвецъ, если это будетъ угодно вашему кин-

жалу; въ противномъ случаѣ — живой, къ тому жъ, такой живой, который больше любитъ конецъ веселаго обѣда, чѣмъ начало ссоры.

Лейчестеръ. Нахальный шутъ! Ты играешь веревкой, на которой тебя повѣсятъ.

Флиббертиджиббетъ. Потому что перерѣзать ее—увы!—не могу.

Лейчестеръ *(въ сильномъ волненіи)*. Онъ, навѣрное, подосланъ лордомъ Суссексомъ и моими врагами. Ну, да твоя дерзость будетъ такъ наказана, что страшно станетъ всѣмъ, тебѣ подобнымъ.

Флиббертиджиббетъ. Такихъ не много. Милордъ графъ, вы можете поступить со мною троякимъ способомъ: какъ вора — повѣсить на самомъ высокомъ суку вашей рощи, какъ шпіона — прибить гвоздями къ большимъ воротамъ замка, какъ колдуна — отправить въ адъ, изжаривши на кострѣ...

Лейчестеръ. Нахалъ довольно рѣдкостный! Однако надо же мнѣ знать, кто подослалъ его сюда. Послушай, негодяй, ты заслужилъ всѣ эти казни и даже больше ихъ, но можешь ихъ избѣгнуть и получить прощеніе, если скажешь мнѣ, кому служилъ ты здѣсь шпіономъ.

Флиббертиджиббетъ. Чтобъ жизнь свою спасти? Нѣтъ, это подло!

Лейчестеръ. Я больше дамъ тебѣ, не только жизнь. Тебѣ, конечно, платятъ за твое шпіонство. Скажи мнѣ, сколько, и если ты къ тому добавишь—кто, я во сто разъ дамъ больше, чѣмъ тебѣ обѣщано. Раскрой мнѣ только эту злостную интригу...

Флиббертиджиббетъ. Изъ-за богатства? Нѣтъ, это низко!

Лейчестеръ. Какъ? Для тебя не значатъ ничего ни обѣщанія ни угрозы? Такъ сила, можетъ-быть, подѣйствуетъ. Кто приказалъ тебѣ здѣсь спрятаться? Ну, говори, не то...

Флиббертиджиббетъ. Сказать вамъ это или не сказать,— для меня это такъ же важно, какъ похлопотать о чудодѣйственной семисвѣтной лампѣ. Вотъ если бъ вы иначе у меня спросили, то я, вѣроятно, вамъ отвѣтилъ бы, потому еще, что тотъ, по чьей милости я попалъ въ скверное положеніе, самъ интриганъ негодный, и я въ восторгѣ былъ бы отъ постигшей его кары. Но, высокородный и могущественный графъ, въ моемъ молчаньи все мое надъ вами преимущество, и я не вижу, почему я долженъ отказаться отъ него.

Лейчестеръ. Ну, ужъ это изъ рукъ вонъ! *(Вынимая кинжалъ.)* Ты умрешь, измѣнникъ!

Флиббертиджиббетъ. Ну, что жъ, умретъ со мною и тайна.

Эми *(въ ужасъ удерживаетъ руку графа)*. Милордъ! мой Дудлей! Что вы хотите сдѣлать? Убійствомъ кончить нашу нѣжную бесѣду!

Лейчестеръ *(занося кинжалъ)*. Да, чтобъ не кончилась она еще болѣе мрачной катастрофой.

Эми. О, пощадите несчастнаго, милордъ!

Флиббертиджиббетъ *(въ сторону)*. Она обворожительна!

Лейчестеръ. Эми, пустите руку. Онъ негодный шпіонъ!

Эми. Нѣтъ, милордъ! Вы посмотрите на его смѣшной нарядъ. Онъ фигляръ какой-нибудь, а, можетъ-быть, и просто сумасшедшій.

Флиббертиджиббетъ. Такъ, благородная графиня, защитите хоть вы меня! Вѣдь съ вами мы въ родствѣ немножко: я—безуменъ, какъ луна, а вы—прекрасны, точно солнце.

Эми *(улыбаясь.)* Вы видите, что вправду онъ безумецъ! Послушайте, милордъ, такъ неужели вы несчастнаго и беззащитнаго убьете на глазахъ у вашей Эми? Пощадите, пожалѣйте! Какъ отъ рыцаря, я требую отъ васъ ему пощады, изъ уваженія къ дамѣ. Подарите мнѣ жизнь этого бѣдняги. Такъ, Дудлей? *(Она беретъ кинжалъ изъ рукъ улыбающагося графа, оказывающаго лишь слабое сопротивленіе.)* Отдайте мнѣ этотъ дрянной кинжалъ, чтобъ онъ не смѣлъ занимать мѣста у сердца, принадлежащаго лишь мнѣ одной.

(Она выбрасываетъ кинжалъ въ открытое окно.)

Флиббертиджиббетъ. Дрянной кинжалъ! Это настоящей-то толедской стали съ золотою насѣчкой!

Лейчестеръ. Вы, Эми, настоящее дитя! Пощадивши его жизнь, вы подвергаете опасности и вашу и мою.

Эми *(съ одушевленіемъ)*. Не говорите такъ! Милосердный поступокъ не можетъ принести несчастія. Къ тому же возможно развѣ, чтобъ судьба орла зависѣла...

Флиббертиджиббетъ. Отъ летучей мыши. Мнѣ ужъ предоставьте выбрать подходящее животное.

Эми. По крайней мѣрѣ, я въ правѣ сказать, милордъ, что вы сегодня не во всемъ мнѣ отказали. *(Лейчестеръ обнимаетъ ее. Она быстро оборачивается къ Флиббертиджиббету.)* Ты помилованъ.

Лейчестеръ. Да, но только не свободенъ. Я долженъ задержать тебя до тѣхъ поръ, пока не узнаю, кто ты.

Флиббертиджиббетъ. Вы видите, я бѣсъ, прекрасный господинъ; но бѣсъ я бѣдный и добрый бѣсъ.

Лейчестеръ *(зоветъ)*. Гей! Варней! Фостеръ! Дженнета! Кто-нибудь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Варней, Фостеръ *(въ бархатномъ камзолѣ и желтыхъ чулкахъ)* и Дженнета.

Варней. Что угодно милорду? *(Увидавши Флиббертиджиббета, говоритъ въ сторону.)* Мой, каналья, маленькій актерикъ! Что это значитъ?

Лейчестеръ. Фостеръ, вы очень плохо исполняете свою обязанность. Кто его сюда впустилъ?

Флиббертиджиббетъ. Не браните этого толстяка, милордъ. Я вошелъ сюда, какъ и подобаетъ нашему брату, бѣсу, черезъ замочную скважину.

Варней *(въ сторону)*. Ухъ! ухъ! Легче стало: меня не продалъ!

Лейчестеръ. Посадить этого арлекина въ тюрьму замка.

Фостеръ. Въ башню тайниковъ, милордъ? Слушаю. Откуда ты взялся, красноперый бѣсъ?

Флиббертиджиббетъ *(смѣясь, оглядываетъ костюмъ Фостера)*. Изъ болота, гдѣ научился ловить желтоногихъ гусей.

(Фостеръ грозитъ ему пальцемъ.)

Лейчестеръ. Запереть его какъ можно крѣпче, и чтобы онъ ни съ кѣмъ не могъ сноситься. Но также чтобъ недостатка у него ни въ чемъ не было и зла ему отнюдь не дѣлать. Ступайте.

(Варней и Фостеръ хотятъ взять Флиббертиджиббета; онъ отъ нихъ увертывается.)

Флиббертиджиббетъ. Минутку, господа. *(Приближается къ Эми и опускается на колѣно.)* Вы такъ добры, что могли бы свободно быть не такою красавицей. Бѣсенокъ вамъ обязанъ жизнью и надѣется найти возможность уплатить свой долгъ.

(Варней и Фостеръ увлекаютъ его и уходятъ.)

Эми. Теперь вы убѣдились, что онъ безумецъ, но не злодѣй.

Лейчестеръ. О, меня тревожитъ какое-то предчувствіе... Нарушена уединенность этого жилища. И въ этой черной точкѣ я чувствую предвѣстницу грозы. Прощай, Эми. Я оставляю тебя съ Дженнетой.

Эми. Увижу ли я васъ, милордъ, сегодня еще разъ?

Лейчестеръ. Мнѣ не позволятъ этого обязанности, налагаемыя на меня присутствіемъ королевы. Но завтра, когда ты услышишь звонъ большого колокола замка, извѣщающій о возвращеніи Елизаветы въ свои покои, я воспользуюсь этою минутой свободы.

Эми. Какъ счастлива королева! Ей вы принадлежите больше, чѣмъ вашей женѣ.

(Лейчестеръ глубоко вздыхаетъ, обнимаетъ графиню, отходитъ и возвращается еще разъ.)

Лейчестеръ. Прощай, прощай! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Эми и Дженнета.

Дженнета. О, миледи, если бы вы знали!..

Эми. Что такое?

Дженнета. Въ той части замка толпы народа, шумъ, сколько лошадей... Тамъ звуки музыки, всѣ готовятся къ чуднымъ празднествамъ, и ничего этого мы не увидимъ. Говорятъ, пріѣдетъ королева, и ее мы не увидимъ.

Эми. Я знаю все это. И не королеву хотѣлось бы мнѣ имѣть возможность видѣть во время этихъ празднествъ.

Дженнета. А, вы знаете? Вы знаете, быть-можетъ, также...

Эми. Что еще?

Дженнета. Про старика, который такъ же, кажется, какъ и вы, ничуть не интересуется праздникомъ, а только бродитъ постоянно вокругъ замка...

Эми *(оживленно)*. Что? Какой старикъ?

Дженнета. Высокій, съ бѣлою бородой, на видъ — такой почтенный. Видно, какъ онъ ходитъ по горѣ, которая возвышается надъ этой развалиной. То онъ садится въ кустахъ и склоняетъ голову на руки, то смотритъ въ эту сторону, на башню, какъ охотникъ, который ждетъ, чтобы птичка улетѣла

Эми. А знаетъ кто-нибудь, что̀ это за старикъ? Откуда онъ и что ему здѣсь нужно?

Дженнета. Нѣтъ. Фостеръ опасается, ужъ не шпіонъ ли это лорда Суссекса, и говорилъ о томъ, что надо какъ-нибудь скорѣе отъ него отдѣлаться.

Эми. Дженнета! Запрети... подъ страхомъ лишиться головы, запрети ему дѣлать что-нибудь дурное старику!.. Скажи, откуда, можно его видѣть?

Дженнета *(смотря въ открытое окно)*. Да вотъ, смотрите, вотъ, миледи! вонъ онъ идетъ по тому холму.

Эми *(взглядываетъ въ окно)*. Милосердый Боже! Мой отецъ!

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Дѣйствіе второе.

Большая зала въ Кенильвортскомъ замкѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Елизавета и Лейчестеръ.

Елизавета. Да, милордъ, да, милый мой хозяинъ, такъ надо! Надо вамъ сегодня же, сейчасъ же помириться съ лордомъ Суссексомъ. Не забывайте, что таковъ объявленный предлогъ нашего пріѣзда въ Кенильвортъ, а также и предлогъ для нашей бесѣды, которою васъ удостоить здѣсь наединѣ я сочла для себя за счастье. Такъ рѣшено, вы помиритесь...

Лейчестеръ *(кланяется)*. Ваше величество...

Елизавета. Хорошо, довольно. Я только этого и хотѣла. Теперь поговоримте о другомъ. Знаете ли вы, милордъ, ваше помѣстье ни въ чемъ не уступаетъ нашему Виндзорскому помѣстью! А этотъ пріемъ, который мы здѣсь встрѣтили, достоинъ герцога и пера, и даже... короля.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Короля!.. *(Обращается къ королевѣ и кланяется еще ниже.)* Всѣмъ, что вашему величеству угодно почтить здѣсь благосклоннымъ взглядомъ, я обязанъ вашимъ милостямъ, и я повергаю къ вашимъ стопамъ все то, чѣмъ вамъ меня угодно было пожаловать.

Елизавета. Какъ, графъ? Вы мнѣ обязаны всѣмъ тѣмъ, чѣмъ я любуюсь въ этомъ замкѣ и чѣмъ, пожалуй, даже съ завистью прельщаюсь?

Лейчестеръ. Чѣмъ здѣсь прельщается Лейчестеръ, государыня, того онъ не можетъ назвать своимъ.

Елизавета. Какъ, такъ, милордъ? Здѣсь развѣ вамъ не все принадлежитъ?

Лейчестеръ. Все ли мнѣ здѣсь принадлежитъ, государыня?..

Елизавета *(улыбаясь)*. Ваша почтительность прикрываетъ бо́льшую смѣлость. И вотъ сейчасъ, когда вы такъ покорно склоняете голову, мнѣ кажется, что вы слишкомъ высоко возноситесь мыслью.

Лейчестеръ. Неужели я имѣлъ несчастье прогнѣвать ваше величество?

Елизавета. Я этого, Лейчестеръ, не сказала. Но знаете, когда у васъ въ рукахъ есть все, чего только можетъ человѣкъ желать, титулы, почести, богатство, когда вы говорите такъ, вотъ въ этомъ замкѣ, гдѣ все является свидѣтельствомъ вашего могущества и вашей силы,—я невольно задаю себѣ вопросъ, къ чему жъ еще можетъ стремиться это честолюбіе, котораго нельзя ничѣмъ насытить?

Лейчестеръ. Честолюбіе!.. Какъ мало, государыня, вы знаете душу Лейчестера! Возьмите все у недостойнаго слуги, всѣ замки, графскую корону и это одѣяніе пера Англіи, все отнимите у него, чѣмъ ваша милость его облекла; оставьте только Дудлею, простому дворянину, шпагу его отца, да старый замокъ его предковъ, и повѣрьте, это сердце, въ изгнаньии въ безвѣстности, навѣки сохранитъ все ту же благодарность къ королевѣ и ту же самую любовь.

Елизавета *(въ сторону)*. Любовь!.. *(Вслухъ.)* Да, я вижу, вы взволнованы, и это трогаетъ меня. Скажите, Дудлей, на этомъ высокомъ челѣ, которое должно бы было только сіять все время радостью, я порой замѣчаю, какъ будто скользитъ облако печали... Что съ вами? Почему вы не хотите открыть мнѣ вашу душу? Я развѣ не другъ вамъ?

Лейчестеръ. Да, государыня, есть у меня одна тайна... И такая доброта съ вашей стороны должна бы была дать мнѣ смѣлость...

Елизавета *(нѣжно)*. Вы не хотите досказать, Лейчестеръ. Боитесь вы, что вашу тайну разгадаютъ?

Лейчестеръ. Мнѣ вправду страшно...

Елизавета. О, разгадать ее могли бы, и все жъ вамъ было бъ нечего бояться...

Лейчестеръ. Ваше величество!..

Елизавета. Титулъ, которымъ вы меня назвали, заставилъ меня опомниться. Увы! порою королева можетъ забыться и быть только женщиной. Если бъ я могла, какъ всѣ, слушаться только своего сердца, тогда, быть-можетъ...

Лейчестеръ. Государыня!..

Елизавета. Но нѣтъ, я не должна. Елизавета Англійская можетъ быть супругою и матерью лишь своего народа.

Лейчестеръ. Смѣю надѣяться, я не утратилъ ничего изъ милости высокой королевы?

Елизавета. Нѣтъ, Лейчестеръ, нѣтъ! напротивъ!.. Мы говорили, кажется, о вашемъ чудномъ зàмкѣ. Почему вы не хотите мнѣ показать развалинъ старыхъ башенъ? Издали, охваченныя паркомъ, онѣ эффектны, даже грандіозны.

Лейчестеръ. Развалина совсѣмъ пуста, къ ней доступа почти ужъ нѣтъ...

(Дверь въ глубинѣ отворяется, входитъ дворцовый приставъ и останавливается на порогѣ.)

Елизавета. Что это значитъ? Кто смѣлъ войти безъ нашего приказа?

ЯВЛЕНІЕ II.

Елизавета, Лейчестеръ и приставъ.

Приставъ *(низко кланяясь)*. Я исполняю приказаніе вашего величества. Вамъ угодно было приказать, чтобы, до пріема благородныхъ графовъ, я ввелъ стараго дворянина, которому милордъ Суссексъ испросилъ у вашего величества аудіенцію.

Елизавета. А, знаю. Я дѣйствительно обѣщала графу Суссексу. Это какой-то старый офицеръ, сражавшійся подъ его начальствомъ. Онъ съ жалобой ко мнѣ.

Лейчестеръ *(улыбаясь)*. Съ жалобой!.. И, безъ сомнѣнья, на меня?

Елизавета. Суссексъ не посмѣетъ!.. Однако я должна его принять.

Лейчестеръ. Я удаляюсь, государыня.

Елизавета *(улыбается и подаетъ ему руку)*. Идите! *(Лейчестеръ цѣлуетъ руку королевы и съ поклономъ уходитъ. Она обращается къ приставу.)* Введите этого старика. *(Приставъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Елизавета *одна, потомъ* сэръ Гью Робсартъ.

Елизавета. Зачѣмъ я королева! Дочь Генриха VIII, жена Дудлея! Нѣтъ, это невозможно... А онъ великодушенъ такъ и такъ благороденъ! Взглядъ его такъ нѣженъ и такъ гордъ! Но выйти замужъ за него, вѣдь это значило бъ отречься отъ престола!.. А, что я говорю? да и теперь не онъ ли царствуетъ?

(Входитъ Робсартъ въ глубокомъ траурѣ и бросается къ ногамъ королевы.)

Робсартъ. Правосудія, государыня, правосудія!

Елизавета. Встаньте. Вы слишкомъ смѣло являетесь передъ вашею королевой.

Робсартъ. Нѣтъ, я не поднимусь отъ вашихъ ногъ до тѣхъ поръ, пока вы меня не выслушаете. Ваше величество мнѣ не от-

кажете въ державной вашей и послѣдней, остающейся мнѣ на землѣ, защитѣ... Не оттолкнете вы старика, вѣрнаго слугу, кровь проливавшаго за васъ... не оттолкнете оскорбленнаго отца, молящаго предъ дѣвственной королевой о возвращенiи дочери, похищенной и опозоренной!

Елизавета. Дочь похитили у васъ?.. Встаньте, успокойтесь! Вы говорите, дочь похитили? Кто жъ смѣетъ похищать дѣвицъ въ англiйскомъ королевствѣ, хранимомъ Богомъ и Его святыми? Какъ васъ зовутъ?

Робсартъ. Гью Робсартъ, изъ Темпльтона.

Елизавета. Вы не потомокъ ли Роджера Робсарта, такъ доблестно служившаго при дѣдѣ нашемъ, Генрихѣ VII?

Робсартъ. Такъ точно, государыня, и самъ я,—вамъ засвидѣтельствуетъ это лордъ Суссексъ,—за васъ сражался, какъ вѣрный подданный.

Елизавета. Говорите безъ боязни и вѣрьте, мы настолько же правосудны, насколько честный вы слуга.

Робсартъ. Одна дочь была у меня, государыня... и мнѣ кажется, въ правѣ старикъ, которому и жить-то осталось уже не-много, всѣ радости, всю свою гордость видѣть въ любимомъ дѣтищѣ. И вотъ, безчестный обольститель, подъ видомъ друга, пробрался ко мнѣ въ домъ, заговорилъ змѣинымъ языкомъ, и дочь моя, Эми Робсартъ, ушла за нимъ.

Елизавета. Мнѣ васъ, по правдѣ, жаль. Мы этого не понимаемъ, мы—королева, вѣнчанная короной,—какъ можетъ женщина поддаться обольщенiямъ мужчины. Но, очевидно, что возможно это, когда случилось съ вашею дочерью. Скажите же, рыцарь, имя похитителя.

Робсартъ. Онъ, государыня... онъ—человѣкъ, состоящiй подъ высокимъ покровительствомъ.

Елизавета. Ну что же? Надѣюсь, это покровительство, не выше нашего?

Робсартъ. Простите, государыня! Я не привыченъ говорить придворнымъ языкомъ и не умѣю взвѣшивать значенiе каждаго слова. Ее похитилъ конюшiй графа Лейчестера.

Елизавета. Лейчестера! У самаго безукоризненнаго человѣка въ цѣлой Англiи находится на службѣ обольститель! Имя этого недостойнаго слуги?

Робсартъ. Того, кто бѣгаетъ за дѣвичьимъ платьемъ и прячется отъ шпаги рыцаря, зовутъ Ричардъ Варней.

Елизавета. Ричардъ Варней... А дѣвушку—Эми Робсартъ, не такъ ли? И что же съ вашею дочерью онъ сдѣлалъ?

Робсартъ. Увы, ваше величество, она здѣсь, здѣсь въ замкѣ. Я ее видѣлъ у окна той башни въ развалинахъ на краю парка.

Елизавета. Какъ!.. Лордъ Лейчестеръ говорилъ, что та развалина необитаема. Вы увѣрены въ томъ, что̀ вы мнѣ сказали? Пытались вы проникнуть въ эту башню?

Робсартъ. Дверь оказалась запертою для меня. Вѣроятно, потому-то, что башня считается необитаемой, Варней спряталъ въ ней мою несчастную Эми.

Елизавета. Старикъ, правосудіе вамъ будетъ оказано. Богомъ клянусь, я прирожденная мать и покровительница всѣхъ англійскихъ дѣвушекъ. Какой-нибудь конюшій осмѣливается безчестить наслѣдницу почтеннаго баронета! Лордъ Лейчестеръ будетъ въ страшномъ негодованіи, когда узнаетъ объ этомъ возмутительномъ поступкѣ. Вамъ, рыцарь, мы обѣщаемъ свою поддержку у него противъ Варнея, сила котораго васъ такъ пугаетъ. А пока... *(она подходитъ къ столу и прикладываетъ свою печать къ листу пергамента)* возьмите этотъ пропускъ. Передъ нимъ для васъ отворятся всѣ двери. Удостовѣрьтесь въ томъ, дѣйствительно ли ваша дочь спрятана въ той башнѣ. Я отпускаю васъ, такъ какъ дворъ нашъ ждетъ пріема. *(Она звонитъ въ колокольчикъ, входитъ приставъ.)* Проводите рыцаря и пусть войдутъ оба лорда съ своими свитами.

(Робсартъ уходитъ въ боковую дверь. Средняя дверь отворяется, черезъ нее входитъ весь дворъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Елизавета, Лейчестеръ, Варней, Суссексъ, Шрьюсбери, дамы, епископы, перы и офицеры королевской свиты, пажи, гвардія и свиты обоихъ графовъ.

(Оба лорда входятъ одновременно черезъ широко отворенную дверь, кланяются королевѣ и занимаютъ мѣста, съ своими сторонниками, другъ противъ друга; середина сцены занята свитой королевы.)

Елизавета. Что это значитъ, милорды? я позвала васъ за тѣмъ, чтобы вы помирились, а вы въ нашемъ присутствіи расходитесь по разнымъ сторонамъ. Сойдитесь вмѣстѣ и соедините ваши руки. Ихъ не должна разъединять вражда, когда соединяетъ служба намъ. *(Оба графа кланяются и молча остаются на своихъ мѣстахъ.)* Редклифъ, графъ Суссексъ, Дудлей, графъ Лейчестеръ... ну, что же, слышали вы насъ? Что значитъ эта неподвижность? Къ чему это молчанье? Никто изъ васъ не хочетъ первымъ сдѣлать шага?

Лейчестеръ. Государыня... *(Въ сторону.)* Неотесанный солдатъ!

Суссексъ *(въ сторону)*. Выскочка-любимчикъ! *(Вслухъ.)* Ваше величество!..

Елизавета. Я знаю, что такъ меня зовутъ, и потому-то именно, что такъ зовутъ меня, вы будете мнѣ повиноваться. *(Лейчестеру.)* Дудлей, вы моложе, и онъ вашъ гость, вамъ слѣдуетъ его предупредить. *(Суссексу.)* Милордъ Суссексъ, чтобъ сдѣлать мнѣ угодное, вы кинулись бы въ бой, и отступаете теперь передъ примиреніемъ.

Суссексъ *(не трогаясь съ мѣста)*. Ваше величество, я былъ бы въ восторгѣ, если бы лордъ Лейчестеръ благоволилъ сказать, чѣмъ могъ я его оскорбить. Въ томъ, что я дѣлалъ, что

говорилъ, нѣтъ ничего такого, чего бы не былъ я готовъ отстаивать пѣшкомъ и на конѣ...

Лейчестеръ. И я, если то угодно будетъ королевѣ, всегда готовъ постоять за правоту всѣхъ моихъ дѣйствій и поступковъ не менѣе, чѣмъ кто-либо изъ тѣхъ, которые носятъ фамилію Редклифъ. *(Оба графа высокомѣрно смотрятъ другъ на друга.)*

Елизавета. Кто изъ васъ, лордъ Суссексъ и лордъ Лейчестеръ, желаетъ отвѣдать нашего хлѣба-соли въ Лондонской башнѣ? Мы здѣсь въ гостяхъ у одного изъ васъ, но, Богомъ завѣряю, легко можетъ случиться, что одинъ изъ двухъ очутится въ гостяхъ у насъ. Въ послѣдній разъ я требую, чтобъ вы повиновались и протянули дружески другъ другу руки. *(Повелительнымъ голосомъ.)* Графъ Суссексъ, я васъ прошу. *(Нѣжно.)* Лордъ Лейчестеръ, я вамъ приказываю.

(Оба графа колеблются еще немного, потомъ сходятся и подаютъ другъ другу руки.)

Лейчестеръ *(кланяясь)*. Милордъ Суссексъ, я съ величайшею радостью... *(Въ сторону.)* Измѣнникъ, подсылающій ко мнѣ шпіоновъ!

Суссексъ *(съ поклономъ)*. Графъ Лейчестеръ, я очень счастливъ... *(Въ сторону)*. Предатель, окружающій себя отравителями и убійцами!

Елизавета. Хорошо. Оставьте же ваше соперничество и всѣ неудовольствія, и на будущее время пусть мои два вѣрнѣйшихъ слуги будутъ искренними друзьями. Милордъ Лейчестеръ, мы желали бъ оставить здѣсь память о посѣщеніи, которымъ мы васъ удостоили, и возвести въ санъ рыцаря того изъ вашихъ приближенныхъ, кого вы намъ представите, какъ наиболѣе достойнаго.

Суссексъ *(тихо Шрьюсбери)*. Посмотрите, о моихъ и не подумаетъ.

Елизавета. Не годенъ ли для этого, графъ Лейчестеръ, одинъ изъ вашихъ конюшихъ, по имени Ричардъ... Ричардъ... Ну, какъ его зовутъ?

Варней *(тихо Лейчестеру)*. Королева, навѣрное, меня назвать желаетъ, милордъ.

Лейчестеръ. Коли позволено мнѣ будетъ притти на помощь вашему величеству,—не Ричардъ ли Варней?

Елизавета. Вотъ именно. Что̀ думаете вы, милордъ, объ этомъ Варнеѣ?

Лейчестеръ. Онъ, государыня, хорошій слуга для своего господина и вѣрнѣйшій подданный вашего величества. По личнымъ качествамъ и по усердію онъ стоитъ выше своего званія и если...

Елизавета. Не здѣсь ли онъ?

Варней *(живо)*. Я здѣсь у ногъ вашего величества.

Елизавета. Милордъ, я очень рада, что могу раскрыть вамъ глаза на негодяя и измѣнника, срамящаго вашъ благородный домъ. Лицемѣръ, котораго вы такъ горячо и увѣренно хвалили, оказывается безчестнымъ похитителемъ. Могли ли вы думать,

что онъ осмѣлится увлечь и опозорить дѣвушку, дочь почтеннаго рыцаря, сэра Гью Робсарта?

Лейчестеръ *(съ выраженіемъ ужаса)*. Что слышу я!.. Великій Боже! Государыня... *(Въ сторону.)* А, шпіоны Суссекса!..

Елизавета. Вполнѣ раздѣляю ваше негодованіе. Его я еще увеличу, когда скажу, что этотъ недостойный васъ слуга дерзнулъ скрыть свою жертву въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ сегодня гостьей ваша королева.

Лейчестеръ *(съ отчаяньемъ)*. Боже праведный! Ваше величество, повѣрьте... *(Въ сторону.)* Я погибъ!

Суссексъ *(тихо Шрьюсбери)*. Что значило бы все это? Лейчестеръ очень блѣденъ!

Елизавета *(Лейчестеру)*. Милордъ, вы смущены!

Лейчестеръ. Признаюсь, на самомъ дѣлѣ...

Варней *(становится на колѣни, складываетъ на груди руки и опускаетъ голову)*. Ваше величество...

Елизавета. Что это значитъ? Ты признаешься въ преступленіи? Ты дѣвушку похитилъ? Скрылъ ты ее здѣсь иль нѣтъ? Отвѣчай же.

Варней. Да.

Лейчестеръ. Негодяй!.. *(Хочетъ кинуться на Варнея)*.

Елизавета. Милордъ графъ, съ вашего позволенья, мы сами разберемъ это дѣло. Допроса мы еще не кончили. *(Въ сторону.)* Какъ онъ смущенъ! *(Вслухъ Варнею.)* Твой господинъ, графъ Лейчестеръ, зналъ ли что-нибудь объ этомъ? Правду говори и ничего не бойся, чьей бы головѣ правда та ни угрожала. Твоя голова находится подъ нашею охраной.

Варней. Ваше величество правды требовать изволите? Вотъ вся она, какъ предъ Богомъ: во всемъ, что сдѣлалось, виновенъ мой господинъ.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Предатель! *(Громко.)* Негодяй! Что ты осмѣлися сказать?...

Елизавета *(съ гнѣвнымъ взглядомъ)*. Молчите, графъ!.. Договаривай, Варней! Здѣсь я одна повелѣваю.

Варней. Какъ всѣ, я повинуюсь вамъ, государыня, одной. Но я не желалъ бы дѣлъ господина моего раскрыть предъ кѣмъ бы ни было, кромѣ васъ.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Чтобъ окончательно предать меня, змѣя!

Варней. Да, государыня. Если вашему величеству угодно будетъ дозволить мнѣ, то я дерзнулъ бы умолять о нѣсколькихъ минутахъ секретной аудіенціи. Я нашей августѣйшей повелительницѣ далъ бы объясненія, которыя, быть-можетъ, вполнѣ раскроютъ дѣло. Но публичное оглашеніе ихъ можетъ повредить чести весьма почтеннаго семейства. Предметъ, сказать по правдѣ, очень щекотливый.

Елизавета. Я согласна. Но, если этимъ ты пытаешься меня обмануть, то клянусь душою Генриха восьмого, моего державнаго

отца, что лондонскій народъ увидитъ, какъ будешь ты повѣшенъ. Оставьте насъ на нѣсколько минутъ.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Я пропалъ!

(Всѣ уходятъ, кромѣ Варнея.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Елизавета, Варней и приставъ *у средней двери.*

(Королева садится, Варней остается на колѣняхъ.)

Елизавета. Встань и говори. Что̀ ты можешь сказать въ свою защиту?

Варней. Я признаю, что вина моя была бы дѣйствительно очень велика, если бы я, пользуясь слабостью неопытной дѣвицы, ее похитилъ, обольстилъ и обезчестилъ, какъ то, къ несчастью моему, изволитъ думать повелительница наша, королева.

Елизавета. Что это значитъ, Ричардъ Варней? Или дѣло мнѣ не такъ передано? Виновникъ, можетъ-быть, не ты, а кто-нибудь другой?

Варней. Нѣтъ, государыня. Вамъ точно передано дѣло, но вашему величеству не все извѣстно. Не обезчещена дѣвица Робсартъ, если только не считать безчестьемъ законный бракъ съ конюшимъ графа Лейчестера.

Елизавета. Какъ! Ты женатъ на ней? И Эми Робсартъ твоя законная жена?

Варней. Она моя законная жена. Вотъ правда вся,—вамъ не во гнѣвъ, ваше величество.

Елизавета. Берегитесь, если вы хотите меня обмануть! Если вы женаты, въ чемъ же вы вините графа? Что̀ вы хотѣли на него взвести? Онъ ничего, быть-можетъ, и не зналъ?

Варней. Онъ, правда, ничего не знаетъ. Но, повторяю я, онъ все-таки всему виною. Ваше величество благоволите сами разсудить.

Елизавета. Говорите, я васъ слушаю.

Варней. Давно уже благородный графъ, краса англійскаго двора, отказался отъ брачной жизни. На сердцѣ у него есть тайная печаль, причинъ которой никто не дерзаетъ проникнуть... Всѣ знаютъ только, что онъ упорно избѣгаетъ всѣхъ женщинъ, и говорятъ, что будто мой несчастный господинъ... Угодно вашему величеству, чтобъ повторилъ я, что̀ говорятъ?

Елизавета. Говорите, говорите!

Варней. Высказываютъ мнѣнье, будто его милость въ душѣ своей питаетъ глубокую страсть, предметъ которой стоитъ надъ нимъ такъ высоко, что даже и въ мечтахъ онъ не можетъ себя обольщать надеждой.

Елизавета. Мнѣ кажется, нѣтъ такой женщины, которой благородный графъ не могъ бы прямо открыться въ своей любви.

Варней. Увы! ваше величество должны бы знать, что есть кое-кто еще и много выше графа.

Елизавета. Что̀ вы говорите? Что̀ вы хотите сказать? Я васъ не понимаю, Варней.

Варней. Тутъ всякія предположенія были бы безуміемъ. Часто мой бѣдный господинъ, воображая, что его никто не видитъ, цѣлуетъ женскій локонъ... Чтобы увидать такіе волосы, пришлось бы мнѣ слишкомъ высоко поднять мой взоръ.

Елизавета. Хорошо... ну, хорошо. Такъ вы сказали, что господинъ вашъ?..

Варней. Мой господинъ, весь поглощенный безнадежною страстью, не хочетъ слышать о женитьбѣ ни для себя ни даже для кого-нибудь изъ находящихся при немъ на службѣ.

Елизавета. Бѣдный, благородный графъ!

Варней. Вотъ почему, влюбившись страстно въ Эми Робсартъ, я счелъ необходимымъ скрыть нашъ бракъ, чтобъ не лишиться службы у милорда. И смѣю думать, что въ этой тайнѣ и въ томъ, что представляется моимъ проступкомъ, виновенъ только мой господинъ.

Елизавета. Вина не слишкомъ важная!

Варней. Я, государыня, ждалъ только благопріятнаго случая признаться въ этомъ графу, и, если вашему величеству угодно будетъ замолвить за меня хоть слово, то я не сомнѣваюсь, что онъ меня проститъ, отъ службы мнѣ не откажетъ и жену мою мнѣ оставитъ.

Елизавета. Да, такъ какъ Эми Робсартъ вамъ жена, Варней, то я обѣщаю смягчить гнѣвъ вашего господина.

Варней *(кланяясь)*. Ваше величество, моя признательность...

Елизавета. И мы уладимъ дѣло такъ, чтобы старику Робсарту не пришлось краснѣть за зятя.

Варней *(кланяясь еще ниже)*. Благодѣянія вашего величества меня приводятъ въ смущеніе...

Елизавета. Нѣтъ, Варней, я довольна объясненіемъ, вами даннымъ. Приставъ! отворить двери!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Елизавета, Варней, Лейчестеръ, Суссексъ и весь дворъ.

Елизавета *(послѣ минутнаго молчанія)*. Графъ Лейчестеръ, дайте сюда вашу шпагу.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Сначала шпагу, потомъ голову.

Суссексъ *(тихо Шрьюсбери)*. Опала это, что ли?

(Лейчестеръ отстегиваетъ шпагу и, преклонивши колѣно, подаетъ королевѣ.)

Елизавета. Приблизьтесь, Варней, и станьте на колѣни.

(Варней повинуется. Королева вынимаетъ шпагу изъ ноженъ. Общее изумленіе, движеніе среди дамъ.)

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Что она хочетъ дѣлать?

Елизавета *(любуется шпагой)*. Если бъ я была мужчиной, то, конечно, никто изъ моихъ предковъ не любилъ бы такъ, какъ я, сверканья стали хорошаго меча. Я люблю вблизи разсматри-

вать оружіе. Когда бы небо одарило меня хотя немного красотой, я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣла бы на себя въ такія зеркала... Ричардъ Варней, во имя Бога и святаго Георгія, мы возводимъ васъ въ санъ рыцаря. *(Она прикасается шпагой къ его плечу.)* Будьте вѣрны, неустрашимы и счастливы. Сэръ Ричардъ Варней, встаньте.

(Общее движеніе.)

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Что это? Награждаетъ она, что ли, Варнея за предательство, прежде чѣмъ покарать меня?

Елизавета. Церемонію золотыхъ шпоръ и остальныя формальности мы совершимъ завтра въ капеллѣ. Итакъ, Варней, первый шагъ къ возвышенью вами сдѣланъ; но умѣйте ограничивать желанья ваши, ибо,—какъ говоритъ, мнѣ помнится, этотъ шутъ Шекспиръ, — «честолюбецъ намѣчаетъ себѣ цѣль, но попадаетъ всегда дальше, чѣмъ мѣтитъ». Ступайте. *(Варней низко кланяется. Она обращается къ Лейчестеру.)* Ну, что же, графъ Лейчестеръ, прояснитесь и бросьте озабоченный вашъ видъ. Все сдѣланное зло исправлено.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Что могъ онъ ей наговорить?.. *(Вслухъ.)* Я еще не знаю...

Елизавета. Да, милордъ, хотя поступлено и несогласно съ намѣреніями вашими, но честь вашего благороднаго дома не пострадала отъ этого.

Лейчестеръ. Я не могу понять...

Елизавета. Подождите. Обѣщаете ли вы мнѣ сначала, согласно моей просьбѣ, оказать милость?

Лейчестеръ. Такое выраженіе вашей воли есть уже милость для меня.

Елизавета. Такъ рѣшено, милордъ, милость вы мнѣ обѣщали для конюшаго вашего Варнея, который безъ соизволенія вашего женился на Эми Робсартъ.

Лейчестеръ. Онъ! На Эми Робсартъ?.. *(Грозитъ кулакомъ Варнею.)* Мерзавецъ!

Елизавета. Графъ, умѣрьте вашъ гнѣвъ. Если ужъ Варней настолько обезумѣлъ, что влюбился и совершилъ такой проступокъ, какъ похищеніе, то нельзя же порицать его за то, что онъ сдѣлалъ дѣвушку своею законною женой.

Лейчестеръ. И ты осмѣлился, наглецъ?..

Варней. Мой господинъ и повелитель, одно только это средство и оставалось, чтобы поправить страшное несчастье и спасти то, что погибало уже совсѣмъ.

Лейчестеръ. Я не могу сдержаться, Варней, ты дорого за это поплатишься.

Елизавета. Милордъ, вы обѣщали намъ его помиловать.

Лейчестеръ. Государыня... Такое оскорбленіе!..

Елизавета. Оскорбленіе, имъ нанесенное сэру Гью Робсарту, было еще важнѣе.

Лейчестеръ. Нѣтъ, государыня, нѣтъ, нѣтъ! Я все открою вамъ. О, вы не знаете...

Варней *(быстро)*. Ея величество все знаетъ, милордъ. Ея величеству извѣстна непреодолимость отвращенія, которое питаете вы къ браку, такого отвращенія, что вы не можете терпѣть женитьбы даже вашихъ слугъ. Извѣстно королевѣ, что сердце ваше занято одною лишь таинственною страстью...

Елизавета *(перебивая)*. Молчи, Варней! *(Приблизясь къ Лейчестеру, вполголоса.)* Вы отрицаете, милордъ, ту тайную любовь, которую онъ имѣетъ смѣлость предполагать въ васъ?.. *(Лейчестеръ пытается заговорить.)* Нѣтъ, не надо! Я понимаю васъ и васъ мнѣ жаль. Но надо быть благоразумнымъ, милый Дудлей!

Лейчестеръ *(кланяясь)*. Ваше величество такъ добры!.. *(Въ сторону.)* О, казнь какая!..

Елизавета. Милордъ, мы оставляемъ Варнея закончить передъ вами свое оправданіе. Сэръ Ричардъ Варней, намъ угодно, чтобы супруга ваша, Эми Робсартъ, намъ была представлена сегодня же, въ вечерній нашъ пріемъ.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. О, Боже!

Варней. Приказаніе вашего величества будетъ исполнено. Такая милость — честь большая для моей жены и для меня.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Каковъ нахалъ!

Суссексъ *(тихо Шрьюсбери)*. Онъ опять въ милости и больше чѣмъ когда-нибудь!

Елизавета. Пойдемте, графъ Суссексъ, пойдемте, господа, примемте участіе въ увеселеніяхъ, которыя намъ приготовила любезность добраго хозяина.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Варнея и Лейчестера.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Лейчестеръ и Варней.

Лейчестеръ *(въ сильномъ негодованіи)*. Что сдѣлалъ ты, несчастный? Осмѣлиться мою возлюбленную Эми передъ всѣми выдать за свою жену?!.

Варней. Дѣйствительно, я виноватъ, милордъ, и виноватъ тѣмъ, что безумно вамъ преданъ! Скажите, для кого я рисковалъ собою, осмѣливаясь сдѣлать такое заявленіе? Кому грозила гибель? Кого необходимо было спасать? Меня ли, ничтожнаго бѣдняка, у котораго нѣтъ ничего, кому и рисковать-то нечѣмъ?

Лейчестеръ. Ваши намѣренія оставимъ въ сторонѣ. Но какъ могли вы до того дойти, чтобы сказать, будто она жена вамъ?

Варней. Мнѣ слѣдовало, стало-быть, оставить всѣхъ при мнѣніи, что миледи моя любовница?

Лейчестеръ. Нѣтъ, конечно, но вамъ слѣдовало... вы должны были...

Варней. Что долженъ я былъ, милордъ?

Лейчестеръ. Какая бъ ни была опасность, все же она лучше оскорбленія. Лучше было все открыть.

Варней. Иное говорилъ вашъ гнѣвный взглядъ, когда вы думали, что я моимъ доносомъ выдамъ васъ. Все открыть! Однимъ

словомъ ниспровергнуть силу, величайшую въ Европѣ, повалить дубъ, тѣнь отъ котораго ложится надъ цѣлою Англіей, низвести до положенія мелкаго дворянчика славнаго графа Лейчестера, раздающаго титулы, епископства, чины, распускающаго и созывающаго парламенты... уничтожить молодого, громкою славой покрытаго министра, котораго народныя баллады призываютъ къ августѣйшему союзу!.. Простите мнѣ, милордъ, но я признаюсь, что сдѣлать это—у меня никогда бы не хватило смѣлости... а также—низости.

Лейчестеръ. Э, наконецъ, всѣ эти почести... да стоятъ ли онѣ того, чтобы жертвовать для нихъ счастьемъ? Чѣмъ всю свою жизнь отдавать опасной борьбѣ изъ-за власти, не во сто ли кратъ мнѣ лучше было бы мирно, какъ ты сказалъ, хотя и мелкимъ дворяниномъ, проводить дни у ногъ горячо любимой женщины?

Варней. Мирно?.. Простите, ваша милость, я не сказалъ вамъ — мирно. Обратите вниманіе вотъ на что: когда я говорилъ съ королевой, и въ умъ ея закралось подозрѣнье, что дѣвушку увлечь могъ кто-нибудь другой, стоящій выше, чѣмъ вашъ покорнѣйшій слуга, то я видѣлъ на ея лицѣ такой ревнивый гнѣвъ, на какой женщина способна только тогда, когда она любитъ...

Лейчестеръ. Какое слово ты выговорилъ? Неужели она меня любитъ, Ричардъ?

Варней. Да, да, она васъ любитъ,—любитъ такъ, что всѣмъ готова пожертвовать, все забыть, и всѣ препятствія сломать!.. А случалось, что и не такая сила воли, какъ у нея, разрывала болѣе крѣпкія связи, чѣмъ ваша.

Лейчестеръ. Любитъ!.. Ты вправду думаешь, что она меня любитъ?

Варней. Я видѣлъ только ея ревнивую досаду, вы же видѣли сейчасъ и ея радость. Теперь идите къ дочкѣ Генриха восьмого, которая васъ любитъ и воображаетъ, что любима вами, и объявите ей о вашемъ далеко неравномъ бракѣ въ ту минуту, когда она, быть-можетъ, готова васъ назвать своимъ супругомъ... скажите этой королевѣ, мечтающей самихъ васъ сдѣлать королемъ, что мѣсто занято другою. Идите къ ней, милордъ, и сообщите Елизаветѣ Тюдоръ, что у нея есть счастливая соперница... И смѣю утверждать, что вы отчаянно рискнете головой, и не своею только, а въ особенности той, которую вы любите до обожанія.

Лейчестеръ. Эми! Моей Эми грозитъ опасность?.. Варней, довольно. Ты правъ, и что ты сдѣлалъ, то сдѣлалъ хорошо!

Варней *(въ сторону)*. Наконецъ!.. Теперь не вырвется!

Лейчестеръ. Эми намъ необходимо спасти, Варней! Необходимо, чтобъ ее считали... тѣмъ, чѣмъ ее ты назвалъ королевѣ.

Варней. Для этого, вы не забудьте, нужно намъ имѣть согласіе графини.

Лейчестеръ. Что ты говоришь? Зачѣмъ?

Варней. Ваша милость слышали, что приказала королева. Ей угодно, чтобы моя названная жена была сегодня же ей представлена.

Лейчестеръ. Правда... О, Боже, Боже!..

Варней. Вы полагаете, миледи не противно будетъ назваться моимъ именемъ на время? Она дочь рыцаря Гью Робсарта, но вѣдь теперь я тоже рыцарь, я сэръ Ричардъ Варней.

Лейчестеръ. Да она-то леди Лейчестеръ, и добродѣтелью своей гордится не меньше, чѣмъ королева Англіи, Елизавета, своимъ могуществомъ.

Варней. Тогда и говорить объ этомъ нечего, и сдѣлать ничего нельзя.

Лейчестеръ. Но мы погибли, Варней! Она погибла!.. Не покидай ее! Дай мнѣ совѣтъ, скажи, какъ поступить!

Варней. Что же я могу сдѣлать, милордъ? Имѣю развѣ я вліяніе на миледи? Могу ли я взяться убѣдить ее и въ правѣ ли ей приказать?

Лейчестеръ. Слишкомъ она меня любитъ, чтобы поддаться убѣжденіямъ, и слишкомъ много я ее люблю, чтобы ей приказывать.

Варней *(скрестивши руки)*. Намъ остается ждать послѣдствій гнѣва королевы.

Лейчестеръ. Нѣтъ, нѣтъ! Чего бы это ни стоило, его я долженъ отклонить отъ Эми. Послушай, Варней, избавь меня отъ тяжкой, невозможной сцены съ нею. Поговори съ ней отъ моего имени.

Варней. Безполезно. Она мнѣ не повѣритъ.

Лейчестеръ. Ты можешь, все же, попробовать.

Варней. Терять напрасно время, когда его у насъ и безъ того немного!

Лейчестеръ. Что, если я дамъ тебѣ къ ней записку?

Варней. Да, но только въ этой запискѣ вы должны высказаться рѣшительно и сильно. Мнѣ нужно отъ васъ неограниченное полномочіе.

Лейчестеръ *(послѣ нѣсколькихъ мгновеній колебанья)*. Ну, пусть будетъ такъ. *(Подходитъ къ столу и пишетъ. Подаетъ написанное Варнею.)* Достаточно ли этого?

Варней *(прочитавши записку)*. Да, милордъ. Однако мы должны предвидѣть тотъ случай, если миледи, невзирая ни на что, откажется явиться къ королевѣ.

Лейчестеръ. Что жъ дѣлать намъ тогда?

Варней. Тогда останется одно лишь средство: увезти миледи, съ ея согласія иль неволей, въ ваше Кумнорское помѣстье, а королевѣ объяснить, что жена моя опасно заболѣла. *(Въ сторону.)* Это дѣло уже Аласко.

Лейчестеръ. О, насиліе!..

Варней. Спасенія ради.

Приставъ *(входя)*. Ея величество зоветъ милорда Лейчестера.

(По знаку Лейчестера, приставъ уходитъ.)

Лейчестеръ. Дѣлать нечего, ее, какъ и себя, я поручаю, Варней, твоей преданности. Я иду къ королевѣ. О, какъ невыносимо мое положеніе между двухъ женщинъ, изъ которыхъ у одной въ рукахъ власть, а у другой — права!

(Онъ уходитъ.)

Варней *(одинъ)*. Положеніе тѣмъ болѣе тяжелое, на самомъ дѣлѣ, милѣйшій господинъ, что вы, въ одно и то же время, и слабы очень и честолюбивы безгранично! *(Перечитываетъ записку вслухъ.)* «Эми, вѣрьте всему, что скажетъ вамъ Ричардъ Варней. Все, что Варней дѣлаетъ, дѣлается по моему приказанію и согласно съ моею волей». А! теперь, высокомѣрная Эми Робсартъ... теперь ты моя!

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Дѣйствіе третье.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Варней и Аласко.

Варней. Мы къ нашей цѣли приближаемся, Аласко. Еще одно усиліе, и нашъ господинъ будетъ королемъ. Вы говорили мнѣ, что этотъ Флиббертиджиббетъ можетъ быть намъ полезенъ. Вчера дѣйствительно онъ меня не выдалъ.

Аласко. Если для вашего предпріятія вамъ нуженъ человѣкъ молодой, ловкій и смышленый...

Варней. Дѣло просто состоитъ въ томъ, чтобъ увезти отсюда одну стѣсняющую насъ особу и тайно препроводить ее въ Кумноръ. Но кто поручится за вашего ученика?

Аласко. Въ настоящую минуту онъ, какъ говорится, находится подъ топоромъ и будетъ очень счастливъ, какою бы то ни было цѣной, откупиться отъ бѣды. Однако онъ такъ хитеръ, что, можетъ-быть, въ то время, какъ мы здѣсь говоримъ, онъ отъ своей тюрьмы уже далеко.

Варней. Да, какъ же! Эта тюрьма будетъ посильнѣе всѣхъ его хитростей. У нея только одинъ выходъ, и тотъ на галлерею тайниковъ; такъ что, если бы я захотѣлъ избавиться отъ своего ученика, я не сталъ бы запирать двери, а, напротивъ, отворилъ бы ее, открывши предварительно задвижку тайниковой западни. И онъ отправился бы очень быстро, по линіи совершенно отвѣсной, пугать своею особой погребъ старой башни.

Аласко. Хорошо. А какъ къ нему пробраться? Графъ при мнѣ приказалъ Фостеру никого къ нему не допускать; въ тюрьмѣ же, ты говоришь, только одна дверь.

Варней. Да, видимая дверь одна. Но слушай: есть еще другая, незамѣтная, какъ эта, и ведетъ она потайнымъ ходомъ въ ту башенку, что служитъ тебѣ лабораторіей. Одинъ я знаю всѣ закоулки замка.

Аласко. Какъ одинъ Веельзевулъ знаетъ всѣ закоулки твоей души.

Варней. Весьма возможно. Вотъ ключъ отъ потаенной двери. Пойди ты къ Флиббертиджиббету и передай ему наши предло-

женія. Если онъ приметъ ихъ, тогда вербуй на нашу службу своего бѣсенка, а если онъ откажется. воспользуйся своимъ визитомъ и въ воду ему ты подлей...

Аласко. Да ладно, ладно. Все теперь?

Варней. Нѣтъ, не все. Самое важное я приберегъ къ концу. Сейчасъ же приготовь усыпительное питье,—питье такое, отъ котораго женщина бы, напримѣръ, уснула моментально и настолько крѣпко, чтобы можно было ее увезти, чтобы она проспала всю ночь, не просыпаясь, — понимаешь, чтобъ ни кричать она была не въ состояніи ни сопротивляться.

Аласко. Это можно. А для кого питье?

Варней. Поди и по звѣздамъ узнай.

Аласко. Нужно только усыпить, не больше?

Варней. Мерзкій отравитель! Я требую невиннаго питья... слышишь ты?—невиннаго. Тебѣ знакомо это слово?

Аласко. Понимаю. Не нужно, стало-быть, чтобы обитель жизни пострадала?

Варней. Избави тебя Богъ, подъ страхомъ за твой собственный шалашъ! Если твое снадобье окажется не такимъ безвреднымъ, какъ стаканъ воды, то, клянусь моей душой, я тебя заставлю испытать столько же смертей, сколько у тебя волосъ на головѣ. Чему смѣешься, старый призракъ?

Аласко *(снимая свою шапку астролога)*. А что же мнѣ дѣлать? Не трепетать ли мнѣ передъ твоею угрозой? Волосъ — ни одного, и ты душой своей клянешься.

Варней. Я слышу чьи-то тамъ шаги по галлереѣ. Идемъ. Ты готовь снотворное питье, — безвредное, смотри ты, чортова аптека! А я пойду съ тобою въ тюрьму показать потайной ходъ. *(Онъ вталкиваетъ астролога на лѣстницу, уходитъ за нимъ и затворяетъ дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Эми *съ футляромъ въ рукѣ,* Дженнета *несетъ шубу и бросаетъ ее на спинку кресла. Немного спустя* Фостеръ.

Эми. Иди сюда, Дженнета. Это окно выходитъ въ сторону новаго замка и мнѣ кажется, что здѣсь я скорѣе услышу звонъ большого колокола, который извѣститъ меня о скоромъ приходѣ графа. Кончимъ мой туалетъ. Подай мнѣ ожерелье и браслеты. *(Дженнета достаетъ изъ футляра браслеты и ожерелье и надѣваетъ ихъ на свою госпожу.)*

Дженнета. Какъ бѣлы эти жемчуги, а руки ваши еще бѣлѣе ихъ. Но все равно и жемчуги великолѣпны! Я думаю, что каждое зерно ихъ стоитъ больше...

Эми. Фи, Дженнета! Всѣхъ галіоновъ Португаліи не хватитъ, чтобы ихъ купить: вѣдь, это онъ мнѣ подарилъ!

Дженнета. Хороши вы такъ, миледи!

Эми. Если бы онъ думалъ то же, что ты, дитя! Увы! Если и была красота, то много изъ нея ушло подъ гнетомъ тяжкихъ

испытаній. Бѣднымъ моимъ глазамъ пришлось пролить довольно слезъ съ тѣхъ поръ, какъ я покинула отца. Отецъ!.. Онъ здѣсь вѣдь близко отъ меня! О! мнѣ и страшно, и хочется его видѣть поскорѣе. *(Входитъ Фостеръ.)* Что нужно, Фостеръ?

Фостеръ. Я пришелъ доложить, миледи, что одинъ гость желаетъ васъ видѣть.

Эми. Гость ко мнѣ, мой добрый Фостеръ! Вы забыли свой наказъ: мнѣ запрещено изъ замка выходить и въ замокъ никого ко мнѣ не велѣно впускать.

Фостеръ. Такъ, миледи. Но посѣтитель предъявляетъ вотъ этотъ пропускъ.

(Подаетъ Эми пергаментъ.)

Эми *(пробѣжавши его глазами)*. Пропускъ королевы! Впустите, Фостеръ. Въ Англіи нѣтъ двери, которая не отворилась бы передъ такимъ пергаментомъ.

(Фостеръ отворяетъ дверь. Входитъ сэръ Гью Робсартъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Гью Робсартъ.

(Гью Робсартъ останавливается на порогѣ. Эми вскрикиваетъ.)

Эми. Боже! мой отецъ!

(По ея знаку Фостеръ и Дженнета уходятъ.)

Робсартъ. Да. Богъ и вашъ отецъ! Отецъ вашъ здѣсь передъ вами, и его сюда привелъ Богъ.

(Эми встаетъ и бѣжитъ къ нему; онъ отстраняется.)

Эми *(останавливаясь)*. Отецъ мой!

Робсартъ. Вы... не знаю, какъ назвать васъ... конечно, только не дѣвицей Робсартъ.

Эми. О! какія это жестокія слова! Дочерью меня зовите... Вѣдь вы же все-таки отецъ мой.

Робсартъ. Судья вашъ, Эми.

Эми. О! не терзайте меня этимъ ледянымъ взглядомъ! Если бы вы знали...

Робсартъ. Что? Договаривайте! Не выслушавши, я васъ не осужу.

Эми. Я связана клятвой, не могу говорить.

Робсартъ. Увы! часть правды я уже знаю. Изъ родительскаго дома вы убѣжали и послѣдовали сюда за вашимъ обольстителемъ, за конюшимъ лорда Лейчестера...

Эми. Отецъ мой, вы ошибаетесь! Это только обманчивая внѣшность...

Робсартъ. Обманчивая!.. Взгляните на мой трауръ и на свой праздничный нарядъ, это ли обманчивая внѣшность? Скажите, чья вы здѣсь любовница?

Эми *(поднимая голову)*. Отецъ! я замужемъ.

Робсартъ. Замужемъ? за кѣмъ?

Эми. За кѣмъ?.. Ахъ, я не смѣю сказать его имени... Я обѣщала... я поклялась...

Робсартъ. Я сомнѣваюсь въ существованіи такого мужа, имени котораго жена не можетъ сказать своему отцу.

Эми. Въ былое время вы вѣрили каждому моему слову...

Робсартъ. Въ былое время... да.

(Слышенъ звонъ большого колокола.)

Эми. А! Большой колоколъ! Наконецъ-то! Онъ сейчасъ придетъ!

Робсартъ. Кто придетъ?

Эми. Мой мужъ, отецъ. Послушайте. Назвать его я не имѣю права, но видѣть его вы можете. Кого-нибудь вы знаете изъ вельможъ при дворѣ Елизаветы?

Робсартъ. При дворѣ бывалъ я меньше, чѣмъ въ лагеряхъ. Но все же знаю нѣсколькихъ изъ этихъ джентельменовъ: графа Суссекса, герцога Рутланда, лорда Шрьюсбери...

Эми. Никого больше?

Робсартъ. Сегодня утромъ я видѣлъ молодаго маркиза Нортгамптона... и вотъ забылъ,—еще владѣльца этого замка, любимаго министра королевы, у котораго на службѣ вашъ обольститель, — лорда Лейчестера.

Эми *(ведетъ Робсарта къ двери стеклянной галлереи въ глубинѣ залы)*. Сюда идите, отецъ мой. Пройдите въ эту галлерею. Тотъ, кто сейчасъ войдетъ сюда, тотъ и есть благородный и всѣми чтимый супругъ вашей Эми.

Робсартъ *(смягченнымъ тономъ)*. Дѣлать нечего, буду исполнять твои капризы, дочь моя.

Эми. Въ этомъ вы не раскаетесь, отецъ. Еще одно слово. Разговоръ мой съ мужемъ можетъ коснуться такихъ секретовъ, выдать которые было бы съ моей стороны преступленьемъ. Обѣщайте мнѣ такъ стать, чтобъ видѣть все и не слыхать ни слова. Вы обѣщаете?

Робсартъ. Даю въ этомъ мое рыцарское слово.

(Уходитъ въ галлерею.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эми, *потомъ* Варней.

Эми *(одна)*. Я дурно поступаю, быть-можетъ, обходя такой уловкой запрещеніе мужа. Въ томъ я попрошу потомъ прощенія у него, и онъ пойметъ, что не могла я дольше заставлять страдать отца... А! это онъ! *(Бѣжитъ къ двери.)* Мой Дудлей!..

Фостеръ *(докладываетъ)*. Сэръ Ричардъ Варней. *(Удаляется. Входитъ Варней.)*

Эми *(удивленно)*. Это вы, господинъ Варней!.. Что значитъ этотъ титулъ?

Варней. Онъ мнѣ пожалованъ сегодня ея величествомъ.

Эми. А!.. Поздравляю. Вы ко мнѣ по дѣлу?

Варней. По приказанію моего господина, миледи.

Эми. Я его самого ждала.

Варней *(подавая записку)*. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ это.

Эми *(грустно)*. Онъ не придетъ!

Варней. Важныя дѣла... необходимость быть при королевѣ.

Эми *(прочитавши записку)*. Я вижу, графъ вамъ поручилъ мнѣ что-то сообщить. Я слушаю васъ... говорите. Что останавливаетъ васъ?

Варней *(съ притворнымъ смущеніемъ)*. Какъ бы это... я не знаю... То, что долженъ я сказать, быть-можетъ, оскорбитъ васъ, миледи.

Эми. Ничто, идущее отъ моего супруга, меня не можетъ оскорбить. Говорите, господинъ Варней.

Варней *(въ сторону)*. Не хочетъ удостоить ни разу назвать меня сэръ Ричардъ. *(Вслухъ.)* Мнѣ поручено васъ приготовить къ грустнымъ перемѣнамъ въ вашей жизни.

Эми. Что хотите вы сказать?

Варней. Миледи должна знать, какъ могущественна и непреклонна воля августѣйшей королевы, держащей Англію подъ своимъ скипетромъ.

Эми. Конечно, и всякій англичанинъ за честь считаетъ повиноваться славной Елизаветѣ, давшей обѣтъ предъ всѣмъ своимъ народомъ жить и умереть дѣвственницей-королевой.

Варней. Если для сохраненія уваженія вашего, миледи, необходимы оба эти титула, то ваше благоговѣніе передъ королевой весьма легко и быстро можетъ уменьшиться наполовину. Говорятъ о скоромъ бракѣ ея величества.

Эми. Дѣйствительно, я слышала про сватовство испанскихъ и французскихъ принцевъ. Называли короля Филиппа и герцога Анжуйскаго... или, не помню хорошенько, быть-можетъ, Алансонскаго...

Варней. Вамъ сообщены, миледи, свѣдѣнія не совсѣмъ точныя. Королева могла выбирать любую изъ самыхъ блестящихъ коронъ Европы, но удостоила остановить свой взоръ на одномъ изъ своихъ подданныхъ.

Эми. Неужели?.. на герцогѣ Линкольнѣ, можетъ-быть?

Варней. Онъ католикъ.

Эми. На герцогѣ Леймрикѣ?

Варней. Онъ ирландецъ.

Эми. Тогда только одинъ остается, сколько мнѣ извѣстно,— герцогъ Рутландъ.

Варней. Онъ женатъ. Сказать по правдѣ, это, впрочемъ, не помѣха.

Эми. Вы смѣете такъ говорить?

Варней. Политическая истина, миледи... грустная, согласенъ; но вѣнценосныя особы не подчинены законамъ, обязательнымъ для простыхъ смертныхъ. Неудобные для троновъ браки расторгаются.

Эми. Что вы! Тронъ — только тронъ, только сидѣнье, хотя бы и для монарха, а бракъ вѣдь передъ престоломъ Божіимъ...

Варней. О, передъ престоломъ!..

Эми. Впрочемъ, что мнѣ за дѣло до замужества королевы?

Варней. Вамъ до него дѣла больше, чѣмъ вы думаете, миледи. Не о герцогѣ Рутландѣ тутъ рѣчь идетъ. И королева хочетъ соединить свой королевскій вѣнецъ не съ герцогскою короной даже, а съ простою графской.

Эми. Боже, мнѣ просто страшно разгадать тайный смыслъ вашихъ словъ!.. Вы говорили о перемѣнахъ въ моей жизни... Королева въ Кенильвортѣ... Мой мужъ устраиваетъ для нея праздники, онъ ея любимецъ. Такъ неужели?..

Варней. Миледи, все возможно.

Эми. Правый Боже! Дудлей, мой благородный Дудлей обманулъ меня, хочетъ покинуть! Онъ, дворянинъ, перъ Англіи! Нѣтъ, невозможно это! Вы... лжете!

Варней. Я ничего такого не говорилъ, миледи.

Эми. Не говорили, но дали мнѣ понять. Кого вы предаете тутъ?

Варней. Я зналъ, что вы оскорбитесь, миледи. О, это порученіе мнѣ слишкомъ тягостно. Я удаляюсь.

Эми *(останавливая его)*. Нѣтъ, останьтесь! Я хочу знать...

Варней. Я и то сказалъ слишкомъ много. Мой господинъ не приказалъ мнѣ открывать всего, напротивъ...

Эми. Что же... что хотѣлъ онъ отъ меня скрыть? Да говорите же, наконецъ...

Варней. Извольте: королева... любитъ графа.

Эми *(въ отчаяніи)*. Любитъ?.. А онъ?

Варней. Онъ, миледи?.. Что же можетъ онъ? Брака этого желаетъ вся Англія, во Франціи онъ находитъ поддержку, Испанія имъ довольна. Народъ англійскій воспѣваетъ его въ своихъ пѣсняхъ, астрологи читаютъ о немъ по звѣздамъ, придворные читаютъ по влюбленнымъ глазамъ королевы, а королева...

Эми. А королева? Говорите... она читаетъ по глазамъ Лейчестера?

Варней. О милордѣ я не говорилъ.

Эми. Я говорю о немъ! Что же онъ? Что думаетъ, что дѣлаетъ?

Варней. Что думаетъ—извѣстно только Богу. Что дѣлаетъ—того и самъ пока не сознаетъ вполнѣ... Какъ тутъ ни разсуждай, вѣдь, любитъ королева, а королева можетъ сдѣлать королемъ!.. Кто разъ ступилъ по лѣстницѣ, ведущей къ почестямъ, того ужъ честолюбіе непремѣнно заставитъ подниматься все выше, выше... все потерять иль всѣмъ овладѣть! Тронъ или погибель!.. А потомъ, возможно ль отказываться раздѣлить ложе подъ королевскимъ балдахиномъ?

Эми. Я понимаю! *(Въ изнеможеніи падаетъ въ кресло.)* Браки неудобные, вы говорили, расторгаются? О, Лейчестеръ, неужели нужно это кощунство? Зачѣмъ ты хочешь Бога оскорбить разводомъ, а людей—измѣной данной клятвѣ? Развѣ можешь ты ду-

мать, что я переживу потерю твоей любви? Предоставь все сдѣлать горю,—и честолюбію твоему не долго придется ждать свободы!

Варней *(въ сторону)*. Дѣло идетъ не дурно!

Эми *(встаетъ, охваченная внезапною мыслью)*. О! я о себѣ только думаю. А мой отецъ? Я думаю только о моей любви. А моя честь? Вѣдь я мечтала возвратить отцу его дочь счастливою и гордою, любимою и уважаемою мужемъ. И вотъ придетъ она къ нему покинутая, какъ любовница, и выгнанная, какъ служанка, не бывши одного дня, ни одного даже часа, признанной законною супругой. *(Закрываетъ лицо руками.)* О, какой позоръ!

Варней *(съ притворною робостью)*. Если позволите, миледи, осмѣлюсь вамъ объяснить, что есть возможность для васъ, не будучи графинею Лейчестеръ, остаться все-таки законною супругой.

Эми *(смотритъ на него удивленно)*. Какъ это?.. Я васъ не понимаю.

Варней. Въ то время, какъ графъ Лейчестеръ, увлекаемый своимъ безмѣрнымъ честолюбіемъ, ради тщеславнаго величья трона, покидаетъ сокровище, стоящее выше всѣхъ королевскихъ престоловъ на землѣ... Что, если бъ въ это время къ вамъ, миледи, явился человѣкъ не столь блестящій, но преданный глубоко, вѣрный неизмѣнно, и предложилъ бы вамъ, вмѣсто громкаго титула въ сомнительномъ, непрочномъ бракѣ, имя честное и честный бракъ, объявленный во всеуслышаніе и гордо... что, если бъ этотъ человѣкъ...

Эми *(прерывая его и сдерживаясь)*. Позвольте! Вы это, думается мнѣ, говорите о самомъ себѣ, господинъ Варней?

Варней. Да, миледи. Да, на мѣсто себялюбиваго, измѣнчиваго сердца, готоваго отъ васъ ускользнуть, я беру смѣлость къ ногамъ вашимъ принести глубокую и беззавѣтную любовь, для которой одинъ вашъ взглядъ дороже всѣхъ улыбокъ всѣхъ въ мірѣ королей.

Эми. И вы мнѣ предлагаете стать миссизъ Варней?

Варней. Не миссизъ, а леди Варней! Такъ называться будетъ супруга сэра Ричарда, уже не графскаго конюшаго, а свободнаго найта королевства англійскаго.

Эми. Положимъ, такъ! Но перемѣна мною имени и положенія, мнѣ кажется, можетъ совершиться далеко не такъ легко и просто.

Варней. Напротивъ, весьма легко. Въ глазахъ многихъ, въ томъ числѣ и вашего отца, я и теперь почти считаюсь тѣмъ счастливымъ избранникомъ, которому вы отдали свое сердце. Позвольте только, чтобы, въ ожиданіи освященія нашего союза, все оставалось такъ, какъ всѣмъ то кажется, до окончательнаго превращенія видимости въ дѣйствительность. Позвольте мнѣ сегодня, тотчасъ же, представить васъ ея величеству, назвать моей законною женой. Согласитесь, чтобы подъ этимъ именемъ...

Эми *(не сдерживая негодованія)*. Довольно! А, ты самъ себя выдалъ, Ричардъ Варней! Такъ вотъ къ чему вели всѣ хитрые

твои подходы! Ты говорилъ мнѣ о невѣрности Лейчестера, чтобы склонить меня къ невѣрности! Но, слава Богу, во-время я разглядѣла ловушку, которую ты мнѣ разставилъ! Разводъ, которымъ ты грозилъ,—безстыдная ложь! Предположеніе брака съ королевой—клевета! Ахъ, какое счастье! Благородный мой Дудлей, прости мнѣ, что хоть минуту я могла склонить свой слухъ къ навѣтамъ негодяя!

Варней. Такъ вы не вѣрите тому, что здѣсь написано рукой милорда и имъ подписано?

Эми. Я вѣрю лишь тому, что ты вдвойнѣ измѣнникъ и хочешь насъ обоихъ обмануть.

Варней. «Все, что Варней дѣлаетъ, дѣлается по моему приказанію и согласно съ моей волей»,—пишетъ графъ. А воля его такова, чтобы для его и вашего спасенья, я васъ представилъ королевѣ, какъ мою супругу.

Эми. Молчи, обманщикъ.

Варней. Берегитесь! Онъ приказалъ мнѣ, въ случаѣ сопротивленія съ вашей стороны, прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ и болѣе ужаснымъ...

Эми. Холопъ!

Варней. Ну, ужъ это слишкомъ! Значитъ, вы не боитесь превратить мою любовь въ ненависть! *(Наступая на нее.)* Вы забыли, что мы одни и что вы еще въ моей власти.

Эми *(испуганно)*. Сюда! ко мнѣ, отецъ!

Варней *(смѣется)*. Вашъ отецъ... Ха, Ха! Не воображаете ли вы, что голосъ вашъ изъ Кенильворта дойдетъ до Темпльтона?

Эми. Отецъ! Отецъ!

Робсартъ *(въ дверяхъ)*. Я здѣсь.

Варней *(растерянно)*. Сэръ Гью Робсартъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* Робсартъ.

Робсартъ. Я здѣсь, я пришелъ на зовъ твой, дочь моя. Но, признаюсь, я не понимаю, къ чему такія предосторожности, вся эта таинственность, прежде чѣмъ показать мнѣ человѣка, ставшаго твоимъ супругомъ.

Эми. Вы жестоко ошибаетесь, отецъ. Этотъ человѣкъ—не мужъ мнѣ.

Робсартъ. Не мужъ! Что же онъ... отказаться хочетъ?

Варней. Я счастливъ былъ бы и за честь почелъ бы для себя назвать женою вашу дочь. Препятствіе къ тому не отъ меня.

Робсартъ. Какъ, Эми? Отъ васъ: Вы, стало-быть, хотите...

Эми. Отецъ, позвольте одно слово...

Робсартъ. Дай мнѣ договорить! Я предпочелъ, бы разумѣется, для стариннаго рода Робсартовъ союзъ съ человѣкомъ такой же древней дворянской фамиліи. Но это ничего не значитъ, сэръ

Ричардъ Варней возведенъ уже въ рыцари. И я добавлю къ этому, что онъ, навѣрное, возвысится и еще, такъ какъ пользуется расположеніемъ своего господина, всесильнаго графа Лейчестера, который завтра, можетъ-быть, станетъ супругомъ Елизаветы и королемъ Англіи.

Эми. Боже! Что говорите вы! Лейчестеръ?.. Вы въ томъ увѣрены?..

Робсартъ. А развѣ ты не знала? Я повторяю только то, что говорятъ всѣ.

Эми *(пошатываясь)*. Такъ это правда?.. Дудлей!.. О, Боже!.. *(Она падаетъ въ кресло.)*

Робсартъ *(подбѣгая къ ней)*. Дочь моя! Съ ней дурно!..

Варней *(зоветъ)*. Фостеръ! Дженнета! *(Стремительно вбѣгаетъ Дженнета.)* Идите, вашей госпожѣ дурно.

Дженнета *(подбѣгая къ Эми.)* Миледи!.. *(Даетъ ей нюхать флаконъ.)*

Варней *(Робсарту)*. Надо дать ей успокоиться. Слишкомъ она взволнована, а ваше присутствіе волнуетъ ее еще больше.

Робсартъ. Нельзя же ее оставить такъ!

Варней. Вы возвратитесь, мой уважаемый отецъ, когда ей станетъ лучше, и она будетъ въ силахъ васъ выслушать.

Робсартъ *(бросаетъ нѣжный взглядъ на Эми)*. Бѣдное дитя!.. Нечего дѣлать, уйду.

Варней. Я съ вами. *(Въ сторону.)* Теперь къ Аласко. *(Робсартъ и Варней уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эми *и* Дженнета.

Дженнета. Миледи!.. Милая госпожа моя!.. А, она открываетъ глаза.

Эми *(осматриваясь.)* Отецъ!.. Гдѣ же онъ?

Дженнета. Онъ сейчасъ вернется. Лучше ли вамъ?

Эми. Да, дитя, лучше, мнѣ теперь хорошо. Теперь оставь меня, Дженнета. Мнѣ необходимо побыть одной. *(Снимаетъ ожерелье и браслеты.)* Да вотъ, унеси ты эти вещи, мнѣ тяжело въ нихъ.

Дженнета *(убираетъ вещи въ футляръ)*. Вы только крикните, миледи, я буду здѣсь, недалеко. *(Уходитъ.)*

Эми *(одна, нѣкоторое время сидитъ неподвижно и молча, оглядываясь кругомъ растеряннымъ взглядомъ)*. Неужели это правда, это не сонъ?.. Стало-быть, то, что говорилъ Варней — возможно, это правда, стало-быть? Преступленіе Дудлея мнѣ подтвердилъ мой отецъ! Увы! теперь я въ этомъ мірѣ такъ мало значу, мое мѣсто такъ въ немъ незамѣтно, что при мнѣ говорятъ, не стѣсняясь, про такія вещи, отъ которыхъ мое сердце разрывается въ груди, и говорятъ какъ о чемъ-то безразличномъ и даже пріятномъ! Такъ завтра... да, быть-можетъ, завтра и даже безъ того, чтобы умеръ кто-нибудь здѣсь въ Кенильвортѣ, не станетъ болѣе ни лорда, ни леди Лей-

честеръ! Онъ сдѣлается королемъ Англіи, а я!.. *(Входитъ Дженнета съ серебрянымъ стаканомъ на золоченомъ подносѣ.)*

Дженнета. Миледи...

Эми *(быстро оборачиваясь)*. Что нужно! Оставьте меня! *(Узнаетъ Дженнету и продолжаетъ мягко.)* А, это ты, Дженнета, извини...

Дженнета. Какъ вы добры, миледи, и какъ несчастны.

Эми. О! да, я очень несчастна, милое дитя! Что такое ты мнѣ принесла?

Дженнета. Питье, которое мнѣ далъ для васъ Фостеръ. Оно васъ освѣжитъ и дастъ вамъ немного покоя послѣ всѣхъ страданій.

Эми. Покой, Дженнета?.. Покой возможенъ для меня только въ могилѣ. Поставь на столъ и уходи.

Дженнета. Вы выпьете, миледи?

Эми. Да, выпью. Иди, иди, дитя мое.

Дженнета *(въ сторону)*. Какъ она блѣдна, совсѣмъ ужъ не по-графски... *(Ставитъ подносъ на столикъ около Эми и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Эми, *потомъ* Флиббертиджиббетъ.

Эми *(одна)*. Простые люди... они думаютъ, что раны сердца можно исцѣлить лѣкарствомъ, что отчаянье—болѣзнь, что есть средства возвратить сонъ глазамъ, которые могутъ только плакать! Зачѣмъ мнѣ это пить?.. Добрые, простые люди готовили питье и тѣшились словами: «оно поможетъ нашей госпожѣ!» Пренебрегу ли я ихъ заботой? Въ цѣломъ мірѣ два эти сердца только и сохранили сочувствіе ко мнѣ—старый этотъ сторожъ, да эта дѣвочка. Они одни пожалѣли графиню Лейчестеръ! Если имъ хочется меня лѣчить, должна же я хоть это удовольствіе имъ сдѣлать... Выпью. *(Беретъ стаканъ и подноситъ къ губамъ.)*

Голосъ *(изъ-за стѣны)*. Не пейте!

Эми *(опуская стаканъ)*. Кто тутъ говоритъ? *(Отворяется потайная дверь, Флиббертиджиббетъ однимъ прыжкомъ подскакиваетъ къ графинѣ)*.

Флиббертиджиббетъ. Я, благородная графиня... Не пейте.

Эми *(удивленно)*. Вы? Кто вы такой?

Флиббертиджиббетъ. Не узнаете жалкаго бѣсенка, которому вы спасли жизнь?

Эми. Ахъ, да!.. Васъ посадили, кажется, въ тюрьму?

Флиббертиджиббетъ. Такъ точно, въ башню Мервина, въ башню тайниковъ, заперли въ ужасную тюрьму; вели туда по очень подозрительному коридору съ ненадежнымъ поломъ, дающимъ подъ ногами звукъ страшной пустоты.

Эми. Вы все-таки оттуда убѣжали?

Флиббертиджиббетъ. Сомнѣваюсь, чтобы, даже съ моею ловкостью бѣсенка, я могъ продѣлать это чудо. Меня оттуда вы-

велъ старый дьяволъ, по-земному называемый Аласко. Потайная дверь, скрытая въ стѣнѣ тюрьмы, ведетъ въ его лабораторію. О, только вовсе не по добротѣ душевной выпустилъ меня милѣйшій мой Аласко! Нѣтъ, на условіи: на меня возложена обязанность довольно интересная — похитить васъ отсюда сонную. Какимъ сномъ должны вы уснуть, я этого не знаю. Мнѣ удалось разслышать нѣсколько словъ, которыми наскоро обмѣнялись здѣшній Варней съ моимъ Аласко. Варней взялъ у него какое-то питье, заказанное лордомъ Лейчестеромъ и предназначенное для леди Лейчестеръ. Питье же это—вотъ оно.

Эми. И что же это за питье?

Флиббертиджиббетъ. Въ этомъ ужъ не можетъ быть сомнѣнья. Его состряпалъ вамъ Аласко въ своей кухнѣ: это—ядъ!

Эми. Ядъ! и мнѣ его посылаетъ Лейчестеръ?

Флиббертиджиббетъ. Питье заказано для васъ имъ самимъ.

Эми. О, Боже мой, прости мнѣ! *(Беретъ стаканъ и быстро подноситъ къ губамъ.)*

Флиббертиджиббетъ *(останавливая ее)*. Что вы дѣлаете, миледи? Вѣдь я же вамъ сказалъ, что это ядъ! Вы развѣ не слышали?

Эми. Слышала, конечно. Но этотъ ядъ прислалъ мнѣ Лейчестеръ, и значитъ я должна его выпить. *(Еще разъ подноситъ стаканъ къ губамъ. Флиббертиджиббетъ вырываетъ его у нея изъ рукъ.)*

Флиббертиджиббетъ. Нѣтъ, вы спасли мнѣ жизнь, теперь моя очередь! И—къ чорту этотъ дьявольскій напитокъ! *(Бросаетъ стаканъ на полъ.)* Посмотрите, черезъ часъ полъ будетъ черенъ такъ, какъ будто онъ сожженъ тройнымъ дыханьемъ Цербера.

Эми *(смотря на разлитую жидкость)*. Что вы сдѣлали и что теперь со мною будетъ, когда у меня въ рукахъ нѣтъ даже яда?

Флиббертиджиббетъ. Что вамъ дѣлать, благородная и молодая госпожа моя? Скажу я, по Шекспиру: съ одной стороны, мужъ, желающій развода, подноситъ вамъ отраву, съ другой—какой-то Варней имѣетъ на васъ преступные виды... выходъ тутъ одинъ, обычный съ незапамятныхъ временъ во всѣхъ трагедіяхъ, комедіяхъ и пантомимахъ: это—бѣгство.

Эми. Къ чему мнѣ бѣжать... и куда бѣжать?

Флиббертиджиббетъ. Да развѣ нѣтъ гдѣ-нибудь у васъ семьи? брата или отца?

Эми. Отецъ!.. Да, вы правы, у меня есть отецъ!, о теперь, я полагаю, меня не связываетъ больше клятва! Я все скажу отцу! По крайней мѣрѣ, я умру оправданной, прощенной! Бѣжимте... да, бѣжимъ! Но какъ бѣжать?

Флиббертиджиббетъ. А вотъ,—въ окно. Всего одинъ этажъ надъ паркомъ. Вчера, желая испугать Аласко, я спряталъ въ кустахъ лѣстницу... *(Смотритъ въ окно.)* Она еще тутъ. Я помогу вамъ сойти. Мы это сдѣлаемъ шутя, миледи.

Эми. Идемте. Скорѣй, скорѣй къ отцу!

Флиббертиджиббетъ. Постойте, не забыли ли вы чего? *(Беретъ брошенную на кресло шубу.)* Шубу надо захватить... *(Оглядываетъ столъ.)* Что это за пергаментъ? Пропускъ королевы! Боже милосердый, да это нашъ дорожный талисманъ! *(Прячетъ пергаментъ на груди.)* Теперь идемте, миледи.

Эми. Храни насъ Богъ! *(Флиббертиджиббетъ помогаетъ ей переступить окно.)*

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Дѣйствіе четвертое.

Кенильвортскій паркъ. На заднемъ планѣ, сквозь деревья, видны крыши новаго замка. Справа—фонтанъ Нептуна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эми *и* Флиббертиджиббетъ *быстро входятъ.*

Флиббертиджиббетъ. Ваше бѣгство замѣтили, миледи. Аласко и Фостеръ ищутъ васъ по лѣсу. Къ счастью, одинъ старъ, другой неповоротливъ, а этотъ густо-заросшій и перерѣзанный оврагами уголъ парка отличнѣйшее мѣстечко для игры въ прятки.

Эми. Надо бы справиться... разузнать, гдѣ я могу найти отца.

Флиббертиджиббетъ. Если бы я могъ оставить васъ на короткое время, я бы очень скоро привелъ его къ вамъ... Берегитесь! сюда идутъ... Боже! графъ Лейчестеръ... съ своимъ достойнымъ конюшимъ!

Эми. Лейчестеръ и Варней—сообщники!..

Флиббертиджиббетъ. Сюда, миледи... скорѣй! Если васъ увидятъ, все погибло! *(Уходятъ въ чащу налѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Лейчестеръ *и* Варней.

Лейчестеръ. Говори скорѣе. Королева кончаетъ свою прогулку вокругъ пруда. Я долженъ поспѣшить къ ней.

Варней *(въ сильномъ волненіи).* Ваша милость были сами свидѣтелемъ, я нашелъ средство объяснить королевѣ, что моя жена очень больна и не въ силахъ представиться ея величеству. Какъ разъ въ эту минуту мнѣ приходятъ сказать, что графиня скрылась! Это уже больше, чѣмъ сопротивленіе, милордъ, это—угроза.

Лейчестеръ *(задумчиво).* Я не могу поставить ей въ вину такого сопротивленія, Варней; это значило бы ставить ей въ вину ея любовь.

Варней. Графиня рискуетъ выдать васъ, милордъ.

Лейчестеръ. Она поступаетъ прямо и честно. Мнѣ слѣдовало бы, Варней, держаться того же пути, а не того, на который ты меня толкаешь.

Варней. И который ведетъ къ величію, къ верховной власти.

Лейчестеръ. Посредствомъ лжи, измѣны...

Варней. Теперь, милордъ, ужъ поздно отступать назадъ. Елизавета, ослѣпленная не столько вами, сколько собственной мечтой, увлеклась съ такимъ самозабвеніемъ, что вы можете на все разсчитывать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы должны и всего бояться. Въ тотъ день, когда откроются ея глаза, ужасно будетъ пробужденіе. Представьте себѣ только, до чего можетъ дойти гнѣвъ оскорбленной женщины, имѣющей въ рукахъ власть королевы. Берегитесь! Теперь ужъ вы рискуете не только вашимъ состояніемъ и высокимъ положеніемъ, а прямо вашей жизнью. Не въ безопасности и жизнь графини. Королева еще можетъ пощадить того, кого такъ страстно любитъ. Пощадитъ ли она ненавистную соперницу?

Лейчестеръ. О! вотъ именно передъ опасностью, грозящей Эми, я и отступаю временно. Чего бы это ни стоило, но ее я долженъ защитить, спасти.

Варней. А какъ? Съ королевой борьба немыслима!

Лейчестеръ *(раздумывая)*. Я и пытаться бороться не буду. Но завтра, быть-можетъ, вечеромъ сегодня, королевы не будетъ въ Кенильвортѣ. Тогда...

Варней *(испуганно)*. Великій Боже! Милордъ не думаетъ, надѣюсь, покинуть Англію! Не промѣняетъ ваша милость на безвѣстное изгнаніе такую блестящую будущность, какой не снилось никому во снѣ!

Лейчестеръ. Такую будущность, съ которой крѣпко связана ваша, Ричардъ Варней? Но я на вашу преданность надѣюсь...

Варней. Милордъ!

Лейчестеръ. Хорошо! Прикажите искать графиню!.. Не для того, чтобъ увезти ее, а чтобы я могъ съ ней поговорить! Идемъ навстрѣчу королевѣ. *(Уходитъ.)*

Варней *(идя за нимъ, въ сторону)*. Если онъ уѣдетъ, покончена моя карьера! Если увидится съ графиней, мнѣ не жить на свѣтѣ! *(Уходитъ за Лейчестеромъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Флиббертиджиббетъ, Эми, *потомъ* Варней.

Флиббертиджиббетъ *(выходитъ изъ чащи и смотритъ вслѣдъ Лейчестеру и Варнею)*. Уходятъ. Можете и вы, миледи, выйти изъ своей зеленой крѣпости, только осторожнѣе, берегите ваши прекрасные глаза. Я никогда не видалъ вѣтвей, болѣе склонныхъ приласкать вамъ вѣки своими иглами. *(Эми выходитъ.)*

Эми. Каково же это, мнѣ приходится прятаться отъ Лейчестера, точно отъ врага!

Флибертиджиббетъ. Противъ этого врага я приведу къ вамъ сейчасъ вашего естественнаго защитника, вашего отца. А вы спрячьтесь вотъ здѣсь, за уголъ этого фонтана, откуда, въ случаѣ нужды, вы можете пробраться въ кусты... *(Онъ ведетъ Эми къ фонтану. Въ глубинѣ сцены появляется Варней.)*

Варней *(въ сторону)*. Мнѣ показалось, будто промелькнулъ тутъ Флиббертиджиббетъ. *(Видитъ графиню.)* О, графиня!.. Что дѣлать?.. Если бы хватило смѣлости... Продѣлка будетъ слишкомъ дерзкая! До сихъ поръ смѣлость выручала меня, а теперь я нахожусь въ такомъ безвыходномъ положеніи, что поневолѣ надо всѣмъ рисковать, чтобъ все спасти. *(Уходитъ.)*

Флиббертиджиббетъ. Ждите здѣсь меня, миледи. Черезъ четверть часа я приду съ вашимъ отцомъ. *(Уходитъ)*.

Эми *(одна)*. Я покинула отца, чтобы слѣдовать за мужемъ. И вотъ теперь мечтаю лишь о томъ, чтобы покинуть мужа и вернуться къ отцу. О, Лейчестеръ! Возможно ли, чтобы послѣ того, какъ ты пытался выдать меня за жену твоего холопа, ты захотѣлъ еще отравить меня! Увы, кто на подлость способенъ, тотъ способенъ и на преступленіе. Гдѣ онъ, этотъ великодушный графъ, этотъ благородный Дудлей? Все кончено, и нѣтъ въ душѣ моей ни искры любви къ нему: презрѣнье все убило. Его я даже ненавидѣть не могу. *(Она садится, блѣдная и неподвижная, на подножіе колонны, у фонтана.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эми *и* Елизавета.

Елизавета *(входитъ, читая записку)*. Что значитъ это таинственное сообщеніе?.. «Пусть королева пройдетъ одна къ фонтану Нептуна»... Вотъ фонтанъ... *(Увидавши Эми.)* Это что за женщина?

Эми. Королева! Боже! Королева! это королева!

Елизавета. Что такое? Вы, женщина... что здѣсь дѣлаете?

Эми. Ваше величество... Я проходила мимо... я ухожу...

Елизавета. Нѣтъ, постойте. Вы, видимо, взволнованы, едва стоите на ногахъ. Успокойтесь, юная дѣвица. Вы—передъ вашей королевой...

Эми. Государыня, потому-то я вся и дрожу.

Елизавета. Успокойтесь, говорю я вамъ. Вы милости какой-нибудь просить хотите?

Эми. Ваше величество... я... да, я прошу вашего покровительства, государыня. *(Падаетъ на колѣни передъ королевой.)*

Елизавета. Въ нашемъ королевствѣ всѣ дѣвушки имѣютъ право на наше покровительство, если того заслуживаютъ. Встаньте и оправьтесь. Кто вы? Въ чемъ и какимъ способомъ наше покровительство можетъ быть полезно вамъ?

Эми. Государыня... что... я могу отвѣтить?.. я не знаю...

Елизавета. Это похоже на безуміе. Мы не привыкли повторять вопроса, не получая на него отвѣта!

Эми. Я прошу... я умоляю ваше величество... благоволите приказать, чтобы отдали меня отцу!

Елизавета. Но вѣдь для этого должна же знать я сперва, кто такой этотъ отецъ. Кто вы и кто вашъ отецъ?

Эми. Я—Эми, дочь сэра Гью Робсарта.

Елизавета. Робсарта! Однако, что же это? Два дня я только и дѣлаю, что занимаюсь этой семьей. Отецъ требуетъ у меня дочь, дочь требуетъ отца. Вы говорите мнѣ про себя не все. Вы замужемъ?

Эми. Замужемъ!.. Боже! Вамъ, стало-быть, извѣстно?.. Да, государыня, это правда... простите! о, простите меня! Вашею августѣйшею короной молю васъ, пощадите!..

Елизавета. Васъ простить, моя милая? Да мнѣ-то въ чемъ же васъ прощать? Это дѣло вашего отца, котораго вы обманули. Видите, я знаю всю вашу исторію, и подтверждаетъ ее то, что вы краснѣете. Вы до того дошли, что васъ обольстили, похитили...

Эми *(гордо)*. Да, государыня, но тотъ, кто похитилъ меня, женился на мнѣ.

Елизавета. Правда, я знаю, что вы исправили свой проступокъ и вышли замужъ за похитителя, конюшаго Варнея.

Эми. Варнея!.. О, нѣтъ, ваше величество, нѣтъ... Какъ правда то, что небо существуетъ надъ головами нашими, такъ справедливо, что я не низкое созданье, какимъ вы почитаете меня! Нѣтъ, не жена я ненавистнаго Варнея!

Елизавета. Что? что такое?.. Я замѣчаю, женщина, что изъ васъ уже не приходится вытягивать слова, какъ только рѣчь коснется подходящаго для васъ предмета. *(Какъ бы про себя)*. Кто здѣсь со мною шутки шутитъ? Втайнѣ здѣсь творится что-то нехорошее. *(Вслухъ.)* Эми Робсартъ, въ присутствіи благороднаго графа Лейчестера, своего господина, Варней объявилъ, что онъ вашъ мужъ.

Эми *(подавленная горемъ)*. Въ присутствіи графа!..

Елизавета. Да. Но скажи же мнѣ, наконецъ, за кѣмъ ты замужемъ? Клянусь днемъ, который намъ свѣтитъ, я сумѣю дознаться, чья ты любовница или жена! Ну, говори, и говори скорѣй, такъ какъ меньше риска для тебя играть со львицей, чѣмъ обмануть Елизавету Англійскую.

Эми. Спросите у графа Лейчестера, онъ знаетъ правду.

Елизавета. У Лейчестера?.. У графа Лейчестера?.. Послушай, ты клевещешь! Кто подучилъ тебя такъ гнусно лгать? Кто подкупилъ позорить благороднѣйшаго лорда, честнѣйшаго изъ джентльменовъ королевства? Иди сейчасъ со мною... А, да вотъ онъ самъ насъ ищетъ. *(Возвышаетъ голосъ.)* Сюда, сюда идите!.. Будь онъ намъ ближе вотъ этой руки, я васъ поставлю на очную ставку, тебя при немъ я выслушаю и узнаю, кто въ Англіи настолько обезумѣлъ, что смѣетъ лгать дочери Генриха восьмаго.

ЯВЛЕНІЕ V.

Эми, Елизавета, Лейчестеръ, Варней, весь дворъ.

(Елизавета не спускаетъ глазъ съ Лейчестера; Эми, блѣдная, готова лишиться чувствъ.)

Лейчестеръ *(въ сторону, съ выраженіемъ ужаса).* Боже! Эми съ королевой!

Елизавета *(въ сторону).* Какъ онъ блѣденъ! *(Вслухъ.)* Милордъ Лейчестеръ, знаете вы эту женщину?

Лейчестеръ *(тихо).* Государыня...

Елизавета *(сильно).* Милордъ Лейчестеръ, знаете вы эту женщину?

Лейчестеръ. Вашему величеству угодно будетъ мнѣ позволить объясниться...

Елизавета. Меня вы смѣете обманывать,—меня, вашу благодѣтельницу, вашу черезчуръ довѣрчивую и слишкомъ слабую королеву? Смущенье ваше есть ужъ доказательство измѣны. Если есть на свѣтѣ что-нибудь святое, то я имъ клянусь, безчестный графъ, что ваше вѣроломство будетъ достойно награждено.

Лейчестеръ *(совершенно подавленный).* Государыня, никогда я не хотѣлъ васъ обманывать.

Елизавета. Молчите! Сдается мнѣ, милордъ, что вашей головѣ грозитъ не меньшая опасность, чѣмъ висѣвшая когда-то надъ головою вашего отца.

Эми *(въ сторону).* О, Боже!

Лейчестеръ *(выпрямляясь, твердымъ голосомъ).* Королева, голова моя пасть можетъ лишь по суду мнѣ равныхъ перовъ. Дѣло мое я буду защищать предъ королевскимъ англійскимъ парламентомъ, а не передъ государыней, такъ награждающей мои заслуги и мою преданность. Скипетръ вашего величества не палочка волшебной феи, чтобъ въ одинъ день воздвигнуть мнѣ эшафотъ.

Елизавета. Вы всѣ, милорды, здѣсь стоящіе вокругъ меня,— вы слышали? Мы считаемъ, что намъ брошенъ вызовъ, оказано презрѣнье нашей власти въ томъ самомъ замкѣ, который этотъ человѣкъ, занесшійся высоко слишкомъ, получилъ отъ нашей королевской милости! Милордъ Шрьюсбери, вы—графъ-маршалъ Англіи, вы предъявите этому мятежнику обвиненіе въ государственной измѣнѣ.

Эми *(въ сторону).* Боже правый... Я не думала, что такъ еще его люблю!

Елизавета. Не поднимайте такъ высокомѣрно голову, Дудлей, графъ Лейчестеръ! Нашъ славной памяти родитель Генрихъ восьмой приказывалъ рубить тѣ головы, которыя не хотѣли передъ нимъ склониться... И такъ, кузенъ мой, лордъ Хёнсдонъ, распорядитесь, чтобы джентльмены нашей свиты были наготовѣ. Чело-

вѣка этого взять подъ крѣпкую стражу. Отберите у него шпагу, да поскорѣе! Я сказала.

(Хенсдонъ обнажаетъ свою шпагу, три человѣка изъ свиты приближаются къ Лейчестеру, неподвижному и спокойному. Эми бросается къ ногамъ королевы.)

Эми. Нѣтъ, нѣтъ, государыня! Милостивы будьте, пощадите! Не виноватъ онъ, нѣтъ, не виноватъ! Никто ни въ чемъ не можетъ обвинить благороднаго графа Лейчестера!

Елизавета. Это, поистинѣ, что-то новое. Не вы ли обвиняли его сейчасъ? Стало-быть, вы клеветали на него?

Эми. Развѣ я обвиняла?.. О, если вправду обвиняла, то я клеветала конечно. Вашъ гнѣвъ одна я заслужила.

Елизавета. Берегитесь, вы себя не помните! Не вы ли говорили сію минуту, чтобы я спросила про васъ у графа, потому, что ему все хорошо извѣстно?

Эми. Я сама не знаю, что говорила... Моей жизни угрожали... я ошиблась... мой умъ былъ омраченъ...

Елизавета. Кто же мужъ вашъ иль кто любовникъ, Эми Робсартъ, если вы не жена Варнея, какъ вы въ томъ меня увѣряли?

Лейчестеръ *(выступая впередъ)*. Признаться долженъ я вашему величеству...

Елизавета. Милордъ, дайте жъ этой женщинѣ сказать.

Эми. Государыня! *(Въ сторону.)* О, Боже... *(Вслухъ.)* Да, государыня, я... жена Варнея!

Лейчестеръ *(Въ сторону)*. Великодушная, самоотверженная Эми! О, если бы, рискуя самъ погибнуть, я не велъ бы ее съ собою на гибель!..

Елизавета. Вы сознаетесь, стало-быть, что все здѣсь происшедшее, чему свидѣтельницей были вы сейчасъ, случилось по милости безстыдной вашей лжи и вашей безсмысленной клеветы? Вы сознаетесь въ томъ, что сюда явились очернить передъ нами славнаго графа Лейчестера?

Эми. Другого нѣтъ исхода, какъ сознаться.

Лейчестеръ *(въ сторону)*. О, ея самоотверженность мнѣ сердце надрываетъ! *(Вслухъ.)* Ваше величество, теперь благоволите выслушать меня.

Елизавета *(улыбаясь)*. Еще минуту, любезный, благородный графъ, прошу, доставьте намъ удовольствіе посмотрѣть, какъ сама собою выяснится ваша невиновность. Ваши враги подослали къ намъ эту несчастную. Предоставьте жъ намъ допросить ее.

Варней *(выступая впередъ)*. Ваше величество, она не такъ преступна, какъ это кажется. Я надѣялся, что можно будетъ скрыть ея болѣзнь. Но королева изволила замѣтить, какъ поврежденный умъ...

Лейчестеръ *(въ сторону)*. О, негодяй!

Эми *(въ сторону)*. Я должна пожертвовать собой до конца.

Елизавета. По правдѣ сказать, сэръ Ричардъ Варней, я склонна больше думать, что враги господина вашего воспользовались вашею женою, какъ орудіемъ, чтобы поколебать наше рас-

положеніе, которое они этимъ только больше укрѣпили. Мы сегодня вечеромъ покинемъ Кенильвортъ и относительно ея оставимъ распоряженія. А въ ожиданіи нашего рѣшенія, отвести ее въ тюрьму на башнѣ. Лордъ Хёнсдонъ, поручаю вамъ эту женщину. Держите ее подъ крѣпкимъ карауломъ и прикажите, чтобы никто, никто,—ни даже самъ владѣлецъ замка,—не могъ проникнуть къ ней, если не представитъ пропуска, подписаннаго нашей собственной рукою. Слышите, милордъ?

(Лордъ Хенсдонъ кланяется.)

Лейчестеръ *(въ сторону)*. Горе, горе! Дорогая моя Эми!

Эми. Теперь, если я умру, такъ за него, по крайней мѣрѣ.

(Ее уводятъ.)

ЗАНАВѢСЪ МЕДЛЕННО ОПУСКАЕТСЯ.

Дѣйствіе пятое

Внутренность круглой башни съ тайниками. Старая нормандская архитектура. Надъ стѣнами видно начало внутренняго конуса крыши. Въ глубинѣ, по серединѣ сцены, желѣзная дверь; вправо отъ нея маленькое рѣшетчатое окно. Слѣва кровать. Толстая балка, служащая контръ-форсомъ основанію крыши, діаметрально пересѣкаетъ башню въ ея верхней части.

ЯВЛЕНІЕ I.

Эми *(одна)*.

(Она сидитъ на кровати, блѣдная, съ распущенными волосами.)

Эми. Жертва принесена! Сама не знаю, какъ, благодаря капризамъ любви, я сдѣлалась почти государственной преступницей. Королева—моя соперница!.. Королева... и нѣтъ сомнѣнья въ томъ, что гнѣвъ ея мнѣ даромъ не пройдетъ. Тюрьма—сегодня, а завтра... Дудлей! мнѣ говорятъ, будто ты хотѣлъ отнять у меня жизнь. Я предпочитаю тебя предупредить, и отдаю ее тебѣ сама. Ты получишь тронъ, я лягу въ могилу. Сойду въ нее, а ты останешься Елизаветѣ. Она вѣдь королева. Страшно... подумать страшно! Она—будетъ трепетать въ твоихъ объятьяхъ, тогда какъ я буду лежать въ гробу забытомъ, одинокомъ и холодномъ!.. Какая мука! Передъ смертью меня невыносимо терзаетъ ревность.

(Эми закрываетъ лицо руками и плачетъ. Справа тихо отворяется потайная дверь, скрытая въ стѣнѣ скульптурными украшеніями. Черезъ нее входитъ Флиббертиджиббетъ. Дверь такъ же безшумно затворяется сама собою. Флиббертиджиббетъ медленно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается противъ Эми.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Эми и Флиббертиджиббетъ.

Эми *(не поднимая головы и не видя Флиббертиджиббета)*. Да и сама тюрьма не есть ли уже смерть? Развѣ не оторвана я

здѣсь отъ всѣхъ, живущихъ въ этомъ мірѣ? Гдѣ то ухо, которое можетъ услыхать отсюда мой голосъ? Гдѣ та рука, которая могла бы достать до моей руки?

Флиббертиджиббетъ *(не измѣняя положенія)*. Здѣсь.

Эми. Кто... кто тутъ?

Флиббертиджиббетъ. Флиббертиджиббетъ, къ услугамъ вашимъ.

Эми. Вы! Что же вы, колдунъ, на самомъ дѣлѣ, или бѣсъ, что могли пробраться въ эту недоступную тюрьму? И какъ вошли вы сюда, не отворяя даже двери, прости вамъ Богъ?

Флиббертиджиббетъ. Къ несчастью, Богъ не имѣетъ повода прощать мнѣ что-либо подобное, благородная графиня.

Эми. Какъ же вошли вы, наконецъ?

Флиббертиджиббетъ. Такъ же точно, какъ вы отсюда выйдете.

Эми. Я не могу понять...

Флиббертиджиббетъ. Дѣло очень просто. *(Указываетъ рукою на потайную дверь)*. Здѣсь есть дверь.

Эми. Правда? И куда она ведетъ?

Флиббертиджиббетъ. Я говорилъ уже вамъ про это. Ведетъ она чрезъ потайной переходъ въ лабораторію Аласко; оттуда есть лѣстница въ большую комнату, изъ которой уже разъ вы убѣжали и, съ Божьей помощью, убѣжите и въ другой разъ. Только надо торопиться! Не знаю, по какой счастливой случайности Аласко не было въ его гнѣздѣ. Онъ, конечно, не замедлитъ вернуться и намъ будетъ очень трудно проскользнуть. Идите жъ, скорѣй, идите...

(Дѣлаетъ шагъ къ потайной двери.)

Эми. Благодарю тебя, мой бѣдный другъ, но за тобою слѣдовать я не могу.

Флиббертиджиббетъ. Какъ?.. Почему?

Эми. Ты-то спѣши бѣжать. Вѣдь, если здѣсь тебя застанутъ...

Флиббертиджиббетъ. Дѣло тутъ вовсе не во мнѣ, а въ васъ...

Эми. Я остаюсь.

Флиббертиджиббетъ *(топая ногой)*. Вы что же думаете, я за тѣмъ сюда пришелъ, чтобъ такъ и уйти ни съ чѣмъ отсюда? Не оставлю я васъ въ этой сырой и холодной башнѣ съ совами и летучими мышами, съ пауками вокругъ вашей кровати и съ тюремщиками у дверей, тогда какъ тамъ снаружи чистый и свободный воздухъ, равнины, рѣки, лѣса! Если вы желали дать уморить себя въ этой тюрьмѣ, тогда не слѣдовало спасать мнѣ жизнь! Идемте же! За мной скорѣе, за мной!

Эми. Я не могу, мой бѣдный другъ. Меня приговорилъ вѣдь къ смерти тотъ, кому принадлежатъ и сердце Эми и ея душа! Когда я получу свободу, на что мнѣ нужна будетъ жизнь? Дудлей мнѣ измѣнилъ, Дудлей меня хотѣлъ отравить... хотѣлъ отдать своему Варнею! Дудлей скоро женится на Елизаветѣ...

Флиббертиджиббетъ. Э-ге-ге! Старо все это. Декорація перемѣнилась. Вашъ Дудлей вамъ не измѣнилъ, оставлять васъ

не хотѣлъ, Варнею васъ не отдавалъ и не только не думаетъ жениться на королевѣ, но затѣваетъ въ эту самую минуту совершить актъ государственной измѣны, т.-е., просто говоря, хлопочетъ васъ освободить.

Эми *(складывая руки)*. Возможно ль это? Ты правду ль говоришь?

Флиббертиджиббетъ. Затѣялъ это все одинъ Варней, придумалъ все, увѣрилъ всѣхъ и все надѣлалъ, все—онъ одинъ!

Эми. Ахъ я съ самаго начала была въ этомъ убѣждена! О, мой Дудлей, какъ я передъ тобою виновата!

Флиббертиджиббетъ. И это еще не все. Отецъ вашъ знаетъ про вашъ бракъ; онъ помирился съ вашимъ мужемъ; вдвоемъ они теперь пріискиваютъ средства васъ спасти. Они, быть-можетъ, оба ждутъ васъ тамъ снаружи. Вы все-таки хотите оставаться, хотите ихъ заставить ждать?

Эми. О, нѣтъ, нѣтъ! Скорѣе! веди меня скорѣе къ моему мужу! скорѣе къ моему отцу!

Флиббертиджиббетъ. Наконецъ-то!.. Ну, дѣло сдѣлано, терять нельзя больше ни одной минуты. Слѣдуйте за мною! *(Онъ подбѣгаетъ къ потайной двери и пытается ее отворить; дверь не подается. Онъ дѣлаетъ новыя усилія: напрасно,—дверь не отворяется. Въ отчаяньи онъ подходитъ къ дрожащей Эми.)*

Флиббертиджиббетъ. Заперта! Дверь заперта снаружи и задвинута засовомъ. Аласко и Варней тутъ побывали. Комнату они превратили въ западню.

Эми. Теперь и вы погибли изъ-за меня, за то, что хотѣли меня спасти. О, я несчастная! мое несчастье переходитъ даже на моихъ друзей.

Флиббертиджиббетъ. Не говорите вы обо мнѣ, прошу васъ. Мнѣ ровно нечего терять. А вы... вотъ вы такъ все теряете!

Эми. Да... я опять въ тюрьмѣ безвыходно! Погасъ послѣдній лучъ надежды.

Флиббертиджиббетъ *(поднимая голову)*. Послѣдній?.. Нѣтъ, добрая и благородная миледи! Отчаиваться никогда не должно. Вашъ отецъ и вашъ супругъ хлопочутъ въ эту самую минуту о вашемъ спасеніи. Если бъ можно было видѣть изъ этого окна!.. *(Онъ пододвигаетъ деревянную скамейку къ окну, становится на нее и поднимается на пальцы, чтобы выглянуть наружу.)* Солнце опускается за деревья парка. До темноты осталось намъ не больше четверти часа. А! что вижу я тамъ, сквозь вечерній сумракъ? Два человѣка, закутанныхъ въ плащи, идутъ сюда, къ этой башнѣ. Они остановились у стѣны и мѣряютъ ее глазами... Миледи, они, они!

Эми. Кто они?

Флиббертиджиббетъ. Отецъ вашъ и вашъ супругъ!

Эми. Отецъ мой! мужъ мой! Вы не ошиблись? Дайте мнѣ взглянуть.

Флиббертиджиббетъ *(соскакиваетъ со скамьи)*. Смотрите, миледи.

Эми *(становится на его мѣсто у окна)*. О, Боже, да, это онъ! Онъ, онъ, мой Дудлей! О, какъ плохо видно сквозь рѣшетку! *(Зоветъ.)* Отецъ! милордъ!

Флиббертиджиббетъ. Башня слишкомъ высока; они васъ не услышатъ. Махайте имъ платкомъ, быть-можетъ, они разглядятъ.

(Эми высовываетъ руку и машетъ платкомъ.)

Эми. Вотъ, вотъ увидали... поднимаютъ шляпы. *(Горестно.)* Но я-то вижу ихъ, а они не могутъ меня видѣть.

Флиббертиджиббетъ. Не бѣда! Они извѣщены теперь и васъ освободятъ.

Эми *(качая головою)*. Имъ меня не освободить!

Флиббертиджиббетъ. Навѣрное вы будете освобождены. Какая жъ дверь не отворится передъ господиномъ замка? У него въ рукахъ власть и золото.

Эми. И это не поможетъ. Сюда онъ не войдетъ. Не знаете вы развѣ... не знаешь ты, мой бѣдный другъ, что̀ приказала королева? Никто сюда не можетъ пройти, никто.

Флиббертиджиббетъ. Какъ? ни даже самъ графъ Лейчестеръ, всесильный министръ?

Эми. Онъ менѣе, чѣмъ кто-нибудь. Я говорю тебѣ, не пройдетъ сюда никто, если только не будетъ у него пропуска, подписаннаго королевою собственноручно.

Флиббертиджиббетъ. Отлично! Теперь намъ нуженъ, значитъ, пропускъ королевы.

Эми. Конечно.

Флиббертиджиббетъ *(вынимая изъ кармана пергаментъ)*. Вотъ онъ, получайте.

Эми. Что это? подпись королевы! Это уже волшебство!

Флиббертиджиббетъ. Предусмотрительность, не больше. Я этотъ талисманъ нашелъ вчера у васъ на столѣ.

Эми. Ахъ, да, я помню,—пропускъ, данный моему отцу.

Флиббертиджиббетъ. Хорошо я сдѣлалъ, что не забылъ его, какъ вашъ отецъ. Скорѣе теперь, миледи, еще разъ платкомъ махайте и бросьте имъ пергаментъ.

Эми *(машетъ платкомъ)*. Сигналъ мой они видѣли. *(Бросаетъ пергаментъ.)* Помоги намъ, Боже!

Флиббертиджиббетъ. Смотрите же, смотрите... Что?

Эми. Летитъ, вертится въ воздухѣ... вотъ онъ на высотѣ деревьевъ...

Флиббертиджиббетъ. Лишь бы не зацѣпился, не повисъ на нихъ!

Эми. Нѣтъ, падаетъ... вотъ на землѣ, недалеко отъ нихъ.

Флиббертиджиббетъ. Подняли?

Эми. Въ рукахъ у нихъ.

Флиббертиджиббетъ. Мы спасены!

Эми. Мой Дудлей его цѣлуетъ, дѣлаетъ мнѣ знаки. Оба идутъ ко входу... за уголъ завернули... ихъ уже не видно.

Флиббертиджиббетъ. Увидимъ, значитъ, очень скоро и много ближе, миледи.

Эми *(сходитъ со скамьи)*. Слава Богу! *(Осматриваетъ свой нарядъ.)* Онъ идетъ, а я приму его въ такомъ видѣ... Волосы растрепаны, платье все смято...

Флиббертиджиббетъ. Добрый знакъ: горе уступило мѣсто кокетству!.. Слышно ужъ, идутъ. *(Слушаетъ у двери.)* Шаги мужскіе... Что жъ, однако, это значитъ, что по коридору они раздаются такъ гулко, точно подъ поломъ какая пустота? *(Слышно, какъ вставляютъ ключъ въ замокъ двери.)* Отпираютъ, миледи, отпираютъ!

(Дверь отворяется, входятъ Гью Робсартъ и Лейчестеръ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Лейчестеръ и Робсартъ.

Эми *(бросаясь въ объятія Лейчестера)*. Мой Дудлей!

Лейчестеръ *(прижимаетъ ее къ груди)*. Эми, дорогая!

Флиббертиджиббетъ. Была сейчасъ блѣдна, точно покойница, а теперь горитъ румянцемъ, точно невѣста. Молодыя женщины цвѣтъ мѣняютъ чаще и быстрѣе, чѣмъ звѣзда Альдебарана.

Лейчестеръ. Виноватъ передъ тобой я очень, Эми. Сумѣю ли я когда-нибудь загладить мои вины? О, прости меня!

Эми *(все еще въ его объятіяхъ)*. О! Это я... тебя, мой благородный графъ, должна просить о прощеньи! Я осмѣливалась тебя подозрѣвать... и въ чемъ еще! *(Обращаясь къ Робсарту.)* А вы, отецъ, простили ли меня? Прощаете?

Робсартъ *(обнимаетъ ихъ обоихъ)*. Дочь моя!.. Мое дитя!

Флиббертиджиббетъ. А затѣмъ—дверь отворена, что жъ мы медлимъ?

Лейчестеръ. Правъ онъ, время дорого. Послушай, милая моя, все готово къ нашему съ тобой бѣгству. Черезъ часъ въ лѣсу насъ будетъ ждать карета. Намъ помогаютъ надежные друзья... Бригъ, готовый отплыть во Фландрію, насъ ждетъ у берега. И раньше, чѣмъ встанетъ солнце, мы будемъ въ морѣ, и вмѣстѣ поплывемъ къ счастью,—ты, удаляясь отъ своей тюрьмы, а я—удаляясь отъ двора, и мы оба будемъ на свободѣ.

Эми. Какъ, милордъ! Вы для меня бросаете вашъ санъ, богатства, почести и славу, и весь блескъ, удивляющій Европу? И столько жертвъ приносите вы одной ничтожной женщинѣ?

Лейчестеръ. Эта ничтожная, какъ ты выражаешься, женщина,—приносила мнѣ и не такія жертвы.

Эми. Вы обрекаете себя на изгнанье.

Лейчестеръ. Не ты ли моя отчизна?

Эми. Дудлей, ты все бросаешь!

Лейчестеръ. Ничего я не бросаю, въ тебѣ одной—для Дудлея все.

Эми. Кто знаетъ? Быть-можетъ, тебя ждетъ тронъ!

Лейчестеръ. Тронъ! Да, я оставляю королеву, чтобы слѣдовать за тобой, но какой-то внутренній голосъ мнѣ говоритъ, что

этимъ я отклоняю отъ себя возможность взойти со временемъ не на ступени трона, а на помостъ эшафота.

Робсартъ. Милордъ, теперь не забывайте, однако, что васъ ждетъ эта своенравная, надменная королева.

Лейчестеръ. Да, мы должны тебя оставить, Эми, безцѣнная моя.

Эми. Какъ? Меня съ собою вы не уведете?

Лейчестеръ. Нѣтъ еще. Черезъ часъ королева уѣдетъ изъ Кенильворта. Въ настоящую минуту зàмокъ наполненъ ея свитой, и твое бѣгство изъ него невозможно. Я провожу королеву, и, какъ только она выѣдетъ, я возвращусь, Кенильвортъ опустѣетъ, и подъ покровомъ ночи я похищу тебя изъ этой ужасной тюрьмы.

Эми *(улыбаясь)*. Похитите меня во второй разъ, милордъ... Ахъ, простите, отецъ!

Лейчестеръ *(обращаясь къ Флиббертиджиббету)*. Ты, бѣсенокъ, иди съ нами. Мнѣ понадобятся твои услуги, чтобы подготовить все, пока я буду при королевѣ.

Флиббертиджиббетъ. Готовъ служить, милордъ.

Эми. А я опять одна останусь...

Лейчестеръ. На одинъ часъ, не больше, дорогая.

Эми *(обнимая его)*. Помните ли, милордъ, какъ въ первое время нашей любви вы звукомъ рога давали мнѣ знать о своемъ присутствіи въ лѣсу Девона? Такъ и сегодня дайте мнѣ знать рогомъ о вашемъ возвращеніи.

Лейчестеръ. Я такъ и сдѣлаю. Будь счастлива, будь спокойна. Прости.

Эми. Прощай, мой милый.

(Обнимаются. Лейчестеръ уходитъ съ Робсартомъ и съ Флиббертиджиббетомъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эми *(одна)*.

Эми. Прости... Есть въ этомъ словѣ что-то мрачное... точно навѣкъ люди разстаются! *(Садится на кровать и задумываеся.)* Ушли... вотъ и шаговъ ихъ уже не слышно. Опять я одинока. Не знаю, почему меня одолѣваютъ такія грустныя мысли. Я счастлива и буду скоро еще счастливѣе; буду скоро свободна и буду на свободѣ его видѣть, слышать и любить... Ахъ, голова тяжела, и тѣло все разбито; меня измучили волненія и тревоги. Какъ было бы хорошо хоть немного отдохнуть, прежде чѣмъ я пущусь въ это путешествіе... *(Она ложится на кровать.)* Въ путешествіе туда, гдѣ я найду счастье... *(Мало-по-малу голосъ ея слабѣетъ, и она поддается дремотѣ.)* О, мой Дудлей, какое счастье впереди!.. Изгнаніе, но вѣдь изгнаніе съ тобою... мирный уголокъ какой-нибудь, дни цѣлые мы будемъ вмѣстѣ... неразлучно... жизнь тихаго покоя и любви... Ахъ, лишь бы только не оказалось это все несбыточной мечтой! *(Засыпаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Эми *спитъ*, Варней и Аласко.

(Въ ту минуту, какъ Эми засыпаетъ, отворяется потайная дверь; Варней просовываетъ въ нее голову. Убѣдившись, что графиня спитъ, онъ входитъ и ведетъ за руку Аласко, который слѣдуетъ за нимъ, повидимому, очень неохотно.)

Варней. Уснула... *(Обращаясь къ Аласко.)* Иди же ты, иди.

Аласко *(ставитъ на скамью зажженную мѣдную лампу)*. Что вы меня таскаете тутъ за собой? Не такъ ужъ бездѣльно мое время, чтобы мнѣ тратить его на пустяки, шатаясь съ вами у дверей и подслушивая чужіе разговоры. Я былъ занятъ работой надъ великимъ дѣломъ. Тамъ три реторты на огнѣ; онѣ наполнены такимъ составомъ, что если хоть ничтожнѣйшая капля попадетъ въ огонь, то отъ этой башни камня на камнѣ не уцѣлѣетъ.

Варней. Слышалъ ты, Аласко?

Аласко. Я не подслушивалъ.

Варней. Графъ Лейчестеръ хочетъ бѣжать, бѣжать съ женою! И черезъ нѣсколько часовъ, если удастся ихъ бѣгство, конюшій фаворита съ той высоты, которой онъ достигъ, падетъ неизмѣримо ниже того, съ чего онъ началъ!

Аласко. Мнѣ-то что за дѣло?

Варней. Что тебѣ за дѣло?.. Помѣстья изгнанника будутъ конфискованы, а въ томъ числѣ подвергнется секвестру и Кумноръ. Тогда простись съ своей лабораторіей, съ ретортами, съ своей аптекой эликсировъ, съ кухней ядовъ. Видишь, какое тебѣ дѣло?

Аласко. Ну, и что же? Отчего произойдутъ такія бѣды? Отъ исчезновенія этой птички? Поди, предупреди Елизавету, и клѣтку никакая сила не откроетъ.

Варней. И даже того лучше! Въ нее посадятъ еще и графа. Елизавета отправитъ его на эшафотъ, чтобъ окончательно повѣнчать ихъ съ Эми. Тогда при чемъ же я останусь?

Аласко. Королева наградитъ тебя за то, что ты откроешь ей глаза.

Варней. Наградитъ?.. Ей я стану ненавистенъ! И если не постигнетъ меня кара за добрыя мои услуги, то самое лучшее, чего мнѣ останется ожидать, это полное забвеніе.

Аласко. А ты ей не говори, что графъ замышлялъ устроить бѣгство Эми.

Варней. Тогда онъ останется въ милости и въ силѣ и, рано или поздно, подъ тѣмъ предлогомъ или подъ инымъ, жестоко со мною расплатится.

Аласко. Итакъ, если негодны всѣ пути...

Варней. Не всѣ!.. *(Приближается къ Аласко и понижаетъ голосъ.)* Аласко! что̀, если бы судьбѣ угодно было избавить насъ отъ этой женщины, отъ этой Эми, наводящей графа на всѣ его

безумства? если бы она совсѣмъ исчезла съ бѣлаго свѣта... если бъ умерла... естественно? Какъ ты думаешь, что станется тогда съ Лейчестеромъ?

Аласко. Онъ ее забудетъ, останется счастливымъ министромъ и всесильнымъ фаворитомъ, блестящимъ графомъ, дающимъ праздники и всякіе спектакли королевамъ.

Варней. А мы, Аласко, мы потихоньку, мирно пойдемъ за нимъ своей дорогою, и, подвигаясь все впередъ, окажемся баронами иль графами въ тотъ день, когда онъ станетъ королемъ.

Аласко. Превосходно, — баронъ Варней, князь Деметріусъ Аласко!..

Варней. И вотъ, единственной помѣхой къ возвышенію намъ представляется существованіе на свѣтѣ этой женщины.

Аласко. Что же ты намѣренъ сдѣлать съ такой помѣхой?

Варней. Уничтожить ее.

Аласко. О!.. Я думалъ, ты любишь эту женщину.

Варней. Она меня назвала холопомъ! Я ее теперь ненавижу. *(Вынимаетъ до половины свой кинжалъ.)* Довольно было бы двухъ дюймовъ этой стали, чтобы покончить съ надменно-гордымъ сердцемъ и съ препятствіемъ, стоящимъ на пути такихъ блестящихъ карьеръ... *(Дѣлаетъ шагъ къ Эми.)*

Аласко *(останавливая его)*. Варней! Варней!.. Ударъ кинжала!.. Всѣмъ ясно будетъ, что это ты...

Варней. Ты правъ... Послушай! нѣтъ ли у тебя... нѣтъ ли такого элексира, такого яда, чтобы дать понюхать человѣку, и онъ бы умеръ тотчасъ?

Аласко. Яду?.. Скажутъ, что это я...

Варней. Что же намъ дѣлать?

Аласко. Что хочешь. Я не стану мѣшаться въ это дѣло... Убить женщину!.. Воспользоваться ея сномъ!..

Варней. Трусъ ты!

Аласко. Къ тому же, я сказалъ уже, тамъ мои реторты...

Варней. Ты совсѣмъ безумный. *(Разсуждаетъ самъ съ собою.)* Что теперь дѣлать? Что дѣлать?.. Смерть должна быть естественной... чтобы не осталось никакихъ слѣдовъ моего участія въ ней... *(Ударяетъ себя по лбу.)* Э, чего же я задумался?.. Вѣдь, эта башня — башня тайниковъ... Аласко, въ узкомъ коридорѣ, служащемъ выходомъ отсюда, и передъ самой этой дверью есть тайникъ.

Аласко. Ну?

Варней. Стòитъ лишь тронуть пружину—и отодвинутся подпорки, на которыхъ держится плита въ полу. Она остается на мѣстѣ, и ее нельзя отличить отъ другихъ плитъ, сосѣднихъ съ нею. Но достаточно малѣйшаго нажатія на нее, чтобы низринуть ее въ пропасть, которая находится подъ ней.

Аласко. Ну?

Варней. Эта ужасная прòпасть проходитъ черезъ всю башню до самыхъ глубочайшихъ подземелій замка.

Аласко. Ну?!.

Варней. Графъ, какъ нарочно, оставилъ отпертой эту дверь.

Аласко. Ты куда же?

Варней. Иду надавить пружину, которая отодвигаетъ подпорки изъ-подъ плиты.

(Онъ выходитъ въ дверь, оставшуюся отпертою, и притворяетъ ее наполовину, такъ, чтобы не видно было коридора.)

Аласко. Что онъ затѣваетъ? Какую адскую шутку еще придумалъ?.. А тамъ мой эликсиръ, того гляди, переварится!.. Варней, гдѣ же вы?

Варней *(входя)*. Готово. Тотъ погибъ, кто хоть только ногу поставитъ на эту западню; будь онъ легокъ, какъ сильфъ, онъ съ нею вмѣстѣ слетитъ въ подземелье.

Аласко. Варней! не схватишь же ты эту женщину, не бросишь же ее въ пропасть?

Варней *(съ горькимъ смѣхомъ)*. Фу, какъ это грубо! До этой женщины я не дотронусь.

Аласко. Я, въ такомъ случаѣ, не понимаю ничего.

Варней *(понижая голосъ)*. Не слыхалъ ты развѣ, какъ графъ обѣщалъ своей супругѣ дать ей знать звукомъ рога о томъ, что онъ вернулся?

Аласко. Хорошо. Что же потомъ?

Варней. Потомъ что? Когда она услышитъ рогъ и увидитъ, что дверь отворена, тогда... неужели ты думаешь, что у нея хватитъ терпѣнія дождаться здѣсь, пока мужъ самъ сюда взойдетъ? Ты думаешь, она откажется отъ счастья быть въ его объятіяхъ скорѣй на нѣсколько мгновеній? Не побѣжитъ, ты думаешь, ему навстрѣчу? Такъ вотъ, если она неосторожно выйдетъ за эту дверь, если истлѣвшія подпорки тайниковой западни ее не сдержатъ, если она упадетъ... При чемъ же буду я-то тутъ? Моя ли будетъ въ томъ вина? Несчастная случайность—и только.

Аласко. Ея любовь обратить въ средство для ея убійства! Варней! ты способенъ сварить ягненка въ молокѣ его матери!

Варней. Теперь уйдемъ отсюда. Графъ, того и гляди, скоро вернется. Если хочешь, иди къ своей проклятой стряпнѣ, а я останусь наблюдать за этой дверью.

(Оба уходятъ черезъ потайную дверь.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эми *(одна)*.

(Нѣсколько мгновеній полной тишины. Тюрьма слабо освѣщена лампой, забытой Аласко на скамьѣ. Издали доносится звукъ рога. Эми сразу просыпается.)

Эми. Что это? Звукъ какой-то разбудилъ меня... не звукъ ли рога? *(Прислушивается.)* Нѣтъ... это вѣтеръ гудитъ въ щели старой башни. Вѣроятно, онъ и разбудилъ меня. Тѣмъ лучше, впрочемъ... Мнѣ снился ужасный сонъ... *(Звукъ рога слышенъ ближе.)* Нѣтъ, я не ошиблась, это рогъ—его сигналъ... *(Подбѣгаетъ къ окну)*. Факелы, всадники, толпа вооруженныхъ людей...

Вотъ и мой Дудлей! Онъ сходитъ съ лошади, помогаетъ моему отцу сойти съ сѣдла... Какъ хорошъ онъ, мой Дудлей!.. Хорошо, что эта дверь осталась отпертою, я побѣгу ему навстрѣчу, избавлю его отъ непріятности еще разъ входитъ въ эту мрачную тюрьму... *(Накидываетъ на себя покрывало и опускается на колѣни.)* О, Господи! Поручаю Тебѣ насъ обоихъ! *(Звукъ рога слышенъ еще разъ).* Дудлей! я бѣгу къ тебѣ!

(Она беретъ со скамьи лампу, отворяетъ дверь и исчезаетъ. Въ тотъ моментъ, какъ затворяется дверь, слышенъ отчаянный крикъ и грохотъ, какъ бы отъ паденія тяжелой плиты. Въ то же мгновеніе пріотворяется потайная дверь, въ нее показывается Варней, блѣдный и дрожащій.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Варней *(одинъ).*

(Онъ входитъ тихими шагами; видъ у него растерянный.)

Варней. Кончено?.. Да, я слышалъ стукъ и крикъ... Здѣсь—никого... Кончено... Что это? Ужъ не страхъ ли напалъ на тебя, Варней? *(Съ злобною усмѣшкой.)* Овца попала въ волчью яму,—есть отъ чего дрожать!.. Пойти взглянуть... *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери, потомъ пятится назадъ и возвращается на прежнее мѣсто.)* Нечего смотрѣть... я слышалъ, и этого довольно. Торжествуй, Ричардъ Варней. Для тебя открывается путь къ возвышенію.

(Внезапно раздается страшный грохотъ. Дверь распахивается; въ нее виденъ красный трепещущій свѣтъ. Вбѣгаетъ Аласко, блѣдный, съ крикомъ ужаса.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Варней и Аласко.

Аласко. О! Бѣда, бѣда! несчастье!

Варней. Аласко, что съ тобой?

Аласко. Проклятіе на насъ!

Варней. Что случилось?

Аласко. Варней! Реторту взорвало... башня разрушена на половину, зàмокъ горитъ!

Варней. Что ты говоришь, негодяй?.. Пожаръ въ замкѣ?

Аласко. Смотри...

(Свѣтъ становится ярче, слышенъ шумъ пожара.)

Варней. Великій Боже!

Аласко. Времени терять нельзя... Огонь все ближе... Бѣжимъ!

Варней. Бѣжимъ.

(Они бросаются къ середней двери. Аласко отворяетъ ее и въ ужасѣ отступаетъ передъ пропастью, зіяющею у порога.)

Аласко. Проклятый! это что за пропасть?

Варней. Тайникъ!

Аласко. Перебраться нѣтъ средствъ! Бѣгство невозможно... спасенья нѣтъ! Тамъ огонь, здѣсь провалъ. Погибли мы, погибли!

Варней. Ты всему виною, отравитель!

Аласко. Во всемъ твоя вина, убійца!

Варней *(показывая въ сторону огня)*. Кто пожаръ надѣлалъ?

Аласко *(показывая на открытый тайникъ)*. Кто открылъ провалъ?

(Тѣмъ временемъ изъ отворенной потайной двери начинаетъ вырываться пламя. Крыша трескается и понемногу разрушается. Сверху башни сыплется огненный дождь. Флиббертиджиббетъ проходитъ черезъ трещину крыши и останавливается на поперечной балкѣ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Варней, Аласко и Флиббертиджиббетъ.

Флиббертиджиббетъ. Варней! Аласко!

Варней *(поднимая голову)*. Кто насъ зоветъ? Голосъ изъ ада?

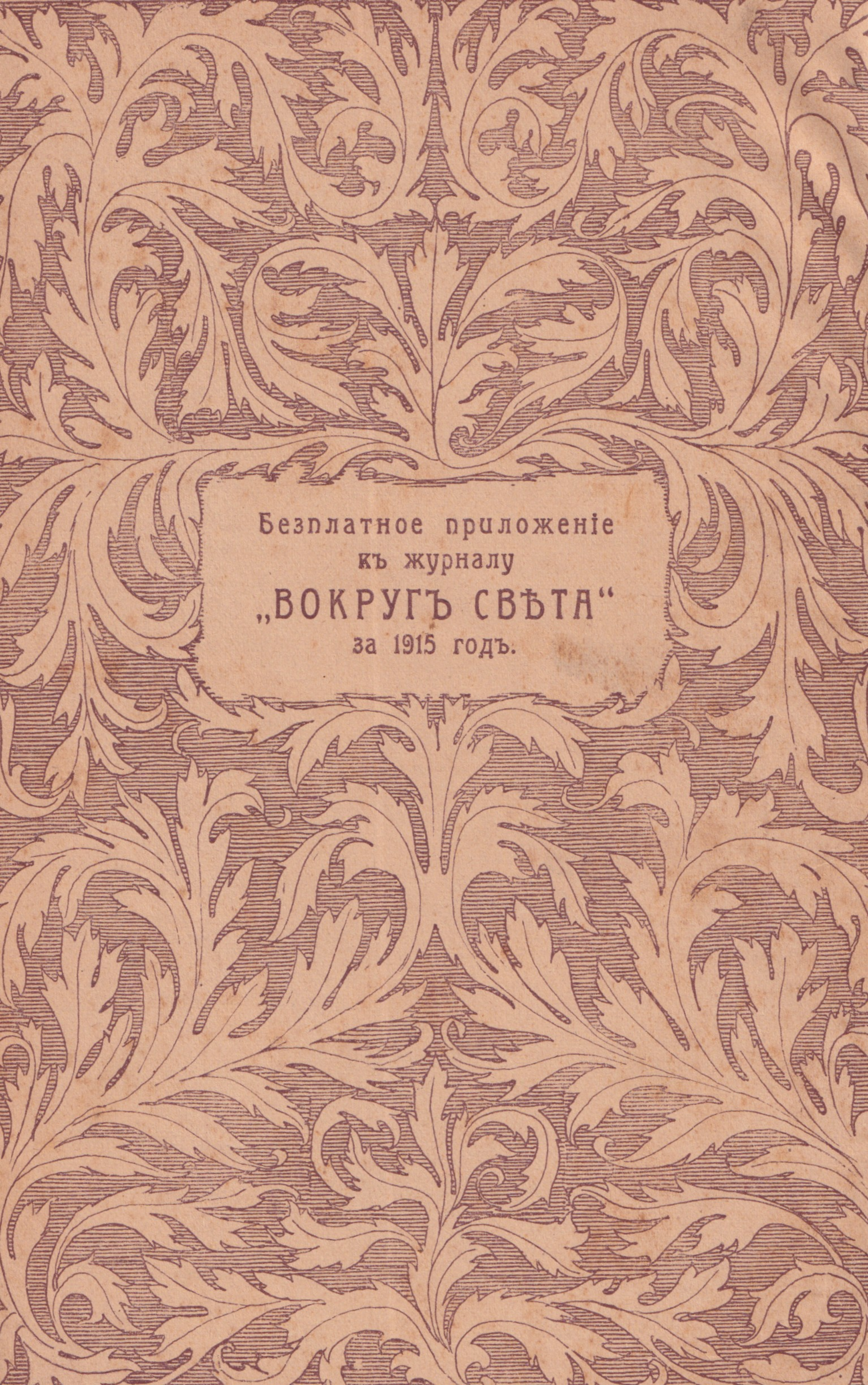
Флиббертиджиббетъ. Адъ еще ждетъ васъ только. Не вините вы другъ друга! Взрывъ реторты устроилъ я. Я васъ караю.

Варней. О, бѣсъ проклятый!

Флиббертиджиббетъ. Бѣсъ мститъ за ангела! Идите въ эту пропасть... Дальше вамъ за нимъ не пойти!

(Онъ исчезаетъ въ трещину крыши, которая разрушается и въ своихъ обломкахъ погребаетъ Варнея и Аласко.)

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

Безплатное приложенiе
къ журналу
„ВОКРУГЪ СВѢТА"
за 1915 годъ.